

**ВЕСТНИК
КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ РАН**

№ 3 / 2015

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2410-7670 (online) ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Рег. номер ПИ № ФС77-49346

№ 3, 2015

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

канд. полит. наук *Н. Г. Очирова*

Заместители главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*,

канд. фил. наук *Б. А. Кичикова*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),

акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р юр. наук *Д. М. Демичев* (Белоруссия),

д-р экон. наук *О. В. Иниаков* (Россия, г. Волгоград), д-р фил. наук *М. И. Магомедов* (Россия, г. Махачкала),

д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург),

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар* (Монголия), д-р фил. наук *Чжао Геджин* (Китай),

д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия), акад. РАО, д-р пед. наук *П. М. Эрдниева* (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),

канд. юр. наук *Л. В. Батиев* (г. Ростов-на-Дону), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),

д-р фил. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р ист. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева* (отв. секретарь),

д-р фил. наук *Т. Г. Басангова*, канд. фил. наук *Е. В. Бембеев*, д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*,

канд. фил. наук *В. В. Куканова*, д-р экон. наук *Э. И. Мантаева*, канд. фил. наук *Д. Н. Музраева*,

д-р соц. наук *А. Н. Овишинов*, канд. фил. наук *Э. У. Омакаева*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,

канд. пед. наук *Б. К. Салаев*, канд. ист. наук *В. П. Санчилов*,

канд. биол. наук *Л. Н. Ташинова* — г. Элиста

Адрес редакции и издателя:

358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8;

тел. (84722) 3–55–06, (84722) 3–55–39; факс (84722) 2–37–84

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Сайт: www.kigiran.com

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963

ISSN 2410-7670 (online) ISSN 2075-7794 (print)

The Journal is registered in the Federal Service for Inspection in Communication, Information Technologies and Mass Communication (Roskomnadzor) on July 1, 2009.

Registration number ПИ № ФС77-49346

№ 3, 2015

Released four times a year

Editor-in-chief:

Ph.D. of Political Science N. Ochirova

Associate editors:

Ph.D. of History E. Bakaeva,

Ph.D. of Philology B. Kichikova

Editorial Council:

Acad. of the RAS G. Matishov (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),

Corr. Member of the RAS S. Arutyunov (Moscow, Russia), Ph.D. of History M. M. Balzer (USA),

Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History N. Bugai (Moscow, Russia), Ph.D. of Jurisprudence D. Demichev (Belarus),

Ph.D. of Economics O. Inshakov (Volgograd, Russia), Ph.D. of Philology M. Magomedov (Makhachkala, Russia),

Ph.D. of History K. Maksimov (Elista, Russia), Ph.D. of History I. Popova (Saint-Petersburg, Russia),

Ph.D. of History Na. Sukhebaatar (Mongolia), Ph.D. of Philology Chao Gedzhin (China),

Ph.D. of History D. Schorkowitz (Germany), Acad. of RAE, Ph.D. of Pedagogy P. Erdniev (Elista, Russia)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS Kx. Amirkhanov (Makhachkala), Corr. Member of the RAS B. Bazarov (Ulan-Ude),

Ph.D. of Jurisprudence L. Batiev (Rostov-on-Don), Ph.D. of History N. Zhukovskaya (Moscow),

Ph.D. of Philology G. Piurbeev (Moscow), Ph.D. of History V. Trepavlov (Moscow)

Ph.D. of History E. Badmaeva (executive secretary),

Ph.D. of Philology T. Basangova, Ph.D. of Philology E. Bembeev, Ph.D. of Philosophy B. Bicheev,

Ph.D. of Philology V. Kukanova, Ph.D. of Economics E. Mantaeva, Ph.D. of Philology D. Muzraeva,

Ph.D. of Sociology A. Ovshinov, Ph.D. of Philology E. Omakeeva, Ph.D. of History U. Ochirov,

Ph.D. of Pedagogy B. Salaev, Ph.D. of History V. Sanchirov,

Ph.D. of Biology L. Tashninova — Elista

The Editorial Board and Publisher's address:

358000 the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilshkin Street, 8

tel.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; fax: (84722) 2-37-84

e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

site: www.kigiran.com

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<i>Ерохина Е. А.</i> Этническое многообразие в генезисе России как государства-цивилизации	8
	<i>Лиджиева И. В.</i> Большедербетовский улус: государственное управление и общественное самоуправление в контексте административно-территориальных преобразований во второй половине XIX в. . .	14
	<i>Максимов К. Н.</i> Калмыки области Войска Донского на рубеже XIX–XX вв.	20
	<i>Очиров У. Б.</i> К вопросу об истории создания прокуратуры Калмыкии в 1922 г.	29
	<i>Бадмаева Е. Н.</i> Проблемы управления в период коллективизации и их отражение в историографии (на материале Калмыкии)	35
	<i>Мучиряева Е. Н.</i> Развитие учета и статистики Калмыкии в предвоенный период (1930-е гг.)	43
	<i>Каменева Н. Г.</i> Роль женских формирований войск ПВО в битвах за Кавказ и Сталинград (1942–1943 гг.)	49
АРХЕОЛОГИЯ	<i>Белоусов С. С.</i> Пятидесятники Калмыкии в годы советской власти	54
	<i>Клышев Е. Е., Кольцов П. М.</i> Мезолитические памятники Западного Казахстана	59
	<i>Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г.</i> Погребение скифского времени с предметами уздечного набора в зверином стиле из могильника Адрыг	64
	<i>Кекеев Э. А., Буратаев Е. Г.</i> База данных археологических коллекций из раскопок курганный группы Восточный Маныч	70
ЭТНОЛОГИЯ / АНТРОПОЛОГИЯ	<i>Бакаева Э. П.</i> К исследованию семантики женского костюма ойратов и калмыков (историографический аспект)	74
	<i>Айыжы Е. В., Чалбак А. В.</i> Обряды и обычаи, связанные с беременностью женщины, у народов Саяно-Алтая (на примере тувинцев и хакасов)	84
	<i>Балинова Н. В.</i> Антропометрическое исследование субэтнических групп калмыков	93
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<i>Рассадин В. И., Трофимова С. М.</i> Тюрко-монгольские названия диких хищных и пушных зверей в монгольских языках	102
	<i>Рассадин В. И.</i> Тюрко-монгольские названия крупного и мелкого рогатого скота в халха-монгольском языке	107
	<i>Омакаева Э. У.</i> Семантическое описание «глаголов направленного движения» в Толковом словаре калмыцкого героического эпоса «Джангар»: <i>ирх</i> ‘приходить’, <i>одх</i> ‘уходить’, <i>орх</i> ‘входить’, <i>нарх</i> ‘выходить’	112
	<i>Бембеев Е. В.</i> «Ранние» тексты на «ясном письме» в Национальном корпусе калмыцкого языка: жанровая характеристика	119
	<i>Лату М. Н.</i> Экстралингвистические факторы терминологической номинации	126

CONTENTS

HISTORY	<i>Erokhina E.</i> Ethnic Diversity in the Genesis of Russia as a State-Civilization	8
	<i>Lidzhieva I.</i> Bolshederbetovsky Ulus: Public Administration and Public Self-Government in the Context of the Administrative and Territorial Transformations in the Second Half of the XIX th Century	14
	<i>Maksimov K.</i> The Kalmyks of the Province of the Don Cossack Host at the Turn of XIX–XX th Centuries	20
	<i>Ochirov U.</i> To the History of Creation of the Public Prosecutor's Office of Kalmykia in 1922	29
	<i>Badmaeva E.</i> Problems of Governance in the Collectivization Period and Their Impact on the Historiography (the Case Study of Kalmykia)	35
	<i>Muchiryaeva E.</i> The Development of Statistics and Accounting in Kalmykia during the Prewar Period (1930s)	43
	<i>Kameneva G.</i> The Role of Women's Military Units of Air Defense Forces in the Battles for Caucasus and Stalingrad (1942–1943)	49
	<i>Belousov S.</i> Pentecostalism in Kalmykia during the Years of Soviet Power	54
ARCHEOLOGY	<i>Klyshev E., Koltsov P.</i> Mesolithic Monuments of the Western Kazakhstan	59
	<i>Ochir-Gorjaeva M., Burataev E.</i> Burial of the Scythian Period with Bridle Set in the Animal Style from the Burial Adryg	64
	<i>Kekeev E., Burataev E.</i> Database of Archeological Collections from the Excavations of the Vostochnyi Manych Barrow Group	70
ETHNOLOGY / ANTHROPOLOGY	<i>Bakaeva E.</i> To the Study of Semantics of the Oirat and Kalmyk Women Costume (historiographical aspect)	74
	<i>Aiyzhy E., Chalbak A.</i> Rituals and Customs Connected with Woman's Pregnancy Among the Peoples of the Sayan-Altai Region (the Case Study of the Tuvans and the Khakass)	84
	<i>Balinova N.</i> Anthropometric Study of Sub-ethnic Groups of the Kalmyks	93
LINGUISTICS	<i>Rassadin V., Trofimova S.</i> Turkic-Mongolian Names of Wild Predatory and Fur-bearing Animals in the Mongolian Languages	102
	<i>Rassadin V.</i> Turkic-Mongolian Names of Neat and Small Cattle in the Khalkha Mongolian Language	107
	<i>Omakeeva E.</i> Semantic Description of Verbs of Directed Movement in Explanatory Dictionary of the Kalmyk Heroic Epos "Jangar": <i>irh</i> 'to come', <i>odh</i> 'to go away', <i>orh</i> 'to enter', <i>gharh</i> 'to go out'	112
	<i>Bembeev E.</i> 'Early' Texts in 'Clear Script' in the National Corpus of the Kalmyk Language: Genre Characteristic	119
	<i>Latu M.</i> Extralinguistic Factors of Terms Coining	126

	<i>Чеджиева Ж. Д.</i> Структурная характеристика фразеологических единиц с компонентом «животное» в английском языке	132
ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<i>Борлыкова Б. Х.</i> О сюжетных типах калмыцких волшебных сказок (репертуар сказителя Санджи Бутаева)	137
	<i>Мирзаева С. В.</i> К вопросу о некоторых сюжетах буддийских джатак из «Дзанлундо» в сказочном фольклоре западномонгольских народов (на материале записей Г. Н. Потанина и Б. Я. Владимирцова) . .	142
	<i>Музраева Д. Н.</i> О гарчаке (оглавлении) рукописи перевода Тугмюдгавджи (О. М. Дорджиева)	148
	<i>Бичеев Б. А.</i> Глава «О пустоте» из ойратского перевода «Сутры золотого света»	155
	<i>Кичикова Б. А.</i> Послание А. С. Пушкина «Калмычке»: аспекты жанрового своеобразия	166
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	<i>Батырева С. Г.</i> Буддийская коллекция музея КИГИ РАН: концепт традиции в междисциплинарном аспекте изучения	174
СОЦИОЛОГИЯ	<i>Шарманджиев Д. А.</i> О состоянии и трансформации института семьи в Российской Федерации и Республике Калмыкии в 1990-е гг. (по архивным материалам)	179
	<i>Намруева Л. В.</i> Сельские территории Республики Калмыкия: социально-демографическая ситуация в 2000-е и 2010-е гг.	186
	<i>Нусхаева Б. Б.</i> Детская смертность в Республике Калмыкия (2002–2013 гг.)	193
ПЕДАГОГИКА	<i>Питкиева Т. И.</i> Коммуникации образования средствами Всероссийской национальной программы «Гимназический союз России» (Из практики образовательных организаций Республики Калмыкия)	200
ЭКОНОМИКА	<i>Черных А. Б.</i> Рынок труда как среда укрепления социальной стабильности	205
РЕЦЕНЗИИ	<i>Максимов К. Н.</i> Рец. на: Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 624 с.	209
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ		216

	<i>Chedzhieva Z.</i> Structural Description of Phraseological Units with Component ‘Animal’ in English Language	132
FOLKLORE & LITERATURE STUDIES	<i>Borlykova B.</i> On the Plot Types of Kalmyk Fairy Tales (Repertoire of the Storyteller Sandzhi Butaev)	137
	<i>Mirzaeva S.</i> To the Issue of Some Plots of Buddhist Jatakas from “Dzanlundo” in Fabulous Folklore of Peoples of Western Mongolia (Based on the Records Made by G. N. Potanin and B. Y. Vladimirtsov) .	142
	<i>Muzraeva D.</i> On the Garchak (List of Contents) of the Manuscript Translation by Tugmyud-gavdzhi (O. M. Dordzhiev)	148
	<i>Bicheev B.</i> The Chapter «About Emptiness» from the Oirat Translation of «The Sutra of Golden Light»	155
	<i>Kichikova B. A. S.</i> Pushkin’s Address “To a Kalmyk Maiden”: Aspects of Genre Originality	166
ART STUDIES	<i>Batyreva S.</i> Buddhist Museum Collection of the KIH RAS: the Concept of Tradition in the Interdisciplinary Aspect of the Study	174
SOCIOLOGY	<i>Sharmandzhiev D.</i> On the State and Transformation of the Family Institution in the Russian Federation and in the Republic of Kalmykia in 1990s (On Archival Materials)	179
	<i>Namrueva L.</i> Rural Areas of the Republic of Kalmykia: the Socio-Demographic Situation in the 2000s and 2010s	186
	<i>Nuskhaeva B.</i> Infant Mortality in the Republic of Kalmykia (2002–2013)	193
PEDAGOGICS	<i>Pitkieva T.</i> Communication Technologies of Education by Means of Communication Facilities of the All-Russian National Program the “Gymnasium Union of Russia” (From the Practice of Educational Organizations of the Republic of Kalmykia)	200
ECONOMICS	<i>Chernykh A.</i> The Labor Market as the Basis for Social Stability	205
REVIEW	<i>Maksimov K. N.</i> Review on: Essays on the history and culture of the Southern Russia Cossacks: collective monograph. Edited by G. G. Matishov, I. O. Tyumentsev; Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Volgograd branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation” – Volgograd, FSBEI HPE “the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation” Publ., 2014. 624 p.	209
SCHOLARLY MATTERS		216

УДК 94
ББК 63.3

ЭТНИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ В ГЕНЕЗИСЕ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ethnic Diversity in the Genesis of Russia as a State-Civilization

Е. А. Ерохина (E. Erokhina)¹

¹кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (Ph.D of Philosophy, Senior Scientist at the Philosophy and Law Institute of SB of the RAS). E-mail: leroh@mail.ru.

Статья посвящена роли этнического многообразия как исторической и геополитической детерминанты становления российской цивилизации и российского государства. Очерчен днепровский сектор Восточно-Европейской равнины как первоначальное ядро формирования древнерусской государственности, общей для России и Украины, дана характеристика восточнославянского типа расселения и управления, конституируется связь между способом культурно-хозяйственного освоения пространства и процессами этногенеза.

Ключевые слова: этническое многообразие, Россия, цивилизация, государство, генезис, геополитика.

The article explores the role of ethnic diversity in the genesis of the Russian civilization. It also notes that the process of the civilization's formation was accompanied by defining the borders of other civilizations. West borders were forming under the influence of economic factors which made Russia a center of world capitalistic superstructure in Western Europe. Southern borders became a center of powerful military and political force made up of Muslim Turkish and Persian civilizations. However, the possibility of expansion to the northeast remained open. The expansion of Slavic people beyond the East European Plain contributed to the formation of Russian ethnicity being separated from the Old-Russian ethnos in the post-Mongol period. By exploring natural, climatic and landscape zones which geographically differed from the East European Plain, the Russian people absorbed previously existing forms of inter-ethnic integration beyond historical center of ethno genesis including social body of Finn and Ugric ethnic groups of forest and taiga zones, Turkic and Mongol people of steppe, circumpolar people of tundra. Northeast Eurasia becomes a geopolitical niche of Russian ethnos and other ethnicities of subcontinental macroregion while southeast becomes a mental region of the Russian civilization. The economic specialization of each of the designated ethnic groups like agriculturists (Eastern Slavic people), farmers (Turkic and Mongol nomadic people as well as Northern ethnic groups) and hunters (Finn and Ugric ethnic groups) aggravated the need of stable interethnic interactions formation. Common history of wars and migration and the need of mutual efforts coordination with the aim to ensure safe development of the communities made it possible to establish common social institutions, including the state as the most influential in the political sense.

Keywords: ethnic diversity, Russia, civilization, the State, genesis, geopolitics.

В современных научных исследованиях роль этнического многообразия в развитии отдельных обществ остается актуальной в теоретическом и практическом отношении проблемой. С разнообразными эффектами влияния данного фактора на социокультурную трансформацию сталкивается в той или иной мере любое общество. Это в полной мере относится к России как полиэтничному обществу и многонациональной цивилизации, что обуславливает необходимость рефлексии исторического опыта и оценки перспектив ее развития.

Принимая во внимание взаимосвязь институциональных структур социальной организации российского социума и сетевых механизмов этнической самоорганизации народов российской цивилизации, следует учесть специфическое качество генезиса России как страны, а именно — ее становление в качестве отдельного общества с системой институтов, включая государство, и в качестве цивилизации в совокупности образующих ее этносов.

Определение России как страны, т. е. в географических терминах, является необходимым элементом геополитического проектирования, без которого трудно представить макроисторическое исследование. В этой связи важной предпосылкой дальнейшей работы оказывается обращение к цивилизационной компаративистике, в том числе и к историческим аспектам сравнительного исследования цивилизаций.

Существует множество точек зрения на природу, генезис, хронологические этапы становления российской цивилизации. Однако, поскольку охватить все сущностные черты российской цивилизации в одном исследовании невозможно, в качестве приоритета была избрана ориентация на существующую модель этнического многообразия с объединяющим русским ядром. Поэтому, разделяя позицию историка В. В. Трепавлова, автора концепта «российская многонациональная цивилизация», постулируем ряд существенных положений, которые определяют и данное исследование [Трепавлов 2003: 5–20]. Во-первых, полиэтничный характер российской цивилизации, корни генезиса которой восходят к Древней Руси. Межэтнический синтез народов древнерусского государства осуществлялся на основе тесного взаимодействия восточнославянских и финно-угорских народов с вкраплениями других этнических компонентов.

Во-вторых, фиксация в качестве нижней хронологической границы существования российской многонациональной цивилизации конца XV в., когда началось широкое и планомерное присоединение к Московскому царству народов и территорий вне пределов Восточно-Европейской равнины. В этот период формируются основания для последующего синтеза народов кочевой цивилизации тюрко-монгольского мира с этносами, входившими в структуру древнерусских государств (восточными славянами и финно-уграми), составлявшими окраину христианской цивилизации средневековья.

Отталкиваясь от геоисторических факторов как основания геополитической динамики, имеет смысл обратиться к анализу исторических и географических детерминант генезиса России как государства-цивилизации, опираясь на традицию использования концептов «геополитическое пространство» (П. Видаль де ля Блаш) или «месторазвитие» (П. Н. Савицкий) [Vidal de La Blache 1889; Савицкий 1995; Моро-Де-фарж 1996]. Наиболее отвечающей задачам такого анализа представляется концепция внутренней геополитики, предложенная М. В. Ильиным. Центральным элементом этой концепции является понятие пространственной конфигурации политической системы.

Истоки ее формирования М. В. Ильин связывает с восточнославянскими традициями расселения (моделью локализации населения) и управления (типом организации власти). Обозревая широтные просторы природных зон Евразии, он выделяет срединную между лесом и степью лесостепную полосу, которая четко делится на сегменты речных бассейнов, расчленяющих ее на горизонтальные и вертикальные последовательности малых и больших пространств. Каждое из них почти ничем не отличается от соседних, но в совокупности они дают необычайное разнообразие ландшафтов.

Еще более пристальный взгляд позволил автору концепции обратить внимание на точечные «оазисы» благоприятных для жизни малых месторазвитий вблизи озер, излучин или слияний рек. На этом фоне выделяется днепровский сектор лесостепи, который уже с VI–VII вв. стал перекрестьем вертикальной днепровской речной магистрали и горизонтально протяженной природно-климатической зоны лесостепи. Этот сектор стал, по мнению М. В. Ильина, куль-

турным очагом и центром консолидации политической общности восточных славян [Ильин 1998].

М. В. Ильин обосновывает свое понимание киевского региона в качестве очага древнерусской культуры ссылками на данные археологических и топонимических исследований, предпринятых Б. А. Рыбаковым и О. Н. Трубачевым. Освоение новых урочищ, сначала более, потом менее благоприятных, шло по принципу перевернутой Т-образной перекладины на пересечении лесостепной полосы и реки. Воспроизведение этой конструкции на дальних окраинах свидетельствует, по мнению М. В. Ильина со ссылкой на О. Н. Трубачева, о значении Киева как источника социокультурной радиации: «...именно приднепровский Киев двинулся в путь и пришел в незапамятные времена в Псковскую и Новгородскую земли, в Верхнее Поволжье, чтобы раствориться там добрым десятком малых — неизвестных и “неперспективных” “киевов”» [Трубачев 2005: 48].

Миграционную тактику продвижения восточных славян по территории М. В. Ильин характеризует как «островную» или очаговую: переселенцы занимали неосвоенные балтами и финно-уграми, по преимуществу рыболовами, охотниками и собирателями, «оазисы» у рек и озер, осваивая волок [Ильин 1998]. Таким образом, еще до начала формирования политий на территории будущей России определился полиэтничный характер населения страны. Несмотря на то, что восточные славяне селились вперемешку с автохтонами, те и другие жили «особе».

По мнению М. В. Ильина, природа внутренней геополитики России связана своим происхождением с двумя структурными механизмами управления, один из которых имел полисное содержание, тогда как другой — деспотическое. Полисный механизм порожден племенной тактикой медленного просачивания восточных славян в пространства лесостепной Евразии. Создание все новых обитаемых «островов» у речных урочищ завершилось образованием племенных «архипелагов», связанных друг с другом сетью не только экономических, но и политических контактов. Возникали союзы племен, а там, где были благоприятные условия, появлялись города, служащие убежищем в условиях войны, а в условиях мира — центрами торговли, административного

и политического влияния. Деспотический же механизм появляется как результат «собирания» «разбежавшихся» в процессе земледельческой экспансии «островов» «вышедшей из себя Руси». Обратное завоевание земель опиралось на экс-политарную дружину великого князя, его войско, которое выступало не только военной, но и политической, дисциплинирующей по отношению к отдельным племенам, силой.

Баланс этих двух начал в политической истории России обусловлен, по мнению М. В. Ильина, «островным» типом восточнославянской колонизации земель, что задавало продуцирование новых ее очагов, а также многовекторный (в пространственном отношении) характер ее развития. Это позволило восточным славянам довольно быстро распространиться по всей территории Восточно-Европейской равнины.

Важно подчеркнуть привлекательность лесостепной зоны для восточнославянской колонизации в концепции М. В. Ильина. В описываемый им древнерусский период, к которому относятся начальные этапы формирования государственности восточнославянских народов, подсечно-огневая хозяйственная практика этих лесных земледельцев была связана с освоением лесной и лесостепной широтных зон Восточной Европы. Подсечно-огневая практика требовала время от времени менять место поселения, что многое объясняет в причинах земледельческой экспансии восточных славян.

Для объяснения же характера связи между населением и пространством Древней Руси М. В. Ильин прибегает к понятию месторазвития. Этот термин был предложен П. Н. Савицким в 1920-х гг. Данным понятием евразийцы обозначали тесную связь между историей какого-либо народа и географической средой его обитания.

«Что же такое есть “месторазвитие”? ... Взаимное приспособление живых существ друг к другу... в тесной связи с внешними географическими условиями создает... свой порядок, свою гармонию, свою устойчивость... Такое широкое общежитие живых существ, взаимно приспособленных друг к другу и к окружающей среде и ее к себе приспособивших, понимается нами под выдвигаемой в этих строках категорией “месторазвития”» [Савицкий 1995: 223].

«Месторазвитие» и его синонимы — «ландшафт» и «географический индивидуум» — в теории П. Н. Савицкого служат для

обозначения связи между людьми, насельниками территории с их историей и культурой, и средой их обитания, включающей минеральные и почвенные ресурсы, растительное и животное царства, природно-климатическую и естественно-географическую специфику.

«...Можно привести целую бездну примеров, которые показали бы всю бесплодность обобщения данных исторического опыта, если не принимать во внимание географических начал, игнорировать принцип порайонности и вообще обусловленности социально-исторических явлений той совокупностью обстоятельств, которую охватываем понятием “месторазвития...” Необходимо умение сразу смотреть на социально-историческую среду и на занятую ею территорию» [Савицкий 1995: 223]. В приведенных из сочинения Савицкого отрывках можно найти положения, без которых не обходится ни одна современная геополитическая теория:

1) о необходимости учета приспособления людей к среде обитания, внешним географическим условиям, задающим устойчивый природно-биологический цикл или ритм их жизни в длительной временной перспективе;

2) о возможности из соединения географии с историей научно обоснованным способом выводить не только особенности культурно-хозяйственных и бытовых ориентаций, но и специфику политического устройства.

При этом в один ландшафт нередко оказываются помещены народы, далеко не родственные по своему этническому происхождению. Это сближает взгляды П. Н. Савицкого с идеями, высказанными П. Видалем де ла Блашем о культурном единстве Франции независимо от этнической принадлежности населения ее регионов. Конституируя культурную и политическую общность народов на основании признака принадлежности к одному месторазвитию, даже если в иных отношениях (расовом, этническом, лингвистическом, конфессиональном) они могут быть далеки друг от друга, оба исследователя, П. Н. Савицкий применительно к России, а П. Видаля де ла Блаш — по отношению к Франции, приходят к выводу о том, что обитаемый ландшафт, или месторазвитие, есть пространство культурной интеграции населения, даже если оно этнически разнородно.

В евразийстве тезис о месторазвитии обосновывал специфику российского мира как отдельного и от судьбы стран Запада (Европы), и от народов юга и востока (Азии). Народы этого мира, восточные славяне, а также тюрки и угро-финны, населявшие с ними общее «месторазвитие», представляют собой многонародную нацию евразийцев, объединяющую разноразличные этносы в единое государство, Россию [Трубецкой 1993: 95]. Эта идея евразийца Н. Трубецкого открывает возможность немеханистического, органицистского, «соборного» (в духе евразийских интерпретаций) подхода к решению проблемы культурной гетерогенности обществ, переживающих переход к модерну. В то же время трудно не заметить отождествления России с Евразией, что делает проблематичным само ее существование как самобытного геополитического субъекта, автономного по отношению к огромному цивилизационному пространству.

Сопоставление позиций П. Н. Савицкого и М. В. Ильина по проблеме месторазвития дает возможность нового прочтения российской геополитики. Оба исследователя сходятся в признании ее отличности от подобных систем в Европе. Рассматривая геополитическую систему России как преемственную по отношению к традициям расселения и управления, принятым у восточных славян, и общую с Украиной, М. В. Ильин проводит различие между древнерусскими и постмонгольскими геополитическими стереотипами восточных славян. По его мнению, определяющими в этой трансформации оказались раскол некогда единого в своих геополитических ориентациях на Киев восточнославянского этнического массива и неоднозначность новых ориентиров восстановления единства. Часть земель сделала выбор в пользу Великого княжества Литовского («запада»), войдя в его состав в качестве периферийных областей, тогда как другая часть — в пользу Великого княжества Московского («востока»), от которого современная Россия восприняла свою государственность [Ильин 1998].

Характеризуя лесостепное месторазвитие восточных славян в древнерусскую эпоху в бассейне Днепра, М. В. Ильин использует прилагательное «срединное» в понимании его промежуточности между двумя широтными зонами: леса и степи. И хотя

никакого специального концептуального наполнения в словах «срединное» и «месторазвитие» у М. В. Ильина не содержится, осведомленного читателя их употребление отсылает к наследию П. Н. Савицкого.

Существенным моментом последующих теоретических реконструкций является конституирующая связь между способом культурно-хозяйственного освоения пространства и процессами этногенеза. В связи с этим на память приходит концепция еще одного нашего современника, позиционировавшего себя как евразийца. Речь идет о Л. Н. Гумилеве. Если абстрагироваться от метафизических оснований теории этнической пассионарности, предложенной им для объяснения процессов этногенеза, и обратиться к идее о связи населения с обитаемым ландшафтом, то некоторые аргументы Л. Н. Гумилева относительно «молодости» русских по сравнению с их более «зрелыми» соседями (например, европейцами или китайцами), предстанут не лишними смысла. Л. Н. Гумилев проводит прямую корреляцию между сменой этнического стереотипа адаптации к ландшафту и изменением этнического самосознания и в связи с этим настаивает на этногенетическом родстве, но нетождественности древних русичей и современных русских [Гумилев 2002].

В самом деле, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в древнерусский период восточные славяне осваивали преимущественно лес и лесостепь. Земли за пределами этих природно-климатических зон восточных славян не интересовали. Все меняется в постмонгольский период, когда восточные славяне, будущие русские, выходят за пределы исторического месторазвития широтных зон леса и лесостепи Восточной Европы. С этого момента начинается новый, российский этап их геополитического существования, связанный с освоением иных зон за ее пределами, в том числе степных (южных) и тундровых (северных) поясов. На наш взгляд, этот этап связан со становлением нового геополитического субъекта, России, и новой, российской цивилизации, выделившейся из христианской средневековой цивилизации, периферией которой оставались Киевская Русь и русские княжества периода феодальной раздробленности вплоть до падения Византии и начала эпохи Великих географических открытий.

В этом свете Россия предстает как самобытная в цивилизационном отношении страна, чьи геополитические традиции восходят к «очаговому» типу расселения восточных славян в IX–XII в. Из этой этнической среды в позднемонгольскую эпоху выделяется русский этнический компонент, в практиках которого сохраняется указанный тип расселения, экстенсивный по преимуществу. В этот период русские, выделившись из состава древнерусской народности, начинают освоение зон, выходящих за пределы традиционной среды обитания на Восточно-Европейской равнине.

Расселяясь за пределы широтных зон леса и лесостепи Восточной Европы, русские делили пространство с финно-угорскими и тюрко-монгольскими этносами. Восточная Европа и Северная Азия стали пространством, общим для развития всех этих народов. С учетом этого обстоятельства внутренняя геополитика России должна исходить из признания многонациональности страны.

В традициях организации управления пространством и населением, по мнению М. В. Ильина, сосуществовали, взаимодействуя, две доминанты. Конфигурация политической системы представляет собой единство двух начал: полисного и деспотического. Их сочетание обусловлено структурой указанной конфигурации, которая характеризуется ориентацией на поддержание «очагов», соединенных между собой неразвитой инфраструктурой коммуникаций. При этом если в развитии «очагов» востребованы полисные, т. е. демократические начала самоорганизации, то для поддержания системы коммуникаций необходимы элементы централизации, которая при определенных условиях тяготеет к авторитаризму [Ильин 1998].

По мере выхода славянского ядра за пределы Восточно-Европейской равнины формируется русский этнос, выделившийся из состава древнерусского этноса в позднемонгольский период. Осваивая природно-климатические и ландшафтные зоны, отличные в географическом отношении от лесостепи Восточно-Европейской равнины, русские апробируют сложившиеся ранее формы межэтнической интеграции за пределами исторического ядра этногенеза, обтекая и просачивая социальное тело финно-угорских народов лесной и таежной

зоны, тюрко-монгольских народов степи, циркумполярных народов тундры. Северо-Восточная Евразия становится геополитической нишей русского этноса, которую он делит с другими народами этого субконтинентального макрорегиона, а северо-восток становится ментальной меткой российской цивилизации.

Хозяйственная специализация каждой из этнокультурных групп как земледельцев (восточные славяне), скотоводов (тюрки и монголы) и охотников (финно-угры) усиливала потребность в формировании устойчивых межэтнических взаимодействий. Общая история войн и миграций, потребность в координации совместных усилий, направленных на обеспечение безопасного развития сообществ, связанных своим этногенезом с Внутренней Евразией, способствовали формированию предпосылок для становления общих социальных институтов, в том числе государства как самого влиятельного политического инструмента социальной организации.

В качестве внешней предпосылки формирования российской многонациональной цивилизации следует считать кризис и последующий распад христианской цивилизации средневековой Европы. Проявлениями этого стали следующие процессы: 1) становление капиталистической миротворческой системы; 2) формирование мировоззренческой квинтэссенции капитализма в виде протестантской этики. Падение Византийской империи под натиском турок-осман и ликвидация восточного полюса христианской цивилизации Средневековья обусловили необходимость выбора новых идей-

ных, понимаемых в эпоху позднего средневековья как исключительно религиозных, ориентиров. После ликвидации ордынского владычества Россия оказалась перед необходимостью выбора развития. Русский Запад тяготел к Польше и, через нее, к еще более дальнему Западу. С падением значения Великого княжества Литовского и прилегающих к нему периферий, киевские, смоленские, брянские земли становились далекой периферией Речи Посполитой. Русский же Восток сделал свой выбор в пользу идеологической версии Третьего Рима. Этим выбором было предопределено формирование русского централизованного государства, объединенного идеей единой христианской монархии, или «Третьего Рима». Это способствовало оформлению нового ядра с центром в Москве и новых периферий: Поволжья, Урала, Сибири, области казачьего войска [Ильин 1998].

Использование элементов геополитического анализа в исследовании генезиса России как государства-цивилизации позволяет территориально очертить ареал становления российской цивилизации. Если западные пределы ее расширения оказались ограничены экономическими факторами, обусловившими превращение России в периферию мировой капиталистической суперструктуры с центром в Западной Европе, то южные — сугубо военно-политическими, так как ее соседями являлись влиятельные империи исламского мира, Персия и Турция. Однако открытой оставалась возможность расширения государства и цивилизации на север и восток.

Литература

- Гумилев Л. Н. От Руси к России: очерки этнической истории. М.: ДиДик, 1994. 553 с.
Ильин М. В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–94.
Моро-Дефарж Ф. Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 148 с.
Савицкий П. Н. Географический обзор России — Евразии // Мир России — Евразия: Антология / сост. Новиова Л. И., Сиземская И. Н. М.: Высш. шк., 1995. С. 219–232.
Трепавлов В. В. Введение // Российская много-

национальная цивилизация: единство и противоречия // под ред. В. В. Трепавлова. М.: Наука, 2005. С. 5–20

- Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. 3-е изд. М.: Ихтиос, 2005. 227 с.
Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М.: Наука, 1993. С. 90–99.
Vidal de La Blache P. États et nations de l'Europe autour de la France. Paris: Delagrave, 1889. 568 p.

References

- Gumilev L. N. [From Rus' to Russia: Essays on Ethnic History]. Moscow: DiDik, 1994. 553 p. (In Russ.)
Ilyin M. V. Internal geopolitics of Russia and Ukraine: stages of formation. *Polis*. 1998. No 3. Pp. 82–94. (In Russ.)
Moreau Defarges Ph. [Introduction to Geopolitics]. Moscow: Konkord, 1996. 148 p. (In Russ.)
Savitsky P. N. Russia — Eurasia: geographic review. In: [Universe of Russia — Eurasia: Anthology]. Noviova L. I., Sizemskaya I. N. (comps.). Moscow: Vysshaya Shkola, 1995. Pp. 219–232. (In Russ.)

- Trepavlov V. V. Introduction. In: [Multinational Civilization of Russia: Unity and Controversies]. V. V. Trepavlov (ed.). Moscow: Nauka, 2005. Pp. 5–20. (In Russ.)
Trubachev O. N. [In Search of Unity: a Philological Insight into the Historical Beginnings of Rus']. 3rd ed. Moscow: Ikhtios, 2005. 227 p. (In Russ.)
Trubetskoy N. S. Pan-Eurasian nationalism. In: [Russia between Europe and Asia: the Temptation of Eurasianism. Anthology]. Moscow: Nauka, 1993. Pp. 90–99. (In Russ.)
Vidal de La Blache P. [European States and Peoples Surrounding France]. Paris: Delagrave, 1889. 568 p. (In French)

**БОЛЬШЕДЕРБЕТОВСКИЙ УЛУС: ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ
И ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

**Bolshederbetovsky Ulus: Public Administration and Public Self-Government
in the Context of the Administrative and Territorial Transformations
in the Second Half of the XIXth Century**

И. В. Лиджиева (I. Lidzhieva)¹

¹кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Senior Scientist of the History and Archeology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: irina-lg@yandex.ru.

В статье на основе различных источников рассматривается система государственного управления и общественного самоуправления в Большедербетовском улусе в контексте административно-территориальных преобразований во второй половине XIX в. Автор приходит к выводу о том, что передача земель калмыцких кочевий южной долины Маныча в административное подчинение ставропольским властям привела к ликвидации, по существу, двойного управления данной территорией.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, Большедербетовский улус, административно-территориальные преобразования, вторая половина XIX в., Ставропольская губерния, Астраханская губерния, государственное управление, общественное самоуправление.

The article considers the system of public administration and public self-government in the Bolshederbetovsky ulus in the context of administrative-territorial transformations during the second half of the XIXth century. Territorially, the Bolshederbetovsky ulus and a separate part of the Maloderbetovsky ulus belonged to the Stavropol province, but administratively they submitted to the Astrakhan provincial administration. This fact contributed to a collision between the two provincial governing bodies and generated a need of carrying out administrative-territorial reform which affected the system of public administration of the Bolshederbetovsky ulus, and, to some extent, public self-government as well. Land disputes of the nomadic peoples in the first half of the XIXth century in the territory of the Astrakhan and Stavropol provinces didn't find any solution. It is necessary to assume that these circumstances were dictated by the deficiency of lands in the Stavropol province. On the other hand, the solution of a question in favor of one people would immediately infringe on interests of the other people living in the province. Administrative-territorial transformations of the second half of the XIXth century led to land losses which resulted in changing the ethnocultural situation in the considered area. Since Kalmyks had lost their numerical superiority in a separate part of the Maloderbetovsky ulus in the first half of the XIXth century, Turkmen gained the dominance in this region and gradually forced out Kalmyks over Manych. Due to this fact, the government was driven to a decision to turn over a part of the Kalmyk lands to the Turkmen nomads. It should be noted that despite the fact that the Bolshederbetovsky ulus began to submit to the other province, the former control system kept on functioning without any significant changes. The author comes to the conclusion that the transfer of lands of Kalmyk nomad area of the southern valley of Manych in the administrative subordination to the Stavropol authorities led to the elimination of dual control of this territory.

Keywords: Kalmyk steppe, Bolshederbetovsky ulus, administrative-territorial transformations, second half of the nineteenth century, Stavropol province, Astrakhan province, state administration, public self-government.

Преамбула Высочайше утвержденного «Положения об управлении калмыцким на-
родом», принятого 24 ноября 1834 г. и рас-
публикованного 28 декабря 1835 г., гласит:
«... Мы Повелели: собрав на месте точней-

шие о всех их нуждах сведения, предначер-
тать сообразный с оными и с состоянием их
понятий и нравов, новый порядок управ-
ления» [ПСЗ РИ. Т. X. 1836]. В соответ-
ствии с данным документом, для управле-

ния Калмыцкой степью взамен введенного Правилами для управления Калмыцкого народа» от 10 марта 1825 г. института приставства был введен институт попечительства, состоявший в ведомстве Министерства внутренних дел. Попечительство над калмыками было поручено Управляющему Астраханскою Палатою Государственных имуществ, которому присваивалось звание Главного Попечителя калмыцкого народа. Это совмещение было связано с тем, что кочевья калмыков в Астраханской губернии и Кавказской области относились к казенным землям, надзор за которыми осуществляла Астраханская палата государственных имуществ. В связи с этим, согласно положению 1847 г., Калмыцкая степь была передана в ведомство I департамента Министерства государственных имуществ.

В соответствии с Высочайше утвержденным Положением об управлении калмыцким народом от 24 ноября 1834 г., калмыцкий народ в административно-территориальном отношении был разделен на семь улусов: Багацохуровский, Эркетенровский, Хошоутовский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыковский и Харахусовский.

Большедербетовский улус и отдельная часть Малодербетовского улуса в территориальном отношении входили в ведомство Ставропольской губернии, а в административном отношении подчинялись астраханскому губернскому начальству. Указанная коллизия стала предметом столкновения двух губернских руководств и породила необходимость проведения административно-территориальной реформы, которая повлияла и на систему государственного управления Большедербетовским улусом и в незначительной степени затронула общественное самоуправление. В ходе исследования степного Предкавказья к данной проблеме обращались ряд авторов [Бентковский 1879; Львовский 1894; Дуброва 1998; Бурдуков 1898; Фарфоровский 1912; Максимов 2002; Белоусов 2012].

Процесс законодательного оформления территории кочевания калмыков проходил в несколько этапов в течение XIX столетия. Так, на основании Высочайшего Указа от 27 сентября 1800 г., Сенату было поручено отвести во владения все земли калмыкам, кочующим в Астраханской губернии, на которых кочевали их предки до ухода за границу.

В ходе исполнения Указа оказалось, что границы земель, где прежде кочевали кал-

мыки, не получили законодательного закрепления за последними. По мнению бывшего астраханского военного губернатора генерал-майора К. Ф. Кнорринга, которое было представлено Сенату, ни калмыки не знают всех тех мест, где кочевали их предки, ни губернское управление не имеет точных данных о территории кочевки калмыцкого народа. В связи с этим Сенат обратился по данному вопросу в Коллегию иностранных дел. Из представленных ею сведений было установлено, что «... калмыки занимали земли от Саратова до Астрахани и Кавказских гор, и от реки Яика, что ныне Урал, до Дона, по всем почти рекам, на пространстве сем протекающим, по мочагам и по другим урочищам. ... но в действительности отведенных им в собственность мест они не имеют, почему и бывают иногда принуждены, по разным встречающимся обстоятельствам, перебиваться с одного места на другое» [Доклад 1806: 52–53]. Кроме того, на этих землях без разрешения правительства в разное время поселились государственные и частновладельческие крестьяне.

В связи с этим, согласно Высочайшему указу от 28 апреля 1802 г., Сенату было предписано отвести калмыкам необходимую для кочевки территорию от Царицына до Каспийского моря, а назначение земель было возложено на астраханского губернатора Дмитрия Васильевича Тенишева и саратовского — Василия Сергеевича Ланского, а также Пристава калмыцкого народа, коллежского советника Н. И. Страхова. Между тем указом от 11 марта 1801 г. «киргиз-кайсацкому владельцу Букею было дозволено кочевать с народом, ему подвластным, между Уралом и Волгою» [Указ 1806: 64]. Данное обстоятельство вызвало затруднения в ходе разграничения земель между двумя кочующими народами. С целью разрешения сложившейся ситуации астраханскому военному губернатору, генералу от инфантерии князю Павлу Дмитриевичу Цицианову было передано распоряжение собрать точные сведения о численности кочующих народов и их потребностях в территориях кочевий.

На основании сведений, собранных генерал-майором Дмитрием Иринарховичем Завалишиным, было принято положение от 19 мая 1806 г. «Об отводе земель калмыкам и другим народам, кочующим в губерниях Астраханской, Кавказской и части Саратовской» [Указ 1806: 63–88]. Данный документ, определявший юридический статус и территорию калмыцких кочевий на Нижней

Волге и степном Предкавказье, состоял из 46 статей, разделенных на шесть глав. Глава I «О местах и границах, назначенных для кочевья калмыков весною, летом и осенью» определяла территорию кочевий. К югу от устья Волги граница калмыцких земель была установлена по берегу Каспийского моря, по нижнему течению р. Кумы до деревни Владимировка, далее по речке Мокрая Буйвола, правому притоку Большого Егорлыка, по рекам Малой и Большой Кегультам. От устья Большого Егорлыка граница делала небольшой поворот по Манычу на восток и затем, вдоль восточных пределов Войска Донского, подходила к земельным наделам селений Цаца, Большие Чапурники [Указ 1806: 65]. В статье 7 Положения значилось, что «Сверх пространства земли всем калмыкам вообще назначенного, дозволяется Дербетовскому улусу по многочисленности его иметь кочевье и за Манычем по реке Калаусу до Большого Егорлыка» [Указ 1806: 73].

Статья 14 главы II «О зимовке калмыков» определяла прогоны для водопоев и предусматривала установление межевых знаков. Согласно статье 20 главы III «Об отношениях калмыков по смежности земель их с казаками, казенными поселянами и помещичьими крестьянами», татарам предоставлялось право кочевать за калмыками. Для реализации Положения, в соответствии со статьей 41 главы IV, учреждалась «особенная временная Комиссия гражданского губернатора».

Но, несмотря на законодательное оформление административно-территориальных границ и ознакомление с последними представителей всех заинтересованных в урегулировании вопроса о земельных претензиях сторон, как показывают материалы, отложившиеся в фондах Национального архива Республики Калмыкия, он оставался и далее требующим детального разрешения. Так, 3 мая 1832 г. владелец Большедербетовского улуса капитан Очир Хапчуков обращался к астраханскому военному губернатору, генерал-майору Василию Гавриловичу Пяткину с «просьбой принять действенные меры к охранению сего улуса от набегов черкесов и прочих народов» [НА РК. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 2]. В письме говорилось: «По имениному его Императорского Величества повелению пожалованным и утвержденным моему улусу землям первоначальное размежевание последовало в 1815 г. без всяких со стороны какого-либо споров и окончено в 1829 г., план на оные составлялся с 1825 г.

и окончившие в 1829 г. по представлению на утверждение Правительствующего Сената выдал мне каковые земли от прочих отделены были нам особенно, из числа сих земель Кавказская комиссия самовольно отрезала две части и наделила оными состоящих в Ставропольском ведомстве Джистанова, Джембулукова рода ногайцев, которые водворяясь на упомянутые земли причиняют нам стеснение и не взирая на выставляемые караульные пикеты производят воровства и грабежи» [НА РК. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 2].

По данному письму 13 августа 1832 г. было проведено заседание Комиссии калмыцких дел, где было отмечено, что астраханские губернские власти неоднократно обращались к Начальнику Кавказской области «о принятии мер к ограждению калмыков от хищнических набегов со стороны горских народов» [НА РК. Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 7–10].

24 октября 1832 г. Общее Управление Кавказской области уведомило Главного пристава калмыцкого народа о том, что «жалоба калмыцкого владельца Очира Хапчукова передана на рассмотрение г. Министра внутренних дел», но «ответа еще не последовало» [НА РК. Ф. И. 2. Оп. 1. Д. 125. Л. 13]. Как отмечал С. В. Фарфоровский, «астраханское начальство вследствие отдаленности этой степи, а также по причине столкновений со ставропольским управлением, было бессильно решить распри калмыков с магометанами» [Фарфоровский 1912: 200].

Таким образом, земельные споры кочующих народов на территории Астраханской и Ставропольской губерний не были окончательно разрешены. Следует предположить, что данные обстоятельства были продиктованы дефицитом земель в Ставропольской губернии и решение вопроса в пользу одних затрагивало бы интересы других народов проживающих в губернии.

21 октября 1859 г. «Государь Император признавая необходимым для прекращения споров и недоразумений, возникающих между Астраханским и Ставропольским губернским начальством по заведыванию калмыками и магометанскими народами кочующих на землях как Астраханской, так и Ставропольской губерний» издал указ, согласно которому «Калмыцкую степь в Ставропольской губернии с кочующими на оной калмыками Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского улуса с их управлениями подчинить Главному приставу магометанских народов

кочующих в Ставропольской губернии, и затем ему Главному приставу именоваться Главным Приставом кочующих народов в Ставропольской губернии» [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 9–10]. Кроме того, этим же указом была изменена административная граница между Ставропольской и Астраханской губерниями, в частности, она была сдвинута в пользу Ставропольской губернии с нижнего течения р. Кумы на ее правый проток — р. Гайдук.

Таким образом, калмыцкие земли Ставропольской губернии были изъяты из ведения астраханских властей и переданы под управление ставропольских. В их юрисдикцию отошли 872 377 дес. 1 900 саж. земли Большедербетовского улуса, 1 102 797 млн дес. 450 саж. отдельной части Малодербетовского улуса и участок земли между р. Гайдуком и р. Кумой в количестве 266 666 дес. 1 600 саж. — всего 2 241 841 млн дес. 1 550 саж. Калмыцкой земли [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 206. Л. 5 (об.)].

Калмыкам, кочевавшим на территории отдельной части Малодербетовского улуса, было предоставлено право выбора — остаться в подчинении ставропольских властей или перейти к своим сородичам, проживавшим в Астраханской губернии. Как показывают архивные материалы, процесс перехода калмыков отдельной части Малодербетовского улуса затянулся на длительное время, что вызвало необходимость Приставу кочующих народов Ставропольской губернии дать указание заведующему отдельной частью Малодербетовского улуса о «принятии самых строгих мер к высылке калмыков (кочующих на территории отдельной части Малодербетовского улуса и принявших решение об откочевке к сородичам в пределы Астраханской губернии. — *И. Л.*) за границу, отделяющую Ставропольскую от Астраханской губернии» [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 2. Д. 206. Л. 91]. Но, как утверждает получатель данного письма, в июне 1861 г. упомянутые калмыки не могли перекочевать на земли Астраханской губернии в связи с болезнью скота, поэтому они «просят дозволения оставаться в пределах губернии до его поправления» [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 2. Д. 206. Л. 97]. Так как сведения о численности калмыков, проживавших в городах, селах и казачьих станицах, отсутствовали, заведующий отдельной частью Малодербетовского улуса Иван Гаглазин предлагал собрать информацию путем циркулярных указаний о составлении именных списков

калмыков через Ставропольские губернские власти. Согласно его предложениям, далее необходимо было установить, «в каком ведомстве они желали бы остаться», — если в Астраханском, то следовало бы получить от «тамошнего начальства установленных билетов на заработки».

В письме от 27 июля 1861 г. Главный Пристав кочующих народов в Ставропольской губернии сообщает заведующему И. Гаглазину, что поступают жалобы от туркмен на калмыков, «оставшихся без правительственного и народного надзора». В связи с этим было дано указание об организации скорейшего перехода калмыков из Ставропольской в Астраханскую губернию. В этих целях следовало: 1) собрать по 30–50 кибиток калмыков в одном месте, недалеко от Маныча, и назначить ответственного, без ведома которого отлучаться и кочевать произвольно было нельзя; 2) в случае удаления на расстояние 10 верст привлекать к юридической ответственности [НА РК. Ф. И. 9. Оп. 2. Д. 206. Л. 107].

Переход земель Большедербетовского и отдельной части Малодербетовского улусов в административное подчинение Ставропольской губернии сопровождался официальной перепиской между губернскими властями, вызванной проблемами, возникшими на месте в ходе реализации Высочайшего повеления от 8 марта 1860 г. Так, у Астраханской Палаты государственных имуществ возникли вопросы относительно сборов и доходов, полученных с земель, переданных в ведомство Ставропольской губернии: должны ли участвовать нойоны-владельцы в выборе Ламы калмыцкого народа, а также в подчинение какой губернии должен перейти помощник попечителя Малодербетовского улуса [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 121. 76–81].

Данная ситуация была разрешена инструктивным письмом министра государственных имуществ от 19 января 1861 г. за № 1386, в котором было отмечено, что в ходе административного переподчинения Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского «правительство не имело в виду преобразований в быте и самом образе управления этим народом, особенно в отношении религиозном». Соответственно, Ламе калмыцкого народа подчиняются все хурулы и священнослужители, в том числе Большедербетовского улуса, количественные данные о которых представлены в таблице 1.

Таблица 1.

*Ведомость о числе хурулов и духовенства в Большедербетовском улусе
[НА РК. Ф. И. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 54–55]*

Название улусов	Хурулов		При них духовенства			
	Больших	Малых	Гелюнгов	Гецулей	Манджиков	Итого
Большедербетовский улус	2	3	50	34	35	119

В связи с малочисленностью калмыков, кочевавших в отдельной части Малодербетовского улуса (234 кибитки), и переходом данной территории в распоряжение Главного Пристава магометанских народов упраздняется прежнее его название, а по-

мощник попечителя Малодербетовского улуса переходит в ведомство Астраханской губернии. Количественные и демографические характеристики населения, проживавшего на передаваемой территории, отражены в таблице 2.

Таблица 2.

*Ведомость о народонаселении в передаваемых в ведение Ставропольского начальства улуса Большедербетовского и Отдельной части Малодербетовского улуса
[НА РК. Ф. И. 9. Оп. 4. Д. 121. Л. 52–53]*

В каких улусах	Владельцев управляющих улусами и членов их семей		Владельцев мелкопоместных и членов их семей		Аймачных зайсангов и членов их семей		Зайсангов безаймачных и их семейств		Число кибиток простолюдинов
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
В Большедербетовском улусе	12	10	1	2	53	55	15	17	1204
В Отдельной части Малодербетовского улуса					2	4	2	4	234
Итого:	12	10	1	2	55	59	17	21	1438

В финансовом отношении между губерниями должен быть произведен расчет по денежным сборам и за оброчные статьи Большедербетовского и отдельной части Малодербетовского улуса.

Таким образом, с 1860 г. калмыки Большедербетовского улуса в составе 11 родов, 18 аймаков, 50 хотонов [Административно-территориальное 2008: 257] стали подчиняться Главному Приставу кочующих народов Ставропольской губернии. Для управления улусом было учреждено улусное управление, ставка которого до 1875 г. находилась в урочище Дудаки, а затем была переведена в с. Ивановское Медвежинского уезда.

Стремление российской администрации учитывать сложившуюся правовую систему местных традиций и обычаев при введении Калмыцкой степи под юрисдикцию имперского законодательства проявлялось в поддержке института самоуправления, который основывался на родовых связях и нормах обычного права. «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г.

закрепило правовое положение различных социальных групп населения с целью ускорить их вхождение в социальную структуру российского общества. Кроме того, данное Положение на законодательном уровне впервые закрепило основы местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов, формируемых на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения. Указанная правовая норма может расцениваться как социальный лифт, позволяющий простолюдинам, имеющим авторитет в обществе, занять престижный статус [Батыров, Лиджиева, Оконова 2014: 28].

По приведенным Н. Львовским данным, в 1861 г. Большедербетовский улус занимал площадь 872 323 кв. десятины 1 000 кв. сажен, но со временем территория сократилась, поскольку из калмыцких степей выделили земли другим кочующим народам. Так, в 1863 г. площадь улуса составляла 589 000 десятин, в 1872 г. — 373 161, а к 1892 г. сократилась втрое от первоначальной

— до 289 835 десятин [Львовский 1894: 8–9, 18, 19, 21]. Между тем в отчетах Большедербетовского улусного управления за 1861 и 1865 гг. указывается, что площадь улуса неизвестна [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 42. Л. 35 об; Ф. 249. Оп. 2. Д. 2502. Л. 113 об.].

В 1865 г. население улуса уже подразделялось на 13 родов, 6 аймаков, управляемых родовыми зайсангами, 4 аймака, управляемых опекунами, 8 аймаков, не имевших родовых зайсангов, и 51 хотон [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 2502. Л. 116].

По данным Н. Львовского, на карте Ставропольской губернии за 1886 г. границами Большедербетовского улуса служили: на севере — озеро Маныч и земли области Войска Донского; на западе — р. Большой Егорлык с русскими селениями Новоманычским, Баранниковым, Красной Поляной, Журавским; на юге — правый приток Большого Егорлыка Большой Гок и села Рассыпное, Бурукшун, Большая и Малая Джалга; на востоке — реки Яшалтинская балка, Заха — Джама, села Яшалта, Хагинское и Гахинское [Львовский 1894: 28].

Таким образом, передача земель калмыцких кочевий южной долины Маныча в административное подчинение ставропольским властям привела к ликвидации,

по существу, двойного управления данной территорией. Принимая решение в пользу Ставропольской губернии, правительство исходило из административных соображений: передаваемые земли были ближе к Ставрополю, чем к Астрахани. В результате административно-территориальных преобразований 1860 г. калмыки утратили значительную часть своих земель, отведенных им по императорскому указу 1806 г. Земельные потери, которые понесли калмыки, являлись следствием изменения этнокультурной обстановки в рассматриваемом районе. В первой половине XIX в. калмыки утратили свое численное превосходство в отдельной части Малодербетовского улуса, соответственно, доминирующим населением в данном регионе стали туркмены, постепенно вытеснившие калмыков за Маныч. На наш взгляд, данное обстоятельство, несомненно, сыграло ключевую роль при решении правительством вопроса о передаче части калмыцких земель в пользование туркмен-кочевников. Следует отметить, что, несмотря на переход Большедербетовского улуса в ведомственное подчинение другой губернии, с незначительными изменениями была сохранена прежняя система управления.

Источники

Государственный архив Ставропольского края (ГА СК)
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ)

Литература

Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII в. по 1920 год. Справочник. Комитет Ставропольского края по делам архивов; Государственный архив Ставропольского края. Под ред. Е. И. Домова, В. В. Белоконов, Г. А. Никитенко. Ставрополь, 2008. 400 с.
Батыров В. В., Лиджиева И. В., Оконова Л. В. Сословная структура калмыцкого общества в контексте государственной политики Российской империи XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4. С. 26–30.
Белусов С. С. Административно-территориальные преобразования в степном Предкавказье в 1860 г. // Былые годы. 2012. № 1 (23). С. 24–28.
Бентковский И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние // Ставропольские губернские ведомости. 1879. № 32. 34–35.

Sources

[Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. (In Russ.)
National Archive of the Republic of Kalmykia.
State Archive of Stavropol Krai.

References

[Administrative-and-Territorial Division of Stavropol Province: Late 18th to 1920. Reference Book]. Stavropol Krai Committee for Archival Affairs, State Archive of Stavropol Krai. E. I. Domov et al. (eds.). Stavropol, 2008. 400 p. (In Russ.)
Batyrov V. V., Lidzhieva I. V., Okonova L. V. The estate structure of the Kalmyk society in the context of the state policy of the Russian Empire in the XIX century. *Izvestiya of Altai State University*. 2014. No. 4. Pp. 26–30. (In Russ.)
Belousov S. S. Administrative-territorial transformations within steppe pre-Caucasian region in 1860. *Bylye Gody*. 2012. No. 1 (23). Pp. 24–28. (In Russ.)
Bentkovsky I. V. Our nomads and their economic conditions. *Stavropol'skie gubernskie ведомости*. 1879. No. 32. Pp. 34–35. (In Russ.)
Burdukov N. F. [Report (Submitted) to His Excellence Minister of Agriculture and Government Property by Special Duty Officer N. Burdukov on the Trip to Bolshederbetovsky District in the

Бурдуков Н. Ф. Доклад его Превосходительству господину министру земледелия и государственных имуществ чиновника особых поручений Н. Бурдукова по командировке в Большедербетовский улус осенью 1898 г. СПб.: тип. кн. В. П. Мещерского, 1898. 126 с.
Доклад о назначении калмыкам и другим кочующим народам в губерниях Астраханской и Кавказской земель и о распоряжениях, к тому относящихся // Санктпетербургский журнал. Май. 1806 г. № 8. С. 48–66.
Дуброва Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 181 с.
Лебединский А. А. Большедербетовский улус во второй половине XIX в. // Калмыцкая область, 1925. № 2. С. 109–123.
Львовский Н. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии. Казань, 1894. 96 с.
Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 426 с.
Указ Правительствующему Сенату // Санктпетербургский журнал. 1806 г. № 10. СПб.: «Медиц. тип.», 1806. 135 с.
Фарфоровский С. В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. Ставрополь: Тип. Губ. правления, 1912. 42 с.

Autumn of 1898]. St. Petersburg: V. Meshchersky, 1898. 126 p. (In Russ.)
Decree to the Governing Senate. *Sanktpeterburgskiy zhurnal*. 1806. No. 10. 135 p. (In Russ.)
Dubrova Ya. P. [Kalmyks of Stavropol Governorate: (Sketches of) Everyday Life]. Elista: KalmykBook Publ., 1998. 181 p. (In Russ.)
Farforovsky S. V. [Public Education among Kalmyks of Bolshederbetovsky District: a Perspective from Their Everyday Life and History]. Stavropol: Governorate Executive Office, 1912. 42 p. (In Russ.)
Lebedinsky A. A. Bolshederbetovsky District in the mid-to-late 19th century. *Kalmytskaya oblast'*. 1925. No. 2. Pp. 109–123. (In Russ.)
Lvovsky N. [Stavropol Governorate: Kalmyks of Bolshederbetovsky District]. Kazan, 1894. 96 p. (In Russ.)
Maksimov K. N. Kalmykia in Russia's Past and Present National Policies and Administrative System. Moscow: Nauka, 2002. 426 p. (In Russ.)
Report on appointments (of authorized officers) to the Kalmyks and other populations nomadizing across lands of Astrakhan and Caucasus Governorates supplemented with respective edicts. *Sanktpeterburgskiy zhurnal*. 1806. May. No. 8. Pp. 48–66. (In Russ.)

КАЛМЫКИ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

The Kalmyks of the Province of the Don Cossack Host at the Turn of XIX–XXth Centuries

К. Н. Максимов (*K. Maksimov*)¹

¹доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Professor, Head of History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье рассматриваются вопросы экономического и социального положения калмыков в Сальском округе и его калмыцких станицах на рубеже XIX–XX веков, накануне драматических событий в мире и России.

Ключевые слова: Область Войска Донского, казаки, калмыки, станица, население, скотоводство, земледелие, образование, буддисты, православные.

On the eve of the XX century one of the fastest growing districts of the Don Cossack Host province appeared to be Salskiy district which was rather young in comparison with others. It consisted of 12 villages, including 9 Kalmyk villages with a population of nearly 30 thousand people, i.e. about 50% of the district's population. Kalmyks living in the district complied with corresponding Cossacks rights and obligations. The majority professed Buddhism and a small part – Orthodoxy. Despite diverse ethnic environment and changes in social status Kalmyks preserved their self-identity.

The basis of the economic well-being of Kalmyks of Salskiy district who switched to a steady economic still was livestock breeding, mainly horse breeding. The Kalmyk people were actively developing farming as well. Kalmyk children also went to schools and colleges of stanitsas (villages inside a Cossack Host).

Keywords: the province of the Don Cossack Host, the Cossacks, Kalmyks, stanitsa (large Cossack village), population, pastoralism, agriculture, education, Buddhists, Orthodox.

В начале XX века калмыки, вместе с донскими казаками принявшие участие в Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войнах, оказались в бифуркационном состоянии и были втянуты в социальные революции, одна из которых повернула ход исторического развития России на путь невиданного социального эксперимента по ускоренному строительству государства нового типа. Население области Войска Донского в 1901 г. составляло 2 686 696 человек, из них 1 383 230 мужчин, 1 303 466 женщин, в казачье сословие входило 1 150 499 человек (57 744 мужчины, 57 305 женщин). В Сальском округе проживало 64 777 человек, из них 33 313 мужчин, 31 464 женщины. В области Войска Донского в это время числилось 30 368 калмыков, из них 15 466 мужчин, 14 902 женщины.

Все калмыцкое население Дона относилось к казачьему сословию и в 1891 г. в

гражданско-бытовом устройстве, правовом отношении было приравнено к казакам. По свидетельству секретаря Донской духовной консистории С. Павловского, калмыки в начале XX века на Дону жили уже оседло, и дома их были построены по образцу русских (саманных) построек. По вероисповеданию калмыки являлись ламаистами (буддистами), за исключением около 1200 человек, принявших православие. Религиозную службу среди калмыков несли 129 освобожденных от воинской повинности духовных лиц в 13 хурулах. Главным ламой-бакшой донских калмыков в это время служил Менке Бакарович Барманжинов из Денисовской станицы, избранный на эту должность в 1902 г. и по согласованию с войсковым наказным атаманом, генерал-лейтенантом К. К. Максимовичем, назначенный императором Николаем II. Он возглавлял буддийское духовенство донских калмыков до

1919 г. После него должность бакши занимал Шургучи Нимгирович Нимгиров, который умер на Лемносе в 1921 г. Денисовская станица выделялась из остальных своим благоустройством и наличием учебных заведений, деревянных и каменных домов. В ней действовали 6 хуторских училищ, в том числе одно женское [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 525. Л. 58–58 об., 66; Донские епархиальные ведомости. 1911: 1005–1007].

В 1900 г. среди калмыков было заключено 199 браков между лицами моложе 20 лет: мужчин — 123, девушек — 145. В том же году родилось 449 мальчиков (из них казачьего сословия 445, солдатского — 4), родилась 441 девочка (435 казачьего

сословия, 6 солдатского). Большая смертность наблюдалась среди детей в возрасте от 1 до 5–6 лет, среди 675 умерших в 1900 году дети составили 33,2 % (224 ребенка). Естественный прирост калмыцкого населения на Дону в том году составил 215 человек [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 494. Л. 44–45, 146, 191].

Основным видом экономики калмыков-казаков, хотя уже 10–15 % хозяйств занималось хлебопашеством, по-прежнему являлось скотоводство. В 9 калмыцких станицах Сальского округа занимались разведением лошадей, крупного рогатого скота, овец, верблюдов. В 1900 г. скотоводство характеризовалось следующими данными.

	Атаманская	Великокняжеская	Власовская	Габбевская	Денисовская
Лошади казаков рабочие	1125	810	364	897	1408
табунные	225	120	311	1504	—
строевые	141	125	100	97	—
Не казаков	156	100	527	120	3278
Волю	5066	1800	3282	2262	3439
Коровы	4204	1445	4420	5303	3407
Мелкий рог. скот	8410	1820	5828	8527	7458
Овцы: простые	32249	3000	25012	38812	18773
тонкорунные	600	—	19820	—	31210
Козы	3148	100	1691	1373	138
Свиньи	990	275	753	241	2195
Верблюды	51	125	13	67	47
Всего	56365	97297200	62121	59203	71353

	Иловайская	Кутейниковская	Платовская	Потаповская	Всего в 9 станциях
Лошади казаков рабочие	191	741	530	214	6280
табунные	220	653	420	169	3622
строевые	80	427	220	45	1235
Не казаков	605	871	1078	3102	9837
Волю	3501	3416	3042	1731	27539
Коровы	1650	4615	3863	2423	31830
Мелкий рог. скот	1630	6490	4441	4081	48685
Овцы: простые	13140	8464	28240	6466	174156
Тонкорунные	35200	16103	7240	10985	121158
Козы	430	594	128	480	8082
Свиньи	520	1321	1894	310	8499
Верблюды	10	23	63	33	432
Всего	57177	43718	51159	30039	440855

Помимо этого, в Сальском округе имелись: волости Манычско-Грузовская и Нижне-Серебряковская, две полицейско-административные единицы — 1-й Заседательский и 5-й Заседательский участки, располагавшие значительным количеством скота. На территории двух участков (войсковые земли) находились табуны крупных коннозаводчиков, которые имели 57 619 лошадей [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 494. Л. 215–215 об.]. Донские калмыки стали активно приобщаться и к земледелию. Они сеяли в основном пшеницу, рожь, ячмень, некоторые семьи занимались огородничеством, садоводством.

Сальский округ относился к одному из экономически развитых округов области. По поступлению доходов в бюджет Дона по Сальскому округу (487 651 руб. 20 коп.) в среднем на душу мужского населения войскового сословия приходилось в 1905 г. 24 руб. 80 коп. (самое высокое), за ним следовал Таганрогский округ (16 руб. 91 коп.). В среднем в области этот показатель равнялся всего 4 руб. 76 коп. Поступление в бюджет от калмыцкого населения взамен хлебных запасов в том же году составило 5 214 руб. 18 коп. [ГА РО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 3412. Л. 5 об., 15–16].

В связи с ростом населения и развитием экономики в начале века в Сальском округе произошли изменения в административно-территориальном устройстве. Территория 12 станиц округа составляла 575 462 дес., из них 545 588 дес. удобных земель, 29 874 дес. неудобных. На душу мужского населения Сальского округа приходилось 33,75 дес., в среднем в области — 12,48 дес.

В 1906 г. на юртовых землях (33 672 дес.) хутора Батлаевского станицы Денисовской образовалась станица Батлаевская со своим хурулом и с населением 2 682 человека, из них православных — 1 329 (687 мужчин, 642 женщины), ламаистов — 1 653 (724 мужчины, 629 женщин). Первым станичным атаманом Батлаевской станицы был избран казак Урубжур Кутушов.

В следующем году из Кутейниковской станицы выделилась станица Ново-Алексеевская (юридическое оформление состоялось в 1905 г.) с земельной площадью 46432

дес., население которой в 1907 г. составляло 7 493 человека, из них православных — 4 941 (2 585 мужчин, 2 356 женщин), ламаистов — 2552 (1 294 мужчины, 1 258 женщин). В станице имелся 1 хурул. Первым станицу возглавил избранный станичный атаман урядник Иван Абушинов.

Почти одновременно на базе хутора Чоносковского (земельная площадь 34 436 дес.) станицы Власовской появилась станица Чоносковская (станичный атаман урядник Бембе Манжиков) с населением 2 454 человека, из них православных — 588 (311 мужчин, 277 женщин), ламаистов — 1866 (955 мужчин, 911 женщин), религиозные потребности которых обслуживал 1 хурул.

Таким образом, в 1907 г. Сальский округ в административно-территориальном отношении состоял из 12 станиц и 5 волостей с общим населением 81 229 человек (38 568 войскового сословия, 42 661 невойскового), в том числе 29 982 калмыка (15 597 мужчин, 14 385 женщин). А всего на Дону проживало 31 889 калмыков (16 351 мужчина, 15 538 женщин), из них 30 482 калмыка по вероисповеданию являлись буддистами, 1 407 (4,42 %) калмыков — православными [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 603. Л. 307, 337; Ф. 46. Оп. 1. Д. 3412. Л. 8; Сборник 1914: 6].

В 10 из 12 станиц Сальского округа, за исключением Атаманской и Великокняжеской, проживало 29 982 ламаиста (буддиста) и 756 калмыков, принявших христианство. Калмыцкие станицы с хуторами занимали земельную площадь, равную 575 462 дес., в том числе удобных земель — 545 588 дес. На каждого калмыка-казака приходилось 33,75 десятин, а в пай калмыку-казaku выделялись только 15 десятин, которые он не имел право сдавать в аренду. Продать их он мог сородичу-богачу, русскому торговцу якобы за долги или под товар. Перекупщик купленные по 2–3 руб. за десятину паевые земли уже мог сдать в аренду русским поселенцам значительно дороже (10–12 руб.).

Распределение населения станиц Сальского округа в 1907 г. по вероисповеданию представлено в следующем виде [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 603. Л. 295–308, 337].

Станицы	Православные		Ламаисты		Хурулов
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Атаманская	2187	2155	—	—	—
Батлаевская	687	642	724	629	1
Великокняжеская	2167	2113	—	—	—
Власовская	912	733	1594	1136	1
Граббевская	1018	850	3119	2947	3
Денисовская	1123	1128	2234	2054	1
Иловайская	1232	1174	1197	1169	1
Кутейниковская	1095	1008	1126	1073	1
Ново-Алексеевская	2585	2356	1294	1258	1
Платовская	1189	1143	2070	2056	2
Потаповская	686	649	963	912	3
Чоносовская	311	277	955	911	1
Волости: Манычско-Грузская	1045	1105	—	—	
Серебряковская	2112	2087	—	—	—
Участки: 1-й Заседательский	22	24	—	—	
5-й Заседательский	1551	1256	321	240	
6-й Заседательский	3406	3062	—	—	
Всего:	23328	21762	15597	14385	15

В 1907 г. среди калмыков был заключен 201 брак между лицами моложе 20 лет: 125 мужчин, 131 девушка. В том же году в калмыцких семьях родились 525 мальчиков (из них 521 казачьего сословия, 4 солдатского) и 473 девочки (469 казачьего сословия, 4 солдатского). Одного мальчика православные родители-калмыки крестили. Естественный прирост калмыцкого населения в 1907 г. заметно превысил предыдущие годы и составил 345 человек, а в 1908 году — 324 [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 603. Л. 89, 173, 364].

Экономическое положение калмыцких

станций определялось состоянием животноводства. Общее поголовье скота 12 станиц Сальского округа в 1907 г. насчитывало 413 609 голов, из них 37 066 лошадей, 29186 волов, 39 917 коров, 50 735 мелкого рогатого скота, 98690 овец простой породы, 139 336 тонкорунных, 7 970 коз, 10 147 свиней, 1 162 верблюда. По сравнению с 1900 г. калмыцкие станицы, значительно сократив количество овец простой породы, увеличили поголовье тонкорунных овец, лошадей и крупного рогатого скота. Распределение поголовья домашних животных по станицам по нижеприводимым данным:

	Станицы					
	Атаманская	Велико-княжеская	Власовская	Граббевская	Денисовская	Атаманская
Лошади казаков: рабочие	3671	986	441	456	776	1555
табунные	214	323	132	1162	204	1142
строевые	102	56	48	42	71	135
Лошади не казаков	280	740	904	726	2876	2215
Волы	2989	2078	3984	501	4739	3614
Коровы	3456	1801	4653	956	5347	4858

Мелкий рогатый скот	5678	2267	7674	1803	7263	5250
Овцы простые	20322	1027	16989	2714	15790	—
Овцы тонкорунные	—	—	52002	—	—	16812
Козы	2203	56	1243	106	903	288
Свиньи	1426	1545	726	595	499	332
Верблюды	245	60	85	5	82	37
Всего	40586	10937	88881	9066	33550	36238

	Станицы					
	Ново-Алексеевская	Иловайская	Кутейниковская	Платовская	Потаповская	Чоносовская
Лошади казаков: рабочие	570	538	373	824	411	262
табунные	80	220	292	446	102	60
строевые	75	42	45	198	27	24
Лошади не казаков	1980	850	800	1397	7947	204
Волы	4467	1944	1217	2522	2231	1131
Коровы казаков	3430	2778	1687	4180	3387	2784
Мелкий рогатый скот	4768	2785	2287	3554	5010	2396
Овцы простые	7611	11040	1337	10986	8329	2784
Овцы тонокрунные	4768					2396
Овцы иногород: простые:	7611	11040	1337	10986	8329	2545
Овцы тонокрунные	53045	5600	—	4855	2478	4544
Козы	763	330	188	200	1390	300
Свиньи	1639	506	649	1564	430	236
Верблюды	127	17	162	56	280	6
Всего	78555	26650	9037	30782	32022	14492

Кроме этого, в 5 волостях Сальского округа числилось 321 199 голов скота, в том числе 63062 лошади (рабочие — 3982, табунные — 33 590, строевые — 38, не казаков — 25 452), 22 365 волов, 19 494 коровы, 34 251 мелкий рогатый скот, 46169 овец простой породы, 127 096 тонкорунных. 1668 коз, 6 555 свиней, 539 верблюдов. В 1910 г. в калмыцком коневодстве имелись 32 табуна, где содержались 334 жеребца и 4 698 маток. Полученный в табунном коневодстве приплод до 3-х леток в том году составил 7962 головы [ГА РО. Ф. 353. Д. 603.

Л. 345 об.; Д. 628. Л. 239]. Таким образом, Сальский округ в начале XX века являлся одним из богатых округов области Войска Донского.

Общественное управление в калмыцкой станице, как и в обычной казачьей станице, осуществлялось станичным управлением (сбор — сход, атаман, правление, суд). В станичном сборе обязательное участие принимали атаман, его помощники, хуторские атаманы, судьи, казначей, казаки-домовладельцы. На решение сбора выносились важнейшие вопросы экономического характе-

ра, общественной жизни, несения воинской службы. На сборе избирались станичный атаман (исполнительная и административная власть), помощник (помощники) атамана, доверенные, почетные судьи, должностные лица общественного станичного управления. Избранные станичный атаман и почетные судьи утверждались в должностях войсковым наказным атаманом, остальные — окружным атаманом.

В состав станичного правления входили: станичный атаман и его помощник (помощники), казначей, доверенные. Станичный суд (в каждой станице) состоял из станичных судей и почетных судей суда, который создавался на две станицы. Станичный суд разрешал в основном вопросы по спорам и тяжбам имущественного характера, а также по маловажным проступкам [Кострюков 1907: 8–9].

В результате столыпинской реформы и улучшения агротехнологии сельское хозяйство и промышленность России накануне войны получили заметное развитие. В 1913 г. общий сбор зерновых хлебов в России составил 5 637 млн пудов, превысив среднегодовой сбор предыдущих лет (1908–1912 гг.) на 1 082 млн пудов, а вывоз хлебов достиг 647,8 млн пудов против 548,4 млн пудов в 1912 г. Однако средняя урожайность зерновых культур в России была ниже, чем в Германии в 2,4 раза, Австрии — 1,6 раза, Венгрии — 1,5 раза [Россия 2008: 67, 91].

По количеству домашнего скота в начале XX в. Россия занимала одно из пер-

вых мест в ряде государств Европы и Америки. Но в развитии животноводства стала появляться тенденция к спаду. В течение трех предвоенных лет (1911–1913 гг.) поголовье домашнего скота России уменьшилось на 9,7 % и составило 173,4 млн голов, в том числе 32 835 963 лошади. В 1913 г. на 100 жителей сельского населения России приходилось: лошадей — 23 (в Донской области — 32), крупного рогатого скота — 35 (в Донской области — 71,5), овец и коз — 51 (в Донской области — 65), свиней — 10 (в Донской области — 18,5) [Россия 2008: 69; Россия 1925: 22; Отчет 1915: 48–49].

В улусах Калмыцкой степи в 1913 г. числилось: лошадей — 70 627 (на 100 жителей приходилось 45), крупного рогатого скота — 164 536 (на 100 жителей — 115), овец и коз — 709 470 (на 100 жителей — 497,1), верблюдов — 20 989 (на 100 жителей — 14,7). А в калмыцких станицах области Войска Донского казачье население имело 20 535 лошадей (на 100 жителей приходилось 65,2), из них рабочих — 13 816, табунных — 5 603, строевых — 1 116, крупного рогатого скота — 46 530 голов (на 100 жителей — 150), мелкого рогатого скота — 28 671 (на 100 жителей — 91), 80 031 овец и коз (на 100 жителей — 254), 1 897 верблюдов (на 100 жителей — 6), 11 789 свиней (на 100 жителей — 37) [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 336]. Наличие скота в станицах Сальского округа представлено в нижеприводимой таблице.

	Станицы							
	Атаман- ская	Батлаев- ская	Беляев- ская	Буруль- ская	Велико- княжеская	Власов- ская	Грabbеев- ская	Денисов- ская
Лошади казаков: рабочие	3115	425	190	130	1431	448	688	1740
табунные	389	1586	56	74	368	172	38	1290
строевые	220	44	22	28	77	10	12	158
Лошади иностранод: рабочие	134	689	289	263	720	700	216	1734
табунные	—	—	—	—	—	—	—	400
Волы казаков	4658	1068	136	290	852	1040	1146	2780
иностранодних	339	436	200	587	748	1700	317	1404
Мелкий рогатый скот: казаков	3543	1347	462	805	1479	1800	2362	4707
иностранодних	168	189	286	865	844	2800	453	1209

Овцы казаков простые	14134	1958	1367	1086	1564	8000	8221	7890
Овцы тонкорунные	—	—	—	—	—	—	—	280
Овцы иногород: простые:	2216	382	694	2131	—	2100	869	—
Овцы тонкорунные	—	—	—	5328	—	28000	—	17128
Козы	3097	46	303	369	127	515	535	331
Свиньи	1160	795	151	301	1353	455	221	919
Верблюды	733	14	155	24	20	57	154	47

	Станицы							
	Иловай- ская	Кутейни- ковская	Ново- Алексеев- ская	Орлов- ская	Платов- ская	Потапов- ская	Чоно- совская	Эркетин- ская
Лошади казаков: рабочие	608	511	554	2019	1139	111	183	124
табунные	320	230	86	247	285	188	171	103
строевые	60	59	68	146	122	11	51	28
Лошади иногород: рабочие	1020	785	2010	1611	1342	99	251	296
табунные	—	—	-	—	—	34	—	—
Волы казаков	1296	802	1224	2315	1372	189	926	845
иногородних	1193	690	3525	818	662	164	669	398
Коровы казаков	2227	1080	2199	1553	1985	441	1097	428
иногородних	716	574	2110	998	756	122	313	231
Мелкий рогатый скот: казаков	3247	1639	1795	1402	1678	509	1493	213
иногородних	726	945	3288	611	926	183	327	302
Овцы казаков простые	3744	1051	1855	4061	4308	1300	1926	2285
Овцы тонкорунные	880	3	—	—	5940	—	—	—
Овцы иногород: простые:	1160	1933	5448	1552	2204	429	609	304
Овцы тонкорунные	206	1085	7840	—	830	—	5930	—
Козы	312	263	1001	688	917	277	168	110
Свиньи	564	434	1859	1950	742	62	355	141
Верблюды	33	111	126	179	37	131	30	47

Помимо этого, в 3 волостях и 3 заседательских участках Сальского округа казаки имели 56 927 лошадей, из них 47 916 табунных, 17 167 волов, 13 182 коровы, 27 815 мелкого рогатого скота, 55 283 овец простой породы; иногородние — 9 980 лоша-

дей (9 465 табунные), 1 425 волов, 1769 коров, 3 465 мелкого рогатого скота, 800 овец простой породы. Значительное количество скота было сосредоточено у крупных калмыцких коннозаводчиков и овцеводов. Например, в станице Денисовской владельца-

ми скота являлись братья Борманджиновы, Тепкины, Басановы, Пуковы; во Власовской станице — Бакбушевы, Сельдиновы; в Батлаевской — Шавелькины, Ташниновы; в Иловайской — Шургучинов, Соломкин; в Граббевской — Тюльтиновы; в Ново-Алексеевской — Захаровы Цебек и Эренджен, Бембетовы Басан и Бадма, Дамбинов Саран, Улинов Наран.

Экономическое состояние калмыков Поволжья и Дона позволяло в случае войны оказывать в значительных размерах помощь армии и продовольствием, и строевыми, обозными лошадьми, верблюдами, а также поставлять сырье животноводства.

Население Российской империи в 1914 г. составляло 165 млн 700 тыс. человек, в том числе 175 606 калмыков (в Калмыцких улусах — 142 691, в области Войска Донского — 32 915, из них 864 православных калмыка) [Россия 2008: 13; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 230]. К этому времени Сальский округ в административно-территориальном отношении представлял 16 станиц, из них 13 калмыцких, в которых проживало 30 547

калмыков (16 027 мужчин и 14 520 женщин), причисленных к казачьему сословию. Население округа составляло 90 183 человека (войсковое сословие — 54 951, из них женщин — 26 406, мужчин — 28 545, в том числе 99 офицеров).

В 1908 и 1910 гг. из Потаповской станицы выделились Эркетинская и Беляевская станицы, в 1910 г. из Граббевской станицы — Бурульская станица. В том же году в округе на арендованных землях была образована Орловская станица. В округ входили крупные хутора: Шарабулуцкий, Потаповский, Каменка, Мартыновка, Нижне-Серебряков, Верхне-Серебряков, Барабанщиков, Садовский, Зундовский, Калмыцкий, Терновский, Пандесальский, Зимовники, а также поселки: Манычско-Грузское, Старо-Манычский, Николаевский. Железная дорога проходила через населенные пункты Гашун, Калмыцкий, Зимовники, Великокняжеская.

Население станиц Сальского округа по вероисповеданию в 1913 г. характеризовалось следующими данными [Россия 2008: 13; ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 230].

Станицы	Ламаисты		Православные		Иной веры		Всего		Хурулы
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Атаманская	—	—	2278	2246	1516	1453	3794	3699	
Батлаевская	727	637	619	600	21	13	1367	1250	1
Беляевская	321	277	267	257	9	9	597	543	1
Бурульская	465	391	399	406	—	—	864	797	1
Великокняжеская	—	—	2932	2529	34	34	2966	2563	—
Власовская	1742	1376	910	750	5	—	2657	2126	1
Граббевская	2918	2560	487	470	26	16	3431	3046	1
Денисовская	2259	2027	1007	1069	607	432	3873	3528	2
Иловайская	1148	1124	1178	1150	—	—	2326	2274	1
Кутейниковская	1155	1064	1090	1014	—	—	2245	2078	1
Ново-Алексеевская	1364	1300	2768	2533	—	—	4132	3833	1
Орловская	—	—	2097	2092	—	—	2097	2092	
Платовская	2148	2115	1730	1652	228	242	4106	4009	2
Потаповская	228	187	92	102	13	10	333	299	1
Чоносовская	995	915	259	241	40	41	1294	1197	2
Эркетинская	434	354	366	348	—	—	800	702	2
Всего	15904	14327	18479	17460	2499	2250	36882	34037	17

Помимо станиц, в Сальском округе имелись земли 5 заседательских участков с населением 3 620 человек, в том числе 325 ламаистов (227 мужчин, 98 женщин) и 3295 православных (1 799 мужчин, 1 496 женщин). В Сальском округе в 1913 г. проживал 30 231 ламаист, в 1914 г. — 31 309 (муж-

чин — 16 544, женщин — 14 765), а всего на Дону в 1913 г. — 31 040, в 1914 г. — 32051 (в том числе: в 1-м Донском округе — 142, 2-м Донском округе — 576, Донецком округе — 24). Принявших православие калмыков в области Войска Донского числилось 864 человека. В 1914 г. в число казачьего

сословия Сальского округа входило 30595 калмыков (16 024 мужчины и 14 571 женщина).

В 17 хурулах (3 каменных здания и 14 деревянных) службу проводили 149 священнослужителей. С 1902 г. глава калмыцкого духовенства стал именоваться официальным титулом «Лама», вместо «Бакша», и назначаться высочайшей властью, т. е. императором. Благодаря настоянию ламы Менько Бакаровича Барманжинова в школах, где учились калмыки, было введено преподавание калмыцкой грамоты, письменности и буддийского вероучения.

Ежегодно заметно увеличивалось число калмыцких учащихся в школе Великокняжеской станицы. В 1912 г. в этой станице для калмыков был открыт доступ в среднее учебное заведение, где обучалось до сотни калмыцких детей.

Накануне войны во всех 13 калмыцких станицах функционировали 13 мужских и 6 женских школ, а также были открыты начальные школы в 14 хуторах. В этих учебных заведениях обучалось до 800–900 уча-

щихся. В них учителями работали калмыки, окончившие курсы в Великокняжеском 4-х-классном городском училище, в старших отделениях преподавали русские учителя. В Новочеркасском реальном училище, гимназии учились дети состоятельных калмыцких семей. В 1906 г. одним из первых юноша из донских калмыков Бадьма Уланов поступил на юридический факультет Петербургского университета, на высшие женские курсы — Данара Уланова.

Если в 1912 г. демографическая ситуация в калмыцких станицах была относительно благополучной (заключено 209 браков, родилось 1 012 детей, умерло 650 человек, из них 203 детей до 10-летнего возраста), то в 1913 г. всего было заключено 156 браков, родилось 870 детей, и показатель смертности несколько не снизился. В 1914 г. в калмыцких улусах в связи с начавшейся войной резко изменилась демографическая ситуация. Родилось всего 843 ребенка, а умерло 884 человека [ГА РО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 674. Л. 81, 163, 226; Д. 712. Л. 1–26; Вольное 1933: 14; Ковыльные 1932: 27; Отчет 1915: 2–5, 8, 62].

Источники

Государственный архив Ростовской области (ГА РО)

Литература

Вольное казачество. 10 июня 1933 г. № 130. Прага.

Донские епархиальные ведомости. 1911. № 36. Ковыльные волны (Цаган овсни дольган). Париж, 1932. 70 с.

Кострюков И. Т. Краткое статистическое обозрение области Войска Донского. Новочеркасск, 1907.

Отчет войскового наказного атамана о состоянии области Войска Донского за 1914 год. (II часть гражданская). Новочеркасск, 1915. 84 с.

Россия в мировой войне 1914–1918 годов (в цифрах). М.: Централ. статист. упр. Отдел военной статистики, 1925. 104 с.

Россия накануне Первой мировой войны (Статистико-документальный справочник). М.: Самотека, 2008. 432 с.

Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. 67 с.

Sources

State Archive of Rostov Oblast.

References

[Don Host Oblast Statistical Committee: Digest]. Vol. 12. Novocherkassk, 1914. 67 p. (In Russ.)

[Report on the Actual State of the Don Host in 1914 (Delivered) by the Host's Ataman. Part 2: 'Civil Affairs']. Novocherkassk, 1915. 84 p. (In Russ.)

[Russia in the World War of 1914–1918: Figures]. Moscow: Central Department of Military

Statistics, 1925. 104 p. (In Russ.)

[Russia on the Eve of WWI: Reference Book of Statistics and Documents]. Moscow: Samoteka, 2008. 432 p. (In Russ.)

Donskie eparkhial'nye vedomosti. 1911. No. 36. (In Russ.)

Kostryukov I. T. [Don Host Oblast: a Brief Statistical Review]. Novocherkassk, 1907. (In Russ.)

Kovyl'nye volny (Tsagan ovsni dol'gan). Paris, 1932. 70 p. (In Russ. and Kalm.)

Vol'noe kazachestvo. 1933, June 10. No. 130. (In Russ.)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПРОКУРАТУРЫ КАЛМЫКИИ В 1922 г. To the History of Creation of the Public Prosecutor's Office of Kalmykia in 1922

У. Б. Очиров (*U. Ochirov*)¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D of History, Leading Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: utash@elista.ru.

Статья посвящена изучению истории создания и становления прокуратуры Калмыцкой автономной области в 1922 г. Используя архивные материалы, автор освещает процесс формирования прокуратуры Калмыкии в рамках судебной реформы 1922 г., раскрывает особенности и специфику ее деятельности, анализирует итоги первого месяца работы. Значительная часть материалов вводится в научный оборот впервые.

Ключевые слова: история Калмыкии, история правоохранительных органов, прокуратура Калмыкии, судебная реформа 1922 г.

The article reviews the history of creation and an establishment of the public prosecutor's office in the territory of Kalmyk Autonomous Region in 1922. In the modern historical studies there is little data on the issue and this fact leads to different misinterpretations.

The first part of the given article shortly describes the Soviet judicial system during Civil War of 1917-1921. It also analyzes its features, weak points and failures caused by the war as well as the reasons which led to the judicial reform in 1922 and contributed to the creation of public prosecution in Kalmyk autonomous region. On the basis of archive material, the most part of which is authentic in respect of the scientific value, the author reveals the features and peculiarities of prosecution activity in the region, analyses the results of the first month of its operation. A special attention is given to the work of prosecutor assistant Dmitry Elnitsky who executed the duties of regional prosecutor and greatly contributed to the formation and complementing the staff.

Despite the fact that Elnitsky executed his duties on previous place of work in revolutionary tribunal he fulfilled faithfully his commitments in Prosecutor's Office.

Unfortunately, officially appointed Prosecutor Ivanov who wasn't aware of the peculiarity of local nomadic way of life, ignored the results and achievements already made and started the implementation of his policy of prosecution which led to the dominance of bureaucracy and loss of an efficiency. Besides, he failed to get in contact with local Soviet Party organization and was given other job appointment as his successor. Only with a new local prosecutor the work of the prosecution office became efficient.

Keywords: history of Kalmyk Republic, history of law-enforcement agencies, Kalmyk public prosecutor's office, judicial reform of 1922.

История правоохранительных органов Калмыкии XX века является одной из наиболее слабо изученных тем современной региональной историографии. История прокуратуры не является исключением. Лишь некоторые аспекты ее деятельности освещены в немногочисленных публикациях [Баляшов 2015; Наранкаева 2003; Они были солдатами 2015], но в целом вся история прокуратуры в республике от момента ее

создания до наших дней остается в значительной степени «terra incognita». «Белым пятном» является и история организации прокуратуры в 1922 г. Отсутствие точной информации по данному вопросу привело к тому, что в публикациях СМИ появляются недостоверные сведения, которые, к сожалению, могут тиражироваться. Например, информационная программа «Вести-Калмыкия» 12 января 2012 г. сообщила, что в

«1922 году, когда образовалась прокуратура Калмыкии, у её истоков стояло 8 человек. И первым прокурором республики стал Галзан Манкиров» [Информационная]. На самом же деле у истоков прокуратуры было 16 человек, включая канцелярских работников, а цифра 8 связана с численностью помощников прокуроров по штату, вакансии которых сразу закрыть не удалось. Г. М. Манкиров среди довоенных прокуроров республики, безусловно, был одним из наиболее авторитетных и известных, и его кандидатура предлагалась КалмЦИК и обкомом на эту должность в 1922 г., но все же первым прокурором Калмыкии он не стал. Нельзя не отдать должное кадровой службе нашей прокуратуры, которая организовала необходимые изыскания и опубликовала на сайте прокуратуры ряд сведений из отчетов начала 1920-х гг. (без указания источников), а также составила список прокуроров Калмыкии, из которого следует, что до Г. М. Манкирова эту должность занимали Н. М. Иванов и А. С. Григорьев [История]. К сожалению, сам процесс организации прокуратуры полностью выявлен не был.

В период Гражданской войны органы прокуратуры, или идентичные им, на территории Калмыкии, как во всей Советской России, отсутствовали. Старые органы правосудия были упразднены полностью со всей имперской системой управления. Взамен, согласно трем Декретам о суде (от 24 ноября 1917 г., 7 марта 1918 г., 20 июля 1918 г.) и «Положению о народном суде РСФСР» (от 30 ноября 1918 г.), была создана новая советская система правосудия, в которой первоначально прокуратуре место не нашлось [СУ РСФСР. 1917 г. № 4. Ст. 50; 1918 г. № 26. Ст. 347; 1918 г. № 52. Ст. 589; 1918 г. № 85. Ст. 889]. В ее основе были судебные органы двух видов: ревтрибунал, созданный «для защиты завоеваний и борьбы с контрреволюционными и др. наиболее опасными для Советского государства преступлениями» [Гражданская 1983: 500], и советский народный суд, который судил все остальные гражданские и уголовные дела. Реально в компетенцию ревтрибуналов входили дела о контрреволюционных преступлениях, спекуляции, крупных должностных преступлениях, дискредитации власти совработниками, злостных дезертирах и др. [СУ РСФСР. 1919 г. № 13. Ст. 132]. При этом судебные органы выполняли ряд функций, ранее входивших

в компетенцию прокуратуры, что приводило к нарушению прав подсудимых. И если в совнарсуде в качестве общественного обвинителя мог выступать любой «неопороченный гражданин», что хотя бы теоретически давало надежду на независимость обвинения, то ревтрибуналы сами формировали следственные комиссии (или надзирали за следствием органов ЧК), выдвигали гособвинителя и судили подследственного. Разумеется, орган, одобрявший результаты следствия по обвинению подследственного или руководивший им, не был заинтересован в оправдании подсудимого, поскольку тем самым дискредитировал себя.

Эти судебные органы не были независимыми от других ветвей власти. Ревтрибуналы формировались местными Советами или их исполкомами, причем Верховный ревтрибунал, являвшийся кассационной инстанцией для региональных и городских трибуналов и судом первой инстанции по наиболее важным делам, функционировал при ВЦИК и был полностью подконтролен ему, вплоть до того, что созывался только по решению ВЦИК. В своей работе члены Верховного ревтрибунала, избираемые сроком на 3 месяца, обязаны были руководствоваться декретами Советской власти, служебными инструкциями наркомата юстиции и *«революционным правосознанием»* [Гражданская 1983: 500]. Совнарсуды комплектовались местными Советами, а роль высшего судебного контроля для них играл наркомат юстиции.

Конечно, руководство советскими органами правосудия осознавало все недостатки этой системы, но объясняло ее сохранение требованиями *«революционного момента»* и условиями Гражданской войны. После ее окончания и подавления крестьянских восстаний 1921 г. внутривластная ситуация в стране стабилизировалась, и в 1922 г. наркомат юстиции при поддержке ВЦИК провел реформу, коренным образом изменившую систему правосудия страны. 28 мая 1922 г. ВЦИК принял «Положение о прокурорском надзоре», согласно которому в составе наркомата юстиции учреждалась Государственная прокуратура, на которую возлагались следующие функции:

– осуществление надзора за законностью действий всех органов власти, хозяйственных учреждений, общественных, частных организаций и частных лиц путем возбуждения уголовного преследования

против виновных и опротестования нарушающих закон постановлений;

- надзор за деятельностью следственных органов дознания, в том числе органов ГПУ¹;

- поддержание обвинения на суде;

- наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражей [СУ РСФСР. 1922 г. № 36. Ст. 424].

Вскоре началась работа на местах, в том числе и в Калмыкии. Летом Верховный трибунал при ВЦИК телеграммой № 25188 предложил Астраханскому губернскому прокурору подобрать кандидата на должность помощника прокурора в ревтрибунале Калмыцкой автономной области из работников трибунала. Ревтрибунал (за подписью зам. начальника Ф. И. Плюнова) предложил кандидатуру Дмитрия Михайловича Ельницкого — члена коллегии ревтрибунала, причем, ввиду того, что областной прокурор к тому времени так и не был назначен, рекомендовал эту же кандидатуру на должность облпрокурора. Однако и. о. прокурора РСФСР Н. В. Крыленко 15 сентября телеграммой за № 718/11555 утвердил Ельницкого лишь в должности пом. прокурора, поручив ему организацию прокуратуры Калмыкии [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2].

Ельницкий, несмотря на то, что продолжал исполнять обязанности члена коллегии Ревтрибунала и даже выступил гособвинителем на одном из процессов, энергично взялся за новую работу. Уже 18 сентября он организовал совещание на базе отдела юстиции КалмЦИК, который должен был быть вскоре расформирован. Участие в нем приняли: представитель КалмЦИК А. Г. Маслов, представитель Калмыцкого обкома У. Л. Лавгаев, члены коллегии отдела юстиции КалмЦИК — Туберозов (зам. заведующего), Миролюбов, Лиджиев; члены президиума Совнарсуда — Свешников, Павлов, Шубин, Грузинцев, члены коллегии Ревтрибунала — Плюнов, Ельницкий и Макаров. На этом совещании был принят ряд решений, самыми важными из которых для будущей прокуратуры являлись следующие.

¹ 16 октября 1922 г. ВЦИК ограничил по ряду вопросов возможности прокурорского надзора за следствием и дознанием органов ГПУ, но в исследуемый период (4-й квартал 1922 г.) Калмыцкая прокуратура надзидала за деятельностью Калмыцкого отдела ГПУ без каких-либо ограничений.

Во-первых, территория Калмыкии разделялась на 6 прокурорских участков: Приволжский (Хошеутовский, Багацохуровский, Калмбазаринский улусы); Яндыко-Мочажный (вместе с Эркетеневским улусом)², Малодербетовский, Манычско-Икицохуровский³, Большедербетовский и Ремонтненский⁴. Функции прокурорского надзора на участке должен был осуществлять специально назначенный помощник прокурора Калмыкии. Также по одному помощнику прокурора предлагалось иметь при Ревтрибунале и Совнарсуде. Таким образом, в штате прокуратуры, определенном этим совещанием (а не решением Москвы), должны были числиться 8 помощников прокурора.

Во-вторых, поскольку помощники прокурора должны были назначаться областным прокурором, а он до сих пор не прибыл, то решили кандидатов «для скорейшей организации Прокуратуры проводить через ЦИК и Обком» на утверждение Прокурора РСФСР [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 5–5об.].

Первыми это решение начал реализовывать отдел юстиции, который подлежал расформированию через 3 недели. Сотрудники отдела подыскивали себе новое место работы, и Ельницкий уже начал комплектовать из них канцелярскую часть прокуратуры. 20 сентября отдел юстиции предложил: зам. заведующего (фактически и. о. зав. отделом) Туберозова на должность помощника прокурора при Совнарсуде и одновременно зам. областного прокурора, члена Президиума Совнарсуда М. П. Павлова на должность второго помощника прокурора Совнарсуда (хотя такая должность совещанием 18 сентября не предусматривалась) с совмещением обязанностей помощника прокурора по Приволжскому участку, помощником прокурора по Яндыко-Мочажному улусу — следователя «онаго уезда» А. Г. Мещерякова. Мещеряков был опытным чиновником, хорошо знавшим этот улус и имевшим авторитет у жителей: при царской власти он был улусным попечителем, при Временном правительстве избирался председателем улус-

² В 1921–1923 гг. Эркетеневский улус входил в состав Яндыко-Мочажного улуса на правах аймака.

³ Харахусовский улус в 1921 г. был ликвидирован, а его территория передана Икицохуровскому улусу.

⁴ В 1923 г. Ремонтненский улус был исключен из состава Калмыцкой области.

ного исполкома, земской улусной управы и улусным атаманом, при Советской власти — председателем улусного Совета [Очиров 2006: 392]. Впрочем, в КалмЦИК эти кандидатуры «зависли», и 3 октября отдел юстиции вновь напомнил о них письмами № 2105 и 2106. 6 октября Ельницкий выдвинул на согласование в КалмЦИК на должность помощника прокурора следователя по важнейшим делам Н. В. Петрова. Также предлагалась кандидатура Ф. И. Плюнова, но против него выступили некоторые ответственные работники КалмЦИК и обкома.

9 октября отдел юстиции КалмЦИК был расформирован, его функции были переданы Прокуратуре и Совнарсуду. С этого дня официально начала работать Калмыцкая прокуратура, и именно эта дата считается днем ее основания. Канцелярскую часть прокуратуры уже укомплектовали, однако к тому времени ни областной прокурор, ни 7 его помощников так и не были назначены, и всю нагрузку по надзору, гособвинению и т. д. нес на себе помощник прокурора Ельницкий, который, помимо всего прочего, продолжал работать в ревтрибунале, так как там заменить его было некому.

21 октября Ельницкий вновь теребит КалмЦИК и обком: *«работа прокуратуры должна развернуться. Этого требует и центр и местные условия, на местах ждут компетентного слова прокуратуры, органы дознания и следствия требуют неусыпного надзора»* [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 37–37]. Он настоятельно требует от КалмЦИК «в срочном порядке» представить хотя бы 3–4 кандидатуры в помощники прокурора, причем обязательно одного при Совнарсуде и двух-трех в уездах, и вынести решение по кандидатуре Петрова. При этом Ельницкий просил выдвигать кандидатов, знакомых с советским судостроительством и судопроизводством и имеющих навык судебной работы [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 37–37об.].

Лишь 31 октября президиум Калмыцкого обкома на заседании № 48 на основании доклада Ельницкого поручил А. Ч. Чапчаеву подобрать кандидатуры на должность помощников прокурора, причем обязательно из калмыков и членов ВКП(б). Одну кандидатуру (чекиста и «обязательного партийного») предложили выдвинуть начальнику Калмыцкого отдела ГПУ В. Л. Саввичу. Впрочем, из-за отсутствия в местных парторганах опытных судебных работников, «вопрос этот не имел дальнейшего движения». Серьезно тормозило работу отсут-

ствие облпрокурора, обладавшего полномочиями для решения многих указанных вопросов. К сожалению, выдвинутая КалмЦИК и обкомом кандидатура Г. М. Манкирова не нашла поддержки в Москве. Следует заметить, что Галзан Манкирович имел большой опыт организационной и руководящей работы: он избирался земским гласным еще до утверждения власти Советов в Калмыкии, со 2-го съезда Советов в Калмыкии постоянно избирался членом КалмЦИК, а в 1921–1922 гг. заменял Арашу Чапчаева (назначенного ответсекретарем Калмобкома) на посту председателя КалмЦИК. Он пользовался авторитетом как в улусах, так и в органах управления, прекрасно знал особенности местного уклада жизни и был бы оптимальной кандидатурой на пост прокурора Калмыкии, что и подтвердили последующие события. Однако 3 ноября приказом № 22 Прокурора РСФСР областным прокурором Калмыкии был назначен бывший заведующий расформированного Пензенского губернского отдела юстиции Николай Михайлович Иванов [Справочник].

Одной из сложнейших проблем в период создания прокуратуры Калмыкии являлась организация системы правосудия в улусах. Широкие пространства, малочисленные и слабообразованные оседлые поселения, кочевой быт большей части населения значительно затрудняли ее работу. Нарследователям в своей работе приходилось делать выезды на 100–200 верст на гужевом транспорте (на лошадях и верблюдах), при этом они не всегда получали оплату для его найма — 10 руб. (вып. 1922 г.) за версту. Распутица могла вообще прервать сообщение с некоторыми участками степи. Положение ухудшали вспыхивающие столкновения с «остатками бандитизма». В результате следователи не успевали прибыть к месту содержания под стражей пойманных бандитов в срок и, согласно ст. 148 Процессуального кодекса, милиционерам надо было выпускать преступников до представления следователю или нарушить закон.

Даже уже сформированная в улусах система совнарсудов во 2-й половине 1922 г. оказалась в состоянии кризиса после того, как наркомат юстиции РСФСР циркуляром № 52 от 22 июня перевел нарсуды и нарследователей на местный бюджет. Однако после трех лет ожесточенной Гражданской войны и катастрофического голода 1921 г. «установить какие-либо сборы с калмыцкого населения на местные нужды не представля-

ется ни какой возможности». В результате имеющие опыт работы на местах нарсудьи, нарследователи и канцелярские работники, не получающие зарплаты, стали просить об увольнении. Объем работы у оставшихся сотрудников возрос многократно. Следователи жаловались, что «нормальное и своевременное следствие невозможно, следственные дела затягиваются на 2–3 года и завершаются смертью обвиняемого или нераскрытия виновных... Следствие из живого дела превращается в обыкновенную переписку» [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 48–49].

2 ноября Ельницкий сообщил Прокурору РСФСР о создании Особой комиссии по борьбе со взяточничеством в составе: Ельницкого (председателя), Свешникова (члена Коллегии Совнарсуда) и Шаваева (члена Коллегии Ревтрибунала). В газетах «Улан хальмг» и «Коммунист» были даны объявления о приеме жалоб на действия органов юстиции и начале работы комиссии, хотя название «по борьбе со взяточничеством» пришлось опустить, «дабы не парализовать действий Комиссии» [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 39].

Несмотря на огромный объем обязанностей Ельницкий в октябре 1922 г. успел рассмотреть 30 дел, 44 постановления следователей и 5 жалоб, выступил гособвинителем по делу о досрочном освобождении Васичева, продолжал заседать в Совнарсуде и Ревтрибунале, пытался надзирать за органами дознания, заслушивая ежедневно сведения о работе милиции и выдавая необходимые указания, провел совещания с начальниками Калмыцких отделов ГПУ и «углрозыска», а также с сотрудниками ГПУ по вопросам применения Процессуального кодекса, осуществлял надзор за законодательной деятельностью КалмЦИК и в двух случаях выдвинул требования об изменении решений: циркуляр ГПУ о порядке ношения и хранения огнестрельного оружия было предписано привести в соответствие с Уголовным кодексом, а постановление КалмЦИК о должностных преступлениях было предписано утвердить во ВЦИК [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 46–49].

Настойчивые требования Ельницкого стали давать результаты. 11 ноября на должность помощника прокурора при Совнарсуде Президиум Совнарсуда Калмыкии выдвинул кандидатуру служащего Облпродкома Александра Митрофановича Волосевича, обладавшего высшим юридическим образованием, имевшего большой стаж

практической работы (он работал судебным следователем при Астраханском окружном суде, председателем Красноярской уголовной следственной комиссии, следователем по важнейшим делам при Астраханском совнарсуде) и хорошо знавшего особенности местного уклада жизни, поскольку в учреждениях Калмыкии он непрерывно работал с 1919 г. 29 ноября (уже в присутствии областного прокурора) на заседании № 51 президиум Калмыцкого обкома выдвинул на утверждение в должности помощника прокурора кандидатуры коммунистов Эренцена Шаваева, Мухару Мунынова (бывшего начальника калмыцкой милиции), Бабакова и беспартийного Федора Плюнова [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 63].

21 ноября Н. М. Иванов вступил в должность областного прокурора. Несмотря на то, что прибывший из Пензы начальник плохо знал специфику местных условий работы, он проигнорировал многие результаты работы предшественника, в том числе и решения совещания от 18 сентября. Иванову явно не хотелось ездить в степи по бездорожью, и он, чтобы приблизить к себе систему прокурорского надзора в улусах, решил ее «модернизировать». Помимо 6 помощников прокурора он создал в улусах еще одну ступень — 3 номерных прокурорских участка, объединявших по два «старых» участка, предложенных на совещании от 18 сентября. В 1-й участок вошли Приволжский и Яндыко-Мочажный «старые» участки, во 2-й — Малодербетовский и Манычско-Икицохуровский, в 3-й — Большедербетовский и Ремонтненский. Во главе номерных участков ставились дополнительные помощники прокурора, причем их камеры (кабинеты) находились в Астрахани, в сотнях километров от районов их ответственности. Над вопросом, как руководители номерных участков должны управлять работой на местах в условиях отсутствия финансов на транспортные расходы и телеграфной связи, новый прокурор явно не задумывался. При этом помощники прокурора — руководители номерных участков, наряду с помощниками прокурора при Совнарсуде и Ревтрибунале считались «губернскими», а помощники прокурора, работавшие на местах, именовались «уездными», и их статус формально был ниже, чем у первых.

Новую схему Иванов, проигнорировав возражения местных чиновников, утвердил приказом № 35 от 30 декабря 1922 г. В соответствии с этим он сформировал новый

штат Калмыцкой областной прокуратуры, в который входили: прокурор, 5 помощников (губернских), 6 помощников (уездных), секретарь с двумя помощниками, счетовод, архивариус, статистик, 3 старших делопроизводителя, 3 машинистки, журналистка, сотрудник по хозяйству, кучер и 3 курьера [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 65]. Как видно, предложенный штат был перегружен секретаршами и курьерами, а в документах «ивановского» периода упоминаются многочисленные «книжки» и «наряды», которые должны были вестись бюрократами всех мастей. В то же время прокуратура структурно состояла из трех отделений: общего надзора, организации обвинения, надзора над следствием и дознанием, также укомплектованных канцелярскими работниками. Логичнее было бы поставить во главе каждого из них помощников прокурора, например, за счет расформирования явно лишней структуры номерных участков, от которой вскоре отказались. Мало того, 11 ноября ВЦИК, завершая судебную реформу 1922 г., принял «Положение о судеустройстве РСФСР», ликвидировавшее ревтрибуналы и формировавшее единую судебную систему на базе совнарсудов [СУ РСФСР. 1922 г. № 69. Ст. 902]. Должность Ельниц-

кого была упразднена, и он получил новое назначение за пределы области. Тем не менее, в штатах Калмыцкой областной прокуратуры продолжало числиться 5 губернских помощников прокурора.

Не смог Иванов и наладить связи с местной советской элитой. На предложение Москвы назначить помощником прокурора бывшего председателя КалмЦИК Манкирова он равнодушно ответил: «Манкиров мне не известен. Назначайте по своему усмотрению» [НА РК. Ф. 14. Оп. 1. Д. 15. Л. 58]. Неудивительно, что почти через 5 месяцев (30 марта 1923 г.) его заменили на Александра Степановича Григорьева — бывшего прокурора Царицынской губернии. Однако новый «варяг» прослужил в этой должности недолго и через 3 с лишним месяца был переведен в Череповец. Только тогда областным прокурором назначили Галзана Манкирова, занимавшего эту должность почти 6 лет. Под его руководством завершился процесс становления прокуратуры Калмыкии, была развернута система прокурорского надзора в районах (причем на базе улусов, а не искусственно сконструированных участков), осуществлен перевод прокуратуры в новую столицу Калмыкии — г. Элисту.

Источники

- Информационная программа «Вести-Калмыкия» от 12 января 2012 г., выпуск 14.00. [Электронный ресурс] // URL: <http://vesti-kalmykia.ru/society/2000-rabotnik-prokuratury-ne-professiya-a-prizvanie.html> (дата обращения: 2.7.2015 г.).
- Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1942. 1483 с. (СУ РСФСР. 1917–1918 гг.).
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1943. 886 с. (СУ РСФСР. 1919 г.).
- Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. М.: Упр. делами Совнаркома СССР, 1950. 1932 с. (СУ РСФСР. 1922 г.).

Литература

- Баляшов Д. К. Прокуратура Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Вклад регионов и народов Юга России в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Мат-лы Всерос. науч. конф. (Элиста, 24–25

апреля 2015 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2015. С. 203–206.

Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1983. 702 с.

История // Прокуратура Республики Калмыкия [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kalmprok.ru/history> (дата обращения: 2.7.2015 г.).

Наранкаева К. В. Формирование основ деятельности прокуратуры и суда Калмыцкой автономной области (1928–1930 гг.) // Российское законодательство XXI века: проблемы теории и практики применения. Мат-лы 48-й науч.-практ. конф.: «Университетская наука – региону» (Ставрополь, 11 апреля 2003 г.). Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. С. 184–187.

Они были солдатами. Прокуроры на войне / сост. Б. Дженгуров. М.: Редакционно-издат. дом «Рос. писатель», 2015. 92 с.

Очилов У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. [Электронный ресурс] // URL: http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/09798.asp (дата обращения: 2.7.2015 г.).

Sources

- [Collected Legislative Enactments and Decrees the Government: 1917–1918]. Moscow: Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1942. 1483 p. (In Russ.)
- [Collected Legislative Enactments and Decrees the Government: 1919]. Moscow: Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1943. 886 p. (In Russ.)
- [Collected Legislative Enactments and Decrees the Government: 1922]. Moscow: Council of People's Commissars of the Soviet Union, 1950. 1932 p. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Vesti-Kalmykiya* (news program) of 12 January 2012, 2 p.m. newscast. Available at: <http://vestikalmykia.ru/society/2000-rabotnik-prokuratury-ne-professiya-a-prizvanie.html> (accessed: July 2, 2015). (In Russ.)

References

- [Allied Intervention in the Russian Civil War: Encyclopedia]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. 702 p. (In Russ.)
- [Communist Party of the Soviet Union: Historical Reference Book, 1898–1991]. Available at: [http://www.knowbysight.info/1_](http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/09798.asp)

[RSFSR/09798.asp](http://www.knowbysight.info/1_RSFSR/09798.asp) (accessed: July 2, 2015). (In Russ.)

[They Were Soldiers: Prosecutors at War]. B. Dzhenгуров (comp.). Moscow: Rossiyskiy Pisatel, 2015. 92 p. (In Russ.)

Balyashov D. K. Public prosecution in Kalmykia during the Great Patriotic War. In: [Great Patriotic War of 1941–1945: Impact of South Russian Regions into the Victory]. Conf. proc. (Elista; April, 24–25, 2015). Elista: Kalmyk State University, 2015. Pp. 203–206. (In Russ.)

History.At:Public Prosecution Office of the Republic of Kalmykia. Website. Available at: <http://www.kalmprok.ru/history> (accessed: July 2, 2015). (In Russ.)

Narankaeva K. V. Public prosecution and judiciary authorities of Kalmyk Autonomous Oblast: laying the foundations of work (1928–1930). In: [Russian Legislation in the 21st Century: Problems of Theory and Practice]. Conf. proc. ('University Science to Regions'). (Stavropol; April 11, 2003). Stavropol: Stavropol'servisshkola, 2003. Pp. 184–187. (In Russ.)

Ochirov U. B. [Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920]. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ (на материале Калмыкии)

Problems of Governance in the Collectivization Period and Their Impact on the Historiography (the Case Study of Kalmykia)

Бадмаева Е. Н. (*E. Badmaeva*)¹

¹заместитель директора Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук, доктор исторических наук (Ph. D. of History, Deputy Director at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

В статье рассматриваются организационно-управленческие решения советского государства и движение колхозного строительства в Калмыкии в 1920–1930 гг. и их отражение в историографии коллективизации.

Ключевые слова: органы управления, народное хозяйство, Калмыкия, экономика, коллективизация, историография

The article is aimed to analyze the organizational, legal and administrative decisions of the central authorities of the Soviet State and methods of their implementation on the territory of a certain region of the country as well as their impact on the historiography of the collectivization process during its years. The sources used for the analysis were based on the historiographical works published in the Soviet and post-Soviet periods written by the historians of the national republics, who discovered the regional and national specifics of socio-economic transformations in rural areas in 1928–1940.

As a result of the research the author gives her own interpretation of the collectivization process in the autonomous Republic of Kalmykia. During that period, agriculture and peasantry of Kalmykia were evolving in line with socio-economic and political processes taking place in the country and they were not ready to move to a collective farming due to the lack of both economic and socio-psychological prerequisites. The «Continuous collectivization» of the national autonomy was not conceived as a voluntary and mass influx of peasants into collective farms. It was imposed on the peasantry from above, and for its implementation the government took various administrative decisions, used different methods, mainly, tight administrative control of agriculture. Despite the efficiency of individual farm labor, farms were completely eradicated and their owners were expelled from their homes or sent to prison. The collective farms were seen as the only feasible way for the agricultural recovery and improvement of peasants' lives. Dispossession of kulaks, arm-twisting, administrative pressure became the most important constituent parts of the process of collectivization. Thus, the author concludes that the agrarian transformation of 1930s in the Kalmyk Autonomous Region was an act of forced collectivization and dekulakization. And the only alternative to the forced collectivization could be the intensification of market relations in agriculture by supporting small rural producers and providing them with greater autonomy, as well as introducing the elements of commodity-money relations, self-sufficiency etc. under the condition of a gradual, voluntary, industrial co-operation of the owners.

Keywords: the governing bodies, the national economy, the Kalmykia, economy, collectivization, historiography.

История советского общества и государства является предметом острых политических и научных дискуссий в современной российской и зарубежной историографии. Одним из наиболее дискутируемых периодов в отечественной истории является период нэпа и коллективизации. Все это делает

актуальным объективное изучение аграрных преобразований 1920–1930-х гг., повлиявших (и до сих пор оказывающих влияние) на весь ход развития страны. Важным аспектом исследования развития сельского хозяйства в указанный период является анализ организационно-правовых и управлен-

ческих решений центральной власти и методов, форм их реализации на территории отдельных регионов страны. Думается, что основательное исследование данной проблемы невозможно без глубокого изучения историографии вопроса в отечественной и зарубежной исторической науке, в том числе работ историков национальных республик и автономных образований, раскрывших региональную и национальную специфику социально-экономических преобразований на селе в 1928–1940 гг. В частности, материалом для данной работы послужила историография Калмыкии соответствующего периода.

В середине 1920-х гг. вопрос о стратегической линии развития сельского хозяйства страны стал предметом острых споров как в самом большевистском руководстве, так и в научно-аграрном сообществе. В ходе многочисленных дискуссий высказывались самые различные мнения, но в конце концов, под нажимом Сталина в СССР был взят партийно-государственный «курс на коллективизацию», стала претворяться в жизнь модель принудительного кооперирования. Власть поставила перед научными кругами и прессой задачу информационной и идеологической поддержки генеральной линии партии на проведение коллективизации, управленческих решений в сельском хозяйстве. На начальном этапе проведения коллективизации советская историография, представленная в основном работами партийных и советских работников, журналистов, специалистов аграрного сектора, как центрального [Ильин 1929; Анисимов 1937; Шуваев 1937; Лаптев 1939], так и регионального звена [Беликов 1968; Зюрюкин 1927; Пюрбеев 1928; Алексеев, Попов 1930; Джимбинов 1940], вслед за официальной идеологией заявляла о необходимости и своевременности коллективизации, ее значимости для крестьянства.

Историография тех лет, в том числе калмыцкая, не оспаривала правильность официальных методов осуществления коллективизации. Значительное место она уделяла вопросу классовой борьбы в деревне, необходимости изоляции зажиточного крестьянства и борьбы с ним как основному фактору для успешного формирования новой системы хозяйствования в деревне. Коллективизация, по глубокому убеждению авторов, несла избавление деревенского населения в новых условиях от «жесточайшей эксплуатации кулачества».

На страницах периодической печати Нижневолжского края, куда входила и Калмыцкая автономная область (с 1936 г. — Калмыцкая АССР), печатались статьи, где возникшие трудности в сельском хозяйстве объясняли в русле официальной идеологии антисоветской деятельностью «кулацких элементов», прямо требовали жестокой расправы с классовым врагом — кулаками [К чему приводит 1931: 179; Убрать кулацких агентов 1931: 429]. Отметим, что такая позиция была характерна для советской, в том числе калмыцкой историографии, и в 1960–1970-е гг., вплоть до конца 1980-х гг. [Оглаев 1967; Очерки истории Калмыцкой АССР 1970].

В историографии 1930-х гг. говорилось о поддержке большинством сельского населения аграрной политики большевиков. В статьях и работах того времени замалчивались факты неприятия и противодействия значительной части крестьянства методам проведения на селе аграрных реформ, непомерных хлебозаготовок. Между тем активные выступления народных масс против аграрной политики советского государства наблюдались во многих регионах страны. В частности, в Калмыкии сельские жители открыто выступали не только против чрезмерных хлебозаготовок, но и против колхозного строя, обрекших на полуголодное существование самих крестьян. Так, в одном из донесений ОГПУ, датированном 21 февраля 1932 г., говорилось: «На почве продзатруднений в Нем-Хагинском сельском совете отмечено массовое выступление женщин с требованием хлеба; массовое недовольство женщин, выражавшееся в тенденциях “Растащить имущество колхоза и скот, даже распустить колхоз” [НА РК. Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 226].

12 марта 1930 г. в Малодербетовском улусе произошло организованное выступление свыше 100 крестьян, которые направились в административный центр улуса для выражения своего протеста против аграрной политики партии и государства, насильственной коллективизации и раскулачивания. В подавлении народного бунта участвовали не только местные чекисты, но и сталинградские милиционеры, вызванные для усмирения калмыцких крестьян [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 137. Л. 57].

Только в январе-феврале 1930 г. в СССР произошло около 1500 массовых выступлений крестьян, в которых участвовало не ме-

нее 350 тыс человек, а в марте — более 6500 волнений (1,6 млн участников) [Ивницкий 1996: 225]. В этот период страна, по мнению известного ученого-аграрника Н. А. Ивницкого, фактически находилась на грани гражданской войны. Причина антиколхозных настроений крылась прежде всего в принудительном вступлении в колхоз, отсутствии экономического стимулирования, вызвавшим тяжелое материальное положение крестьян. Так, бывший красный партизан, единоличник, середняк из с. Яшалта Милаев Н. А. заявил: «Раньше работали на помещиков, а сейчас забирают в колхоз. Все равно, что раньше было, и теперь. Раньше хоть деньги давали, а теперь колхозники работают за палочки. Я работаю единолично и в колхоз никогда вступать не буду». Другой бывший красный партизан Кривко В., середняк-единоличник из того же села, также не видел перспективы развития колхозного строя: «Коллективные хозяйства все равно долго существовать не могут и долго колхоз не продержится. Сейчас уже заметно, что колхоз начинает разваливаться. У нас единоличные хозяйства живут лучше, чем колхозники» [НА РК. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 104. Л. 82.].

Антисоветских, антиколхозных выступлений крестьянского социума, безусловно, было бы больше, если бы не превентивная работа органов безопасности, еще до начала коллективизации выселивших под видом борьбы с кулачеством целые деревни. В Калмыкии мероприятия по выселению «кулацких элементов» проводились еще в предколхозный период на основе решения бюро Нижне-Волжского крайкома партии «О выработке мероприятий по взятию на учет крупных эксплуататорских хозяйств Калмообласти». В процессе раскулачивания установился жесткий контроль силовых органов над всеми сторонами жизни калмыцкого села, вследствие чего активных форм проявлений крестьянского протеста становилось все меньше.

Официальные средства информации нацеливались партийными органами на пропаганду коллективных форм хозяйствования. Уже в первой половине 1930-х гг., когда коллективизация в стране еще не была завершена, стали появляться работы, рассказывающие о достижениях колхозного строя [Десять лет Калмыцкой автономной области 1930]. Однако такое страшное социальное явление, как голод 1932–1933 гг.,

охвативший огромную часть населения европейской части СССР, в том числе Калмыкию, так и не нашел должного отражения в исторических работах и в периодической печати тех лет. Авторы преднамеренно, в угоду или под диктовку власти, не связывали сложившуюся тяжелую продовольственную ситуацию в стране с насильственной коллективизацией, уничтожением крепкого, самодостаточного крестьянства и жесткой политикой хлебозаготовок.

Во второй половине 1930-х гг., когда коллективизация была в основном завершена, газеты и журналы во многих регионах страны с упоением рассказывали о громадных успехах коллективизации, социально-культурных, экономических и политических последствиях [Альфиш 1939; Джимбинов 1940]. Одновременно говорилось о качественном и заметном улучшении жизненного уровня крестьян, что не соответствовало реальному состоянию дел.

Выходившие в 1920–1930-е гг. научные работы и статьи нельзя отнести к строго историческим изысканиям. Они отличались крайне скудной источниковой базой, чаще всего представленной материалами периодики, текущей статистики, наблюдениями самих непосредственных участников колхозного строительства. К примеру, вышедшие в Калмыкии в 1920–1930-е гг. книги и статьи А. М. Амур-Санана, Т. К. Борисова, И. К. Глухова, сборники «Калмыцкая область за 10 лет революции», «10 лет Калмыцкой автономной области», «20 лет автономии Советской Калмыкии», материалы к докладам секретарей обкомов и др. посвящены социально-экономическому, политическому и культурному развитию Калмыкии в определенный период. Их с большой натяжкой можно назвать источниками по изучению нэпа и коллективизации, так как они носили описательный, публицистический и фактологический характер, не раскрывали объективных закономерностей процесса развития калмыцкой деревни, не содержали попыток разобраться в сущности проводимых аграрных преобразований, тем более управленческих решений. Вместе с тем названные выше работы, статьи и прочие материалы заложили основу национальной историографии периода нэпа и коллективизации.

Работы, созданные в отечественной историографии в 1940–1950-е гг., писались в историко-партийном ключе, в основном

рассматривали социально-экономические и социально-политические аспекты колхозного строительства. В некоторых республиках Северного Кавказа и Калмыкии изучение периода коллективизации приостановилось в связи с ликвидацией национальных автономий и возобновилось лишь с реабилитацией репрессированных народов и возвращением им государственно-правового статуса.

В 1960–1970-е гг. в нижеволжской региональной историографии продолжали появляться диссертации, монографии, очерки, статьи о величайшей роли партии в проведении коллективизации, в результате которой «в деревне было создано мощное механизированное коллективное производство» [Медведев 1960; Шафигулина 1970; Очерки истории Калмыцкой АССР 1970]. Все эти работы также характеризовались партийно-классовым подходом к проблемам изучения коллективизации и показом преимущественно достижений в аграрной сфере. Дальнейшее развитие в историографии получили темы реализации политики коллективизации и раскулачивания, освещение мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов.

К периоду «оттепели» — второй половины 1950–1980-х гг. — при преобладании ортодоксально-догматического подхода к изучению общественных явлений стало складываться умеренно-критическое направление, связанное с именами ученых-аграрников В. Данилова, Н. Ивницкого, И. Зеленина, Е. Осокиной и др. Но следует отметить, что большинство ученых продолжали придерживаться прежних концепций исторического исследования. В калмыцкой историографии Калмыкии в период перестройки вышла монография Ю. Оглаева [Оглаев 1987], в которой подробно исследуются предпосылки кооперативно-колхозного строительства, первые шаги советской кооперации, зарождение коллективных крестьянских хозяйств, развитие социалистических форм хозяйства и кооперации в годы нэпа, производственное кооперирование крестьянства, подготовка массового колхозного движения и непосредственно колхозное строительство в регионе. Касаясь вопроса о трудностях в колхозном строительстве и в сельском хозяйстве в 1930-е гг. в данном национальном регионе, автор считает, что во многом они были обусловлены «ожесточенным сопротивлением» «бывших

калмыцких феодалов и скотопромышленников» и «кулачества», которые развернули среди крестьянства «бешеную агитацию не только против колхозов и колхозников, но и против Советской власти», подстрекали крестьян на вооруженное выступление [Оглаев 1987: 94]. В духе устоявшихся идеологических представлений советского времени заявляет о том, что «экспроприация кулачества устранила с дороги социалистического строительства его заклятых врагов, подвела значительную материальную базу и создала благоприятные условия для дальнейшего наступления социализма в деревне» [Оглаев 1987: 113]. По мнению данного автора, коллективизация явилась «объективной необходимостью, как в передовых районах страны, так и в отсталой Калмыкии» [Оглаев 1987: 67].

Подобные взгляды на необходимость и актуальность проведения коллективизации, распространенные в советской историографии, были подвергнуты серьезной критике и пересмотру, на рубеже 1980–1990-х годов. Прежде всего отметим, что на основе изучения ранее неизвестных закрытых архивных документов коллективизация, проведенная в СССР, признавалась рядом исследователей насильственной [Кабытов, Козлов, Литвак 1988; Никольский 1990]. Ученые задались вопросом: можно ли было избежать ее трагических последствий (ликвидация наиболее трудолюбивой, предприимчивой части крестьянства, высылка тысяч семей, продовольственный кризис и, наконец, тяжелейший голод на Украине, Северном Кавказе, Поволжье, Центрально-Черноземной области, Западной Сибири, Урале и Казахстане)? В новейших исследованиях историки настаивают на том, что объективных причин для проведения коллективизации, вызванных потребностями экономического развития страны, не существовало. Сторонники данного подхода опираются на конкретный анализ развития аграрного сектора в период нэпа [Данилов 2011; Надькин 2010].

Действительно, по окончании гражданской войны крестьяне за три–четыре года восстановили сельское хозяйство после сильнейшей разрухи, установили необходимые связи с действовавшими промышленными предприятиями, свободно торговали излишками произведенной ими сельхозпродукции, что в целом говорило об эффективности новой экономической политики. Не-

плохими темпами развивались земледелие, животноводство, кустарные промыслы на селе, занимавшиеся ремесленным производством для рынка и т. д. В 1925 г. произошло «расширение нэпа в деревне»: крестьянам снизили продналог, разрешили арендовать землю, применять наёмный труд. Уже к 1923 г. в основном были восстановлены дореволюционные посевные площади, а к 1927 г. в целом достигнут довоенный уровень и в животноводстве. К примеру, губернии и области Нижнего Поволжья уже в 1926 г. имели всех видов скота больше, чем в 1916 г. Правда, в Калмыкии «численность продуктивного скота по сравнению с 1916 г. составила 87,3 %» [Максимов 2009: 366]. В то же время в 1928 г. в автономной области «зерновыми и техническими культурами было засеяно 73749 га, что составило 102,4 % площади посевов в 1917 г.» [Максимов 2009: 366]. В годы нэпа наметился заметный подъем крестьянского хозяйства — к 1927 г. в СССР насчитывалось 24–25 млн крестьянских хозяйств, имеющих в своем распоряжении в среднем 4–5 га земли, 1 лошадь, 1–2 коровы. На 1 октября 1928 г. 5 % крестьянских хозяйств, несмотря на жесткие административные, налоговые и иные меры к ним со стороны государства, произвели почти 120 млн центнеров зерна, тогда как колхозы вырастили всего лишь около 8 млн центнеров [Бадмаева 2010: 201, 282]. Можно привести и ряд других примеров положительной динамики хозяйственной и экономической жизни регионов СССР в годы нэпа. В Калмыкии, несмотря на сложность экономических и социально-политических условий, на основе новой экономической политики неуклонно происходило укрепление советской власти, рост хозяйства.

Первым сигналом свертывания нэпа в деревне стали принятые в 1927 г. партийно-государственные решения о восстановлении государственной монополии на оптовые хлебозаготовки, о снижении заготовительных цен на зерновые. Как следствие этих антирыночных постановлений возник кризис хлебозаготовок, обусловленный резким нарушением рыночного равновесия, эквивалентного обмена между сельским хозяйством и промышленностью. Однако причину кризиса усмотрели в «происках» зажиточной части деревни. В действительности же это было не так. Кулацкие хозяйства к концу 1927 г. составляли всего около

3,7 % всех крестьянских хозяйств, в то время как количество товарного хлеба в руках кулаков во второй половине 1920-х гг., по подсчетам И. Я. Трифонова, исчисляется в 20–23 % [Трифонов 1975: 246]. Следовательно, при всем желании, кулаки не могли сколько-нибудь существенно повлиять на ход хлебозаготовок. Крестьяне, в основном «середняки», составлявшие в годы нэпа 60–62 % всех крестьянских хозяйств, не желали за бесценок продавать значительную часть произведенного зерна и ими двигали чисто экономические соображения. Все это привело к сокращению плановых хлебозаготовок, результатом которого стали резкое падение продаж зерна, за границу, острая нехватка хлеба в городах. Хлебозаготовительный кризис не был отражением кризиса сельскохозяйственного производства или социального кризиса в деревне. Основной причиной смены экономического курса в аграрной сфере в первую очередь стали возникшие трудности текущей хлебозаготовительной кампании, негативно влиявшие на темпы проведения основной стратегической задачи — индустриализации страны. Для их преодоления по инициативе высшей государственной власти началась «революция сверху» — коллективизация сельского хозяйства.

В 1927–1929 гг. происходит существенное изменение кооперативного законодательства с установлением приоритетных форм организации сельскохозяйственного производства в виде коллективных хозяйств [Чичулин 2007: 44]. В 1928 г. для непосредственного руководства колхозным строительством создается Колхозцентр СССР. В стране формируется система органов государственного управления сельскими коллективными хозяйствами, окончательно сложившаяся к 1931 г., устанавливается их вертикальное подчинение Народному комиссариату земледелия. В структуре органов управления коллективными хозяйствами крестьян по функциональному признаку можно выделить: органы местного самоуправления крестьян (сельсоветы), продовольственные органы (ВСНХ), органы, осуществляющие земельную и аграрную политику (НКЗ), налоговые органы, которые имели различные полномочия в отношении колхозов.

Политика коллективизации в СССР проводилась по двум основным направле-

ниям: раскулачивание и объединение единоличных хозяйств в колхозы. Государство в виде партийных решений и постановлений обеспечивает правовую регламентацию процесса раскулачивания и закрепляет репрессивные меры коллективизации. Данный процесс, проходивший практически по всей стране, в некоторых регионах и в национальных районах имел ряд особенностей. Так, в Калмыкии, экономика которой имела животноводческую направленность, раскулачивали в основном богатых скотоводов, а сам процесс раскулачивания проходил в несколько этапов. За период с 1929 по 1934 гг. в результате массовых репрессий, по мнению известного историка К. Максимова, в Калмыцкой автономной области были раскулачены 2195 крестьянских семей (почти 14 тысяч человек) [Максимов 2004: 44]. Все конфискованные средства производства были направлены на укрепление вновь организуемых и действующих колхозов и совхозов области. Передача этим хозяйствующим субъектам экспроприированного имущества способствовала вступлению индивидуальных крестьянских хозяйств в колхозы и, следовательно, ускорению темпов коллективизации в Калмыкии. Если к осени 1929 г. только 7,6 % крестьянских дворов вошли в колхозы, то к январю 1930 г. уже 26 % калмыцких крестьян были объединены в различные формы коллективных хозяйств. В дальнейшем (к апрелю) данный показатель в скотоводческих и земледельческих улусах за счет жесткого администрирования достиг без малого 70 %. Но зачастую коллективные хозяйства в области создавались только на бумаге для повышения цифровых показателей по коллективизации в представляемых в центральные органы отчетах. Это были так называемые «дутые» колхозы, и об этом свидетельствует тот факт, что после известной статьи Сталина «Головокружение от успехов» и постановления ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» уже к 20 апреля в колхозах скотоводческо-земледельческих улусов области осталось лишь 6 тысяч крестьянских хозяйств. И все же, в конечном итоге, путем усиления налогового давления на частных хозяев, выселения кулаков и отдельной части «середняков», экспроприации их имущества, предоставления различного рода преференций беднейшему крестьянству и даже запугивания, шантажа

несогласных со вступлением в колхозы, в августе 1931 г. общее число коллективизированных крестьянских дворов в Калмыкии достигло 66,8 %, а к концу 1934 — 83%.

Коллективизация, проводившаяся в 1929–1940 гг. административными, административно-репрессивными, репрессивно-экономическими методами управления, несмотря на рост уровня механизации, ухудшила положение дел в экономике Калмыкии, в результате чего сократились поголовье скота и урожайность зерновых и в целом упал среднегодовой объем производства сельхозпродукции. В целом по стране, несмотря на сокращение производства зерна, поголовья скота, посевных площадей, понижение урожайности, государственные заготовки зерна выросли в 2 раза, размеры налогов с колхозов — в 3,5 раза. Данные факты утверждают нас в выводе о том, что колхозы понадобились Сталину для повышения товарности сельского хозяйства, изъятия как можно большего количества продуктов сельхозпроизводства, в особенности зерна, у крестьян и проведения масштабной индустриализации за счет крестьянства в рамках административно-командной системы управления экономикой.

Но можно ли было провести индустриализацию без насильственной коллективизации сельского хозяйства? Нам представляется, что для успешного проведения индустриализации необходимо было не свертывание, а, напротив, продолжение и углубление новой экономической политики. Сельское хозяйство, основной ячейкой которого было индивидуальное крестьянское хозяйство, столь динамично развивавшееся на протяжении 1920-х годов, вполне могло бы дать для нужд индустриализации необходимое сырье и продовольствие без насилия над крестьянами. Реальной альтернативой насильственной коллективизации было углубление рыночных отношений в сельском хозяйстве путем всемерной поддержки мелких сельских товаропроизводителей, предоставления им большей самостоятельности, внедрения элементов товарно-денежных отношений, самокупаемости и т. д. при постепенном, исключительно добровольном, производственном кооперировании собственников. Даже проведение все той же коллективизации, но только без пресловутых «перегибов», могло бы дать неплохие результаты в аграрном секторе страны.

К сожалению, история не знает сслагательного наклонения. Большевистские методы управления привели к трагедии с миллионами человеческих жертв. Развитие аграрного сектора было надолго заторможено, обострился продовольственный кризис.

Таким образом, анализ историографии показывает, что изучение проблем коллективизации сельского хозяйства в Калмыцкой автономной области, по сути, еще только начинается. Еще менее разработанной является конкретная проблема — непродуманные управленческие решения в области сельского хозяйства в Калмыкии в 1920–1930 гг.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (далее НА РК). Ф. П.-1. Оп. 2. Д. 104. Л. 226.
НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 137. Л. 57.
НА РК. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 104. Л. 82.

Литература:

- Алексеев П., Попов А.* О взаимоотношениях совхозов и колхозов в условиях сплошной коллективизации // Нижнее Поволжье. 1930. № 6. С. 56.
- Альфиш С. Д.* Победа колхозного строя. Саратов: Тип. изд-ва «Коммунист», 1939.
- Анисимов Н. И.* Победа социалистического сельского хозяйства. М.: Сельхозгиз, 1947. 128 с.
- Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.): Монография. Отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: «НПП «Джангар», 2010. 544 с.
- Беликов Т. И.* Калмыцкая область в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Ученые записки КНИИЯЛИ. Вып. 6. Сер. Истор. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. С. 94–130.
- Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН, 2011. 863 с.
- Десять лет Калмыцкой автономной области (1920–1930). Астрахань: Калмиздат, 1930. 135 с.
- Джимбинов Б.* Советская Калмыкия. М.: изд-во «Ведомостей Верховного Совета РСФСР», 1940. 28 с.
- Зюрюкин В.* Сельское хозяйство и пути восстановления его в Республике немцев Поволжья // Нижнее Поволжье, 1927, апрель. № 4.
- Ивницкий Н. А.* Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центральнo-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М.: Собрание, 2009. 286 с.
- Ильин Е. И.* Колхозы СССР и их удельный вес в строительстве Советского Союза. М.; Л.: Госсельиздат «Новая деревня», 1929. 164 с.
- К чему приводит политическая близорукость // Известия Нижне-Волжского крайисполкома, 1931. № 8. С. 179.
- Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.: Мысль, 1988. 240 с.
- Лантев И.* Советское крестьянство. М.: Сельхозгиз, 1939. 174 с.
- Максимов К. Н.* Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней в 3-х тт. Элиста: ГУ «Издат дом «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
- Максимов К. Н.* Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е гг. М.: Наука, 2004. 310 с.
- Медведев В. К.* Подготовка и проведение сплошной коллективизации в Нижне-Волжском крае (1928–1932 гг.). Дис. ... д-ра. ист. наук. Саратов, изд-во Саратов. ун-та, 1960. 350 л.
- Надькин Т. Д.* Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М.: РОССПЭН, 2010. 312 с.
- Никольский С. А.* Власть и земля: Хроника утверждения бюрократии в деревне после Октября. М.: Агропромиздат, 1990. 238 с.
- Оглаев Ю. О.* К вопросу о ликвидации бывших калмыцких феодалов // Вестник КНИИЯЛИ. Вып. № 2. Сер. истор. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1967. С. 110–146.
- Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Пюрбеев А. П.* Задачи коллективизации в деревне // Красная степь. 1928, 16 января.
- Трифонов И. Я.* Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М.: Политиздат, 1975. 408 с.
- Убрать кулацких агентов // Известия Нижне-Волжского крайисполкома, 1931. ноябрь. № 18. С. 429.
- Шафигулина Ф. Р.* Партия – организатор колхозного строительства в 1917–1925 гг. (на материалах Нижнего Поволжья). Дис. ... канд. ист. наук. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1970. 243 л.

Шуваев К. М. Старая и новая деревня. Материалы исследования с. Ново-Животинного и дер. Моховатки Березовского района Воронежской области за 1901 и 1907, 1926 и 1937. М.: ОГИЗ–СельхозГИЗ, 1937, 346 с.

Чичулин А. В. Советское кооперативное законо-

дательство на пути огосударствления кооперации (1917–1931 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2007. № 3(66). Серия: Гуманитарные науки (История. Исторические науки). С. 4–46.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia:
SectionII-1. Ser. 2. File 104. P. 226.
SectionP-3. Ser. 2. File 137. P. 57.
SectionII-1. Ser. 2. File 104. P. 82.

References

[Celebrating the 10th Anniversary of Kalmyk Autonomous Oblast: 1920–1930]. Astrakhan: Kalmizdat, 1930. 135 p. (In Russ.)

[Kalmyk ASSR: Historical Essays]. Vol. 2: 'Socialist Era'. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)

'Remove agents of kulaks!' *Izvestiya NizhneVolzhskogo krayispolkoma*. 1931, November. No. 18. P. 429. (In Russ.)

Alekseev P., Popov A. Relations between sovkhoses and kolkhozes in the context of ultimate collectivization. *Nizhnee Povolzh'e*. 1930. No. 6. P. 56. (In Russ.)

Alfish S.D. [Victory of the Kolkhoz System]. Saratov: Kommunist, 1939. (In Russ.)

Anisimov N. I. [Victory of the Socialist Agricultural Framework]. Moscow: Selkhozgiz, 1947. 128 p. (In Russ.)

Badmaeva E. N. [Lower Volga Region: Experiences and Outcomes of the Government's Socio-Economic Policies, 1921–1933]. Monograph. K. N. Maksimov (ed.). Elista: Dzhangar, 2010. 544 p. (In Russ.)

Belikov T. I. Kalmyk Oblast during the reconstruction period (1921–1925). In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Scholarly Notes]. Vol. 6. Ser. 'History'. Elista: KalmykBook Publ., 1968. Pp. 94–130. (In Russ.)

Chichulin A. V. Soviet cooperative legislation on the way to nationalization of cooperatives (1917–1931). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2007. No. 3(66). Ser. 'Humanities'. Pp. 4–46. (In Russ.)

Danilov V. P. [History of Russian Peasantry: 20th Century. Selected Works]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN, 2011. 863 p. (In Russ.)

Dzhimbinov B. [Soviet Kalmykia]. Moscow: Supreme Council of RSFSR, 1940. 28 p. (In Russ.)

Ilyin E. I. [Soviet Kolkhozes and Their Impact into the Soviet Construction]. Moscow; Leningrad: Novaya Derevnnya, 1929. 164 p. (In Russ.)

Ivnitsky N. A. [Soviet Famine of 1932–1933: Ukraine, Kazakhstan, North Caucasus, Volga Region, Central Black Earth Oblast, Western Siberia, Urals]. Moscow: Sobranie, 2009. 286 p. (In Russ.)

Kabytov P. S., Kozlov V. A., Litvak B. G. [Russian

Peasantry: Stages of Spiritual Liberation]. Moscow: Mysl, 1988. 240 s. (In Russ.)

Laptev I. [Soviet Peasantry]. Moscow: Selkhozgiz, 1939. 174 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. [A Nation's Tragedy: Repressions in Kalmykia, 1918–1940s]. Moscow: Nauka, 2004. 310 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmykia in the accelerated Socialist construction era. In: [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days]. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 2. 840 p. (In Russ.)

Medvedev V. K. [Lower Volga Krai: Preparation and Implementation of Complete Collectivization, 1928–1932]. Dr.Sc. (history) thesis. Saratov, 1960. 350 p. (In Russ.)

Nadkin T. D. [Stalin's Agrarian Policy and Peasantry of Mordovia]. Moscow: ROSSPEN, 2010. 312 p. (In Russ.)

Nikolsky S. A. [Government and Land: Chronicles of Post-October Bureaucratic Incorporation in Rural Territories]. Moscow: Agropromizdat, 1990. 238 p. (In Russ.)

Oglaev Yu. O. [Lenin's Cooperative Plan and Its Implementation in Kalmykia: 1917–1937]. Elista: KalmykBook Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)

Oglaev Yu. O. Eradication of Kalmyk ex-feudalists revisited. In: [Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History: Collected Reports]. Vol. 2. Ser. 'History'. Elista: KalmykBook Publ., 1967. Pp. 110–146. (In Russ.)

Pyurbeev A. P. Challenges of collectivization in rural territories. *Krasnaya step'*. 1928, January 16. (In Russ.)

Shafigulina F. R. [Party as the Organizer of Kolkhoz Construction in 1917–1925: a Case Study of the Lower Volga Region]. Cand.Sc. (history) thesis. Saratov, 1970. 243 p. (In Russ.)

Shuvaev K. M. [The Old and New Villages: Novo-Zhivotinnogo and Mokhovatki Villages (Berezovsky District, Voronezh Oblast) in 1901 and 1907, 1926 and 1937. Research Materials]. Moscow: OGIZ–SelkhozGIZ, 1937, 346 p. (In Russ.)

Trifonov I. Ya. [Eradication of Exploitative Classes in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1975. 408 p. (In Russ.)

What political myopia leads to. *Izvestiya Nizhne-Volzhskogo krayispolkoma*. 1931. No. 8. P. 179. (In Russ.)

Zyuryukin V. Volga German ASSR: agriculture and ways of its revival. *Nizhnee Povolzh'e*. 1927, April. No. 4. (In Russ.)

РАЗВИТИЕ УЧЕТА И СТАТИСТИКИ КАЛМЫКИИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1930-е гг.)

The Development of Statistics and Accounting in Kalmykia during the Prewar Period (1930s)

Е. Н. Мучиряева (E. Muchiryayeva)¹

¹аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: alisa_zungar@mail.ru.

В статье рассмотрено развитие органов планирования и статистики Калмыцкой АССР в обстановке надвигающейся военной угрозы, с возникновением которой стала остро ощущаться необходимость перестройки всей системы работы государственных органов и учреждений. В декабре 1939 г. в республике были сформированы местные органы государственной власти. Эти выборы явились завершающим этапом в построении всех органов государственной власти Калмыцкой АССР по Конституции РСФСР и Конституции КАССР 1937 г. В республике были избраны 13 районных (улусных) советов, 1 городской, 3 поселковых, 121 сельский совет депутатов трудящихся.

Ключевые слова: государственное планирование, Центральное статистическое управление, управление народным хозяйством, статистика, местные органы учета.

The article deals with the development of planning and statistics offices during the period of imminent threat of war which revealed the need to restructure the entire system of government bodies and institutions. Thus, in December 1939 local public authorities were created in Kalmykia. These elections marked the final stage in the creation of all public authorities under the Constitution of the Kalmyk ASSR and the 1937 RSFSR Constitution. As a result, 13 district (ulus) councils, 1 town, 3 village and 121 rural councils of Workers Deputies were elected.

The main responsibility of the state and local planning commission was drafting plans for the development of national and local economy and the verification of compliance with these plans. The State Planning Commission of the KASSR was organized as follows: a chairman was to be appointed by the Presidium of the Supreme Soviet of the Kalmyk ASSR, a deputy chairman and other members were to be appointed by the Council of Ministers of the Kalmyk ASSR. They provided a guidance and monitored the activity of State Planning Committee departments as well as organized procedures in accordance with the approved provision of the Council of Ministers of the Kalmyk ASSR concerning the State Planning Committee.

During 1930–1940s the Regional Planning Commission was not only a planning agency but the entity engaged in government statistics and accounting on the territory of the region. With the aim to carry out these functions two sections were created Planning and Economic Section and Statistics Section which consisted of the following groups: Exchange and Industry Statistics, Agricultural Statistics as well as Labour and Social Statistics.

Keywords: state planning, Central Statistical Administration, national economy administration, statistics, local statistics agencies.

В 1930-е гг. органы учета и статистики Калмыкии, как и по всей стране, работали в системе Госплана, который обязан был составлять проекты планов развития республиканского и местного хозяйства и проверять их выполнение. Для осуществления функций учета и статистики в составе Областной плановой комиссии (далее — Облплан) функционировала секция статистики, которая состояла из следующих групп: обмена и промышленности, сельскохозяй-

ственной статистики, труда и социальной статистики [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1358. Л. 45; Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 217. Л. 11–12]. Постановлением Президиума Калмыцкого областного исполнительного комитета (далее Калмоблисполком) от 18 апреля 1930 г. за № 97 штат Областного планирования был утвержден в составе председателя Облплана, также являвшегося зам. председателя Облблизполкома, зам. председателя Облплана. Председателем Облплана, а также заме-

стителем председателя Облисполкома, был утвержден А. Ф. Середа и заместителем председателя Облплана — Б. И. Постников.

Согласно постановлению Центрального исполнительного комитета (ЦИК) и СНК СССР от 17 декабря 1931 г. «Об организации центрального управления народно-хозяйственного учета», Президиум Калмыцкого Облплана 27 августа 1932 г. постановил: сектор народно-хозяйственного учета Калмыцкого Облплана реорганизовать в самостоятельное областное управление народно-хозяйственного учета при Облплане в соответствии с положением об управлении народно-хозяйственным учетом автономных республик, утвержденных СНК СССР 10 марта 1932 г. за № 312 [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 214. Л. 90]. Была принята следующая структура и штаты калмыцкого областного управления народно-хозяйственного учета (далее УНХУ): начальник УНХУ, заместитель начальника, он же — инспектор организационной группы, и два разъездных инспектора, созданы группы: сельского хозяйства, промышленности, строительства, торговли, культуры и быта, демографии, сводно-текущего учета и секретариат (секретарь, машинистка, рассыльная). Всего 20 штатных единиц. На местах на основе существующей улусной статистики при управлениях народно-хозяйственного учета была создана улусная инспектура народно-хозяйственного учета. В городе — городская инспектура со штатом в две единицы [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 3. Д. 32. Л. 90–91].

После преобразования Калмыцкой автономной области в республику произошли определенные изменения в органах власти, в том числе и в органах планирования: Облплан был переименован в Госплан КАССР. Во главе Госплана находился его председатель, назначаемый Президиумом Верховного совета КАССР; в состав Госплана входил заместитель председателя и члены Госплана, назначаемые Совнаркомом КАССР и осуществляющие руководство и наблюдение за работой отделов Госплана.

В 1939 г. в Госплане КАССР работали следующие сотрудники: председатель — Гусев, заместитель председателя Госплана КАССР — Постников. На время выезда в служебные командировки в г. Москву в Госплан РСФСР обязанности председателя возлагались на начальника промышленного сектора П. В. Кирбасова. Личный секретарь председателя Госплана КАССР, машинист-

ка — З. В. Колоколова. Управляющий делами — А. Г. Коптев. Начальник сельскохозяйственного сектора — Буянов [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 217. Л. 12]. Агроном сельскохозяйственного сектора — Л. Н. Саблуков. Курьеры — В. Жигаилов, О. Манджиева, Ц. Кичикова, К. Бюрчиева, А. К. Бактаева (сменяли друг друга в течение года) [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 217. Л. 14]. Начальник сектора жилищно-коммунального хозяйства — В. О. Санджарыков. Инженеры Госплана — А. И. Иванова (временно совмещала должность заместителя начальника сектора жилищно-коммунального хозяйства на время отпуска последнего), Исаков. Начальник сектора районного сводного планирования — С. М. Боркаева. Начальник торгового сектора — С. Д. Дженгуров. Экономисты — Е. И. Липовая, И. И. Вежанов, П. М. Эмкенова. Инженер-геолог — А. Е. Жуков. Бухгалтеры — Болдырев, Т. П. Сабруков. Зоотехник — А. Г. Соколов. Уборщицы — Калесникова, Соснина, Слизкая (также сменялись в течение года). 31 декабря 1939 г. создается комиссия для проведения инвентаризации по Госплану КАССР в составе председателя Санджарыкова, членов — Антаканова, Колоколовой [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 561. Л. 10].

В системе Калмыцкого УНХУ существовали следующие категории должностей: начальники и их заместители; начальники секторов и их заместители; руководители групп, старшие консультанты, консультанты; старшие экономисты, экономисты и инспекторы; статистики-инструкторы и статистики; делопроизводители; хозяйственный обслуживающий персонал. В городском управлении: начальник, горинспекторы; помощник инспектора и экономист; инструкторы-статистики и статистики; делопроизводители и хозяйственный обслуживающий персонал. Районные инспектуры: инспекторы, экономисты, инструкторы-статистики и статистики. Участковые инспекторы. [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 437. Л. 2–10].

В 1939 г. в Калмыцком УНХУ руководящие должности занимали следующие сотрудники: М. Г. Мальцев — начальник, А. Ф. Волюнин — заместитель, С. Д. Лебедев — помощник начальника по кадрам, В. Е. Чудутова — начальник сектора населения, В. В. Покровская — начальник сектора культуры, В. С. Стригин — начальник промышленного сектора, А. А. Овчинникова — начальник сектора труда, Д. В. Ко-

локолов — начальник учетной инспекции, С. В. Покровский — консультант бюро переписи населения, П. А. Чавычалов — начальник сельскохозяйственного сектора, А. В. Наднеев — начальник сектора урожая, М. И. Рожин — начальник сектора капитального строительства и коммунального хозяйства, Т. Н. Грязева — начальник сектора торговли и транспорта, К. К. Шкатов — начальник сводного сектора, В. Д. Афонская — начальник сектора здравоохранения. Должность агронома была вакантной. Почти все сотрудники — выходцы из крестьян со средним образованием, состоящие в партии, за исключением М. Г. Мальцева, В. С. Стригина и А. В. Наднеева, имевших высшее образование [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1.

Д. 428. Л. 2]. Городской и улусными инспектурами руководили: Долбанский улус — Л. Майоров, Г. Манджиев; Западный улус — Д. М. Самородов; Кетченеровский улус — М. И. Рошин; Лаганский — М. В. Ягнов; Малодербетовский улус — Ф. И. Камышников; Приволжский улус — инспектора нет; Приютненский улус — О. В. Баденов; Сарпинский улус — И. М. Цицилин; Троицкий улус — В. А. Авралов; Уланхольский улус — С. Ш. Анджиев; Черноземельский — А. Т. Давиденко; Юстинский улус — А. П. Бесков; город Элиста — М. М. Кочергин; Яшалтинский — Б. М. Утнасунов.

Определенное представление о круге обязанностей улусных инспектур УНХУ дает их план работы на 1939 г.

Таблица 1.

План работ улусных инспектур Нархозучета

Наименование работ	Периодичность	Характеристика участковыми инспекторами	Характеристика улусными инспекторами
Сводный отчет о выполнении плана по численности персонала и фондам зарплаты организациями района по формам «Р»	Ежемесячно	Сбор типовых и специализированных форм по учету труда и сводных отчетов от улусных организаций, контроль перечисленного материала и составление сводных по форме «Р»	
Сводный отчет о численности и расходовании фондов заработной платы работников, состоящих на бюджете сельсовета № 32	Ежемесячно	Сбор отчетов от сельских советов по форме № 32, их контроль и составление сводного отчета по всем сельсоветам на бланке формы № 32.	
Проверка полноты учета численности работников по фондам зарплаты во всех организациях и учреждениях на территории района	За сентябрь	Сбор, проверка и высылка отчетов по учреждениям, не имеющим своих центров в Элисте, и, кроме того, одновременно высылается материал на риковские учреждения, включенные в сводку «Р». Контроль за своевременной высылкой отчетов в районные организации от не подлежащих отчетностью перед районными НХУ, например, Райпотребсоюза	
Контроль за отсылкой отчетов районным организациям и республиканские организации	Ежемесячно	Отчетные формы типовые и специализированные	
Контрольный учет всех школ (начальных, неполных средних и средних) проводят инспекторы Нархозучета, улусные и участковые, по состоянию на 15.11.1940 год.	Раз в год	Запись данных о школах по форме «Ку» (контроль-учет) путем личного посещения участковыми инспекторами каждой школы. Проверка улусными инспекторами правильности записи по форме «Ку» и составление улусной сводки ф. П, сличение с данными УОНО и отсылка в УНХУ.	
Контрольный учет детских садов. Проводят инспектора Нархозучета, улусные и участковые, по состоянию на 1.10.1940 год.	Раз в год	Запись данных о школах по форме «Ку» (контроль-учет) путем личного посещения участковыми инспекторами каждого детского сада. Проверка улусными инспекторами правильности записи по форме «Ку» и составление улусной сводки ф. П, сличение с данными УОНО и отсылка в УНХУ.	

Контрольный учет клубных учреждений на 1.10.1940 год. Работа проводится улусными и участковыми инспекторами Нархозучета.	Раз в год	Запись данных о школах по форме «Ку» (контроль-учет) путем личного посещения участковыми инспекторами каждого клубного учреждения. Проверка улусными инспекторами правильности записи по форме «Ку» и составление улусной сводки ф. П, сличение с данными УОНО и отсылка в УНХУ.
Контрольный учет массовых библиотек на 1.10.1940 год. Работа проводится улусными и участковыми инспекторами Нархозучета	Раз в год	Запись данных о школах по форме «Ку» (контроль-учет) путем личного посещения участковыми инспекторами каждой массовой библиотеки. Проверка улусными инспекторами правильности записи по форме «Ку» и составление улусной сводки ф. П, сличение с данными УОНО и отсылка в УНХУ

Прием сотрудников на работу и ведение личных дел на них в УНХУ строго регламентировалось законами и служебными инструкциями. «Без оформления приема как в УНХУ, так и в инспектурах, т. е. без предъявления трудовой книжки, заполнения личного листка, составления автобиографии — сотрудники не могут быть допущены к работе и не могут быть проведены приказом. Прием на работу районных, городских и участковых инспекторов нархозучета проводится УНХУ областными, краевыми УНХУ по согласованию с местными руководящими органами (РИК, горсовет). Прием на работу экономистов и статистиков инспектором проводится районными инспекторами. При ведении трудовых книжек УНХУ должно руководствоваться постановлением СНК СССР от 20/12-1938 г. При заполнении личных листов ответы должны даваться на все вопросы, предусмотренные формой личного листка. В п.16 (образование) в числе требуемых сведений по образованию указывается название и местонахождение учебных заведений. В п. 5 «а» указывается сословие, образование родителей, а в п. 5 «б» указывается занятие родителей до и после Октябрьской Революции (очень часто при заполнении личных листов неправильно заполняют г. 5 «а» личного листка и вместо сословия, звания, указывают социальное положение «служащий»). Перерывы в работе в личном листке должны быть оговорены. Автобиография должна составляться в соответствии с посланным нами указанием к составлению автобиографии. Помощник начальника по кадрам (или работник его заменяющий) должен объяснять сотрудникам, как надо заполнять личные листки и составлять автобиографии. При зачислении работника необходимо требовать на него с последнего места работы деловую и политическую

характеристику. Сведения личных листов и автобиографии должны сверяться и уточняться помощником начальника УНХУ по кадрам (или работником его заменяющим) со сведениями трудовой книжки, паспорта, военного билета, профсоюзного билета и в личной беседе. Все неясности должны уточнять на месте. При увольнении работника трудовая книжка выдается ему на руки. Трудовые книжки на участковых инспекторов, гнездовых инструкторов, экономистов и статистиков райинспектур ведутся в районных инспектурах, а трудовые книжки на райгоринспекторов ведутся в обл. (край) и АССР УНХУ.

Личные дела. Помимо трудовой книжки, на каждого работника системы нархозучета должно быть заведено личное дело, в котором находится личный листок, автобиография, дело с предыдущего места работы и все остальные документы, относящиеся к прохождению его работы в аппарате УНХУ. Личные дела должны быть заведены на всех без исключения сотрудников и ведутся поименно по кадрам УНХУ. Характеристика должна запрашиваться на каждого вновь принимаемого работника с последнего места его работы. Личные дела экономистов и статистиков инспектур ведутся в районных инспектурах районными инспекторами; копии учетных материалов на экономистов и статистиков инспектур препровождаются в УНХУ краев, областей и АССР» [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 435. Л. 67–70].

Суть работы, осуществляемой инспектурами КалмУНХУ, можно уяснить по тому, насколько подробна статистическая информация о темпах развития экономики нашей республики, которые были весьма высокими, как, впрочем, и по всей стране. Согласно данным, приведенным Л. В. Савельевой, «...в целом по стране за период с

1 октября 1928 г. по 1 января 1933 г. затраты на развитие промышленности примерно на 45 % превысили предварительно намеченные расходы. Отношение валовых капитальных вложений к национальному доходу, составлявшее 27 % в 1924–1928 гг., поднялось до 38 % в годы первой пятилетки и оставалось на уровне 30–35 % до начала Второй мировой войны» [Савельева 2002: 314]. Неуклонными темпами развивается и специализируется сельское хозяйство. Появляются новые отрасли.

И Калмыкия не была исключением. К 1939 г. Калмыцкая АССР имела 16 крупных совхозов с количеством скота 10–50 тыс. голов в каждом; 17 машинно-тракторных станций, оснащенных техникой и обслуживающих 64,5 % всех посевных площадей в республике; 156 колхозов, из них 23 рыбацких. В колхозах объединено 99,1 % крестьянских хозяйств. Работает тракторов — 1091 = 17276 НР комбайнов 15 фут. — 317, автомашин — 422 [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 571. Л. 2–17]. Рыбтрест КАССР к 1939 г. имеет 10 рыбных заводов, в том числе Лаганский рыбоконсервный комбинат — гигант Северного Каспия с продукцией 10 млн банок консервов. Мощность рыбозаводов республики — 300 тыс. центнеров продукции в год. До 1925 г. существовал лишь мелкий промысел, было 2 мотора и 9 рыбниц. К 1939 г. рыболовецкий флот Калмыкии состоял из 4 пароходов, 44 моторных и 126 парусных рыбниц, которых обслуживали две оснащенные моторно-рыбо-

ловные станции. 99,6 % ловецких хозяйств объединены в 23 рыбколхоза [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 571. Л. 2–17]. Площадь посевов с 1920 до 1938 гг. возросла с 16 400 до 224 400 га. Валовой сбор зерна в 1938 г. составил 6 300 000 пудов. Механизация полевых работ в 1938 г. составила 64,5 %. Выработано по республике в среднем за 1937–1938 гг. на тракторах СТЗ — 538 га, на комбайнах 15 фут. — 423 га. В некоторых МТС средняя выработка была еще выше: например, в Верхне-Яшкульской МТС в 1938 г. она составила 793 га на 1 трактор. Площадь КАССР составляет 7,94 млн га, в том числе 6,0 млн га пастбищ. В состав последних входил и государственный «золотой» фонд — «Черные земли» площадью 1,24 млн га. Только на «Черных Землях» за период первых двух пятилеток к 1939 г. было построено 470 шахтных колодцев, 158 типовых кошар, 25 скотных дворов, 206 скотных баз и 200 жилых построек для животноводов, 53 пункта искусственного осеменения овец, 1 ветеринарная лечебница и несколько ветеринарных пунктов.

Для примера работы калмыцких статистиков спустимся на низшую ступень — участковую инспектуру и рассмотрим выявленные ими показатели. Например, объединенный из 315 хозяйств овцеколхоз-миллионер им. Кирова (основан в 1929 г.) Уланхольского улуса КАССР занимает территорию в 33 199 га. Председатель — Чумудов [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 571. Л. 2–17].

Таблица 2.

Колхоз имеет	1937 г.	1938 г.
Овцеферма мериносовых овец	13 159 гол.	15 817 гол.
Молочная ферма скота	1 078 гол.	1 264 гол.
Конная ферма калмыцко-донских метисов	344 гол.	417 гол.
ВТФ самых сильных верблюдов	32 гол.	41 гол.
Настрижено шерсти	869 ц	965 ц
Сдано государству шерсти	849 ц.	947 ц
Сдано государству масла	40,13 ц	50,02 ц
Денежный доход колхоза	2.436.982 р.	
Выдано деньгами за 1 трудовой день	15 руб. 15 коп.	

Другие показатели — объединенного из 225 хозяйств колхоза им. Городовикова Троицкого улуса (основан в 1929 г.), спе-

циализирующегося на выращивании и сохранении жеребят. Занимает территорию в 42 558 га.

Таблица 3.

1937 г.	1938 г.
КТФ имеет 1048 лошадей	1204 голов англо-донских лошадей, в т.ч. жеребцов РНК – 18.
МТФ имеет 176 голов КРС	256 голов КРС
ОТФ имеет 5676 овец	6457 голов овец
ВТФ имеет 21 верблюдов	21 голов верблюдов

За две пятилетки построено 620 км автотранспортных дорог, 4524 км телеграфно-телефонной линий с 73 почтово-телеграфными точками и 548 телефонными аппаратами. К 1939 г. в г. Элисте построены радиостанция с трансляционными узлами в районных центрах, совхозах, МТС и колхозах. Производится добыча озерной соли — 4942 тыс. тонн в год [НА РК. Ф. Р-90. Оп. 1. Д. 571. Л. 2–17].

Таблица 4.

Животноводческие фермы	На 01.01. – 1934 г. (в тыс. голов)	На 01.01. – 1938 г. (в тыс. голов)
Крупный рогатый скот	157,3	253,1
Овцы и козы	398,0	760,0
Лошади	31,9	40,4
Свиньи	3,4	18,0
Верблюды	-	4,97

Таблица 5.

Сдано государству продукции	на 01.01.1934 г. (в ц)	на 01.01.1938 г. (в ц)	на 01.01.1939 г. (в ц)
Мяса в живом весе	42.219	86.489	151.252
Масла коровьего	2.846	7.567	-
Шерсти	9.680	26.206	31.740,4
Шерсти тонкорунной	-	-	-

Таким образом, можно отметить, что в предвоенный период Калмыцкое УНХУ, как и в целом система учета и статистики страны, проделало огромный объем работ, выявляя стратегически важную для руководства нашей страны экономическую информацию.

В 1941 г. в связи с переименованием Центрального УНХУ в Центральное статистическое управление Госплана СССР УНХУ КАССР приказом № 77 по Центральному статистическому управлению Госплана СССР от 27 марта 1941 г. было переименовано в статистическое управление Калмыцкой АССР при облплане. Районные и городские инспекторы НХУ названы районными и городскими инспектурами ЦСУ СССР [НА РК. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 437. Л. 36].

Несмотря на усиление командно-административных методов и жесткой централизации управления, отступление от принципов коллективного руководства, ужесточение дисциплины и ответственности, приближающаяся война стали консолидирующим фактором в единении партийно-государственного руководства и всего народа [Максимов 2009: 440].

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

Максимов К. Н. Преобразование Калмыцкой автономной области в республику. Развитие ее социально-экономической, политической основы // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: «Герел», 2009. С. 405–440.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

References

MaksimovK. N. Fromautonomous oblast to republic: development of socio-economic and political fundamentals. In: [History of Kalmykia: from Earliest Times to the Present Days].In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 405–440. (In Russ.)

Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 448 с.

Савельева Л. В. Ретроспективный анализ промышленного роста автономных образований Поволжья и Северного Кавказа (30-е гг. XX века) // Материалы Международной научной конференции и Международного научного форума. Элиста: «Джангар», 2002.

Ochirov U. B. [Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920]. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)

Savelieva L. V. Autonomous entities of the Volga Region and North Caucasus: a retrospective analysis of their 1930s industrial growth. In: [International Scientific Conference and Forum]. Proc. Elista: Dzhangar, 2002. (In Russ.)

РОЛЬ ЖЕНСКИХ ВОЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ ВОЙСК ПВО В БИТВАХ ЗА КАВКАЗ И СТАЛИНГРАД (1942–1943 гг.)

The Role of Women's Military Units of Air Defense Forces in the Battles for Caucasus and Stalingrad (1942–1943)

Г. Н. Каменева (G. Kameneva)¹

¹кандидат исторических наук, доцент Ставропольского государственного педагогического института
(Ph. D. of History, Associate Professor at Stavropol State Pedagogical Institute). E-mail: KamenevaGN@mail.ru.

В статье анализируются вопросы боеспособности женских подразделений в войсках противовоздушной обороны Сталинградского и Северо-Кавказского фронтов в годы Великой Отечественной войны, их вклад в освобождение Юга России от фашистских оккупантов.

Ключевые слова: женские военные подразделения, женские формирования, войска противовоздушной обороны, части ПВО, Сталинградский и Северо-Кавказский фронты, женские зенитно-артиллерийские полки, прожекторные войска, части воздушного наблюдения, оповещения и связи.

One of the massive women's mobilizations was organized for the Air Defense Forces. The peak of women's mobilizations in Air Defense Forces fell on difficult crucial years in the history of the war, e.g. 1942–1943. In this period several battles were simultaneously taking place on the South of Russia: battle of the Caucasus (July 25, 1942 – October 9, 1943) and battle of Stalingrad (July 17, 1942 – February 2, 1943). Women mobilized on the south of Russia, mainly served on the fronts of the North Caucasus (GFR), Transcaucasus (ZakF), Stalingrad (STF); in the military units of Krasnodar, Grozny, Transcaucasus, Rostov, Stalingrad, Astrakhan divisional air defense areas. During the war more than 20 million women from Southern Russia were mobilized. The total number of women from other parts of the country who joined the battles of the Caucasus and Stalingrad made up over 30 thousand. The proportion of female staff in air defense forces amounted to 20–40%. Separate air defense units predominantly consisted of female staff. According to the command estimations women were not inferior to men in professionalism, courage, discipline and effectively approved themselves during the defensive and offensive operations in the region. With the active support of the air defense units during the winter operations of 1942–1943 Soviet troops have marked the tipping point change in the course of the war, liberated a large area of the region from the occupiers. From March to October 1943 Soviet forces breached one of the most powerful enemy defense lines – Blue Line as well as won the biggest during the war air battle.

Keywords: women's military units, women's military formations, air defense forces, anti-aircraft defense units, Stalingrad and North-Caucasus fronts, women's anti-aircraft artillery regiments, searchlight troops, airborne surveillance, notification and signal units.

Для современного этапа развития характерна тенденция увеличения женщин-военнослужащих. В настоящее время количество женщин всего личного состава Вооруженных Сил РФ составляет около 10 %. С 2008 г. несовершеннолетним лицам женского пола разрешено обучаться в суворовских военных, нахимовских военно-морских училищах, кадетских корпусах. Однако целесообразность привлечения женщин в действующую армию до сих пор является в обществе дискуссионным вопросом. Для выработки взвешенной позиции

необходимо обращение к историческому опыту. В годы Великой Отечественной войны, победа в которой продемонстрировала всему миру силу и единство советского народа, одна из массовых женских мобилизаций была произведена в войска противовоздушной обороны (ПВО). В связи с этим исследовательский интерес представляют вопросы численности мобилизованных на Юге России женщин, их специализации, специфики военной службы, эффективности женских военных подразделений ПВО и их роли в ходе военных действий.

Пик женских мобилизаций в войска ПВО пришелся на 1942–1943 гг., когда на Юге России одновременно проходили две грандиозные битвы: за Кавказ (25 июля 1942 г. – 9 октября 1943 г.) и Сталинград (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.). Первая крупная мобилизация женской молодежи в войска ПВО была проведена в апреле 1942 г. [ЦА МО. Ф. 47. Оп. 999. Д. 68. Л. 1]. В соответствии с Приказом ККО СССР № 0058 от 26 марта 1942 г. и принятым постановлением ЦК ВЛКСМ, в войска ПВО было призвано 100 тыс. девушек-комсомолок [ЦА МО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 107. Лл. 112–114; Русский архив 1997: 184–185]. Второй массовый поток мобилизации женщин страны в войска ПВО происходил в ноябре 1942 г. В соответствии с Приказом НКО СССР № 00224 от 23 октября 1942 г., было мобилизовано 50 тыс. девушек для замены рядовых красноармейцев и младшего командного состава и высвободившихся мужчин, направленных в боевые части [Русский архив 1997: 349–350]. Мобилизации подлежали девушки-комсомолки в возрасте от 19 до 25 лет, физически здоровые. В числе мобилизованных 40 % девушек должны были иметь полное среднее образование, а остальные — не менее 5–7 классов средней школы.

Женщин, мобилизованных на Юге России, направляли преимущественно в состав Северо-Кавказского (СКФ), Закавказского (ЗакФ), Сталинградского фронтов (СтФ): в части Краснодарского, Грозненского, Закавказского, Ростовского, Сталинградского, Астраханского дивизионных районов ПВО [ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 35. Л. 403; ЦА МО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 291. Л. 281; ЦА МО. Ф. 47. Оп. 999. Д. 68. Л. 6, 50, 65, 84; Ставропольцы 1995: 29; Назовем поименно 1996: 31].

По подсчетам автора, в апреле – июне 1942 г. в части ПВО из Северной Осетии и Дагестана было мобилизовано 1480 девушек, соответственно 500 и 980 человек [ЦА МО. Ф. 47. Оп. 999. Д. 68. Лл. 1, 84], Краснодарской комсомольской организацией в апреле 1942 г. — 3910 комсомолок [Иванов 1967: 21; ЦА МО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 107. Л. 209, 365; ЦА МО. Д. 257. Лл. 11–371; ЦА МО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 132. Л. 26. Д. 195. Л. 121]. Часть призывниц была направлена в Краснодарский дивизион ПВО, где на 20 марта 1943 г. служили 2,5 тыс. женщин (из них 131 — начальствующий состав) [ЦА

МО. Ф. 47. Оп. 999. Д. 68. Лл. 6, 50, 65; ЦА МО. Ф. 51. Оп. 962. Д. 35. Л. 404; Иванова 2002: 151]; часть девушек — в районы базирования Закавказской зоны ПВО, где общая численность женщин составила более 15 тыс. человек (из них 1754 — офицерского и сержантского состава) [ЦА МО. Ф. 47. Оп. 999. Д. 68. Л. 1; Народный подвиг 1981: 195]. В апреле 1942 г. более 1,5 тыс. девушек СКВО было направлено в Сталинградский район ПВО. Всего же в Сталинградском корпусе ПВО служили до 8 тыс. женщин [ЦА МО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 107. Л. 112]. Значительный женский контингент войск ПВО находился также в составе Грозненского дивизиона, где по данным на 30 сентября 1942 г. служили 13,5 тыс. девушек 16 национальностей [ЦА МО. Ф. 47. Оп. 1029. Д. 51. Л. 148; ЦА МО. Ф. 32, оп. 11289. Д. 301. Л. 216].

Генерал-полковник Д. А. Журавлев писал: «Весть о приходе в войска ПВО девушек была воспринята настороженно. Многие, особенно кадровые командиры, не могли представить себе, как будет выглядеть присутствие «слабого пола» на огневых позициях, в суровых условиях боевой обстановки. Справятся ли девушки с военной «премудростью», которая испокон веков была уделом мужчин. Тревоги оказались напрасными. Очень скоро, после 3–5 месяцев, мы убедились, что подавляющее большинство девушек стали замечательными воинами. В совершенстве овладеть специальностью им помогала хорошая общеобразовательная подготовка. Исполнительность, дисциплинированность, аккуратность им были присущи не в меньшей степени, если не в большей, чем мужчинам» [Цит. по: Мурманцева 1996: 74].

Женская молодежь, направленная в войска ПВО, овладевала специальностями прибористов, наводчиков, пулеметчиков, связистов, командиров зенитно-пулеметных расчетов, наблюдателей-операторов звукоулавливателей, разведчиков и др. Особенно много женщин и девушек было в частях и подразделениях службы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), являвшейся первоисточником сведений о противнике. Вносцам приходилось также выполнять такие функции, как наведение истребительной авиации на врага, захват мелких воздушных десантов и групп, разведка наземного противника в районе позиций ВНОС и т. д. Они не только в со-

вершенстве владели средствами связи, но и в случае нападения на пост наземного неприятеля вели оборонительные бои, не прекращая основной работы — наблюдения за воздушным противником. Много женщин находилось в прожекторных подразделениях, защищавших важные промышленные и военные объекты.

В задачи войск ПВО входили защита воздушного пространства прифронтовой полосы на расстоянии до 300 км от линии фронта, защита крупных административных центров, оборона важных промышленных объектов (включая нефтепромыслы региона), коммуникаций действующей армии — прифронтовых железных дорог, мостов, переправ, портов, аэродромов, районов сосредоточения стратегических резервов, воинских эшелонов, караванов судов, пунктов выгрузки войск; отражение массированных авиаударов противника; уничтожение вражеских самолетов-разведчиков; участие в оборонительных и наступательных операциях, в том числе, при необходимости, уничтожение наземного противника.

Весной-летом 1942 гг. войска вражеской авиации сосредоточили свои основные усилия в направлении Ростова и Сталинграда. Служба в частях ПВО, находящихся на приграничном огневом рубеже, была особенно опасной. По воспоминаниям Лапенко Людмилы Львовны из г. Кизляра, служившей весной-летом 1942 г. в составе наблюдательного пункта (НП) 46-го отдельного батальона (ОБВНОС) 10-го корпуса Ростовского дивизионного района ПВО, служба «на наблюдательном посту была круглосуточной. По сигналу «Воздух», который звучал по 15–20 раз в день, люди прятались в укрытия, дорожники растаскивали военные грузы, зенитчики готовились к бою, все живое укрывалось в землю, а девушка-солдат, вооруженная винтовкой и полевым телефоном, стояла на кургане, открытая всем ветрам и самолетам противника с их пулеметами... На Ростов нельзя было смотреть без боли и тревоги. На моих глазах взрывались дома, гибли женщины, старики, дети, взрывались понтонные мосты через Дон, тонули отступающие люди, скот. Потери среди бойцов частей ПВО были тоже немалые. Это был настоящий ад!» [Великая Отечественная 2011: 48]. Особенности службы в войсках ПВО таковы, что если пехота имеет возможность строить для себя в обороне разнообразные укрытия, а в насту-

плении использовать местность, если полевая артиллерия, как правило, ведет огонь из укрытия, то зенитная артиллерия действует на ровной открытой площадке и в момент налёта вражеской авиации ведет огонь без укрытий.

23 августа 1942 г. противник предпринял один из самых массированных налетов на Сталинград. За сутки на границах Сталинградского корпусного района ПВО было зафиксировано более 2 тыс. самолетов/пролетов (с-п) противника. Бойцы ПВО вели боевые действия в исключительно сложной обстановке, им приходилось одновременно отражать воздушные налеты и вести борьбу с танками и пехотой противника. В связи со сложившейся ситуацией на Астраханский дивизионный район ПВО возлагалась задача обороны Астрахани, нижнего течения Волги и железной дороги Астрахань — Верхний Баскунчак. Было усилено зенитно-артиллерийское прикрытие Баку, Астрахани, Красноводска.

Массовые женские мобилизации в войска ПВО происходили в период активных реформаций. Именно на время битв за Кавказ и Сталинград приходится период поиска и внедрения эффективных мер организации ПВО. Жизненная практика доказала преимущества зональной системы, обеспечивающей эшелонирование сил, применение истребительной авиации и зенитной артиллерии в самостоятельных зонах действий, создание условий для уничтожения воздушного противника на дальних подступах к главным объектам и наращивания силы ударов из глубины. В это время получили развитие создание мобильных зенитно-артиллерийских групп, активное использование зенитных бронепоездов (особенно на железнодорожных магистралях сталинградского направления), создание отдельных радиобатальонов ВНОС, выделение оперативных штабов соединений ПВО для управления отдельными группировками сил и средств для обороны важных объектов. Произошли переформирование штатного состава, переподчинение частей, техническое дооснащение войск, передислокация отдельных районов ПВО и другие изменения. Осваивая военную специальность, внедряя нововведения, девушки занимались по 8–10 часов в день, а по ночам несли оперативное дежурство.

Женщины служили практически в каждом подразделении ПВО, составляя от чет-

верти до трети общего состава. Они служили, например, в 7-м зенитно-пулемётном полку, 1077-м, 1078-м зенитно-артиллерийском полках (ЗАП) СтФ; в 454-м, 485-м, 744-м ЗАП ПВО СКФ. Однако в отдельных подразделениях женщины могли составлять подавляющее большинство. В последнем из вышеуказанных полков только из Дагестана и Ставрополя службу проходили более 1000 девушек 19 национальностей и народностей. Они не раз доказывали свое военное мастерство. Осенью 1942 г. в боях на подступах к Кавказу 744-й ЗАП прикрывал основные железнодорожные станции на линии Грозный-Махачкала. 10 октября 1942 г. А. Мирзабекова, Г. Олейникова, П. Полу боярова, К. Харламова вели 4-х часовой бой, несмотря на полученные ранения, сбили 4 самолета противника [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 301. Л. 216; Иванова 2002: 154; Дагестанцы 1960: 151].

Согласно подсчетам автора, за июль-декабрь 1942 г. на юге страны (СКФ, ЗакФ, СтФ) были зафиксированы 89589 с-п противника, что составляло 64,5 % всех вражеских с-п по фронтовым границам страны, были сбиты 953 самолета противника — 60,6 % всех сбитых самолетов за данный период. Наиболее ожесточенные воздушные бои развернулись в оперативных границах Сталинградского корпусного района (68813 с-п) и Закавказской зоны ПВО (16588 с-п) [Военно-исторический 1974: 27]. В этот период в авиационных частях Сталинградского района ПВО несли службу восемь женских экипажей 586-го истребительного авиационного полка им. М. Расковой (первая эскадрилья под командованием Райсы Беляевой).

С 23 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. войска Сталинградского корпусного района ПВО совместно с воздушными армиями и зенитной артиллерией фронтов участвовали в воздушной блокаде окруженной в Сталинграде крупной группировки немецко-фашистских войск (более 330 тыс. человек). Была парализована деятельность авиации противника по снабжению и эвакуации частей из кольца окружения, уничтожено около 1200 вражеских самолетов, что способствовало созданию благоприятных условий для полного разгрома противника [Военно-исторический 1974: 23]. В марте 1943 г. части ПВО СКФ активно содействовали наступательной операции фронта, прикрывая боевые порядки войск и отражая вражеские налеты.

В феврале–мае 1943 г. наибольшая активность вражеской авиации наблюдалась в оперативных границах Закавказской зоны и Ростовского района ПВО — более 8 тыс. самолето-вылетов. Особенно массированным ударам противника с воздуха подвергались железнодорожные узлы Батайск и Ростов, а также железнодорожный мост через Дон у Ростова [ЦА МО. Ф. 72. Оп. 12278. Д. 575. Лл 6–7; ЦА МО. Ф. 750. Оп. 708622. Д. 2. Л. 10]. В основном по составу женский 189-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион (ОЗАД) ПВО СКФ участвовал в обороне района Батайск – Ростов. По воспоминаниям участниц, в середине марта 1943 г., за 3 дня боев, дивизион выдержал натиск 550 вражеских самолетов, затем участвовал в обороне многих городов региона (Армавир, Новороссийск, Грозный, Махачкала, Гудермес, Батайск), дошел до Будапешта (Венгрия) и всего сбил 66 самолетов противника [Личный архив].

С 17 апреля по 7 июня 1943 г. на Кубани развернулось самое крупное за годы войны по числу воздушных боев и количеству участвовавших в них самолетов воздушное сражение с целью завоевания господства в воздухе и обеспечения успешного наступления советских войск. Части ПВО активно содействовали советской истребительной авиации. В период Керченско-Этильгенской операции (завершена 11.11.1943 г.) соединения и части Северо-Кавказского, Ростовского, частично Сталинградского корпусных районов ПВО прикрывали тыловые объекты войск фронта и путей сообщения. В течение 1943 г. частями Краснодарского дивизионного района (с июня 1943 г. — Северо-Кавказский корпусный район (СК КР) ПВО) было сбито 42 самолета противника, 9 частями 10-го района Ростовской зоны ПВО [Войска ПВО 1981: 206]. В феврале – апреле 1944 г. части СК КР ПВО во взаимодействии с силами и средствами ПВО Приморской армии успешно отразили налеты воздушного противника на переправу через Керченский пролив, сбив при этом 38 вражеских самолётов [Светлишин 1979: 196].

После освобождения региона отдельные части ПВО СКФ были переброшены на другие фронты. Так, в июле 1944 г. 744-й ЗАП был включен в состав 84-й дивизии ПВО, на пересечении 2-го и 3-го Белорусских, 2-го Прибалтийского фронтов для обеспечения бесперебойной работы железнодорожных

станций. Девушки справлялись с задачей блестяще, всему личному составу полка объявлена благодарность. В 1945 г. полк вошел в состав 4 корпуса ПВО 3-го Белорусского фронта, воевал на территории Восточной Пруссии [Войска ПВО 1981: 217, 262].

Мобилизации женщин региона в войска ПВО проводились до конца 1944 года. Так, в мае 1944 г. 80 девушек из Астраханской обл. пополнили 9-й корпус ПВО (г. Сталинград), из Ростовской области 420 девушек — 10-й корпус ПВО (г. Ростов-на-Дону), 150 девушек — 11-й корпус ПВО (г. Днепрпетровск), 200 девушек — 12-й корпус ПВО (г. Одесса), 350 девушек из Краснодарского края — 87-й дивизион ПВО (г. Симферополь), 350 девушек из Ставропольского края — 88-й дивизион ПВО (г. Грозный) [ЦА МО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 166. Л. 274; ЦА МО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 281]. А всего за 1944 г. только по СКВО в части ПВО было мобилизовано 1685 девушек [ЦА МО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 36. Л. 121; ЦА МО. Ф. 144. Оп. 13189. Д. 272. Л. 392].

Боевая деятельность войск ПВО имела большое стратегическое значение в битвах за Кавказ и Сталинград, став важным фактором в оборонительных и наступательных операциях. При активной поддержке частей ПВО в период зимних операций 1942–1943 гг. советские войска осуще-

ствили коренной перелом в ходе войны, освободили от оккупантов значительную территорию региона, а с марта по октябрь 1943 г. был прорван один из мощных оборонительных рубежей противника — Голубая линия, выиграно самое крупное за период войны воздушное сражение. Приход женщин на службу позволил высвободить из войск ПВО и направить на фронт 300 тыс. мужчин. На разных этапах войны, начиная с весны 1942 г., 20–40 % войск ПВО составляли женщины, прибывшие по партийным и комсомольским мобилизациям. В общей сложности в войска ПВО за годы войны было мобилизовано более 20 тыс. девушек Юга России, а с учетом женщин из других регионов женский контингент войск ПВО в битвах за Кавказ и Сталинград составлял более 30 тыс. человек. В профессионализме девушки-бойцы не уступали мужчинам. Боевой опыт приобретался непосредственно в тяжелейших военных кампаниях и был использован для дальнейшего совершенствования системы противовоздушной обороны на последующем этапе войны. Однако учет потерь женского состава войск ПВО, как и в целом Вооруженных сил страны [Каменева 2015: 18–23], затруднителен, требует дальнейшего изучения и необходим для всесторонней оценки привлечения женщин в действующую армию.

Источники

- Великая Отечественная война: из первых уст. Сборник воспоминаний. Выпуск второй. Гл. редактор Каменева Г. Н. Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2011. 244 с.
- Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945: Краткая хроника. М.: Воениздат, 1981. 375 с.
- Личный архив Г. Н. Каменевой. Воспоминания Кузьминой Н. Л. (189-й ОЗАД ПВО СКФ).
- Русский архив. Великая Отечественная война. Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. 448 с.
- Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО).

Литература

- Военно-исторический журнал. 1974. № 4. С. 23.
- Дагестанцы на фронтах Великой Отечественной войны. Воспоминания участников. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1960. 456 с.

Sources

- [Memoirs by N. L. Kuzmina (189th Separate Anti-Aircraft Battalion)]. At: Personal archive of G. N. Kameneva. (In Russ.)
- [National Anti-Aircraft Forces in the Great Patriotic War of 1941–1945: Brief Chronicles]. Moscow: Voenizdat, 1981. 375 p. (In Russ.)
- [Russian Archives: the Great Patriotic War. Edicts by the People's Commissar of Defense of the Soviet Union: 22 June 1941 – 1942]. Vol. 13 (2–2). Moscow: TERRA, 1997. 448 p. (In Russ.)
- [The Great Patriotic War: Firsthand Evidence. Collected Memoirs]. Vol. 2. G. Kameneva (ed.). Stavropol: Stavropol State Pedagogical Institute, 2011. 244 p. (In Russ.)
- Central Archives, Ministry of Defense of the Russian Federation.

References

- [Dagestanis in Battles of the Great Patriotic War: Memoirs of Participants]. Makhachkala: Dagestan Book Publ., 1960. 456 p. (In Russ.)
- [Natives of Stavropol Region in the Great Patriotic War]. Stavropol: Stavropol Fund of Culture,

- Иванов Г. П. В годы суровых испытаний. Краснодар: Краснодар. кн. изд-во, 1967. 320 с.
- Иванова Ю. Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М.: Рос. полит. энцикл., 2002. 272 с.
- Каменева Г. Н. Проблемы учета женского состава Вооруженных Сил страны в годы Великой Отечественной войны (на материалах Юга России) // Военно-исторический журнал. № 10. 2015. С. 18–23.
- Мурманцева В. С. Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 270 с.
- Назовем поименно. Дагестан. Книга памяти. Т. 1. Махачкала: Юпитер, 1996. 439 с.
- Народный подвиг в битве за Кавказ. М.: Наука, 1981. 413 с.
- Светлишин Н. А. Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1979. 296 с.
- Ставропольцы в годы Великой Отечественной войны. Ставрополь: Ставропол. фонд культуры, 2005. 349 с.

2005. 349 p. (In Russ.)
- [People's Heroism in the Battle of the Caucasus]. Moscow: Nauka, 1981. 413 p. (In Russ.)
- [Recalling by Name: Dagestan. Memorial Book]. Vol. 1. Makhachkala: Yupiter, 1996. 439 p. (In Russ.)
- Ivanov G. P. [In the Years of Trying Ordeals]. Krasnodar: Krasnodar Book Publ., 1967. 320 p. (In Russ.)
- Ivanova Yu. N. [The Bravest of the Beautiful: Russia's Women at War]. Moscow: Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya, 2002. 272 p. (In Russ.)
- Kameneva G. N. Problems of the military account of women during the Great Patriotic War: a case study of South Russia. *Military Historical Journal*. № 10. 2015. Pp. 18–23. (In Russ.)
- Murmantseva V. S. [Soviet Women in the Great Patriotic War]. Moscow: Mysl, 1974. 270 p. (In Russ.)
- Svetlishin N. A. [National Anti-Aircraft Forces in the Great Patriotic War]. Moscow: Nauka, 1979. 296 p. (In Russ.)
- Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 1974. No. 4. P. 23. (In Russ.)

ПЯТИДЕСЯТНИКИ КАЛМЫКИИ В ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Pentecostalism in Kalmykia during the Years of Soviet Power

С. С. Белоусов (*S. Belousov*)¹

¹кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Associate Professor, Senior Scientist of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: sbelousovelista@mail.ru.

В статье на основе архивных документов исследуется история религиозной жизни пятидесятников и анализируется политика государства в отношении пятидесятнических организаций в Калмыкии в советский период.

Ключевые слова: пятидесятники, религиозная политика, государственно-конфессиональные отношения, СССР, Калмыкия.

The article deals with the history of the Pentecostal Movement in Kalmykia during the Soviet period on the basis of archival documents. Pentecostal organisations were first founded in the German settlements of the Bolshederbetovsky ulus in the 1920s. However, the authorities arrested the leader of the Pentecostals and the organization was soon closed down.

The Pentecostal Movement continued to grow in the late 1950s, after the return of the German population to Kalmykia from places of deportation. In the 1950s and 1970s members of Pentecostal groups worked in 5 settlements, which were located in Gorodovikovsky and Yashaltinsky regions of the Kalmyk ASSR. Usually, the group consisted of 8–15 people, mostly persons of German nationality. By the end of the 1980s, the number of Pentecostals in Kalmykia had decreased and only one of their group had remained.

In the postwar period, the government had them merge with the Baptists and prevented them from registering. Therefore, they acted illegally.

The atheistic policy of the Soviet state caused the collapse of the Pentecostal Movement in Kalmykia which eventually resulted in the cessation of the influx of new members into a Pentecostal organization. Unlike the Baptists, the Pentecostals did not have the legal structures and were fewer in number, so most their groups disbanded.

Although in the late 1980s the religious policy of the Soviet state underwent positive changes, the Pentecostal movement in Kalmykia did not revive, where it had once been suppressed and most of their groups by this time had ceased to exist.

Keywords: Pentecostals, religious policy, state-confessional relations, the USSR, Kalmykia.

В Республике Калмыкия функционируют несколько религиозных объединений протестантской ветви христианства, в их числе пятидесятники, или, как они предпочитают себя называть, Христиане евангельской веры, Христиане веры евангельской.

Общероссийская история пятидесятников исследована достаточно полно, к данной теме обращались исследователи Р. Лункин [Лункин 2003], Т. Löfstedt [Löfstedt 2009], М. И. Одинцов [Одинцов 2012], А. Н. Москаленко [Москаленко 1973] и другие. Однако в региональном аспекте история

пятидесятников изучена еще недостаточно. Предлагаемая статья является первой в историографии попыткой исследования истории пятидесятнических организаций в одном из субъектов Российской Федерации — Республике Калмыкии.

Движение пятидесятников зародилось в баптистских общинах США в 1901 г., поэтому их вероучение близко к баптистскому. Основателем учения пятидесятников считается методистский пастор Чарльз Парем, сумевший увлечь своими идеями группу американских студентов-баптистов.

Краеугольным камнем учения является вера в особый дар Святого Духа, который нисходит на верующих во время моления, благодаря чему у них просыпается «дар говорения на иных языках». После сошествия Святого Духа у верующего открываются способности к исцелению больных, пророчеству, к знаниям дотоле незнакомых языков. Особое значение пятидесятники придают проповеди близости второго пришествия Иисуса Христа, соблюдению заповеди «не убий», с чем связано их резко отрицательное отношение к войне и военной службе. Пятидесятники активно занимаются миссионерской и благотворительной деятельностью, имеют свои школы и Библейские институты.

В Россию учение пятидесятников проникло в первом десятилетии XX в., и поскольку оно не входило в число запрещенных, то начало быстро распространяться по стране, увеличивая ряды своих сторонников в основном за счет бывших членов баптистских и адвентистских организаций.

На территории Калмыкии первые пятидесятники, или, как они себя называли, «Божьи дети», появились в 1920-е гг. в немецком селе Немецкая Хагинка Большедербетовского улуса. Первоначально их было немного (22 чел. в 1928 г.) [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 275., Л. 124 об.], однако они проявляли большую миссионерскую активность, поэтому численность их постоянно возрастала за счет притока новых членов из немецких баптистских и лютеранских организаций. В 1930 г. религиозное объединение «Божьи дети» насчитывало уже 55 человек, из них 21 являлись жителями с. Немецкая Хагинка и 34 — жителями х. Розенталь Цоросовского сельсовета [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 508а. Л. 34]. Пятидесятническое объединение было зарегистрировано органами государственной власти, руководили его деятельностью проповедник И. К. Мартенс и исполнительный орган из 4-х человек. Молитвенные собрания, в которых участвовало до 75 % членов объединения, пятидесятники устраивали обычно по воскресеньям в частных домах [АУ ФСБ РК. Фонд реабилитированных лиц. Д. 1021-Р. Л. 49].

На рубеже 1920–1930-х гг. власти приступили к ликвидации протестантских религиозных организаций и репрессиям против их руководителей и активистов. В середине 1930 г. ОГПУ арестовало 11 протестантов

с. Немецкая Хагинка, в том числе проповедника пятидесятников И. К. Мартенса. Всем задержанным лицам предъявили обвинения в контрреволюционной агитации и деятельности, антиколхозной агитации и распространении слухов о близкой гибели советской власти. Мартенс получил 8 лет заключения в концлагере.

После ареста лидера общество пятидесятников было закрыто властями. Возрождение пятидесятников началось в конце 1950-х гг., когда была восстановлена Калмыцкая АССР и возвратилось из мест депортации калмыцкое и немецкое население. Как и ранее, основной контингент пятидесятнических организаций, за отдельными исключениями, составили немцы.

Первая после Великой Отечественной войны пятидесятническая организация возникла в 1957 г. в с. Эсто-Алтай Яшалтинского района, однако о ее существовании уполномоченный по делам религиозных культов по Калмыцкой АССР узнал лишь спустя несколько лет. В 1968 г. к нему поступила информация от сельских властей о том, что им удалось выследить нелегальное собрание пятидесятников и составить по этому поводу акт. По их данным, в группу тогда входили 10 человек, и все они являлись жителями с. Эсто-Алтай [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2157. Л. 92].

В 1970-е гг. возникли новые пятидесятнические группы в селах Ульяновке, Краснополье Яшалтинского района, в поселках Южном и Садовке Городовиковского района. Они были немногочисленными (от 7 до 35 чел. каждая) и почти полностью состояли из лиц немецкой национальности. Самой крупной и устойчивой среди них была группа пятидесятников в с. Краснополье Городовиковского района. Она образовалась в 1974 г. и первоначально насчитывала 9 чел. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 745. Л. 28], затем к 1977 г. группа выросла до 35 чел. [НА РК. Р-309. Оп. 1. Д. 2158. Л. 47], с 1978 по 1990 г. ее численность была стабильной — от 11 до 15 чел.

Во второй половине 1970-х гг. краснопольских пятидесятников возглавлял Г. Х. Герман, в 1980-е гг. — Х. С. Иккерт, О. Р. Витт, Е. Д. Иккерт.

В первой половине 1970-х гг. группа пятидесятников в количестве 7 человек образовалась в с. Ульяновка (бывшая Немецкая Хагинка), однако просуществовала она непродолжительное время: в 1975 г. после

смерти ее 4-х участников оставшиеся трое перешли к баптистам, и группа, таким образом, распалась [НА РК. Р-309. Оп. 1. Д. 2157. Л. 43об.].

До середины 1980-х гг. в Яшалтинском районе действовала основанная в 1957 г. группа пятидесятников в с. Эсто-Алтае. Во второй половине 1970-х гг. ее возглавлял В. В. Сартисон, и она насчитывала от 7 до 11 чел. В 1979 г. в упомянутое село переехала на жительство из Казахстана семья Д. С. Геллерта, и численность группы возросла до 15 чел. Д. С. Геллерт стал пресвитером группы и руководил ею до перехода в начале 1980-х гг. эстоалтайских пятидесятников в баптизм [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2160. Л. 44].

В 1970-е гг. группы пятидесятников появились в населенных пунктах граничащего с Яшалтинским Городовиковского района: в п. Южном и Садовке. В последнем группа возникла в 1973 г., в начале 1980-х гг. число ее членов не превышало 8 чел. После переезда в 1982 г. в г. Городовиковск ее лидера Р. И. Иккерта и в результате «разъяснительной работы», как говорилось в одном из документов уполномоченного по делам религиозных культов Калмыцкой АССР, группа перестала собираться на молитвенные собрания и, в конечном счете, распалась [НА РК П-1. Оп. 56. Д. 159. Л. 20].

Крайне скудны сведения о пятидесятниках п. Южного. По информации уполномоченного по делам религиозных культов по Калмыцкой АССР, их численность на 18 января 1979 г. составляла 6 человек [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 17]. Более данных об этой группе в документах не встречается, что дает основание предположить кратковременность ее существования.

К началу последнего десятилетия XX в. из 5 действовавших прежде организаций пятидесятников 4 прекратили свое существование, сохранилась только единственная группа в с. Краснополье Яшалтинского района. Следует признать, что властям удалось пресечь развитие пятидесятнического движения в Калмыкии. Пятидесятники были отнесены советскими властями к разряду вредных сект, поэтому по отношению к ним проводилась более жесткая, по сравнению с баптистами, политика. Им отказывали в регистрации и старались не допустить создания центрального органа. В 1944 г. пятидесятники («Христиане веры евангельской») были объединены с бапти-

стами, однако около половины пятидесятнических общин отказались подчиниться данному решению. По данным властей, в 1970 г. в СССР функционировало 910 религиозных объединений пятидесятников, а общая их численность в 1974 г. составила около 60 тыс. человек [Королев А. А. и др.: 128].

Пятидесятников преследовали за попытку следовать доктрине «непротивления злу», что в ряде случаев вылилось в отказ отдельных молодых людей служить в Советской армии, за их стремление отгородиться от политической и общественной жизни в стране, за активную правозащитную деятельность и апелляцию к общественному мнению западных стран, правительства которых использовали и факты ущемления прав пятидесятников в борьбе с советским государством.

В 1970-е гг. среди пятидесятников усилились эмигрантские настроения, получила распространение идея покинуть «безбожную» страну, на которую обрушится гнев Божий [Королев и др.: 129].

Пятидесятники Калмыкии, как и их единоверцы по всей стране, были лишены возможности зарегистрировать свои организации и открыто отправлять свой религиозный культ, не говоря уже о какой-либо миссионерской деятельности. Религиозные обряды они проводили тайно, по очереди, на квартирах своих единоверцев, во время молений они нередко использовали записанные на магнитофоны во время прослушивания религиозных передач западных радиостанций религиозные проповеди и песни. Некоторые из пятидесятников имели родственников в ФРГ и вели с ними переписку [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 66].

В с. Краснополье и с. Эсто-Алтае пятидесятники пытались привлечь своих детей к религии и оградить их от влияния школы и государства. В «Справке о религиозной обстановке в республике» от 10 марта 1980 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Калмыцкой АССР С. С. Васькин отмечал, что пятидесятники с. Краснополя стремятся втянуть детей в «активную религиозную жизнь» и «всячески упорствуют участию своих детей в общешкольных мероприятиях» [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 31]. В апреле 1979 г. председатель Березовского сельского совета Е. Л. Блажко и С. С. Васькин в беседе с одним из лидеров краснопольских

пятидесятников, О. Р. Виттом предупредили его о недопустимости вовлечения детей в религиозную деятельность, однако тот не согласился с ними и заявил, что он и его единоверцы являются «божьими детьми» и иначе жить не могут и что сам Бог им велел воспитывать детей в том же духе [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 13].

Калмыцким пятидесятникам не удалось подготовить себе смену в лице молодого поколения, хотя отдельные случаи проявления религиозности среди молодежи встречались. В 1981 г., например, общественный резонанс в республике вызвал отказ по религиозным убеждениям призывника-пятидесятника Р. Д. Геллерта принять воинскую присягу и оружие в армии [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 66].

Партийно-государственные органы Калмыцкой АССР оказывали давление на пятидесятников с целью заставить их свернуть свою деятельность и не допустить увеличения численности их рядов. Поскольку государство считало нецелесообразным регистрировать организации пятидесятников, то в их отношении принимались меры запретительного характера или проводилась политика слияния их с баптистами, учение которых было близко к пятидесятническому. Растворением пятидесятников в баптистской среде власти одновременно решали две проблемы: во-первых, лишали их организационных структур, а, во-вторых, повышали эффективность надзора за ними.

В Калмыкии также предпринимались попытки объединить пятидесятников с баптистами. Вопрос этот, например, рассматривался на встрече в начале июня 1975 г. уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Калмыцкой АССР И. Ф. Азыдова и представителей местных властей с пятидесятниками с. Краснополя и с. Ульяновки. По информации уполномоченного, пятидесятники названных сел согласились объединиться с зарегистрированными баптистами, однако официально согласие не было оформлено, как говорилось в документе, из-за начавшейся уборочной страды [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 745. Л. 9].

Властям удалось добиться определенно-го успеха в политике слияния пятидесятников с баптистами: к последним, в конечном итоге, примкнули ульяновские и эстоалтайские пятидесятники. Впрочем, случалось и обратное. В 1982 г., например, к пятидесят-

никам с. Краснополя перешли 7 местных баптистов [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2160. Л. 41]. В Городовиковском и Яшалтинском районах факты переходов верующих из одной протестантской группы в другую были не такой уж и редкостью, на что обращали внимание в своих информационных отчетах в Совет по делам религиозных культов при Совете министров СССР уполномоченные по Калмыцкой АССР.

На пятидесятников, которые отказывались перейти в баптизм и продолжали собираться на моления, власти оказывали давление с целью заставить их прекратить коллективное отправление религиозных обрядов. Вначале их лидеры получали предупреждения, и если это не помогало, то следовали административные меры воздействия. В 1977 г. Яшалтинский райисполком официально предупредил руководителя краснопольских пятидесятников об ответственности за нелегальные собрания, и с него была взята расписка о прекращении деятельности группы [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2158. Л. 47]. В «Справке о религиозной обстановке в Яшалтинском районе» уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Калмыцкой АССР, датируемой 15 апреля 1979 г., отмечалось, что пятидесятники с. Краснополя трижды предупреждались о незаконной деятельности — в случае ее продолжения они будут наказаны уже в административном порядке [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 13].

Уполномоченный и местные власти практиковали встречи с пятидесятниками. На них верующих знакомили с советским законодательством о религиозных культах, проводили с ними профилактические беседы. Такие встречи прошли в апреле 1979 г. в с. Краснополе и с. Эсто-Алтае. После собрания в с. Эсто-Алтае уполномоченный по делам религиозных культов по КАССР попросил руководителей баптистов и пятидесятников остаться, чтобы обсудить некоторые вопросы, однако лидеры пятидесятников проигнорировали данную просьбу [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2164. Л. 14].

В 1980-е гг. численность пятидесятников в Калмыкии постепенно сокращалась, и так как они были малочисленными вследствие отсутствия притока к ним новых членов, их группы прекращали свое существование. В 1990 г. в Калмыкии действовала всего одна группа пятидесятников, состоявшая из 12 человек. Она находилась в с.

Краснополье, и, поскольку государственная политика в отношении религии к этому времени изменилась в лучшую сторону, то пятидесятникам предложили зарегистрироваться. Однако на все призывы властей зарегистрироваться пятидесятники отвечали отказом, ссылаясь на свою немногочисленность и старость [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2170. Л. 30]. Большинство из них действительно достигли старческого возраста, на свои моления они собирались нерегулярно, и потому смысла в регистрации группы не видели. Интересно, что пятидесятники в то время осуществляли свою деятельность уже открыто, не скрывая места и времени проведения молитвенных собраний.

На рубеже последнего десятилетия XX столетия вследствие позитивных перемен в религиозной политике советского государства перед пятидесятниками Калмыкии, казалось бы, открылись перспективы для активизации своей деятельности, однако этого не произошло. В результате мощной, многолетней атеистической пропаганды государства, постоянного давления на пятидесятников со стороны властей, отсутствия легальных возможностей для деятельности в пятидесятнические организации почти прекратился приток новых adeptов. Старшее поколение верующих нечем было заменить, поэтому не было динамики роста.

В этой связи важно отметить, что для пятидесятников Калмыкии 1950–1980-х гг. характерным было преобладание среди них людей старших возрастов. Так, в 1977 г. из 35 членов краснопольской группы только

9 человек были в возрасте до 40 лет, все остальные были старше указанного возраста [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 2158. Л. 48]. Спустя 10 лет, в 1987 г., в данной группе в возрасте от 50 до 60 лет было 4 чел., 60–70 лет — 5 чел., 70–80 лет — 3 чел., за 80 лет — 1 чел. [НА РК Р-309. Оп. 1. Д. 2176. Л. 13].

В гендерном отношении у пятидесятников Калмыкии наблюдалось явное преобладание женщин, количество которых в 1950–1980-е гг. в 3–5 раз превышало количество мужчин.

На всем протяжении послевоенного периода в составе пятидесятников Калмыцкой АССР преобладали пенсионеры и лица, не занятые в сфере общественного производства, т. н. домохозяева. Среди пятидесятников не было руководителей государственных и общественных учреждений и предприятий, работников в сферах культуры и образования, среди трудившихся в сфере общественного производства преобладали чабаны, доярки, механизаторы, рабочие.

У пятидесятников Калмыкии был низок уровень образования: отсутствовали лица с высшим образованием, крайне редко встречались люди со средним специальным образованием, большинство имели начальное (4–8 классов) образование, встречались даже неграмотные.

Особенности профессионально-возрастной структуры пятидесятников в определенной степени снижали их зависимость от властей, ограничивали возможности последних в плане применения в отношении верующих административных рычагов воздействия.

Источники

- Архивное управление Федеральной службы безопасности по Республике Калмыкия. Фонд реабилитированных лиц (АУ ФСБ РК).
Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК).

Литература

- Королёв А. А., Королёва Л. А., Молькин А. Н. Движение пятидесятников в СССР. 1950–1980 гг. // Исторические исследования. 2013. № 6. С. 125–131.
Лункин Р. Пятидесятничество и харизматическое движение // Современная религиоз-

ная жизнь России: Опыт систематического описания / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. Т. II. М., Кестонский институт – Логос, 2003. С. 241–387.

- Löfstedt, T. From Sect to Denomination: The Russian Church of Evangelical Christians // Global Pentecostalism: Encounters with Other Religious Traditions. Ed. by David Westerlund. London, I. B. Tauris, 2009 (Library of Modern Religion Series). P. 157–178.
Одинцов М. И. Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой... История пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб.: Рос. об-ние исслед. религии, 2012. 504 с.
Москаленко А. Пятидесятники. М.: Политиздат, 1973. 199 с.

Sources

- Archival Department, Federal Security Service Office in the Republic of Kalmykia. Section 'Rehabilitated Individuals'. (In Russ.)
National Archive of the Republic of Kalmykia.
State Archive of the Russian Federation.

References

- Korolev A. A., Koroleva L. A., Molkin A. N. Pentecostal movement in the USSR. 1950–1980. *Genesis: Historical Research*. 2013. No. 6. Pp. 125–131. (In Russ.)
Löfstedt, T. From sect to denomination: the Russian Church of Evangelical Christians. In: *Global Pentecostalism: Encounters with Other*

Religious Traditions. David Westerlund (ed.). London, I. B. Tauris, 2009 (Library of Modern Religion Series). Pp. 157–178. (In Eng.)

- Lunkin R. Pentecostalism and Charismatic movement. In: [Religious Life in Contemporary Russia: a Systematic Description]. M. Burdo, S. B. Filatov (eds.). Vol. II. Moscow: Keston Institute, Logos, 2003. Pp. 241–387. (In Russ.)
Moskalenko A. [Pentecostals]. Moscow: Politizdat, 1973. 199 p. (In Russ.)
Odintsov M. I. ['Thou Shall Receive Power When the Holy Spirit Comes upon You': History of Pentecostal Church in Russia, 19th - 20th Centuries]. St. Petersburg: Russian Association of Scholars in Religion, 2012. 504 p. (In Russ.)

УДК 90216331 (574.1)
ББК Т442.13 (5 Каз-43 ап)

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

Mesolithic Monuments of the Western Kazakhstan

Е. Е. Клышев (E. Klyshev)¹, П. М. Кольцов (P. Koltsov)²

¹аспирант кафедры всеобщей истории Калмыцкого государственного университета (Post-graduate Student of the Global History Department at Kalmyk State University). E-mail: klyshev_erlan82@mail.ru.

²доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of History, Professor, Head of the Global History Department at Kalmyk State University). E-mail: koltsov_pm@kalmsu.ru.

Статья посвящена состоянию изученности мезолитических памятников Западного Казахстана, их культурной принадлежности и вопросам соотношения с древностями соседних областей. Анализ археологического материала позволил исследователям выделить две группы мезолитических памятников. Первая располагается на Устюрте и в культурном плане близка мезолиту Восточного Прикаспия и Южного Урала, вторая, в окрестностях Камыш-Самарских озер, демонстрирует культурное единство с мезолитом Северного Прикаспия.

Ключевые слова: мезолит, мезолитические памятники, каменный инвентарь, микролиты, культурная принадлежность, сероглазовская культура.

The article investigates Mesolithic monuments in Western Kazakhstan. A mesolithic monument Ustyurt is represented by the monuments of Aydabolskaya group: Aydabol 6-7, 9-12, 14-16, 20-23, 25; Aktaylak 1 (layer 1), Aktobe 2, Tchuruk 2 (layers 1 and 2), Tchuruk 3 (layer 2), etc. The Mangystau Region is known for its Kyzylsu 1 and Shahbagatta 2 sites. Stone tools of the sites listed above are featured by a plate technique and such items as end scrapers, draw knives, asymmetrical and less symmetrical trapezoids, mini tool bits, tool bits, end-beveled barbs and plates with a straight truncated end. Items listed above are similar to those found in the sites of the Eastern Caspian Sea region and Southern Ural – the materials of Bilshoy Bugodak 4, Surtanda 6, Murat and Mys Bezymyanny. The similarity consists in vicinity of the trapezoids, ratio of plates and microplates with a blunt edge and end scrapers.

Mesolithic of Volga and Ural interfluvium of Western Kazakhstan is presented by such sites as Sar-Aydin 1-3, Mindali 1, 3, etc. They are located in the neighboring regions of Kamysh-Samar lakes. Lithic industry is platy. Stone tools include end scrapers, angular tool bits, incised drawknives, plates with beveled and straight truncated end. Among geometric figures a series of segments with unilateral and bilateral retouch is the most expressive. Less common are symmetrical trapezoid, including the “cornute” as well as parallelograms. The above materials demonstrate the cultural unity with Seroglazovka culture of the Northern Caspian.

Summing up, it can be noted that in the West Kazakhstan region there are two Mesolithic sites. The first is located in the Ustyurt which is culturally close to the Mesolithic Eastern Caspian and Southern Ural, and the second – in the neighboring Kamysh-Samar lakes which demonstrates the cultural unity with the Mesolithic Northern Caspian.

Keywords: Mesolithic, Mesolithic monuments, stone tools, microlites, cultural membership, Seroglazovka culture.

Мезолит Казахстана изучен крайне недостаточно. В Северном Казахстане, благодаря исследованиям В. Ф. Зайберта, Г. Б. Здановича, В. Н. Логвина и других, был открыт ряд стоянок мезолитического времени: Виноградовка 10, 12, Дузбай 6, Евгеньевка, Дачная и др. [Зайберт и др. 1981: 9–10]. В Центральном Казахстане известны следующие мезолитические стоянки: Тельмана 7, 8а, 9а, 14а, Акимбек, Караганда 15, Дермен и другие [Тебаев 2002: 203]. В Восточном Казахстане к мезолиту можно отнести третий слой позднепалеолитической стоянки Шульбинка [Таймагамбетов 1987: 5]. Мезолит Южного Казахстана представлен такими памятниками, как Жаначилиик 1–3, Маятас, Шахантай 1, Сорколь 1, 2 и др. [Бексеитов 2002: 4].

На территории собственно Западного Казахстана мезолитические стоянки известны на Мангыстау (Кызылсу 1, Шахбагатта 2) и в окрестностях Камыш-Самарских озер (Сор-Айдын 1, 3, Миндали 1, 3) [Иванов, Васильев 1995: 47].

Стоянка Кызылсу 1 характеризуется большими сериями концевых скребков, скобелями с мелковыемчатыми и вогнутыми краями, асимметричными и реже симметричными трапециями, «микрорезцами», резцами, наконечниками стрел листовидной формы с выемкой в основании, вкладышами, острями со скошенным концом, пластинками с подретушированным по слому концом.

Близкие аналогии перечисленным выше изделиям можно найти в памятниках северо-западного Устьурта (Айдабольская группа). Мезолит на Устьурте впервые открыл и выделил Е. Б. Бижанов. К Айдабольской группе относятся стоянки Айдабол 6–7, 9–12, 14–16, 20–23, 25; Актайлак 1 (слой 1), Актобе 2, Чурук 2 (слоя 1 и 2), Чурук 3 (слой 2) и другие. Все стоянки открытого типа [Коробкова 1989: 152].

Для мезолита Устьурта характерна пластинчатая индустрия. Основными заготовками служили пластинки, микропластинки и их сечения, реже использовались крупные пластины и отщепы. В технике вторичной обработки доминирует притупляющая ретушь, нанесенная по одному или двум краям изделия, в том числе по верхнему скошенному или прямому концу. Часто применялась противоположащая ретушь. Реже представлена приостряющая ретушь, оформляющая орудие с двух сторон, и техника резцового скола.

Набор типов изделий включает крупные симметричные и асимметричные трапеции высоких и удлинённых пропорций с одним вогнутым и другим выпуклым боковыми краями. Есть экземпляры, где притупляющая ретушь нанесена по трем краям. Интересны образцы с выемкой по верхнему концу («рогатые» трапеции). Типичны пластинки с притупленной спинкой, скошенным или прямым ретушированным верхним концом. Имеются в коллекции концевые скребки на пластинчатых отщепах или на коротких сечениях крупных пластин, в том числе двойные. Единичны скребки, изготовленные на целых пластинах с дополнительной ретушью на продольных краях. Немногочисленны скребки округлой формы. Показательны резцы срединные и на углу сломанной пластины, острья со специально выделенным концом и микроострия, «карандашевидные» подконические нуклеусы с круговым скалыванием. Единичны наконечники стрел миндалевидной и листовидной формы, обработанные краевой ретушью. Отдельно выделяются наконечники стрел, оформленные с обеих сторон сплошной ретушью. Украшения представлены изделиями из раковин.

Относительно культурной принадлежности устьуртского мезолита существует несколько точек зрения. По предположению Е. Б. Бижанова, на Устьурте бытовала своеобразная культура местного происхождения, сформированная под воздействием мезолитических культур Прикаспия и Южного Урала [Бижанов 1996: 23]. Г. Ф. Коробкова считает, что материалы устьуртских стоянок абсолютно тождественны каменной индустрии Дефе-Чаганак. Сходство проявляется в формах трапеций, «карандашевидных» нуклеусах, микропластинках с притупленным краем, скошенным концом, концевых скребках на сечениях крупных пластин, единичных резцах. Это обстоятельство, по мнению исследователя, дает возможность сделать вывод об однокультурности комплексов Дефе-Чаганак и синхронных памятников Устьурта [Коробкова 1989: 169].

Определенное сходство памятники Устьурта обнаруживают с индустрией Южного Урала — с материалами Большого Бугodka 4, Суртанды 6, Мурата, Мыса Безымянного. Сходство проявляется в близости трапеций, соотношении пластин и микропластин с притупленным краем, концевых скребков.

Таким образом, географическое положение мезолитического населения Устюрта, а вместе с тем и Мангыстау, позволяло ему поддерживать тесные контакты с древним населением как Прикаспия, так и Южного Урала, что получило отражение в археологических памятниках.

Хозяйство мезолитического населения Устюрта определялось охотой и собирательством. В сфере домашних производств занимались кожевенным, косторезным и деревообрабатывающим делом, о чем свидетельствует трассологический анализ орудий труда [Коробкова 1989: 155–157].

Мезолит Волго-Уральского междуречья Западного Казахстана изучен несколько лучше. Так, к этой эпохе относится стоянка на юго-западном берегу озера Сор-Айдын. Обнаруженные предметы материальной культуры характеризуются крупными удлиненными сегментами с затупливающей ретушью; высокими концевыми скребками с ретушью по периметру, изготовленными на крупных пластинках; пластинками со скошенным концом; остриями со специально выделенным «жальцем», сделанными из отщепов. Материал стоянки находит близкие аналогии с индустрией раннего периода обишурской культуры.

В 1980-е гг. в окрестностях Камыш-Самарских озер был открыт еще ряд мезолитических стоянок: Сар-Айдын 1–3, Миндали 1, 3 и др. Стоянка Сарайдин 1, расположенная в низовье р. Малый Узень близ села Новая Казанка на одноименном бархане, содержала довольно представительную коллекцию каменных изделий (228 экз.), в ней преобладают ножевидные пластины без ретуши, а среди орудий — ножевидные пластины с ретушью.

Из орудий наиболее выразительна серия сегментов (16 экз.) с односторонней и двусторонней (гелуанской) ретушью. Среди геометрических форм также встречаются симметричные трапеции, в том числе «рогатые», и параллелограммы. В инвентаре представлены скребки (21 экз.), преимущественно концевые на пластинах и пластинчатых отщепах, угловые резцы, выемчатые скобели и пластины со скошенным и прямо срезанным концом. В качестве сырья использовался темно-серый, прозрачный и полупрозрачный халцедон, чаще именуемый археологами кремнем [Иванов, Васильев 1995: 80].

В 2003 г. на западном берегу озера Сор-Айдын (район Камыш-Самарских озер) была открыта мезолитическая стоянка, обозначенная как Новая Казанка 1. Артефакты в количестве 2189 экз. были собраны на дневной поверхности. В качестве сырья использовался преимущественно кремль разных оттенков [Артюхова и др. 2003: 52]. Характер индустрии пластинчатый. Орудийный набор представлен скребками, сегментами с одно- и двусторонней обработкой дуги лезвия, пластинами с косо- и прямо срезанными концами, резцами, отщепами с ретушью. Наконечников стрел, проколов, трапеций и треугольников значительно меньше. Отходов производства и технических сколов в коллекции — 1607 экз.

Памятники, расположенные в окрестностях Камыш-Самарских озер, предположительно можно объединить в один культурный комплекс. В пользу этого свидетельствует наличие единого сырья и набора каменных изделий. Культурную специфику перечисленных выше памятников составляет большое количество сегментов, обработанных одно- и двусторонней ретушью по дуге лезвия. Остальные микролиты — трапеции, параллелограммы и треугольники — представлены единично. Близкие аналогии перечисленным выше изделиям можно найти в мезолитических стоянках Северного Прикаспия (Же-Калган 1, Исатай 1, 4, 4б, 5а-в, Шонай 3, 4, 7 и др.) [Васильев, Выборнов 1986; Комаров 2000].

Культурная принадлежность мезолита северокаспийского региона нашла освещение в работах А. Н. Мелентьева [Мелентьев 1977; 1978]. Выделение им сероглазовской культуры мезолита и раннего неолита было поддержано другими исследователями с некоторыми оговорками [Васильев и др. 1988; Кольцов 2004]. Для кремневой индустрии сероглазовской культуры характерна пластинчатость и микролитовидность заготовок. Из пластин и микропластин изготавливались концевые скребки, резцы на углу сломанной пластины, скобели, острия и др. В ассортименте изделий часто встречаются пластины со скошенным и прямо срезанным концом.

Другой характерной особенностью мезолита данного региона является широкое употребление геометрических микролитов. Среди них выделяются сегменты с одно- и двусторонней обработкой дуги лезвия, параллелограммы с различной ретушью на

брюшке, низкие симметричные трапеции. Из всего набора геометрических микролитов ведущее место занимают сегменты и параллелограммы. Значительно меньше трапеций, треугольники единичны.

Таким образом, общий характер каменной индустрии и устойчивый набор орудий (концевые скребки со скошенным рабочим лезвием, «микрорезцы», пластины со скошенным и прямо срезанным концом, параллелограммы, сегменты с двусторонней обработкой дуги и т. д.) мезолитических памятников Камыш-Самарских озер и Северного Прикаспия, позволяет объединить их в рамках сероглазовской культуры.

Что же касается самой сероглазовской культуры, то она тяготеет к кругу мезолитических индустрий южной традиции. Для примера можно привести стоянки Циганица 1 на Ергенях и Харба в Сарпинской низменности, где отмечены двусторонне обработанные сегменты, трапеции, параллелограммы, пластины с характерной сероглазовской техникой обработки [Праслов 1971; Кольцов 2005]. Близкие черты материальной культуры прослеживаются на Кавказе и Предкавказье — стоянки Эдзани, Квачара, Томузловка, Гофитское, Комарово [Габуния, Церетели 1977; Амирханов 1999; Захариков 2003; Гиджрати 1986: 11–16]. Двусторонне обработанные сегменты встречаются в мезолитических комплексах восточного Крыма [Мацкевой 1977; Горелик 1984], вплоть до ближневосточного региона [Мелларт 1982: 19].

В Актюбинской области к мезолитическому периоду можно отнести часть каменных изделий из местонахождения Каменный брод. В качестве сырья для каменной индустрии использовался кварцит, кремль и другие породы. Среди находок преобладают отходы производства (2736 экз.). В большом количестве представлены скребки, микроскребки на отщепах, вкладыши и орудия на ножевидных пластинах, двусторонне обработанные наконечники стрел. Значительно меньше нуклеусов, остроконечников, проколов и резцов.

В 1983 г. в районе Каменного брода были выявлены еще две стоянки. Стоянка 1 расположена в нижней части склона коренного левого берега р. Иргиз. Каменные изделия изготовлены в основном на отщепах. Орудия представлены округлыми скребка-

ми, проколами, резцами. Встречены также два остроконечника, рубило, скребло, нуклеус полигональной формы. Материалом для изготовления заготовок и орудий послужили кремнистые алевролиты и песчаники (кварциты) зеленовато-желтого, «табачного» цвета.

Выхода на дневную поверхность указанного сырья в окрестностях стоянки не обнаружено.

Стоянка 2 расположена в 600 м севернее предыдущей, в месте, где коренной берег вплотную подходит к руслу р. Иргиз. В районе стоянки собрано небольшое количество микролитов (трапеций) и отщепов. Микролитический инвентарь изготовлен из светлых кремней и опало-халцедона, резко отличных от орудий на отщепах из кварцита. По-видимому, такое сочетание орудий и материала говорит о смешанном характере каменного инвентаря стоянки. Найденные артефакты предположительно относятся к мезолиту и неолиту. Трапеции и другие архаичные типы орудий (пластинки с притупленным краем, с кососрезанными концами) можно отнести к мезолиту. Остальной инвентарь датируется неолитическим временем.

Наиболее близкие аналогии каменным изделиям мезолитического времени находятся на Южном Урале. Некоторые типы трапеций достаточно близки трапециям из Восточного Прикаспия. Эти данные согласуются с мнением Г. Н. Матюшина, который считал, что заселение Южного Урала в эпоху мезолита происходило именно с заселением Восточного Прикаспия, через территорию Западного Казахстана [Матюшин 1976; Мамиров 2002: 116–117]. Возможно, что памятник Каменный брод был как раз на пути этих миграций.

Подводя итоги, можно отметить, что на территории Западного Казахстана выделяются два района мезолитических памятников. Первый располагается на Устюрте, в культурном плане близок мезолиту Восточного Прикаспия и Южного Урала, второй, в окрестностях Камыш-Самарских озер, демонстрирует культурное единство с мезолитом Северного Прикаспия. Для более определенных выводов необходимо планомерное изучение огромных территорий в бассейнах рек Эмба, Урал, Уил, Илек, Хобда, Иргиз и др.

Литература

- Амирханов Х. А. К проблеме истоков мезолита Северного Прикаспия // Кавказ и степной мир в древности и среднике века. Мат-лы Междунар. науч. конф. Махачкала, 1999. С. 7–10.
- Артюхова О. А., Бексеитов Г. Т., Першикова Т. Н. Полевые исследования палеолитического отряда УКАЭ в 2003 году // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Сб. научных статей. Вып. 2. Уральск, 2003. С. 51–55.
- Бексеитов Г. Т. Раннеголоценовые комплексы северо-восточной части хребта Каратау (Южный Казахстан): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 2002. 32 с.
- Бижанов Е. Б. Каменный век Устюрта: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1996. 42 с.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Межвуз. сб. науч. трудов. Саратов: изд-во Саратов. ун-та, 1986. С. 3–20.
- Васильев И. Б., Выборнов А. А., Комаров А. М. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 3–41.
- Габуня М. К., Церетели Л. Д. Мезолит Грузии // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1977. Вып. 149. С. 34–41.
- Гиджрати Н. И. Новые сведения о каменном веке Северной Осетии // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ, 1986. С. 8–29.
- Горелик А. Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья // Материалы каменного века на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1984. С. 4–23.
- Захариков А. П. Разведки памятников каменного века в Центральном Предкавказье в 2001 году // Археологические записки. Каменный век. Ростов-на Дону: Изд-во «Дон. археолог. о-во», 2003. Вып. 3. С. 97–102.
- Зайберт В. Ф., Потемкина Т. М., Хотинский Н. А. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // Советская археология. М.: Наука, 1981. № 3. С. 9–10.
- Иванов И. И., Васильев И. Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: Интеллект, 1995. 259 с.
- Кольцов П. М. Культурная принадлежность мезолитических памятников североприкаспийского региона // Вестник института. Элиста: КИСЭПИ, 2004. Вып. 1. С. 168–177.
- Кольцов П. М. Мезолит и неолит Северо-Западного Прикаспия. М.: Изд-во ГЖО «Воскресенье», 2005. 316 с.
- Комаров А. М. Мезолит Северного Прикаспия // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 20 с.
- Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. Мезолит СССР. М.: Наука, 1989. С. 149–173.
- Мамиров Т. Б. Каменный инвентарь стоянки «Каменный Брод» // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и дальнего Востока: Мат-лы XLII регионал. археолого-этнограф. Студенч. конф. Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. С. 116–117.
- Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М.: Наука, 1976. 303 с.
- Мацкевой Л. Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. Киев: Наукова Думка, 1977. 163 с.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 150 с.
- Мелентьев А. Н. Мезолит Северного Прикаспия // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1977. Вып. 149. С. 100–108.
- Мелентьев А. Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1978. Вып. 153. С. 99–103.
- Праслов Н. Д. Памятники каменного века Южных Ергеней // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1971. Вып. 126. С. 102–107.
- Таймагамбетов Ж. К. Памятники каменного века // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата: Наука Казахской ССР, 1987. С. 9–23.
- Тебаев Д. Б. Раннеголоценовая стоянка Дермен на р. Нуре // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и дальнего Востока: Мат-лы XLII Регион. археолого-этнограф. студенч. конф. Омск: изд-во ОмГПУ, 2002. С. 408–409.
- Amirkhanov Kh. A. Beginnings of the Mesolithic in the North Caspian Region revisited. In: [Caucasus and Steppe: Ancient Times and Middle Ages]. Conf. proc. Makhachkala, 1999. Pp. 7–10. (In Russ.)
- Artyukhova O. A., Bekseitov G. T., Pershikova T. N. Paleolithic crew of the Ural-Kazakhstan Archaeological Expedition: 2003 field studies. In: [Western Kazakhstan: Issues of History and Archaeology]. Coll. scholarly articles. Vol. 2. Uralsk, 2003. Pp. 51–55. (In Russ.)
- Bekseitov G. T. [Northeast Areas of the Karatau Mountain Range (Southern Kazakhstan): Early Holocene Complexes]. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Almaty, 2002. 32 p. (In Russ.)
- Bizhanov E. B. [Stone Age of the Ustyurt]. Dr.Sc. (history) thesis abstract. Tashkent, 1996. 42 p. (In Russ.)
- Gabuniya M. K., Tsereteli L. D. Mesolithic in Georgia. In: [Institute of Archaeology (USSR Academy of Sciences): Brief Reports]. Moscow: Nauka, 1977. Vol. 149. Pp. 34–41. (In Russ.)
- Gidzhрати N. I. Stone Age in North Ossetia: recent data. In: [Archaeology of the Central Caucasus: Recent Findings]. Ordzhonikidze: North Ossetian State University, 1986. Pp. 8–29. (In Russ.)
- Gorelik A. F. Mesolithic in the Northeastern Black Sea Region. In: [Stone Age Findings of Ukraine]. Kiev: Naukova Dumka, 1984. Pp. 4–23. (In Russ.)
- Ivanov I. I., Vasiliev I. B. [Ryn Desert of the Volga-Ural Interfluve: Man, Nature and Soils during the Holocene]. Moscow: Intellekt, 1995. 259 p. (In Russ.)
- Koltsov P. M. [Mesolithic and Neolithic in the Northwestern Caspian]. Moscow: Voskresenie, 2005. 316 p. (In Russ.)
- Koltsov P. M. North Caspian Region: cultural affinities of (discovered) Mesolithic monuments. *Vestnik instituta (KISEPI)*. 2004. No. 1. Pp. 168–177. (In Russ.)
- Komarov A. M. [Mesolithic in the North Caspian]. Cand.Sc. thesis abstract. Izhevsk, 2000. 20 p. (In Russ.)
- Korobkova G. F. Mesolithic in Soviet Central Asia and Kazakhstan. In: [Soviet Archaeology: Mesolithic in the USSR]. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 149–173. (In Russ.)
- Mamirov T. B. Kamennyi Brod site: stone tools (discovered). In: [Ancient and Contemporary Societies of Siberia and the Russian Far East: Cultural and Historical Studies]. Conf. proc. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2002. Pp. 408–409. (In Russ.)
- Vasiliev I. B., Vybornov A. A. Lower Volga Region: Stone and Bronze ages. In: [Ancient and Medieval History of the Lower Volga Region]. Coll. papers. Saratov: Saratov State University, 1986. Pp. 3–20. (In Russ.)
- Vasiliev I. B., Vybornov A. A., Komarov A. M. Mesolithic monuments of the North Caspian region. In: [Archaeological Cultures of the North Caspian Region]. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1988. Pp. 3–41. (In Russ.)
- Zakharikov A. P. Investigating Stone Age monuments of Central Ciscaucasia in 2011. In: [Archaeological Notes: Stone Age]. Rostov-on-Don: Don Archaeological Society, 2003. Vol. 3. Pp. 97–102. (In Russ.)
- Zaybert V. F., Potemkina T. M., Khotinsky N. A. Mesolithic in forest-steppe territories of the Tobol-Irtysh interfluve. *Sovetskaya arkheologiya*. 1981. No. 3. Pp. 9–10. (In Russ.)

**ПОГРЕБЕНИЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ С ПРЕДМЕТАМИ
УЗДЕЧНОГО НАБОРА В ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА АДРЫГ**
Burial of the Scythian Period with Bridle Set in the Animal Style from the Burial Adryg

М. А. Очир-Горяева (M. Ochir-Gorjaeva)¹, Е. Г. Буратаев (E. Burataev)²

¹доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела первобытной археологии Института археологии им. А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан (Ph. D. of History, Senior Scientist of the Department of Prehistoric Archeology at the Institute of Archeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan). E-mail: mariaochir@rambler.ru.

²аспирант, младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student, Researcher of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: burataev1981@mail.ru.

Статья посвящена публикации погребения с предметами уздечного набора в зверином стиле из кургана 7 могильника Адрыг, расположенного в Сарпинской низменности (Октябрьский район Республики Калмыкия). Методология исследования основана на анализе археологических источников, в данном случае, погребения могильника Адрыг и погребения у с. Хошеутово. Выполняется сравнительный анализ комплекса уздечных украшений (бляшек) могильника Адрыг с аналогичным комплексом погребения у с. Хошеутово. Одновременно в статье рассматривается закономерность в расположении погребенных в могиле. Сделано предположение о характере нарушения погребения в древности.

Ключевые слова: Нижнее Поволжье, Республика Калмыкия, скифское время, погребение, уздечный набор, звериный стиль, бронза, бляшки.

Scythian and Syberian animal style is a specific peculiarity of archeological culture in the Scythian era. The distinctive manner for animal representation is widely used in cultures of the late Bronze and early Iron Age. A special set of poses and images is the main feature of the Scythian style. At the moment the following groups of animal imaging have been defined: hoofed mammals, predators, birds and mythic animals.

The given article investigates and describes a set of objects designed in animal style and used for bridle decoration, e.g. metal plates found in Adryg burial excavations in Oktyabrsky Region of Kalmyk ASSR in 1978. The article gives a full description of the burial as well as compares the findings with similar bridle sets from the burial near Khosheutovo settlement. The authors came to conclusion that the analyzed sets (from burials Adryg, Khosheutovo and Novoprivolnoye) are totally identical. It should be noted that the sets of objects from Khosheutovo burial are the most numerous on the territory of Kalmyk Republic.

Keywords: Lower Volga Region, Republic of Kalmykia, Scythian time, burial, bridle set, animal style, bronze, plaques.

Предметы, оформленные в скифо-сибирском зверином стиле, являются яркой особенностью археологической культуры скифской эпохи Нижнего Поволжья. Этнокультурное своеобразие данной культуры наиболее ярко проявляется в стилистических особенностях и образах звериного стиля. Подавляющее большинство нижеволжских предметов, оформленных в зверином стиле, относится к украшениям узды коня. Наиболее многочисленные комплексы уздечных принадлежностей происходят: из

погребения у с. Хошеутово, в состав которого входили 334 предмета узды, 196 из которых являются образцами скифо-сибирского звериного стиля; из погребения 16 кургана 5 группы Кривая Лука-III, в состав которого входили 23 бляшки, украшенные в зверином стиле; из погребения у с. Новопrivольное, в состав которого входили 29 предметов, оформленных в зверином стиле, 6 гладких полушарных блях и пронизи; из погребения 1 кургана 52 группы Старица, в состав которого входили шесть бляшек

в зверином стиле и обоймы [Очир-Горяева 2012: 156–163]. Предметом анализа в статье является еще один комплекс с уздечными бляшками, украшенными образами хищников, — погребение 2 кургана 7 могильник Адрыг [Цуцкин 1979].

Курганная группа из 14 насыпей была расположена на возвышенности, именуемой местным населением «Һалудын цаһан адрг» (калм. «Гусиные белые холмы»), поэтому курганная группа получила название «Адрыг». Группа Адрыг находилась в 11 км на СЗ от пос. Барун и в 9 км к ЮЗ от п. Джангар Октябрьского района РК. Курганы располагались на водоразделе в виде скопления, слегка вытянутого по линии ЮВВ – СЗЗ, без особого порядка. Мелкие курганы компактно группировались в центре могильника вокруг наиболее крупных курганов 13 и 14.

Курган 7 располагался в центральной части могильника Адрыг. Насыпь кургана была сильно расползшейся, в плане овальной формы. Диаметр насыпи по линии С-Ю — 13 м, по линии В-З — 16 м. Высота насыпи — 0,27 м. Околокурганные ровики не прослеживались. Раскопки кургана № 7 велись вручную по двум секторам — западному и восточному, с оставлением центральной меридиональной, ориентированной по линии С-Ю, бровки, шириной 0,5 м.

Погребение 1.

В ЮЗ секторе кургана на глубине 0,75 от уровня «0» и 0,48 м от уровня погребенной почвы был обнаружен скелет женщины старческого возраста. Погребенная была похоронена вытянуто, на спине, головой на Ю. Череп лежал на затылочной части, лицевой стороной вверх. На нижней челюсти имелось всего два зуба. Левая рука располагалась вдоль туловища. Фаланги пальцев и кости предплечья были потревожены грызунами. Правая рука плечевой частью располагалась вдоль туловища, была слегка согнута в локтевом суставе, кости предплечья и кисти располагались на правом крыле таза. Ноги были вытянуты параллельно друг другу. При снятии черепа был обнаружен фрагмент черного глиняного сосуда, которому придали округлую форму.

Погребение 2.

После снятия погребения 1 на том же месте было обнаружено могильное пятно округлой формы диаметром около 2 м. При дальнейшем исследовании выяснилось, что это было пятно грабительской ямы, на-

рушившей погребение 2. В засыпи ямы на глубине от 1,10–1,85 м от уровня «0» были встречены в беспорядочном состоянии кости человека, лошади и овцы, а также многочисленные фрагменты железных предметов и черепки лепного черного глиняного сосуда. В центре грабительской ямы была обнаружена ветвь нижней челюсти лошади с зубами. В северной части ямы найдены два фрагмента, в юго-западном углу ямы — еще один фрагмент трубчатой кости лошади. Рядом с ними найдены кости ног барана. Ребра и кости предплечья человека найдены у юго-западной стенки, плечевая и бедренная кости человека — у северо-восточной стенки. Среди костей человека и животных в засыпи ямы были сделаны следующие находки: 1. фрагменты железных предметов; 2. бронзовая бляшка (у восточной стены ямы); 3. фрагменты лепного черного глиняного сосуда (у юго-западной стенки могилы на глубине 1,60 м от уровня «0»). Судя по костям, уходящим в ЮЗ и СВ стенки грабительской ямы, ее границы не совпадали с границами ямы погребения 2. Поэтому после снятия костей находок раскоп был увеличен в глубину и ширину.

На глубине 2,24 м от уровня «0», 1,94 м от уровня погребенной почвы, было расчищено дно могильной ямы погребения 2. В плане могильная яма была прямоугольной формы с закругленными углами, длиной 2,65 м., шириной 1,60 м. Яма была ориентирована по линии ВЗ с небольшим отклонением.

В засыпи погребения от глубины 1,85 м от уровня «0» до 2,20 м встречались разрозненные кости человека, лошади и барана. В восточной части погребения найдено дно лепного плоскодонного сосуда. Многочисленные фрагменты керамики встречались в центре ямы и в юго-западном углу. Фрагменты железа в основном концентрировались в юго-западном углу, но встречались и в других местах могильной засыпи, потревоженной грабителями.

На дне ямы были обнаружены два частично потревоженных грабителями человеческих скелета. Судя по сохранившимся в первоначальном положении частям скелетов, погребенные были положены вытянуто, на спине, с вытянутыми руками и ногами. Головами умершие были обращены на В.

Скелет, лежавший с северной стороны, был положен несколько «выше» южного, на 0,15 м выдвинут к востоку относительно

южного скелета. Черепа у обоих скелетов отсутствовали, но, судя по остальным костям, погребенные были мужского пола, но разного возраста. Скелет, лежащий с северной стороны, принадлежал человеку молодого возраста, а скелет, положенный с южной стороны, принадлежал человеку более зрелого возраста.

У скелета 1, лежащего с севера, в непо тревоженном состоянии находился позвоночный столб вместе с ребрами, кости плечевого пояса, длинные кости правой руки и правой ноги, а также кости стопы левой ноги. Тазовые кости, кости левой руки и ноги были смещены и находились в засыпи могилы. В сочленении с лопаткой находилась также плечевая кость левой руки. Скелет 2. Рядом с описанным скелетом с южной стороны в такой же позе лежал второй скелет мужчины. Он был более зрелого возраста и положен «ниже», то есть западнее относительно первого. Ранее его череп находился западнее черепа первого скелета. У южного скелета, кроме черепа, отсутствовали кости правой руки вместе с костями плечевого пояса и кости левой ноги вместе с костями таза. Возможно *in situ* находилась также кость голени левой ноги.

В ногах погребенных была положена обильная заупокойная пища в виде расчлененных туш по крайней мере трех овец и лошади. Кости животных были навалены друг на друга без определенного порядка. Удалось только определить, что кости конечностей овец находились в сочленении с костями крестца в трех случаях и в сочленении с лопаткой, в одном случае, кости лошади в сочленении с крестцом — в одном случае. Из чего сделан вывод, что в качестве заупокойной пищи были положены три задние и одна передняя нога овцы и задняя нога лошади.

Несмотря на нарушенность погребения на дне могильной ямы обнаружен целый ряд предметов¹:

– В правом коленном суставе первого погребенного обнаружен железный наконечник стрелы, острием обращенный вниз. Скорее всего, наконечник стрелы попал туда в результате ранения погребенного.

¹ К сожалению, в полевом отчете не приведены рисунки погребального инвентаря. Из материалов этого погребения сохранились только бронзовые бляшки и обоймы уздечного набора, публикации которых посвящена данная статья.

– На месте черепа северного погребенного находился крупный фрагмент железного предмета, еще два фрагмента находились в 7 см западнее него.

– Над средней частью позвоночного столба первого северного погребенного выше уровня дна ямы на 20 см наклонно лежала рукоять железного кинжала или меча с костяными обкладками, имеющими выемки для пальцев. Обкладки крепятся к черенку тремя железными заклепками. Предположение о наличии в погребении меча подтверждается изучением мелких фрагментов железного предмета. Наружная поверхность фрагментов железа, найденных в этом месте, сохранила продольные отпечатки волокон дерева, что характерно для мечей, положенных в деревянные ножны.

– В северо-восточном углу, вдоль северной стены могилы, обнаружен фрагмент деревянного предмета.

– Под крестцом южного погребенного, вплотную к головке правой бедренной кости, находился бронзовый втульчатый трехгранный наконечник стрелы. На крестце с левой внутренней стороны имеются зеленые пятна окислов бронзы. Не исключено, что наконечник стрелы попал в область крестца в результате ранения погребенного.

– Между левой рукой и ребрами второго (южного) погребенного находились клык кабана и бронзовые украшения уздечных ремней. Клык кабана располагался на левой плечевой кости погребенного, острием вниз. Клык длиной 11 см был отполирован и в верхней части имел сквозное отверстие диаметром 7 мм. Отверстие начиналось сбоку, а выходило на срезе коренной части. Поверхность клыка гладкая.

– У вершины клыка, поперек него, вплотную друг к другу, лежали три полукруглые обоймы, разомкнутой частью вверх. Диаметр обойм — 8 мм, ширина плоской дужки 6 мм, толщина — 1.5 мм.

– В 1 см к 3 от локтевого сустава плечевой кости находилась третья бляшка, с обломанным в древности уголком с изображением морды животного в фас с круглыми глазами (Рис. 1).

– В 7 см к СЗ от локтевого сустава левой локтевой кости лежала бляшка со щитком, отлитым наполовину, то есть только нижняя часть морды животного в фас (Рис. 5).

– Там же, в 2.5 см восточнее вершины клыка, у левой плечевой кости, находилась бронзовая литая бляшка с поперечной

петлей для крепления к ремню (Рис. 1). На лицевой поверхности щитка имелось такое же, как на двух предыдущих бляшках, изображение в виде морды хищника в фас с круглыми глазами и усами, показанными в виде трех бороздок с каждой стороны носа животного (Рис. 1). Длина щитка бляшки — 2 см, ширина — 1.5 см, толщина — 5 мм. Высота петли — 1 см., толщина петли — 3.5 мм. Полные аналогии всем трем бляшкам имеются в погребении у с. Хошеутово. Оттуда происходят две бляшки с аналогичным изображением морды хищника анфас с усами в виде трех поперечных бороздок [Ochir-Gorjaeva 2005: 13–14].

— Рядом в 1.5 см к СЗ от отмеченной бляшки располагалась вторая бляшка больших размеров. На лицевой стороне щитка помещено изображение в профиль стоящего животного. Глаз животного показан кружком, ухо овальной формы, хвост прижат к корпусу, кончик хвоста загнут крючком. Вытянутые лапы животного заканчиваются когтями. Длина изображения — 3.1 см, высота — 2 см, толщина — 3 мм. Петля на оборотной стороне расположена горизонтально. Высота петли — 0.9 см, ширина — 0.6 см. Вдоль петли идет литейный шов в виде продольного гребня (Рис. 1). Полные аналогии изображению на уздечной бляшке имеются в погребении у с. Новопривольное. Там были найдены три бляшки с изображением стоящего хищника, одна из них левая, две — правые. Все они, как и адыгская, с поперечной петлей на оборотной стороне, что свидетельствует о том, что они украшали вертикальные нащечные уздечные ремни [Максимов 1976: 210–219].

— Рядом с бляшкой, с СЗ стороны, лежала крупная бронзовая обойма, подовальной формы, с ребром посередине. Размеры отверстия 1.1 см на 0.8 см. Ширина обоймы — 8 мм.

— Рядом с кольцом находилась еще одна мелкая бронзовая обойма с несомкнутыми концами.

Все четыре бронзовые уздечные бляшки со щитками с изображением животных и поперечной петлей на обороте располагались щитками вниз, петлями вверх. Видимо, на левую руку погребенного была положена узда коня с налобником из кабаньего клыка, уздечные ремни были украшены бляшками с изображением животных и бронзовыми мелкими с несомкнутыми и бронзовыми крупными обоймами. Уздечный набор явно

неполный. Возможно, основная часть узды, в том числе псалии, были унесены при нарушении погребения.

В разных местах погребения были найдены фрагменты деревянных черешков от стрел, больше всего в области грудной клетки первого северного скелета, среди ребер. У восточного края северной стенки находились фрагменты втулки бронзовой стрелы и древка стрелы. На дне под скелетами погребенных обнаружены прослойки зеленого вещества. Под левой рукой первого погребенного отмечены следы циновки. По дну ямы вдоль стен встречены следы дерева.

Таким образом, несмотря на разрушенность могилы, мы можем реконструировать основные детали погребального обряда рассматриваемого погребения скифской эпохи. На дно могильной ямы прямоугольной формы с закругленными углами, длиной 2.65 см, шириной около 1.75 м и глубиной 2.24 м от уровня «0» были положены на циновку двое мужчин, на спине, с вытянутой головой на В. Важно подчеркнуть, что старший по возрасту был положен с южной стороны. Такая закономерность в расположении погребенных в могиле прослежена у скифов Северного Причерноморья и в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая. Обычно этот связан с ориентацией по географическим странам света. При ориентации лицом на восток южная сторона оказывается правой, то есть более почетной [Очир-Горяева 2010: 191–198]. Важным моментом является также то, что погребенный, расположенный севернее, был явно по социальному статусу важнее. Это подчеркнуто тем, что он был положен несколько «выше», восточнее южного погребенного. Подобный факт хорошо известен по погребениям пазырыкской культуры Горного Алтая. В могилах пазырыкской культуры каждый умерший снабжался своим строго индивидуальным набором посуды. При этом северо-восточный угол деревянного сруба был более предпочтительным, видимо, потому что посудный набор находился прямо перед лицом умершего. Индивидуальный набор ставили в северо-западный угол только в коллективных погребениях. Там устанавливали набор того, кто был младше по возрасту или по родственному, возможно, социальному статусу. Этот факт легко устанавливается, так как голова «младшего», как правило, находится несколько ниже (западнее) головы «старшего». Это верный признак, кому принадлежит «нижний» (находящийся на-

против колен) набор посуды [Очир-Горяева 2012a].

У ног были положены куски от трех туш овец и одной лошади. Из вещевого инвентаря рядом с первым погребением был положен меч в деревянных ножнах, стрелы с бронзовыми наконечниками и, возможно, кинжал с костяными обкладками рукояти. Не исключено, что кинжал располагался рядом со вторым погребенным.

В могилу был поставлен лепной толсто-стенный сосуд, дно которого было найдено за головами погребенных, в восточной части ямы, а фрагменты стенок сосуда концентрировались в ЮЗ углу над костями лошади и овцы. Вероятно сосуд был положен за головами погребенных, в восточной части ямы.

Ко второму южному погребенному старшего возраста относились остатки уздечного набора с бронзовыми уздечными бляшками и налобником в виде кабаньего клыка.

Обилие верхних фрагментов древков стрел со следами бронзовой окиси при незначительном количестве бронзовых наконечников стрел свидетельствует о том, что нарушители могилы преднамеренно собирали наконечники. Судя по фрагментам древков стрел, пропитавшихся зелеными окисями бронзы, и фрагментам наконечни-

ков стрел, ограбление произошло не сразу, а спустя достаточно длительное время, за которое окиси пропитали древки стрел. Стратиграфически твердо устанавливается, что нарушение могилы было проведено современниками погребенных. Грабительская яма была перекрыта в сарматское время впускным погребением 1. От ограбления к моменту захоронения прошло много времени, т. к. засыпь грабительской ямы успела уплотниться настолько, что почва под скелетом женщины из сарматского погребения 1 ничуть не просела.

По характеру разрушения останков погребенных (кости левых ног и таза) можно установить, что были взяты, скорее всего, гориты, которые носились на поясе и закреплялись ремешками к левой ноге, а также мечи и кинжалы, которые тоже висели на поясе с левой стороны, рукоятями направо для удобства при вынимании из ножен правой рукой. Черепа погребенных полностью отсутствовали в могиле и в грабительской яме. Похоже, черепа были взяты с собой нарушителями могилы. Все эти наблюдения дают основания предположить ритуальный характер нарушения могилы соплеменниками погребенных при проведении постпогребальных обрядов [Кузьмин 1991: 146–155].



Рис. 1. Погребение 2 курган 7 курганная группа Адрыг. Бронзовые уздечные бляшки, оформленные в зверином стиле. Фото.

Источники

Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Р-1 9827.

Литература

Кузьмин Н. Ю. Ограбление или обряд? // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. СПб.: Издание ГМИРА, 1991. С. 146–155.

Максимов Е. К. Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 210–219.

Очир-Горяева М. А. Древние всадники степей Евразии. М.: Таус, 2012. 470 с.

Очир-Горяева М. А. О порядке расположения людей, инвентаря и коней в пазырыкских курганах // Культуры степей Евразии и их

взаимодействие с древними цивилизациями. Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося русского археолога М. П. Грязнова. Том 2. СПб.: Периферия, 2012а. С. 441–446.

Очир-Горяева М. А. Ориентация по странам света по данным археологии и этнографии (постановка проблемы) // Нижневолжский вестник. Волгоградский госуниверситет. Выпуск 11. Волгоград, 2010. 191–198.

Цуцкин Е. В. Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции КНИ-ИФЭ и КГУ в 1978 г. // Архив ИА РАН, Р-1 9827.

Ocir-Gorjaeva M. Pferdegeschirr aus Chosheutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga. Archäologie in Eurasien. 19 Band. Berlin. 2005. 184 s.

Sources

Scientific Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Collection P-1 9827.

References

Kuzmin N. Yu. Robbery or ritual? In: [Reconstructing Ancient Beliefs: Sources, Method, Objective]. St. Petersburg: Museum of the History of Religion, 1991. Pp. 146–155. (In Russ.)

Maksimov E. K. Savromatian animal style: recent findings in the Volga Region. In: [Scytho-Siberian Animal Style in Eurasian Ethnic Arts]. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 210–219. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. [Ancient Horsemen of Eurasian Steppes]. Moscow: Taus, 2012. 470 p. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Pazyryk mounds: positioning of buried individuals, utensils and horses. In:

[Eurasian Steppe Cultures and Their Contacts with Ancient (Sedentary) Civilizations]. Conf. proc. Vol. 2. St. Petersburg: Periferiya, 2012. Pp. 441–446. (In Russ.)

Ochir-Goryaeva M. A. Positioning by cardinal directions: archaeological and ethnographic evidence (problem definition). In: [Lower Volga (Archaeological) Bulletin]. Vol. 11. Volgograd, 2010. Pp. 191–198. (In Russ.)

Ocir-Gorjaeva M. [Scythian Animal Style in the Lower Volga: Horse Harness from Khosheutovo]. In: [Archaeology in Eurasia]. Vol. 19. Berlin, 2005. 184 p. (In Russ.)

Tsutskin E. V. [Kalmykia-Astrakhan Archaeological Expedition (Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics; Kalmyk State University): 1978 Progress Report]. At: Archive, Institute of Archaeology of the RAS. Collection P-1 9827. (In Russ.)

БАЗА ДАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗ РАСКОПОК КУРГАННОЙ ГРУППЫ ВОСТОЧНЫЙ МАНЫЧ

Database of Archeological Collections from the Excavations of the Vostochnyi Manych Barrow Group

Э. А. Кекеев (E. Kekeev)¹, Е. Г. Буратаев (E. Burataev)²

¹младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Researcher of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru.

²аспирант, младший научный сотрудник отдела истории и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student, Researcher of the History and Archeology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: burataev1981@mail.ru.

Статья посвящена описанию создаваемой базы данных археологических коллекций из раскопок курганной группы Восточный Маныч и подведению первых итогов ее изучения. Комплекс информации, заложенный в описываемой базе данных, может стать важной основой для исследовательской и преподавательской работы, послужить подспорьем в совершенствовании учета музейных фондов, а также в деятельности государственных органов по сохранению и изучению исторического наследия.

Ключевые слова: Восточный Маныч, археологическая коллекция, база данных, статистический метод, археологические находки.

Archeological excavations on the territory of the Republic of Kalmykia have resulted in a wealth collection of archeological findings which are stored in three museums. At the moment there is no precise information on how collections are distributed. The investigation of funds condition in the National Museum of the Republic of Kalmykia showed that the collections were separated and some findings do not have registration certificates. With the aim to solve the problem of findings registration it was decided to create a database according to the archeological excavations records. It will provide an opportunity to assess the damage caused to collections, as well as to identify some unregistered findings with the help of qualitative and quantitative indicators keyed into the database. The second goal of the paper is to develop database structure to register the archeological collections as a standard which will serve as a sample for creating databases on other burial grounds. At this point, Excel spreadsheet for archeological findings from the excavations of the Vostochnyi Manych Barrow Group was created. It takes into account data on the 329 mounds that contained 1539 burials. The number of findings made up 1657 descriptions that are more than 4,400 items. Well-organized information will allow entering any kind of queries thus making it possible to conduct a variety of studies, as well as will help museums to register archeological collections.

Keywords: the Vostochnyi Manych, archeological collection, database, statistical method, archeological findings.

С 1929 г. на территории Республики Калмыкия ведутся археологические исследования, за почти вековой период исследовано более 150 курганных групп, в которых были раскопаны более 1250 курганов, содержащих более 3900 погребений, а также более 30 поселений и стоянок. В процессе раскопок выявлен большой объем информации о древнем населении степи, полученные данные закреплены в виде Научных отчетов и публикаций.

Археологические коллекции принимались на хранение Национальным музеем Республики Калмыкия (г. Элиста), часть коллекций хранится в Государственном историческом музее (Москва) и Саратовском областном музее краеведения (г. Саратов). В настоящий момент нет полных сведений о сохранности археологических коллекций. В целях получения более точной информации сотрудниками отдела истории и археологии КИГИ РАН была проведена работа по

составлению описи находок, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия. Анализ полученных данных показал, что целостность коллекций нарушена, часть находок депаспортизирована [Ке-реев 2009; 2011; 2013; 2014; Очир-Горяева, 2008: 241–244]. Для более подробного анализа было принято решение о создании описей находок по отчетам археологических раскопок и сверке их с описями коллекций, хранящихся в фондах указанных музеев. Обзор всех коллекций позволит оценить масштаб утрат, а также даст возможность восстановить паспорта части находок по дополнительным параметрам.

В данной статье описана работа над созданием базы данных (далее БД) археологических коллекций раскопок курганной группы Восточный Маныч. Целью создания данной БД было описание всех находок в виде качественных и количественных показателей в сводной таблице, данная схема позволит создавать поисковые запросы в зависимости от целей исследователя. Другой целью проведенной работы была разработка единого образца БД, по которому будут созданы описи по другим могильникам.

Раскопки курганной группы Восточный Маныч продолжались с 1965 по 1967 гг. и имели целью изучение курганов, находящихся в зоне затопления строящегося Чограйского водохранилища. Курганная группа была условно поделена на 7 групп: в 1965 г. были раскопаны группы Восточный Маныч 1, 2 и Восточный Маныч правый берег; в 1966 г. группы Восточный Маныч 1, 2 и 3; в 1967 г. группа Восточный Маныч правый берег. Авторами раскопок при шифровке находок названия могильников сокращены как ВМ-1-65, ВМ-2-65, ВМ-пб-65 и т. д.

Проведенные раскопки были описаны в научных отчетах [Архив ИА РАН, Р-1 3321, 3321а, 3321б, 3321в, 3321г; Р-1 4223, 4223а, 4223б], которые опубликованы в виде двух монографий и серии статей [Синицын 1978; Синицын, Эрднеев 1979; 1981; 1982; 1985; 1987а; 1987б; 1991; Эрднеев 1982]. По данным публикациям была составлена база данных.

При создании сводного листа находок решено приводить, кроме унифицированного наименования находки, также наименование, прописанное в научном отчете. Указанное название иногда дает дополнительную информацию о внешнем виде предмета. Одним из основных параметров

находки также является ее размер. В таблицу внесены размерные данные о находке с той точностью, которая указана в отчете.

На первом этапе создана опись находок в виде файла Excel, состоящая из 45 столбцов: могильник, год, автор, номер кургана, диаметр насыпи кургана, высота кургана, примечания к конструкции кургана, номер погребения, примечание к конструкции погребения, сохранность погребения, погребение: основное или впускное, количество погребенных, пол, возраст погребенного, положение погребенного, ориентировка по сторонам света, культурно-хронологическая принадлежность по отчету, примечания к костяку, номер находки, наименование находки, наименование находки по отчету, месторасположение находки, сохранность, материал, количество, цвет, форма, длина, ширина, толщина, диаметр, высота, диаметр сосуда верхний (венчик), диаметр сосуда нижний (дно), место хранения, музейный шифр, музейный номер и т. д.

Созданная таблица состоит из 45 столбцов и 2700 строк, в нее вошли данные о 1657 находках из 329 курганов, содержащих 1539 погребений. 678 погребений из 1539 изученных оказались безынвентарными: в их число вошли погребения, оказавшиеся безынвентарными в результате ограбления, а также их разрушения при устройстве впускных погребений. Соответственно, учтенные в описи 1657 наименований, представленные более 4400 экземплярами изделий, а также более 340 предметов (астрагал, кость и т. д.) не учтенные как погребальный инвентарь, происходят из 979 инвентарных погребений. Только единицы предметов были найдены в насыпях курганов.

Проведенное исследование позволило получить информацию об основных категориях инвентаря и встречаемости находок, изготовленных из различных материалов: изделия из глины (сосуд, курительница, воронка, пряслице и т. д.), из бронзы (нож, шило, наконечник стрелы и т. д.), из кости (булавка, трубка, кольцо и т. д.), из камня (пест, терочник и т. д.), из железа (меч, нож, наконечник стрелы, стремя и т. д.), а также и изделия из других материалов.

Приведем один из примеров возможности поисковых запросов. В данном случае мы ввели названия находок и рассортировали их по материалу изготовления, а также запросили количество находок данного типа и общее количество предметов.

Агат — бусы, 2 находки, 5 экз.

Алебастр — сосуд, 1 находка.

Береста — фрагменты обкладки колчана, 1 находка.

Бронза — бляха и бляшка, 12 находок, 24 экз.; браслет, 4 находки, 6 экз.; булава, 7 находок, 27 экз.; бусина и бусы, 40 находок, около 317 экз.; ворворка, 1 находка, 2 экз.; долото, 2 находки, 2 экз.; зеркало, 9 находок; игла, 3 находки; ковш, 1 находка; кольцо, 7 находок, около 75 экз.; котел, 3 находки; крюк, 10 находок; наконечник стрелы, 6 находок, 37 экз.; нож, 60 находок; подвеска, 54 находки, 154 экз.; пряжка, 1 находка; сосуд, 1 находка; топор, 2 находки; трубка, 3 находки; фибула, 5 находок; шило, 58 находок.

Гешир: бусина и бусы, 3 находки, 14 экз.

Глина: воронка, 2 находки; курильница, 154 находки; миска, 19 находок; модель повозки, 1 находка; пряслице, 10 находок; сосуд, 589 находок; фрагменты курильницы, 7 находок; фрагменты мисок, 2 находки; фрагменты сосуда, 89 находок.

Дерево: сосуд, 1 находка.

Диорит: булава, 2 песта и 3 топора.

Железо: бляшка, 1 находка, 2 экз.; кинжал, 4 находки; кольчуга, 3 находки; копье, 1 находка; кресало, 2 находки; крюк колчана, 2 находки; меч, 7 находок; наконечник стрелы, 21 находка, 78 экз.; нож, 40 находок; ножницы, 1 находка; пряжка, 9 находок, около 10 экз.; сабля, 4 находки; стремяна, 14 находок, около 24 экз.; удила, 6 находок; фрагменты меча, 2 находки; фрагменты ножа, 24 находки; шило, 2 находки.

Золото: подвеска, 1 находка (ВМ-пб-65, к. 15, п. 5); серьга, 2 находки (ВМ-2-65, к. 37, п. 2; ВМ-2-66, к. 68, п. 1).

Зуб животного: бусы, 2 находки, 68 экз.; подвеска, 6 находок, около 73 экз.

Камень, камень-песчаник: булава, 1 находка; бусы, 5 находок, более 42 экз.; выпрямитель древков стрел, 2 находки, 5 экз.; оселок, 4 находки; пест, 18 находок, более 20 экз.; плитка, 17 находок, 20 экз.; подвеска, 3 находки, 5 экз.; пряслице, 1 находка; ступка, 1 находка; терка, 2 находки; топор, 2 находки.

Кварцит: бусы, 1 находка, 4 экз.; оселок, 1 находка.

Кожа: колчан, 9 находок (2 во фрагментах).

Коралл: подвеска, 1 находка.

Кость: бляха, 1 находка; бляшка, 3 находки (материал изготовления указан как

человеческий череп); булава, 11 находок; булава молоточковидная, 54 находки, 87 экз.; бусы и бусины, 4 находки, более 27 экз.; кольцо, 47 находок, 620 экз.; крюк колчана, 3 находки, 4 экз.; наверхие, 1 находка; накладки колчана, 2 находки; наконечник стрелы, 2 находки, 5 экз.; обкладка колчана, 5 находок, более 10 экз.; обкладка ножен, 1 находка; подвеска, 6 находок, более 28 экз.; проколка, 1 находка; пряслице 2 находки; пуговица, 2 находки; рукоять ножа, 1 находка; трубка, 27 находок, 65 экз.; шило, 1 находка; футляр, 3 находки.

Кремень: наконечник стрелы, 6 находок; нож, 1 находка.

Медь: бляшка, 1 находка, 2 экз.; булава, 1 находка; бусы, 1 находка, 6 экз.; подвеска, 11 находок, 36 экз.

Мрамор: булава, 3 находки.

Паста: бусы, 16 находок, 222 экз.

Раковина: бусы, 4 находки, более 20 экз.; подвеска, 10 находок, 33 экз.

Сердолик: бусы, 4 находки, 7 экз.

Стекло: бусы, 16 находок, более 107 экз.

Сурьма: подвеска, 10 находок, 15 экз.

База данных археологических коллекций из раскопок курганной группы Восточный Маныч позволит получить всю необходимую информацию при создании конкретного запроса. Для того чтобы увеличить возможности работы с базой данных, не перегружая ее, авторами запланирована привязка фотографий и чертежей к соответствующим ячейкам, так исследователь сможет получить более подробную информацию о находке, кургане или погребении.

На данном этапе завершен сбор информации по памятникам, которая сведена в таблицу-опись в формате Excel, а также подготовлен графический, иллюстративный материал в виде фотографий и чертежей. Дальнейшая систематизация и обработка позволит ввести их в источниковую часть базы данных. После выбора основной системы управления базами данных и синтеза ее с полученными на данном этапе результатами работа по созданию базы данных археологических коллекций из раскопок курганной группы Восточный Маныч будет завершена. Комплекс информации, заложенный в описываемой базе данных, может стать важной основой для исследовательской и преподавательской работы, послужить подспорьем в совершенствовании учета музейных фондов, а также в деятельности государственных органов по сохранению и изучению исторического наследия.

Литература

- Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок могильных групп Лола I и II, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия (1961–1963 гг.) // Материалы Международной научной конференции «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства (г. Элиста, 13–18 сентября 2009 г.) Часть 1. Элиста: НПП «Джангар» 2009 г. С. 165–174.
- Кекеев Э. А. Анализ археологического материала раскопок курганной группы «Восточный Маныч» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 70–74.
- Кекеев Э. А. О материалах археологических раскопок из курганной группы Архара, хранящихся в фондах Национального музея Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 27–30.
- Кекеев Э. А. Спасательные археологические раскопки курганной группы Восточный Маныч // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 73–77.
- Очир-Горяева М. А. Археологические памятники волго-манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Вступ. ст. А. С. Скрипкин, Г. Парцингер. Элиста: Издат. дом «Герел», 2008.
- Синицын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1–2. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 1978. Ч. 1. 130 с. Ч. 2. 117 с.: ил.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники Калмыцкой степи. Элиста: КНИИФЭ, 1979. С. 25–94.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические памятники эпохи бронзы и средневековья. Элиста: КНИИФЭ, 1981. С. 29–49.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Памятники Калмыкии каменного и бронзового веков. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 59–92.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Древности Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1985. С. 43–78.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 172 с.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Археологические исследования Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 83–98.
- Синицын И. В., Эрдниева У. Э. Древности Восточного Маныча // Материалы по археологии Калмыкии. Элиста: Калм. ин-т. обществ. наук АН СССР, 1991. С. 4–21.
- Эрдниева У. Э. Курганный могильник Восточный Маныч (правый берег) // Археологические памятники Южных Ергеней. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1982. С. 6–52.
- Vols. 1–2. Saratov: Saratov State University, 1978. Vol. 1, 130 p.; vol. 2, 117 p. (In Russ.)
- Sinit syn I. V., Erdniev U. E. [Antiquities of the East Manych]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1987. 172 p. (In Russ.)
- Sinit syn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the East Manych. In: [Archaeological Monuments of Kalmyk Steppe]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1979. Pp. 25–94. (In Russ.)
- Sinit syn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the East Manych. In: [Bronze and Middle Ages: Archaeological Monuments]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1981. Pp. 29–49. (In Russ.)
- Sinit syn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the East Manych. In: [Stone and Bronze Age Monuments of Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 59–92. (In Russ.)
- Sinit syn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the East Manych. In: [Antiquities of Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1985. Pp. 43–78. (In Russ.)
- Sinit syn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the East Manych. In: [Archaeological Explorations in Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 83–98. (In Russ.)
- Sinit syn I. V., Erdniev U. E. Antiquities of the East Manych. In: [Archaeology of Kalmykia: Collected Materials]. Elista: Kalmyk Institute of Social Sciences (USSR Academy of Sciences), 1991. Pp. 4–21. (In Russ.)

References

- Erdniev U. E. East Manych mound burial site: left bank. In: [Archaeological Monuments of the Southern Ergeni Uplands]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1982. Pp. 6–52. (In Russ.)
- Kekeev E. A. Arkhara, mound group: revisiting materials of archaeological excavations housed by the Palmov National Museum of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 4. Pp. 27–30. (In Russ.)
- Kekeev E. A. East Manych mound group: analyzing the excavated archaeological materials. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 1. Pp. 70–74. (In Russ.)
- Kekeev E. A. Lola I and II burial groups: revisiting materials of archaeological excavations housed by the National Museum of Kalmykia (1961–1963). In: [United Kalmykia in United Russia: through Centuries into the Future]. Conf. proc. (Elista; September 13–18, 2009). Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 165–174. (In Russ.)
- Kekeev E. A. Rescuing the archaeological excavations of the Vostochnyi Manych barrow group. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. No. 2. Pp. 73–77. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. [Archaeological Monuments of the Volga-Manych Steppe: Collected Descriptions of Monuments Investigated in Kalmykia between 1929 and 1997]. A. S. Skripkin, G. Parzinger (foreword). Elista: Gerel, 2008. (In Russ.)
- Sinit syn I. V. [Antiquities of the East Manych].

УДК 391

ББК 63.5 (5Монг+2РосКалм)

**К ИССЛЕДОВАНИЮ СЕМАНТИКИ ЖЕНСКОГО КОСТЮМА
ОЙРАТОВ И КАЛМЫКОВ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**To the Study of Semantics of the Oirat and Kalmyk Women's Costume
(historiographical aspect)**

Э. П. Бакаева (E. Bakaeva)¹

¹доктор исторических наук, заместитель директора Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of History, Deputy Director at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elzabakaeva@yandex.ru.

Статья посвящена освещению историографических аспектов изучения семантики женского костюма, характерного для культуры ойратских народов, в том числе калмыков. Сходный тип женской одежды также имел распространение среди бурят, алтайцев, тувинцев и некоторых других народов. Автор анализирует основные гипотезы, предложенные российскими и зарубежными учеными.

Ключевые слова: ойраты, калмыки, традиционная культура, женская одежда, семантика.

The article reviews the semantics of women's costume of the Oirat and Kalmyk people. According to the scientists this type of clothing is included into South Siberian group of clothing which is usually associated with economic and cultural tradition of nomadic herders. A similar type of women's clothing was also typical of the Siberian people, especially among the Buryats and the Derbets, Bait, Zakhchin, Torguts, Uriankhaian people of Oirat origin. The specific style of sleeveless jacket "tsegde" could be found among Mongols ("uuzh"), Southern Altai people ("chegedek"), the Tuvans ("chegedek"), the Khakas people ("sigidek") and other ethnic groups. The author analyzes the main hypotheses proposed by Russian and foreign scientists.

Keywords: Oirats, Kalmyks, traditional culture, women's clothes, semantics.

В монголоведческих исследованиях недостаточно изучен вопрос о типологии костюма ойратов, а также о его символике и семантике. В то же время «исследование функций одежды и ее элементов в обрядовой сфере подтверждает значимость образа костюмного комплекса в качестве эквивалента человеческого тела. Комплекс обычаев, запретов, примет, связанных с одеждой, отражает представления носителей традиционной культуры об устройстве окружающего мира, социума, воззрения о мифических предках, о счастье и богатстве. Многие из этих представлений, уже утратив свое содержание, сохраняют актуальность и в быту

современного общества» [Содномпилова 2013: 163].

Общие сведения об одежде ойратских народов представлены в фундаментальном коллективном труде монгольских ученых «Этнография народов Монголии» (Том 2. Этнография ойратов) [Монгол улсын 2012], в котором освещаются этнический состав и традиционная культура, в том числе и традиционная одежда, дербетов [Аюуш 2012: 69–75], торгутов [Тангад 2012: 203–209], олетов [Дисан 2012: 133–138], захчинов [Мэнэс 2012], байтов [Батнасан 2012: 294–307], мингатов [Бадамхатан, Нансалмаа 2012: 490–497], алтайских урянхайцев

[Бадамхатан, Лхагвасүрэн 2012: 384–392]. Культуре одежды западномонгольских народов посвящен альбом М. Амгалан, в котором иллюстрации сопровождаются комментариями автора [Амгалан 2008]. В отдельных работах, посвященных этнографии ойратов, также освещаются вопросы традиционного костюма [Лхагвасүрэн 2009 и др.]. В целом традиционный ойратский женский костюм имеет ряд отличий от одежды халха-монголов и сходство с костюмом народов Южной Сибири.

Обобщив данные по одежде народов Сибири, Н. Ф. Прыткова выделила по признаку покроя семь основных типов, среди которых — южносибирский и восточноазиатский типы одежды; эти выводы отражены в написанном ею разделе «Верхняя одежда» «Историко-этнографического атласа Сибири». Для южносибирского типа (в указанной классификации фигурирующего под номером VI) выделены следующие основные признаки: спинка целая или отрезная, покрой в талию, ширина талии обусловлена глубокими остроугольными, прямоугольными или закругленными проймами; левая пола запахивается на правую; для восточноазиатского (VII) — такая особенность, как стан одежды «покроя кимоно, т. е. спинка, полки и часть рукавов выкроены из одного полотнища ткани, сложенного вдвое, при этом большей частью целиком выкраивают левую полку, а правую надставляют из другого куска; иногда полки выкраивают одинаковой ширины и тогда надставляют левую» [Прыткова 1961: 239]. «Тип VI был характерен для мужской и женской одежды народов Южной Сибири и Забайкалья. Это длинная, расклешенная в подоле одежда, специально приспособленная для верховой езды. Кроме того, эта одежда имела ряд элементов покроя монгольской одежды (удвоенная пола, запахивающаяся слева направо, характерный обшлаг, рукава и т.п.) <...> Одежда VII типа была распространена у народов Южной Сибири, Забайкалья и Нижнего Амура. Характерным для нее являлось наличие многих элементов, присущих монгольской и маньчжурской одежде (стан одежды кроился из одного перекинутого полотнища ткани, левая пола удваивалась и запахивалась слева направо; обшлаг рукава был фигурным; отрезная одежда — в виде кофты с юбкой). За пределами Сибири одежда VII типа широко была распростра-

нена у китайцев, монголов...» [Прыткова 1961: 239].

В XX веке в результате трансформационных процессов, отразивших консолидацию монгольских народов, среди ойратов Монголии получила распространение одежда общемонгольского типа (относящаяся к восточноазиатскому типу, согласно классификации «Историко-этнографического атласа Сибири»). Однако традиционная женская одежда у ойратов сохраняется в качестве этнически-специфической. В ее покрое, в отличие от монгольского традиционного распашного дэли (монг. *дээл*), который относится к восточноазиатскому типу, наиболее ярко выражены черты южносибирского типа одежды. Данный тип покроя характерен для женского платья типа терлег¹ калмыков и ойратов Монголии, а в прошлом — и для зимнего типа одежды: среди калмыков подобный покрой сохранялся до начала XX в. в зимних шубах *девл*, среди западномонгольских народов подобный покрой шубы (ойрат. *дэвэл*) также сохранялся у захчинов — народа, расселившегося на окраине, в пограничье [Амгалан 2008: 26].

Исследуя особенности процесса трансформаций в культуре одежды и заимствования элементов костюма, ученые отмечают, что имеется «некая общая закономерность, свойственная процессу усвоения иноэтнических элементов культуры в традиционном обществе: женщины в этом отношении более консервативны и медленнее воспринимают инновации [Крюков, Малявин, Софронов 1987: 121–122]. В этом аспекте актуальным является исследование женского костюма ойратов, сохраняющего основные конструктивные особенности южносибирского типа и имеющего взаимосвязь с калмыцким типом одежды.

¹ Термины, обозначающие женские платья (как и многие другие), пишутся сходно в родственных монгольском и калмыцком языках. В языке ойратов эти названия звучат как у калмыков, но официально в Монголии принята монгольская письменность, а потому термины пишутся с применением другой орфографии (например, калм. *девл*, ойрат. *дэвэл*). В калмыцком языке используется термин *терлг*, в монгольском он пишется *тэрлэг*, в калмыцком языке безрукавку называют *цегдг*, а на монгольском языке это название пишется *цэгдэг*. За исключением случаев написания на монгольском и калмыцком языках, выделенных курсивом, нами в статье используются варианты терлег и цегдег.

Названия женской одежды (в том числе и названия специфического типа одежды в виде безрукавки) — *тэрлэг*, *цэгдэг* — имеют сходство у ойратов и калмыков, как и у

ряда других южносибирских народов. Приведем сравнительные данные с указанием источников в таблице.

Таблица 1.

*Названия женской одежды у ойратов, калмыков
и отдельных народов Южной Сибири*

	Народность	Название платья и /или шубы	Название безрукавки	Источник
1	Калмыки	<i>терлг</i>	<i>цегдг</i>	<i>Эрдниев 1970: 144–146</i>
2	Торгуты Монголии	<i>тэрлэг</i>	<i>цэгдэг</i>	<i>Тангад 2012: 204, 206</i>
3	Дербеты Монголии	<i>тэрлэг</i>	<i>цэгдэг</i>	<i>Аюуш 2012: 69</i>
4	Баиты Монголии	<i>тэрлэг</i>	<i>цэгдэг</i>	<i>Батнасан 2012: 295, 296</i>
5	Олеты Монголии	<i>тэрлэг</i>	<i>цэгдэг с. 136</i>	<i>Дисан 2012: 136</i>
6	Захчины Монголии	<i>тэрлэг</i>	<i>цэгдэг</i>	<i>Мэнэс 2012: 454</i>
7	Мингаты Монголии	<i>тэрлэг / дээл</i> (эта одежда отличается от тэрлэг других ойратов и имеет сходство с халхаской)	<i>Ууж, цээжмэг</i>	<i>Бадамхатан, Нансалмаа 490–491</i>
8	Алтайские урянхайцы	<i>тэрлэг</i>	<i>цэгдэг</i>	<i>Бадамхатан, Лхагвасүрэн 2012: 387, 388</i>
9	Буряты	<i>дэгэл</i>	<i>хубайси</i> (у хонгодоров), <i>хубайхи</i> (у булагатов), <i>дэгэлэй</i> (у эхиритов), <i>уужа</i> (у хори) ¹	<i>Дугаров 1983а: 37; Дугаров 1983: 110</i>
10	Тувинцы	<i>терлик</i>	<i>чегедек</i>	<i>Дугаров 1983а: 39; Прыткова 1961: 235</i>
11	Южные алтайцы (алтай-кижи, теленгиты, телеуты)	шуба <i>тон</i> или <i>терлик</i> ²	<i>чегедек</i>	<i>Алтайцы 2014: 238</i>
12	Теленгиты	шуба — <i>жайгы тон</i> , летнее платье — <i>каптал</i>	<i>чедек</i>	<i>Дьяконова 2001: 84–94</i>
13	Хакасы	<i>эдектун тон</i> (архаичный тип шубы, отличающийся специф. чертами)	<i>чегедек</i>	<i>Прыткова 1961: Дьяконова 2001: 84–94</i>
14	Халха-монголы	<i>дээл, тэрлэг</i> (относящиеся к восточноазиатскому типу одежды)	<i>ууж</i>	<i>Батнасан 1987: 1987: 147–149</i>

¹ Д. А. Николаева перечисляет следующие названия бурятской женской безрукавки: у западных бурят *хубайси* или *дэглээ*, у восточных бурят повседневная короткая безрукавка *уужа* (*сээжэбишэ*, *хантааза* или *эсэгын уужа*) и праздничная длинная *дэгэлээ* (*морин уужа*). Автор отмечает, что у западных бурят два типа женского платья имели туникообразный силуэт, а у восточных бурят бытовало платье *дэгэл* [Николаева 2004: 156–157], которое относилось к тому же типу, что и калмыцкий терлг.

² «У тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая термин тон иногда заменяется монгольским термином терлик. Это, впрочем, справедливо для алтайцев и тувинцев, но не для теленгитов» [Дьяконова 2001: 88].

Как видно, у большинства народов, культуре которых присуща одежда описываемого типа, терминология имеет сходство. У бурят безрукавка имела разные названия: так, у хонгодоров она называлась *хубайси*, у булагатов — *хубайхи*, у эхиритов — *дэгэлэй*, у хоринцев — *уужа* [Дугаров 1983: 37]. Среди халха-монголов также было распространено в прошлом ношение безрукавки, она называлась *ууж*. Кроме того, как отмечает Д. С. Дугаров, ссылаясь на мнение А. П. Окладникова, «"сигедеку" качинцев (хакасов) вполне соответствует якутская женская ритуальная доха "сангыях"¹» [Дугаров 1983а: 40]; «одежда подобного типа была распространена у башкир и каракалпаков. У последних она называлась *женсиз*» [Дугаров 1983: 109].

Указание Ц. Аюуш о том, что носимый мужчинами и девушками в летнее время *тэрлэг* называли *лавиинг* [Аюуш 2012: 69], а также упоминание Ц.-Д. Номинханова о том, что этот тип одежды называли *уч* [Номинханов 2008: 40–45], можно считать свидетельством того, что комплекс «тэрлэг+цэгдэг» являлся повседневной одеждой, вне зависимости от сезона, и его происхождение связано с архаическим периодом, когда одежда являлась единственной и представляла собой единый комплекс. Необходимо отметить, что ее происхождение связано с древним этапом этнической истории, и этот тип одежды не был заимствован тюркскими народами Сибири от монгольских народов, а был присущ их культуре издревле. Об этом же свидетельствует общая терминология и вероятная связь термина *ууж* с древнетюркским *уч* (*иц*) ('лететь, парить'), предполагаемая Д. С. Дугаровым [1983а: 40], чему соответствует и наличие термина *уч*, которым обозначали ойраты и один из видов зимней шубы, и летнее платье типа *тэрлэг*.

В историографии отмечаются различия в данном комплексе у разных народов. Приведем сначала описание типичных черт на примере калмыков, у которых одежда замужних женщин представляла собой архаичного покрою костюм, состоявший из двух платьев: нижнего — *терлг*, верхнего (без рукавов, различной длины) — *цегдг*. Нижнее платье *терлг* шили из тканей ярких рас-

цветок, не использовали ткани белого, желтого и черного цветов. *Терлг* отличали отрезной покрой, широкий (с буфами) в верхней части и узкий в нижней части, длинный (намного длиннее руки) рукав и широкий подол со множеством сборок на талии: *терлг* по покрою имел сходство с девичьим платьем *бииз*, и рукав его, как и на *бииз*, мог иметь разрез снизу от подмышечной впадины до локтя [Бентковский 1869: 123], но часто имел глухое соединение. Манжеты имели копытообразную форму, закрывали кисти рук. Отличительной деталью *терлг* является глухая застежка посередине переда с прямоугольным вырезом борта справа. Воротник *терлг* шили стоячим, к нему крепили белый съемный воротник (у ойратов белый воротник имеет большие размеры). Верхняя часть полоч обильно украшалась вышивкой или позументом цветов радуги и обычно орнаментом солярного типа. На уровне пояса по бокам крепили петли, в которые помещали чехлы для кос *шиврлг*. Безрукавка *цегдг* имела широкую пройму, разрез посередине со стороны спины до конца подола. Спереди полы *цегдг* были скошены от ворота и сходились к талии под углом. На безрукавке также имелись петли для накосных чехлов. По краям полоч и юбочной части *цегдг* украшали вышивкой либо наложением шнуров [Эрдниев 1970: 144–146]. *Цегдг* шили из ткани того же цвета, что и *терлг*, либо другого подходящего цвета. У. Э. Эрдниев отмечал, что в исследуемый им период конца XIX – начала XX в. богато декорированные *терлг* и *цегдг* являлись нарядной одеждой. Аналогом *терлг* в повседневной жизни являлось платье *хутцан*, которое носили без *цегдг*, или повседневная безрукавка, сшитая как *хутцан*, но без рукавов, которую надевали поверх длинной нижней рубахи [Эрдниев 1970: 143].

Покрой этого типа одежды у ойратов Монголии был таким же, но отличался деталями, в основном цветом платьев. Для *тэрлэг* и *цэгдэг* дербетов Монголии использовали ткани черного, синего или голубого цветов [Номинханов 2008: 46]. Женщины-баитки Монголии обычно носили *тэрлэг* и *цэгдэг* коричневого или зеленого цвета. У олетов Монголии была распространена традиция ношения черного *цэгдэг*², в отли-

¹ Этот тип шубы, имеющей вертикальный разрез подола сзади, широкий рукава и специфическое украшение на спинке виде двух как бы раздвинутых крыльев, Н. Ф. Прыткова называет *сангылх* (буквально 'мехом наружу') [Прыткова 1961: 231].

² По данным М. Амгалан, черный *цэгдэг* олеты стали носить в память о годах маньчжурского господства, и его декорировали не столь обильно, как в традициях других ойратов [Амгалан 2008: 63].

чие от *тэрлэг*, который был красным или коричневым. У торгутов Монголии *тэрлэг* носили голубого, синего, черного цветов; *цэгдэг*, как и у большинства других ойратских народов, — одного цвета с *тэрлэг*. Специфичным для ховог-сарских торгутов являлось коричневого цвета платье типа *тэрлэг*¹, которое носили без безрукавки *цэгдэг*. Цветовая гамма *тэрлэг* и *цэгдэг* захчинов — голубой, синий, зеленый. Алтайские же урянхайцы для летнего женского платья использовали ткани ярких цветов, причем безрукавки должны были сочетаться с *тэрлэг* [Лхагвасурэн 2009: 82]. Женский костюм мингатов имел сходство с халхаским, *дээл* чаще шили из ткани красного цвета с синими рукавами и буфами в области плеча; вместо *цэгдэг* (*ууж*) мингатки носили безрукавку *цээжмэг* (короткий *хантааз* с 6 пуговицами по центру) или *герийн богино ууж* ('домашнюю короткую *ууж*'), но бытовала в среде почитаемых слоев общества и длинная безрукавка *ууж*, которую шили из ткани черного цвета, длиной до пола [Бадамхатан, Нансалмаа 2012: 490–491]. Различия в цветовой гамме женской одежды типа *тэрлэг* и *цэгдэг* у ойратов Монголии, по данным информантов, связаны с периодом пребывания ойратов в составе Цинской империи [Бакаева 2013]. Данные Сарангэрэл основаны на противоречивых сведениях информантов о цветах *цэгдэг*: одни отмечали, что цвет *цэгдэг* должен совпадать с цветом *тэрлэг*, другие — что *цэгдэг* обязательно должен быть сшит из шелка голубого цвета; при этом в свадебных благопожеланиях встречается словосочетание «*хөх цэнхэр өнгөтэй*» 'сине-голубого цвета' [Сарангэрэл 2008].

Исследовав общность типа женской одежды у западных монголов, бурят и южных алтайцев, К. В. Вяткина предположила, что *чегедек* был заимствован южными алтайцами в XVI–XVII вв. [Вяткина 1964: 4]. Это мнение было оспорено Д. С. Дугаровым, приведшим ряд свидетельств в пользу своего мнения, в том числе наличие изображений типа хакасских *чегедек* и *тон* на писаницах горы Оглах в Минусинской кот-

ловине, датируемых ранним железным веком и связываемых археологами с предками современных хакасов [Дугаров 1983а: 39].

К иному периоду относит возникновение общих черт в женской одежде западных монголов и алтайцев, в частности, в *чегедеке*, В. П. Дьяконова. Она объясняет их длительным соседством тюркских и монгольских народов в период «до падения Юаньской империи (1368 г.)» и более позднего пребывания теленгитов, киргизов, урянхайцев под властью джунгар, обращая внимание на более тесные контакты теленгитов с дербетами [Дьяконова 2001]. По мнению исследователя, некоторые детали зимней шубы алтайцев *жайгы тон* могут быть сопоставлены с деталями одежды западномонгольских баитов, дербетов, хотонов, а также калмыков; а копытообразный фасон и название манжет на теленгитских шубах (и, соответственно, на летнем платье *каптал*) аналогичны соответствующим деталям в одежде хакасов, монголов, бурят и китайцев. В. П. Дьяконова убедительно оспаривает мнение ученых, пытавшихся связать указанную форму манжет с воинскими традициями стрельбы из лука, якобы занесенными кочевниками в Китай, указывая, что данная особенность характерна для женской одежды и не имеет практического объяснения. Согласно выводу ученого, «у тюркоязычных и монгольских народов копытообразный манжет появился сравнительно поздно и, скорее всего, под влиянием маньчжурского костюма цинского периода. Безманжетность рукавов — довольно устойчивый признак одежды ранних кочевников <...> Безманжетность, как известно, типична и для многих видов традиционной верхней одежды народов Южной Сибири и Монголии. Рукава ранних образцов кочевнической одежды снабжались лишь отворотом или меховой опушкой у запястья» [Дьяконова 2001: 87]. Однако распространение исследуемого типа одежды, по мнению других авторов, связано с более ранним этапом, чем кочевнический [например, Дугаров 1983, 1983а], к тому же распространение кочевого скотоводства среди монголоязычных народов датируется отдельными учеными довольно поздним периодом [Дашибалов 2007].

Между тем в литературе высказывалось мнение о том, что для предков калмыков был характерен восточноазиатский тип одежды, а относимая нами к южносибирскому типу одежда воспринималась отдель-

¹ Платье *тэрлэг* ховог-сарских торгутов называли также *бишмүд*. М. Амгалан отмечает, что подобные платья под названием *бишмүд* были характерны для культуры калмыков [Амгалан 2008: 41], но речь может идти как о сходном в покрое девичьем платье калмычек *бишмүд*, так и о платье замужних женщин *хутцан* (согласно данным У. Э. Эрдниева [1970: 142–143]).

ными авторами как заимствованная. Так, Г. Е. Грумм-Гржимайло писал, что калмыки «вместо прямых халатов носят однобортные бешметы кавказских горцев с широко вырезанной грудью» [Грумм-Гржимайло 1926: 191]. Д. В. Сычев также считал, что в прошлом для калмыцкой культуры был характерен традиционный халат монгольского типа [Сычев 1973: 18], соответственно, нового покроя одежда заимствована уже в Поволжье. Ж. Буль высказала мнение о том, что специфический крой рукава (названный автором «так называемые бараньи окорока» [Буль 1993: 41–42]) имеет позднее происхождение, связанное с влиянием городского платья; при этом с ойратским прошлым она связывает лишь один, простейший тип костюма — халат, к которому относит и *цегдг*, приспособленный, по ее мнению, для верховой езды [Буль 1993: 29]. С точки зрения Ж. Буль, художника по театральному костюму, монгольский халат *тэрлэг* претерпел видоизменения под влиянием европейского платья, но сохранил название [Буль 1993: 27]; прототипом девичьего *бииз*, не связанного с традициями распашной широкой одежды ойратов, послужило платье кавказских женщин с жилетом-нагрудником, широким подолом; мужские бешметы появились «или в результате подражания одежде соседних народов, или как дань модным течениям» [Буль 1993: 27, 41, 40]. Однако мнение этого автора не получило поддержки других исследователей [Бакаева 2008].

В работе В. П. Дьяконовой обращается внимание на отличия и сходство в некоторых деталях женской одежды: автор считает, что тип *чедека* теленгитов наиболее близок дербетскому *цэгдэг*, и объясняет этот факт близкими по сравнению с другими ойратами контактами двух народов: «данный вид одежды был достаточно широко распространен среди тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири и Монголии. Под названием *чедек* (*чегедек*, у монголов — *цегедек*) он известен теленгитам, алтай-кижи, хакасам и западным монголам (ойратам). Историко-типологически *чедек* теленгитов аналогичен западномонгольскому (дербетов). Помимо кроя, оформления, теленгитский *чедек* имеет общую с западно-монгольским еще одну деталь — воздушные петли у пройм для пристегивания кос. Замужние теленгитки косы пристегивали спереди, к петлям *чедека*. Дербетки, по сообщению К. В. Вяткиной, спускали косы

на грудь и концы их также прикрепляли «к концам платья». Таким образом, ношение кос было одинаковым. В меньшей степени *чедек* теленгитов сходен с таковым у алтай-кижи и хакасов. В особенности заметно отличие от хакаской одежды в оформлении фигурных пройм, деталей кроя, украшений» [Дьяконова 2001: 92–93]. Однако традиция ношения чехлов для кос и привязывания их к петлям *бель* на женском платье характерна и для других ойратов, в том числе калмыков, ушедших из Центральной Азии в начале XVII в. Небольшие отличия в покрое *тэрлэг* и *цэгдэг* ойратов и южносибирских тюркских народов не столь значительны, сколь значимы их семантика и символика.

Специфику указанных видов женской одежды исследователи связывали как с практическим их использованием в быту, так и с их обрядовой практикой. Так, особенности покроя безрукавки *цегдг* (разрез сзади и распашные борта спереди), по мнению П. И. Небольсина, определены ее назначением — верховой ездой [Небольсин 1852: 52–59]. С традициями верховой езды связывает предназначение *цегдг* и У. Э. Эрдниев [1970: 145].

На основе анализа преданий ойратов Синьцзяна¹ о происхождении *цэгдэг* Сарангэрэл приходит к выводу, что этот предмет одежды замужней женщины символизирует

¹ «В старые времена у женщин не было такой одежды, как *цэгдэг*. Жена одного богатого хана влюбилась в другого человека и собиралась с ним сбежать. Хан, узнав об этом, приказал отрубить ханше обе ноги, обе руки и голову. Однако ханские начальники хорошо относились к своей госпоже и, узнав об этом жестоком распоряжении, сказали хану, что они не согласны исполнять столь суровый приказ. Они посоветовали хану применить другой способ, который бы походил на его распоряжение. На ханшу надели сшитый *цэгдэг*. *Цэгдэг* без рукавов символизировал отрубленные руки ханши, короткий подол означал отрубленные ноги, отсутствие воротника означало отрубленную голову. Таким образом, ханша была избавлена от жестокого наказания. С тех пор женщина, ставшая невесткой, перед поездкой в дом будущего мужа надевала *цэгдэг*, что символизировало собой клятву и поклонение. Клятва же была такого содержания: “с момента отправки в дом мужа не влюбляться в других мужчин, быть верной, не сбежать из дома. Если такое произойдет, то буду я как этот *цэгдэг* без рук, ног и головы”» [Сарангэрэл 2008: 11].

покорность и верность супругу: «Измена женщины, носящей *цэгдэг*, т. е. замужней, подобна смерти» [Сарангэрэл 2008: 11]. Автор приводит статьи свода законов, принятого в 1640 г. на съезде монгольских и ойратских князей и духовенства, согласно которым, для наказания и выражения всеобщего презрения мужчине, бежавшему с военных действий, также надевали *цэгдэг*¹ [Сарангэрэл 2008: 10, 11]. Поэтому Сарангэрэл связывает этимологию слова *цэгдэг* с терминами *цээр* 'запрет' и *цэвэр* 'чистота': «...слова “цээр” и “цэвэр” одного корня. “Цээр” означает “неотклонение, следование закону, порядку”. В тюркских языках “цэгэ” или “цэг” означает “преодолевать, побеждать; переступать, превышать, превосходить” или “граница, край”. Из корня этого слова со значением “нельзя нарушить, переступить какую-либо норму, правило”, возможно, возникло монгольское слово “цээр»» [Сарангэрэл 2008: 12].

Цэгдэг/чегедек, будучи символом статуса замужней женщины, являлся обязательным элементом ее костюма. У алтайцев вдовы носили особую одежду *чуба* (длиннополую, широкую, из черной или синей ткани), но при погребении их облачали в *чегедек*; в случае же повторного замужества они вновь надевали *чегедек* [Алтайцы 2014: 238]. Якутский *сангыйах* надевали на свадьбе, его дарили в качестве брачного подарка свекрови, в нем хоронили² [цит. по: Дугаров 1983: 109]. У алтайцев-теленгитов, по данным В. П. Дьяконовой, в XX в. *чегедек*, надеваемый как символ замужества только во время свадьбы, стал использоваться пожилыми женщинами в качестве погребальной одежды [Дьяконова 2001: 92].

И у синьцзянских ойратов обычай ношения *цэгдэг* сохраняется не везде. Вероятно, поэтому существует и обряд «освобождения от *цэгдэг*» (*цэгдэгийн нанга гуйх*), или «*бүсийн нанга*»), который проводят через три года после свадьбы. Во время обряда молодые должны в присутствии близ-

ких родственников преподнести с почтением старшим в роду хадаки и обратиться с просьбой о даровании «свободы от *цэгдэг*»; при этом невестку одаривают коровой с теленком, кобылой с жеребенком [Сарангэрэл 2008: 12].

Символика *чегедек* связывается в научной литературе и с особенностями его покроя. Так, авторы обобщающей коллективной монографии, посвященной алтайцам, отмечают, что плечевая часть этой одежды называлась *канаттар* ('крылья'), для чего при шитье для придания твердости ее обматывали мукой. По данным информантов, подобная форма «крыльев» объясняется либо стремлением к красоте, «чтобы было видно украшение платья или рубашки под чегедеком», либо символизирует горы Алтая [Алтайцы 2014: 238]. Г. Р. Галданова связывает особенность украшения безрукавки *уужа* в виде платочка, называвшегося *уужын умдхэл* ('одеяние безрукавки'), с бережливым значением³ [Галданова 1992: 82].

Символика *цэгдэг/чегедек/уужа*⁴ рассматривается Д. С. Дугаровым в связи с древним культом птицы-прародительницы, что, по мнению ученого, свидетельствует о тюрко-монгольском происхождении верований и особой семантике предмета женской одежды [Дугаров 1983, 1983а]. Бурятские названия этого предмета он этимологизирует, исходя из тюркских языков: *хубайси* — «лебяжье [оперение]» (от *хубай* 'лебедь'); *дэгэлэй*, кроме женской безрукавки, обозначает цаплю — водоплавающую, перелетную птицу; *уужа* — от *иц* — 'летать, па-

¹ В «Великом Уложении» 1640 г. говорится, что в наказание за бегство с поля боя воин, а также командир эскадрона (*хошучи*) (§ 14), должен подвергнуться надеванию женской безрукавки (*цэгдэг*) [Их цааз 1981: 15].

² О ритуальном значении этого вида одежды свидетельствует то, что в женском *сангыйах* даже камлали шаманы в случае отсутствия специального облачения [цит. по: Дугаров 1983: 109].

³ «... ритуальные куски материи разной формы, вызывая дуновение, легкий ветерок, «обладали» свойством призывать счастье, благодать, устанавливать связь, приобщая дарителя к тому объекту, социуму, той сфере, которая была для него чужой. Кроме того, ритуальные куски материи, вероятно, «обладали» магической силой, отчего служили в качестве оберегов и при погребальных церемониях. <...> у тюрков красную ленту или черный платок, кусок белой материи привязывали к пике умершего, которая в течение года находилась в юрте в качестве его заместителя <...> можно заключить, что первоначально в качестве сакрализованного атрибута — залаа — выступали различные шкурки, хвосты, гривы, как состоящие из волос, т. е. обладающие фарном» [Галданова 1992: 82, 84].

⁴ Различные варианты названия одинакового предмета одежды у западно-монгольских по происхождению народов

ритель». Общий вывод ученого таков: «...безрукавка указанного типа была древнейшей женской ритуальной одеждой, покроем которой символизировал крылья лебедя, а у некоторых других этнических групп — орла, гуся, журавля, тетерева и т.д.» [Дугаров 1983а: 40], при этом «...все указанные типы бурятских женских безрукавок в функциональном отношении не имели утилитарного назначения, а носили чисто ритуальный характер и по происхождению были связаны с древнейшими тотемистическими воззрениями некоторых народов тюркской группы» [Дугаров 1983: 113]. Данный исследователь впервые в научной литературе предложил рассматривать традиционную женскую одежду типа *тэрлэг* как зооморфный символ. Им рассмотрена терминология, обозначающая части рукава на женском платье восточных бурят: широкая часть рукава, образующая буфы, — *мура* ‘плечо’, следующая часть рукава — *балабша* (от *булуу*, *була* ‘округлый конец кости, головка, входящая в сустав’), далее — *тохоног* ‘локоть, предплечье, локтевая кость’, *сарубша* (от *сарбуу* ‘запястье’), *нюдарга* — ‘кулак’ (лицевая часть манжеты) и *турун* ‘копыто’ (изнанка манжеты). Проанализировав указанную терминологию и особенности покроя рукава шубы *дэгэл* и халата *тэрлэг*, Д. С. Дугаров пришел к выводу, что традиционный костюм, включавший платье /шубу с особым рукавом и безрукавку, символизировал сложный синкретический образ мифологического существа, объединяющего в себе элементы птицы и копытного животного, в представлениях древних выступавшего как тотемное животное.

Д. А. Николаева, принимая точку зрения Д. С. Дугарова, акцентирует внимание на том, что отрезной по талии *дэгэл* имел запах направо, со вставками по подолу, рукава также были многосоставными, нижнюю часть рукава от локтя шили из ткани другого, контрастного, цвета или узорной парчи, а места сшивания разных частей рукава были выделены полосками красной, желтой, зеленой и оранжевой ткани, узорной парчи, шелка или тесьмы. Исследователь считает, что составной покроем рукавов женского платья восточных бурят, символизировавшего ноги тотемного копытного животного, имеет архаическую символику: «распадающийся ряд контрастных деталей женской одежды, в отличие от цельной девичьей, маркирует мотив ритуального «ис-

целения», через *расчленение* целого и его *воссоединение*, с целью сакрализации «чужого» рода (то есть рода невесты) родом жениха, после того как женщина поменяла свой статус, пройдя все этапы свадебного обряда (инициация). Также распадающиеся детали и места их сшивания одновременно направлены на активизацию порождающих стихий плодотворяющего начала женщины» [Николаева 2004: 157].

Исследованию семантики женского костюма бурят посвящена выполненная С. Б. Самбуевой под руководством проф. Д. С. Дугарова кандидатская диссертация, в которой анализируются ранние верования предков бурят, символика одежды и головных уборов. Развивая его идеи, С. Б. Самбуева приходит к выводу, что традиционный женский халат, согласно космогоническим представлениям, является эквивалентом «мирового древа», «мировой оси» а безрукавка — его защитой, «оберегом»; связь верхней женской одежды бурят с космогонией прослежена даже в особенностях застегивания халата¹ и в цветовой символике [Самбуева 2000: 8–11]. Исследователь считает, что знаковым признаком женской одежды является взаимосвязь отдельных частей и символов, а семантический смысл костюма раскрывается в процессе реализации связей с самим человеком [Самбуева 2000, 2004].

Изучению ритуальной функции традиционной одежды монгольских народов, семантики костюма в свете традиционных представлений о человеке, а также современного бытования традиционных воззрений, связанных с одеждой, посвящена работа М. М. Содномпиловой [2013]. Автор приходит к выводу о том, что одежда отражает традиционную картину мира, а также о полифункциональности безрукавки и маркировке ею социального статуса (*уужтай* — ‘с безрукавкой’, т. е. замужняя). Ученый обращает внимание на обычаи шитья платья невесты матерью жениха у урянхайцев,

¹ «Верхние пуговицы приносят хозяину счастье, благодать — буян хэшэг. Во время присутствия на молебнах, совершения некоторых обрядов буряты расстегивали верхние пуговицы, чтобы счастье (благодать) без препятствий входило в тело. Средние пуговицы — үнэр баянай — регулируют многочисленное потомство, честь и достоинство. Нижние пуговицы — плодородие скота, материальное богатство владельца — хэшэг буянай» [Самбуева 2000: 10].

включения в «выкуп» за невесту тканей для шитья ее будущего платья у мингатов, считая их отголоском архаичной традиции тюрко-монгольских народов, согласно которой невеста наделяется полным костюмом замужней женщины, выступающим в качестве одного из этнических маркеров рода жениха.

Таким образом, в научной литературе сформировались различные мнения о происхождении и семантике женского костюма ойратов и калмыков. Одни авторы считают, что древнейшим типом одежды у этих народов был восточноазиатский. Другие

предполагают исконность южносибирского типа одежды у данных народов. Вопрос о том, заимствовали ли тюркские народы у монгольских женский комплекс одежды, взаимосвязан с исследованием происхождения и семантики костюма. На наш взгляд, предания, описанные Сарангэрэл [2008], относятся к позднему периоду бытования *цэгдэг* и *тэрлэг*. Широкое распространение данного типа одежды как среди ойратских народов, так и у тюркоязычных народов Сибири, свидетельствует о его архаичности и связях с древнейшими тотемистическими верованиями.

Литература

- Алтайцы: Этническая история. Традиционная культура. Современное развитие / редколл. Н. В. Екеев (отв. ред.), Н. М. Екеева, Э. В. Енчинов. Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С.С.Суразакова, 2014. 464 с.+3 цвет. илл.
- Амгалан М. Баруун Монголчуудын эдийн соёлын дурсгалт зүйлс. Улаанбаатар: МонСудар хэвлэлийн газар, 2008. 212 х.
- Аюуш Ц. Дөрвөд // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 27–206.
- Бадамхатан С., Лхагвасүрэн И. Алтайн урианхай // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 361–424.
- Бадамхатан С., Нансалмаа С. Мянгад // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 471–532.
- Бакаева Э. П. Об особенностях традиционного костюма ойратов Монголии // Полевые исследования КИГИ РАН. Вып. 1: Ойраты Монголии: история и современность. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 89–105.
- Бакаева Э. П. Одежда калмыков: традиции и символика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2008. 189 с.
- Батнасан Г. Баяд // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 253–360.
- Батнасан Г. Эдийн соёл. Хувцас хунр // БНМАУ-ын угсаатны зүй. 1 боть. Халхын угсаатны зүй. Улаанбаатар, 1987. Х. 146–165.
- Бентковский И. Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 2. Ставрополь, 1869. С. 123–139.
- Буль Ж. Калмыцкий костюм и сцена. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 73 с.
- Вяткина К. В. Общие черты материальной и духовной культуры западных монголов, бурят и южных алтайцев // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М.: Наука, 1964. С. 352–368.
- Галданова Г. Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука. Сибир. отд-ние, 1992. С. 71–89.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Л., 1926. 411 с.
- Дашибалов Б. Б. О становлении монгольского кочевничества // Проблемы этногенеза, этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2007.
- Дисан Т. Өөлд // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 107–166.
- Дугаров Д. С. Лебедь в орнаменте женского костюма тюрко-монгольских народов // Советская этнография. 1983. № 5. С. 104–113.
- Дугаров Д. С. Орнитозооморфная символика женского костюма некоторых тюрко-монгольских народов // Материальная и духовная культура калмыков. Элиста, 1983а. С. 36–52.
- Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск: Горно-Алтай. респ. кн. изд-во «Юч-Сюмер», 2001. 224 с.

- Их цааз («Великое уложение»). Памятники монгольского права XVII в. М.: Наука, 1971. 148 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени. М.: Наука, 1987. 318 с.
- Лхагвасурэн Ичинхорлоогийн. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографическое исследование. Конец XIX – начало XX века. М.: ИЭА РАН, 2009. 160 с.
- Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. 534 х.
- Мэнэс Г. Захчин // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 425–470.
- Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб.: Тип. К. Крайя, 1852. 192 с.
- Николаева Д. А. Одежда и украшения // Буряты. М.: Наука, 2004. С. 151–165.
- Номинханов Ц.-Д. Баруун Монголын дөрвөдийн зан үйлийн аман зохиолоос. Улаанбаатар: ШУА, Хэл зохиолын хүрээлэн, 2008. 216 с.
- Потанов Л. П. Одежда алтайцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1951. Т. XIII. С. 5–59.

References

- [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. 534 p. (In Mong.)
- [*Ikh Tsaaz*: The Great Code of Laws. A 17th-Century Monument of Mongolian Law]. Moscow: Nauka, 1971. 148 p. (In Russ.)
- [The Altaians: Ethnic History, Traditional Culture, Contemporary Development]. N. V. Ekeev, N. M. Ekeeva, E. V. Enchinov (eds.). Gorno-Altaysk: Surazakov Research Institute for Altaic Studies, 2014. 464 p. (In Russ.)
- Amgalan M. [Western Mongolia: Monuments of Material Culture]. Ulaanbaatar: Monsudar, 2008. 212 p. (In Mong.)
- Ayuush Ts. The Dorbets. In: [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 27-206. (In Mong.)
- Badamkhatan S., Lkhagvasüren I. The Altai Uriankhai. In: [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 361-424. (In Mong.)
- Badamkhatan S., Nansalma S. The Myangad. In: [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 471-532. (In Mong.)
- Bakaeva E. P. [Clothes of the Kalmyks: Traditions and Symbols]. Elista: Kalmyk Book Publ., 2008. 189 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Traditional costume of Mongolia-based Oirats: peculiarities revisited. In: [Kalmyk Humanities Research Institute: Field Studies]. Vol. 1: ‘Oirats in Mongolia: Past and Present’. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2013. Pp. 89–105. (In Russ.)
- Batnasan G. Material culture: clothes. In: [Ethnography of the Mongolian People’s Republic]. Vol. 1: ‘Khalkha Ethnography’. Ulaanbaatar, 1987. Pp. 146-165. (In Mong.)
- Batnasan G. The Bayad. In: [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 253-360. (In Mong.)
- Bentkovsky I. Kalmyks of Bolshederbetovsky District: clothes. In: [Stavropol Governorate: Collected Statistical Data]. Vol. 2. Stavropol, 1869. Pp. 123–139. (In Russ.)
- Boulle J. [Kalmyk Costume and Stage]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 73 p. (In Russ.)
- Dashibalov B. B. The shaping of Mongolian nomadism revisited. In: [Turko-Mongols: Issues of Ethnogenesis, Ethnic History and Culture]. Elista: Kalmyk State University, 2007. (In Russ.)
- Disan T. The Olot. In: [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 107-166. (In Mong.)
- Dugarov D. S. Ornitho-zoomorphic symbols in traditional women’s costumes of some Turko-Mongols. In: [Material and Spiritual Culture of the Kalmyks]. Elista, 1983. Pp. 36-52. (In Russ.)
- Dugarov D. S. Swan in ornamental patterns of traditional Turko-Mongolic women’s costumes. *Sovetskaya etnografiya*. 1983. No. 5. Pp. 104–113. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. [The Altaians: Materials on the Ethnography of the Telengits Inhabiting the Altai Mountains]. Gorno-Altaysk: Yuch-Syumer, 2001. 224 p. (In Russ.)

- Прыткова Н. Ф. Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. С. 227–328.
- Самбуева С. Б. Символика традиционного бурятского женского костюма. автореф. дис.... канд. ист. наук. Улан-Удэ [б.и.], 2000. 16 с.
- Самбуева С. Б. Символика традиционного бурятского женского костюма. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. 91 с.
- Сарангэрэл. О «цэгдэг» и почитании невесткой родственников мужа // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 10–13.
- Содномпилова М. М. Традиционная одежда монгольских народов в ритуале и как инструмент социализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2 (3). С. 152–165 [Электронный ресурс] // URL: <http://isu.ru/izvestia> (дата обращения: 14.08.2015).
- Сычев Д. В. Из истории калмыцкого костюма. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1973. 167 с.
- Тангад Д. Торгууд // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй. Улаанбаатар: МОНСУДАР Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 167–252.
- Эрдниев У. Э. Калмыки. Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

- Erdniev U. E. [The Kalmyks: Historical and Ethnographic Essays]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Wedding rites of Turko-Mongols: semantics of archaic elements. In: [Mongolic Peoples: Traditional Rites]. Novosibirsk: Nauka, 1992. Pp. 71-89. (In Russ.)
- Grum-Grshimailo G. E. [Western Mongolia and the Uriankhai Country]. Vol. 3. Part 1. Leningrad, 1926. 411 p. (In Russ.)
- Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V. [Ethnic History of the Chinese: at the Turn of the Modern Era]. Moscow: Nauka, 1987. 318 p. (In Russ.)
- Lkhagvasuren I. [The Altai Uriankhai: a Case Study of History and Ethnography, Late 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology (RAS), 2009. 160 p. (In Russ.)
- Menes G. The Zakhchin. In: [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 425-470. (In Mong.)
- Nebolsin P. I. [Kalmyks of Khoshoutovsky District: Sketches of Everyday Life]. St. Petersburg: K. Kray, 1852. 192 p. (In Russ.)
- Nikolaeva D. A. Clothes and adornments. In: [The Buryats]. Moscow: Nauka, 2004. Pp. 151-165. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. [Western Mongolia: Glimpses of Dorbet Folklore]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2008. 216 p. (In Mong.)
- Potapov L. P. Altaian garments. In: [Museum of Anthropology and Ethnography: Collected Works]. Leningrad, 1951. Vol. XIII. Pp. 5-59. (In Russ.)
- Prytkova N. F. Outer garments. In: [Siberia: Atlas of History and Ethnography]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961. Pp. 227-328. (In Russ.)
- Sambueva S. B. [Symbolism of the Traditional Buryat Women’s Costume]. Cand.Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2000. 16 p. (In Russ.)
- Sambueva S. B. [Symbolism of the Traditional Buryat Women’s Costume]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2004. 91 p. (In Russ.)
- Sarangerel. Tsegdeg and the daughter’s-in-law veneration before her husband’s relatives. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2008. No. 3. Pp. 10–13. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. Traditional Mongolic garments as an element of ritual and tool of socialization. *The Bulletin of Irkutsk State University*. 2013. No. 2 (3). Pp. 152–165. Available at: <http://isu.ru/izvestia> (accessed: August 14, 2015). (In Russ.)
- Sychev D. V. [Traditional Kalmyk Costume: Glimpses of History]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1973. 167 p. (In Russ.)
- Tangad D. The Torghuts. In: [Ethnography of Mongolia]. Vol. 2: ‘Oirat Ethnography’. Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 167-252. (In Mong.)
- Vyatkina K. V. Western Mongols, Buryats and Southern Altaians: Common Features of Material and Spiritual Culture. In: [7th World Congress of Anthropological and Ethnographic Sciences]. Proc. Moscow: Nauka, 1964. Pp. 352–368. (In Russ.)

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С БЕРЕМЕННОСТЬЮ ЖЕНЩИНЫ, У НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ТУВИНЦЕВ И ХАКАСОВ)

Rituals and Customs Connected with Woman's Pregnancy Among the Peoples of the Sayan-Altai Region (the Case Study of the Tuvans and the Khakass)

Е. В. Айыжы (E. Aiyzhy)¹, А. В. Чалбак (A. Chalbak)²

¹кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тувинского государственного университета (Ph. D. of History, Associate Professor of the World History and Archeology Department at Tuva State University). E-mail: aiygy@mail.ru.

²учитель истории гимназии № 5 г. Кызыла (History Teacher at Kyzyl Gymnasium № 5).

Статья посвящена рассмотрению системы запретов и предписаний, связанных с обрядами жизненного цикла у народов Саяно-Алтая (на примере тувинцев и хакасов). Дана классификация системы запретов и предписаний, связанных с беременностью у тувинцев и хакасов.

Ключевые слова: этнография детства, культ, род, семья и семейные отношения, обряды и обычаи, связанные с беременностью, роды, богиня Умай.

The article is devoted to the integrated study of the system of prohibitions and precepts concerning the life cycle rites among the Tuvans and the Khakass. The relevance of the issue is determined by the need for its study and possible restoration of the progressive traditions connected with the pregnancy. Since this issue is poorly investigated, especially in relation to the Tuvan culture, it requires further research. Special attention is paid to the prohibitions and precepts with a psychological nature, peculiar to pregnant women regarding housing (rites concerning the space inside and outside of «yurta» (nomad's tent)), clothing, household items, food, animals and plants. Birthing rituals of the Tuvans including comparative analysis with other peoples of the Sayan-Altai region have not been under consideration yet. So, this is the first attempt made in the article to undertake an integrated study of birthing rituals of the Tuvans and the Khakass.

As a result of the research, the author has analyzed the attitude of traditional society towards woman's pregnancy, delivery and birth of a child, has given the classification of ritual practices associated with woman's pregnancy, and has distinguished some cycles of birthing rituals.

Keywords: ethnography of childhood, the cult, clan, family and family relationships, rituals and customs connected pregnancy, delivery, the goddess Umai.

Рождение ребенка — часть непрерывной цепочки смены поколений, жизни народа. Родильная обрядность, выработанная в процессе многовекового опыта народами Саяно-Алтайского нагорья, ориентирована на удачный исход родов, направлена на сохранение и защиту здоровья матери и ребенка.

В данной статье рассматривается система запретов и предписаний в целостной системе обрядовой практики, связанной с зачатием, родами и рождением ребенка.

Предлагаем систематизировать их по 3 циклам:

1. Обряды и обычаи, связанные с беременностью.
2. Обряды и обычаи, сопровождающие появление ребенка на свет.
3. Послеродовые обряды очищения матери и ребенка.

По данной теме следует отметить труды таких известных российских ученых — историков, этнографов, лингвистов и географов, как Г. Н. Потанин, П. Осташкин,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект 15-21-03002 «Диалог цивилизаций народов Центральной и Внутренней Азии: история, культура и парадигмы существования».

В. А. Ошурков, Н. Ф. Катанов, М. И. Райков, П. Островских, Ф. Я. Кон, Г. Е. Грумм-Гржимайло, а также работы А. П. Ермолаева, Д. А. Клеменца, Е. Г. Яковлева, Н. М. Ядринцева, А. В. Адрианова, Отто Менхен-Хельфена и др. Вышеперечисленные исследователи собрали значительный материал о культуре тувинцев и хакасов, описали семейно-бытовой уклад, традиции тувинцев и хакасов.

Первые научные исследования, касающиеся вопросов рождения и воспитания детей у хакасов, принадлежат известному хакасскому востоковеду Н. Ф. Катанову. Он одним из первых описал родильные обряды хакасов во время праздников, которые проводились в честь рождения, наречения имени [Катанов 2007: 140].

В 1876–1879 гг. в Северо-Западную Монголию было совершено 2 экспедиции русским ученым, географом, этнографом, исследователем Центральной Азии и Сибири, Г. Н. Потаниным. Его дневники, где описывается и Урянхайский край, легли в основу 4 выпусков сборника «Очерки Северо-Западной Монголии» (1881–1883). Г. Н. Потанин описывает в своем сборнике то, как проходили роды у тувинских женщин, какие обряды существовали при рождении ребенка по сравнению с другими народами [Потанин 1881: Вып. 3. 1238].

Не раз с экспедицией бывал в Туве А. В. Адрианов — путешественник, историк, этнограф, археолог и публицист, выдающийся исследователь древностей Южной Сибири. Из его основного труда «Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г.», выясняется, какого пола ребенок был предпочтительным у тувинцев [Адрианов 2007: 98].

Е. К. Яковлев — член Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества, автор многих исторических и этнографических работ о народах Сибири. В своей монографии «Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисея» Е. К. Яковлев впервые представил системный обзор традиционной культуры тувинцев. Так, по его наблюдениям, повитухами могли быть как женщины, так и мужчины (ловкие в этом деле шаманы и буддийские ламы). Подтверждая любовь к детям у тувинского народа, и отмечая, каким важным событием является рождение нового члена

общества, Е. К. Яковлев пишет, что «самый последний бедняк гордится, если у него полна юрта ребят» [Яковлев 1900: 48].

Ф. Я. Кон уделяет внимание теме родовспоможения в главе «Беременность, роды и уход за ребенком» своего труда «Экспедиция в Сойотию», где характеризует отношение тувинского общества рассматриваемого времени к беременной женщине, к ребенку в утробе матери и перечисляет некоторые запреты и предписания, адресованные будущей матери, для сохранения и защиты ребенка [Кон 2007: 348].

Немецкий путешественник Отто Менхен-Хельфен, работая в Московском институте марксизма-ленинизма, в 1929 г. в сопровождении тувинских студентов Коммунистического университета трудящихся Востока побывал в Тувинской Народной Республике. Впечатленный поездкой в Туву, он написал книгу «Путешествие в азиатскую Туву» (опубл. в 1931 г. в Берлине, а в 1992 г. — в Лос-Анджелесе). В главе «Разговор о семье» настоящей книги автор подчеркивает бережное отношение к детям тувинцев, окружавших их заботой и не прибегавших к телесным наказаниям [Менхен-Хельфен 2007: 256].

Таким образом, следует подчеркнуть, что труды русских и иностранных путешественников, побывавших на территории Саяно-Алтайского нагорья в конце XIX — начале XX вв., дают сравнительный материал по системе питания, родильному обряду, обычному праву, трудовому воспитанию, положению женщины в обществах минусинских инородцев (хакасов) и сойотов (тувинцев).

Вместе с тем необходимо отметить, что в трудах вышеперечисленных ученых не прослеживается комплексное изучение обрядов и обычаев, связанных с родовспоможением.

Начиная с XX в. и по настоящее время настоящая тема изучается историками, этнографами и этнопедагогами в контексте быта и культуры традиционного общества. В работе Л. П. Потапова «Очерки народного быта тувинцев» описывается трепетное отношение к невесте как к продолжательнице рода [Потапов 1969: 301]. Эту же тему в своих работах освещает хакасский исследователь В. Я. Бутанаев [Бутанаев 1988: 206].

В работах Ю. Г. Кустовой описаны обряды и обычаи хакасов, связанные с бере-

менностью и родами. По мнению исследователя, существует точка зрения, что богиня Умай, одновременно являющаяся символом жизненной силы младенца, под влиянием православия стала отождествляться с Евой — праматерью рода человеческого [Кустова 2000: 28].

Отдельной комплексной научной работы, посвященной родильным обрядам у тувинцев, в настоящее время не имеется, есть работы, которые освещают отдельные аспекты. Так, в монографии М. Б. Кенин-Лопсана «Традиционная культура тувинцев» приводятся примеры того, как тувинцы готовили девушек с юного возраста быть матерями с помощью запретов и ограничений [Кенин-Лопсан 2006: 156]. В статьях С. Н. Соломатиной «Материалы о материнстве и младенчестве у западных тувинцев» и «Колыбель в обрядах и представлениях народов Саяно-Алтая» уясняется сущность шаманских обрядов, связанных с беременностью у женщины [Соломатина 1988: 121].

В работе «История буддизма в Туве» М. В. Монгуш отмечает, что в связи с проникновением буддизма в Туву в родильной обрядности тувинцев появились такие меры, как приобретение специальных пудж в хурээ, чтение молитв и изготовление для будущей матери охранительных и защитных амулетов. Автор утверждает, что в целом буддийским элементам уделялось небольшое внимание, приоритетное значение все-таки имели различные древние по происхождению магические обряды [Монгуш 2001: 200].

Г. Д. Сундуй в работе «Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания» комплексно изучила мир детства и материнства у кочевников Центральной Азии [Сундуй 2009].

В работах вышеперечисленных авторов широко применяется метод сравнительного анализа.

Монография Е. В. Айыжы «Тувинцы Кобдосского аймака Монголии: этничность и культура», написанная на основе полевых, исторических, этнографических и фоль-

клорных источников и материалов, интересна и тем, что в ней описываются многие обычаи, связанные с беременностью женщины [Айыжы 2007: 69].

Исследователь полагает, что «обряды и обычаи, запреты и предписания, моделируют образ жизни, направленный на сохранение здоровья матери, создание благоприятной эмоциональной и психологической атмосферы вокруг младенческого возраста ребенка, нормальное развитие плода, успешное прохождение такого сложного процесса, как роды. Несоблюдение и игнорирование опыта прошлых лет есть прямая угроза обоим...» [Айыжы 2014: 79].

Большую часть обрядов периода беременности представляют собой запреты и предписания, регулирующие поведение и обеспечивающие рождение здорового ребенка. Большинство подобных запретов известно многим народам мира, имеют общий характер.

Запреты и предписания на тувинском языке обозначаются термином «хоруглар», куда входят такие понятия, как «ыпчап болбас, хоржок, хоруглуг». Для беременной женщины у народов Саяно-Алтая (на примере тувинцев и хакасов) существует обычай обязательного наложения системы иногда рациональных, но часто исключительно суеверных запретов и предписаний, которые ей следовало соблюдать. Соблюдение этих предписаний носило абсолютный характер. Запреты и предписания, связанные с беременностью женщины, содержат выработанный веками путем наблюдения за беременной женщиной опыт особого, бережного отношения к миру детства и материнства, ограничения в поведении, действиях, мыслях, наставления и повеления предков будущим поколениям, направленные на сохранение здоровья матери и ребенка. Люди традиционного общества понимали, что здоровье матери — это и есть здоровье будущего поколения. Поэтому будущая мать до последнего момента соблюдала родовые запреты и предписания, которые можно классифицировать следующим образом.

Классификация запретов и предписаний, связанных с беременностью женщины, у народов Саяно-Алтая		
у тувинцев	у хакасов	
На тувинском языке	На русском языке	
	Запреты и предписания по отношению к людям, к действиям, направленным на определенного человека или деятельность отдельного человека	
- иитиг-саатыг азы чаш уруг эмзирген кижиннин дилээнин албан бээр, оон башка ымзаны бээр, эмии ыжа бээр	- беременной нельзя ни в чем отказывать, а то не родившийся ребенок может проклясть хозяина этого дома или у беременной может грудь опухнуть (мастит)	- ни в чем не отказывать, а то навлечешь на себя несчастье
- арагалап база таакпылап болбас	- нельзя пить и курить	
- хой кижиг чыылган черже барып болбас; - кижиг ажааган черже барып болбас; - хоор барып болбас;	- присутствовать в местах массового скопления людей, например, на похоронах (неуравновешенное состояние может привести к нежелательным последствиям), ходить на кладбище;	- ходить на похороны: ребенок или мать могут умереть, или ребенок родится мертвым либо с уродствами; - смотреть на покойника: у ребенка будет бледное лицо
- аар ажыл кылбас база аар чуве кодурбес, ынчалза-даа олуттуг болбас, тааржыр чик ажылды кылып болур	- выполнять тяжелую работу, поднимать тяжести (угроза для ребенка), можно выполнять легкую работу, что поможет родить без затруднений (плод не будет большим)	
- тыртым болбас	- быть скупой, держать все добро под замком	
-торуттунмээн чаш уругну манакас	- с излишним нетерпением ждать ребенка (если торопить ребенка, он может уйти и не родиться)	
- эзер чок аътка халдып база аъттыг кижинин артынга ушкаржып болбас	- нельзя задерживаться на дороге, или ездить на коне без седла, или сидеть за всадником (роды будут тяжелыми или послед может задержаться)	- нельзя задерживаться на дороге (будут тяжелые роды)
- багай торуттунген азы кадыы багай кижилерже коруп болбас	смотреть на инвалидов и уродов	
	Беременная женщина не должна смотреть в упор на человека, разглядывать его, должна прятать свой взгляд	
- орай-дуне чааскаан унмес	- нельзя ночью одной выходить из юрты	
- будун донуруп болбас	- застуживать ноги	
		- нельзя двум беременным женщинам находиться в одной юрте

Психологические запреты		
- ыглавас, кылыктанмас, хорадавас, бак сагыш тутпас, аас-дыл кылбас, бак сос этпес, ожээннешпес.	- чтобы ребенок не обрел нежелательные черты характера, беременной нельзя: - попусту плакать, нервничать, обижаться, держать злобу, ругаться, ссориться, сквернословить, враждовать (девушка должна держать мысли в чистоте)	
- белен-селен хенертен коргун болбас	- внезапно пугаться (душа ребенка может отойти)	- дотрагиваться до своего тела во время испуга, иначе у ребенка на этих местах будут родимые пятна
- хону чок кижилер-биле харылзаа, чугаа тутпас	- общаться с неприятными для нее людьми	
аас - дыл, шош-содаа ундурген улус чанынга туруп болбас	- присутствовать там, где сквернословят, ссорятся и дерутся	
Запреты и предписания, связанные с жилищем		
- огнун текпезинге туруп база эжиктен харанып болбас;	- нельзя задерживаться на пороге, т. е. нельзя стоять в дверях или выглядывать из дверей, опершись о косяк (роды будут тяжелыми)	- нельзя задерживаться на пороге (ребенок будет печальным)
Запреты и предписания, связанные с одеждой		
- торуттунмээн чаиш уругга хеп белеткеп болбас	- готовить заранее одежду или колыбель для еще не родившегося ребенка (может не родиться живым)	
- оске кижинин идик-хеви кедип болбас	- носить чужую одежду	
		- нельзя смазывать жиром обувь (иначе на теле ребенка будут черные родинки)
Запреты и предписания, связанные с предметами быта		
- аргамчыны тудуп, чыып болбас	- брать или вить аркан (дитя будет выходить плохо, может задохнуться)	
- черде чыдар хендир артап болбас	- перешагивать через веревку (у хакасов – конскую сбрую, коромысло), лежащую на земле (чтобы пуповина при родах не опутала шею)	
-аргытынып, дааранып болбас, ине-хендир тутпас	- вязать, прясть и шить (ребенок может родиться с обвитием пуповины)	
- иштинге чуу –даа дээстип болбас, ылангыя ишиш баштыг хачы, бижек, инени	- нельзя животом прикасаться к любым предметам, особенно к острым (нож и ножницы), нельзя вообще брать в руки все острое, например, даже иглу (может уколоться)	- нельзя животом прикасаться к любым предметам, особенно к острым (ребенок родится с кривым носом или лицом)
- хымыш чылгавас	- нельзя лизать поварешку	

		- мужу нельзя при колке дров переворачивать топор и бить обухом, иначе голова ребенка плохо зарастет
Запреты и предписания, связанные с пищей:		
	-нельзя было есть мясо с тазобедренных костей (роды будут тяжелыми)	
		- нельзя есть одной
- саат дайनावас	- жевать серу (ребенок будет слюнявым)	
Запреты и предписания, связанные с животными		
- ытты теп, соп болбас	- пинать, бить собаку (у ребенка на том самом месте могут появиться синие пятна (по-тувински кок мен, по-хакаски к'к мин) или родинка). Считается, что ребенок в этот момент сильно прогибается и плачет.	
- эрни чирик амытаннар, койгун биле тевени, коруп болбас	- смотреть на зайца и верблюда, чтобы у ребенка не было заячьей губы или выпуклых глаз	
		- запрещалось садиться на лошадь верхом, иначе ее хозяин может лишиться своей души или эта душа может стать слабой
- хой-инек озээн, соккан черге туруп, дузалажып болбас	- будущей матери не рекомендовалось смотреть, как закалывали барана, или помогать при отеле коровы	
Запреты и предписания, связанные с растениями		
	тувинская девушка по традиции не должна ломать молодой тальник и рвать цветы	

Для составления классификации запретов и предписаний тувинцев и хакасов, связанных с беременностью женщины, основными источниками послужили труды М. Б. Кенин-Лопсана [2006], В. Я. Бутанаева, В. Монгуш [2005], Е. В. Айыжы [2007], Г. Д. Сундуй [2009], Ю. Г. Кустовой [2000].

Нами приводятся также следующие запрещенные действия для беременной женщины:

- выполнять легкую посильную работу, что поможет родить без затруднений (плод не будет слишком крупным);
- разговаривать с малышом, что способствует взаимопониманию в будущем;
- петь песни о родной земле, труде скотоводов-кочевников, об окружающей природе, а также колыбельные песни. Исполняя песни, беременная женщина получает эстетическое наслаждение, отдых и

утешение, при этом будущая мать заботливо устанавливает некую эмоциональную связь с ребенком, который находится внутри ее утробы, общается с ним, поглаживая живот. Колыбельные песни могли успокоить ребенка, если он чрезмерно активен (совершает частые телодвижения в чреве матери, особенно удары ногой). Недаром в народе говорят: «Чалгарааны частыр, мунгарааны бустур» — «пусть грусть и печаль уходят» (пер. Е. В. Айыжы). Ни один род поэзии, ни один жанр не имеют такого обилия ласки, как колыбельная песня, исходящая из глубины души матери и ее народа. Ласка, полученная еще при внутри-утробном развитии ребенка, потом, после рождения, распространяется на все, что его окружает, с чем он может соприкоснуться в жизни. Ребенок будет добрым, порядочным человеком;

– любоваться красотой окружающей природы;

– смотреть на красивых, здоровых маленьких детей, чтобы ребенок тоже родился здоровым;

– поклоняться богам, духам-покровителям, духам-хозяевам природы.

Кроме запретов и предписаний, связанных с беременностью женщины, также существовали обряды «охранительного» характера. Например, обряд приобретения у шамана идола «уруг-ээрени» (хак. «ымай тес»). Дородовой период для женщины и всего рода понимается как важный возрастной этап будущего ребенка. По представлениям тувинских и хакасских шаманов, во Вселенной существует три мира, которые населяют:

Верхний мир — Курбусту бурган,

Нижний мир — Духи эрликены,

Темный мир — Эрлик ораны

Человек живет в нижнем мире, его окружают различные духи, в том числе злые, вызывающие болезни, — кара-бук, аза. Некоторые шаманы называли мир, в котором живет человек — Средним миром, а мир Эрлика — Нижним [Кенин-Лопсан 2006].

Со сферой воспроизводства тесно связано такое понятие, как «уруг куду» — кут ребенка (зародыш, жизненная сила), наличие которого обеспечивает возможность и нормальное протекание беременности. Жизненная сила является тем, что сохраняет и держит ребенка в среднем (нижнем) мире. Если женщина бесплодна, говорят «ритуальные специалисты» (шаманы, повитухи), то потому что у нее нет «уруг куду», появление мертворожденных, преждевременные роды происходят от того, что уруг куду не держится у женщин. Соответственно, болезненность, смерть ребенка связывают с тем, что «уруг куду» не держится у младенца. По представлениям тувинцев и хакасов, новорожденный получает «уруг куду» от неба и матери и будет связан с нею до того момента, пока он не начнет говорить, самостоятельно передвигаться. Если у женщины наблюдались нарушения репродуктивной функции и она не могла забеременеть, или если роды были неблагоприятными, то в этом случае могли просить шамана изготовить «уруг-ээрени» (дух-охранитель) — специальный «ээрэн», сложный изобразительный комплекс различных духов-хранителей, который будет держать жизненную силу ребенка в этом нижнем мире, позволит

женщине родить и иметь много детей, а также охранять их от злых духов и болезней. Но чаще всего до свадьбы молодой пары сторона невесты могла изготовить вместе с приданым эти «ээрены» — семейные изображения духов-покровителей, пришитых к шелковой ткани, которые должны располагаться на женской стороне юрты, так как они были хранителями домашнего очага, благополучия, стражами здоровья женщин и детей. Такая антропоморфная фигурка, как «уруг-ээрени», могла храниться в подушке, на которой спит хозяйка [Соломатина 1988: 119]. Хакасы называют подобный ээрэн «ымай тес», т. е. фетиш богини Умай. Особенно помогал детский фетиш в семье, где болели и умирали дети. Хакасы изготавливали «умай-тес» из березовой ветви, лицом фетиша служила белая тряпица, пришитая к развилке. На один отросток развилки подвешивался лучок со стрелой. «Умай-тес» помогал при родах и был необходимым атрибутом при родах у женщин [Бутанаев 2005: 70].

Среди хакасов-кызыльцев был распространен обряд изготовления и почитания специального семейного оберега — охранителя тос — Тульгу-тос (хак тос — «лисица»). Его изготавливал шаман из кусочков лисьей шкуры, красного кумача, полосок черной ткани и березовой веточки. В семьях этот оберег почитался, женщина была обязана хотя бы раз в году совершать его ритуальное кормление вареной рыбой. Если роды были затруднены, также прибегали к помощи тоса [Кустова 2000: 28].

Обряд окуливания беременной женщины. Если будущая мать чувствовала себя плохо, шаман или старший и мудрый в роду артышом — можжевельником (хакасы — богородской травой) окуливал ее, проводил сложный комплекс «уруг-ээрени» (хак. «ымай тес»). Волшебные свойства можжевельника помогали девушке на психологическом уровне избавиться от тревоги, успокоиться, поднять настроение — духовно очиститься, а антисептические свойства — очистить, дезинфицировать пространство внутри юрты. Если беременной снились дурные сны, то она сама использовала можжевельник, окуливала себя и внутренность юрты.

Буддийские обряды для будущей матери. С проникновением буддизма на территорию Тувы родильный обряд у тувинцев получил смешанный характер. В дородо-

вых запретах, а также в других обрядах в целом, буддийским элементам уделялось небольшое место. Например, в работе М. В. Монгуш «История буддизма в Туве» подчеркивается, что для благополучного разрешения будущей матери от бремени и сохранения жизни будущему ребенку крайне желательно было в самом начале беременности, затем на седьмом и девятом месяце заказывать специальную пуджу в хурээ. Могли также пригласить буддийских лам в дом для совершения предохранительных обрядов, в основном — чтения сакральных молитв, и изготовления для беременной охранительных и защитных амулетов. Тем не менее, по утверждению автора, приоритетное значение все-таки имели различные древние по происхождению магические обряды, которые сохранены до сегодняшнего времени [Монгуш 2001: 200].

Обычай толкования и предсказания сна. Традиционное общество умело толковать сны. Женщине увидеть себя беременной во сне считалось плохим знаком, что предвещало долговременные неприятности, а рождение ребенка означало конец неприятностям. Кормить грудью незнакомого ребенка также считалось дурной приметой. Например, нахождение или кража во сне женских предметов высокого статуса (ценные камни, серебряные украшения и др.) означало рождение девочки с богатым будущим [Монгуш 2001: 66].

Обычай гадания о поле ребенка. Запрета на гадание о поле ребенка не было. Окружающие «знатоки» старались угадать его по приметам, по форме округлости живота и активности ребенка в чреве матери. Принято считать, что, если у беременной женщины лицо мягкое, нежное, то родится девочка, а если появляются пятнышки, то родится мальчик. Если форма живота круглая, выступает вперед и острая, то родится маль-

чик, а если форма овальная и тянется вниз, то девочка. Если ребенок постоянно бьется в животе — родится девочка, если изредка, но проворно — мальчик [Кон 1983: 74].

Обычай пожелания семье ребенка определенного пола. У тувинского народа существовал также интересный обычай «оол, азы кыс уругну кузээри» — желать или пожелать ребенка определенного пола. Например, если в семье рождались только девочки, то дедушка или знакомый старший мужчина подходил к отцу девочек и, говоря благопожелания о рождении сына, дарил свое «оттук» — огниво. А если жена рожала только мальчиков, то бабушка или самая старшая и мудрая в роду женщина приходила к хозяйке этой юрты и, приговаривая благопожелания о даровании девочки, дарила «согааш-даш» — специальный камень для помола растений, чая или соли [Сундуй 2009: 64].

Таким образом, тувинцы и хакасы старались оградить будущих матерей от всевозможных нервных срывов, отрицательных эмоций, опасностей, в том числе и от сверхъестественных, с помощью магических действий и традиционных представлений. Защищали беременную женщину, не только соблюдая обряды и обычаи, но и запретами и предписаниями, предназначенными для нее. Запреты и предписания показали, что существовали табу в отношении животных, растений, предметов быта, жилища, одежды, людей, а также психические запреты. Соблюдая их, например, беременная женщина училась адекватно реагировать на любые изменения, управлять своим эмоциональным состоянием, вести себя сдержанно, контролировать свои мысли, речь, действия, бережно относиться к себе, а прежде всего — к будущему ребенку.

Литература

- Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г. // Урянхай: Тыва дептер / сост. С. К. Шойгу. Т. 3. М.: Слово, 2007. С. 98–160.
- Айыжы Е. В. Тувинцы Кобдосского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл: КЦО «Аныяк», 2007. 84 с.
- Айыжы Е. В. Обрядовая практика тувинцев: рождение ребенка и колыбель // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 79–85.
- Бутанаев В. Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988. С. 206–207.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков / Авт. Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 200 с.

- Катанов Н. Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана; Наречие урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Урянхай: Тыва дептер / сост. С. К. Шойгу. Т. 1. М.: Слово, 2007. С. 140–167.
- Кенин-Лопсан М. Б. Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 232 с.
- Кон И. С. Этнография детства: историографический очерк // Традиционные формы воспитания и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1983. 231 с.
- Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию // Урянхай: Тыва дептер / сост. С. К. Шойгу. Т. 4. М.: Слово, 2007. С. 348. Усинский край // Урянхай: Тыва дептер / сост. С. К. Шойгу. Т. 4. М.: Слово, 2007. С. 262–278.
- Кустова Ю. Г. Ребенок и детство у хакасов. СПб., 2000. 160 с.
- Менхен-Хельфен О. Путешествие в азиатскую Туву // Урянхай: Тыва дептер / сост. С. К. Шойгу. Т. 6. М.: Слово, 2007. С. 220–351.
- Монгуш М. В. История буддизма в Туве. Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Потанов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука. 401 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1881. XVI, 425 с.; Вып. 2. СПб.: Тип. В. Киршбаума 1881. 182, 87 с.; Вып. 3. СПб.: Тип. В. Безобразова и К., 1983. X, 372 с.; Вып. 4. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1026 с.
- Соломатина С. Н. Материалы о материнстве и младенчестве у западных тувинцев // Источники и методы исследования социальных и культурных процессов. Омск: ОмГУ, 1988. С. 119–136.
- Сундуй Г. Д. Мир детства кочевой Азии: опыт духовно-нравственного воспитания. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2009. 168 с.
- Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения Южного Енисея. Минусинск, 1900. С. 19–117.
- References**
- Adrianov A. V. Journey across the Altai and Sayan mountains undertaken in 1881. In: [Uryankhai: TyvaDepter]. S. K. Shoygu. Vol. 3. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 98–160. (In Russ.)
- Aiyzhy E. V. [Tuvans of Khovd Province (Mongolia): Ethnicity and Culture]. Kyzyl: Anyyak, 2007. 84 p. (In Russ.)
- Aiyzhy E. V. Tuvan rites: birth and cradle. *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2014. No. 4 (84). Pp. 79–85. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya. Khakas nursery traditions. In: [Peoples of Siberia: Traditional Educational Practices]. Leningrad, 1988. Pp. 206–207. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. [The Sayan Turks: Archaic Rites and Customs]. Abakan: Katanov Khakas State University, 2005. 200 p. (In Russ.)
- Katanov N. F. Letters from Siberia and Eastern Turkestan. Dialects of the Uryankhai (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. In: [Uryankhai: Tyva Depter]. S. K. Shoygu (comp.). Vol. 1. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 140–167. (In Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B. [Tuvan Traditional Culture]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2006. 232 p. (In Russ.)
- Kon F. Ya. Expedition to Soyotia. In: [Uryankhai: Tyva Depter]. S. K. Shoygu (comp.). Vol. 4. Moscow: Slovo, 2007. P. 348. (In Russ.)
- Kon F. Ya. Usinsk region. In: [Uryankhai: Tyva Depter]. S. K. Shoygu (comp.). Vol. 4. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 262–278. (In Russ.)
- Kon I. S. Ethnography of childhood: a historiographic essay. In: [Peoples of South and South-eastern Asia: Traditional Nursery and Educational Practices]. Moscow: Nauka, 1983. 231 p. (In Russ.)
- Kustova Yu. G. [Khakas People: Child and Childhood]. St. Petersburg, 2000. 160 p. (In Russ.)
- Maenchen Helfen O. Journey to Tuva. In: [Uryankhai: Tyva Depter]. S. K. Shoygu (comp.). Vol. 6. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 220–351. (In Russ.)
- Mongush M. V. [History of Buddhism in Tuva]. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Potaniin G. N. [Essays on Northwestern Mongolia]. Vol. 1. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1881. 425 p.; vol. 2. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1881. 182, 87 p.; vol. 3. St. Petersburg: V. Bezobrazov and Co., 1983. 372 p.; vol. 4. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. 1026 p. (In Russ.)
- Potapov L. P. [Sketches of Traditional Tuvan Life]. Moscow: Nauka, 1969. 401 p. (In Russ.)
- Solomatina S. N. Western Tuvans: materials on maternity and babyhood. In: [Social and Cultural Processes: Sources and Methods of Research]. Omsk: Omsk State University, 1988. Pp. 119–136. (In Russ.)
- Sunduy G. D. [World of Childhood in Nomadic Asia: Spiritual and Moral Upbringing Experiences]. Kyzyl: Tuvan Book Publ., 2009. 168 p. (In Russ.)
- Yakovlev E. K. [Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley: Ethnographic Review]. Minusinsk, 1900. Pp. 19–117. (In Russ.)

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП КАЛМЫКОВ*

Anthropometric Study of Sub-ethnic Groups of the Kalmyks

Н. В. Балинова (N. Balinova)¹

¹кандидат биологических наук, научный сотрудник отдела этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Biology, Researcher of the Ethnology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: balinovs@mail.ru.

В работе на основе материалов соматологического обследования калмыков трех субэтнических групп Калмыкии проведен сравнительный анализ и выявлены особенности антропометрических показателей, сделан вывод о том, что субэтнические группы калмыков могут быть дифференцированы по соматическим показателям.

Ключевые слова: морфология калмыков, соматология, антропометрия, индекс массы тела, эпохальные изменения.

The article deals with the analysis of anthropometric materials collected from three regions of Kalmykia as well as morphological characteristics, somatologic features, epochal changes of morphological attributes. Sub-ethnic groups of Kalmyks, both men and women, can be differentiated with a different degree of certainty regarding body length and weight, transverse skeletal dimensions, chest, waist, shoulder and arm proportions, skinfold thickness, head and face dimensions. Men from Buzava ethnic group have the largest body size – i.e. macrosomia, the Derbets are characterized by microsomia and the Torghts in their somatic status occupy intermediate position. A similar tendency in body dimensions can be observed among women, except body length among Buzava women. According to the head and face dimensions the subgroups differentiate as follows: the largest head size was observed among Buzava Kalmyks while the Derbets have larger values of cephalic index and the Torghts are characterized by the lowest values of cephalic index. Buzava men have the widest faces while the Torghts the narrowest. The Derbet women have wide cheekbones and smaller faces. Secular variations of body length and head dimension over the past 40 years are common to all ethnic subgroups of Kalmyks and may be explained by different reasons – the influence of social and economic factors, acceleration and miscegenation processes.

Keywords: morphology of Kalmyks, somatology, anthropometrics, bodymass index, epochal changes.

Целью нашей работы является масштабное антропологическое изучение ойратской общности. В последующем планируется сравнительный анализ антропометрического материала по ойратам Кобдоского и Убсунурского аймаков Монголии. В данной статье анализируется материал, собранный в Городовиковском, Лаганском и Кетченеровском районах Республики Калмыкия. О сложном этническом составе калмыков, повлиявшем на выбор изучаемых групп, мы писали ранее [Балинова 2010: 7–14]. Всего нами собрано и проанализировано 235 измерительных бланков

в трех субэтнических группах калмыков, при сборе материала учитывалась родовая принадлежность до третьего поколения. Сделано 818 фотоснимков для обобщенных портретов калмыков. По этнической составляющей материал разделился следующим образом: бузава — 76 чел, торгуты — 94 чел, дербеты — 65 чел.

В таблице 1 представлено количество и средний возраст обследованных мужчин и женщин в каждой группе. Необходимо отметить, что выборки бузава и торгутов достоверно различаются по среднему возрасту — 47,1 и 39,8 лет у мужчин и 50,9 и 43,9

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02898).

у женщин. В то же время, в соответствии с возрастной периодизацией онтогенеза человека, принятой на VII Всесоюзной конференции по проблемам возрастной морфологии, физиологии и биохимии АПН СССР в 1965 г., и схемой периодизации индивидуального развития В. В. Бунака 1965 г. [Цит. по: Миклашевская 1990], все группы попадают в один период зрелого возраста.

Для оценки уровня эпохальной изменчивости соматических характеристик калмыков использовались данные Д. О. Ашиловой, собранные автором в 1969–1972 гг. и опубликованные в книге «Этническая антропология калмыков» [Ашилова 1976].

Программа обследования включала более 40 измерительных и описательных признаков и осуществлялась по стандартной методике В. В. Бунака. Для характеристики продольных и поперечных размеров скелета измерялись: длина тела, высоты точек тела над полом для расчета длины ноги, корпуса, руки, диаметры плеч, таза, груди трансверзальный и саггитальный. Обхватные размеры тела представлены окружностями груди, талии, ягодиц, плеча расслабленного и напряженного, предплечья. Измерение кожно-жировых складок проводилось в следующих точках тела: на спине под лопаткой, на плече над трицепсом и бицепсом, на предплечье и животе.

На основании измеренных признаков вычислялся ряд показателей: длина ноги, руки, корпуса, индекс Кетле (ИМТ — индекс массы тела) по формуле $I=W/L^2$, головной указатель ГУ (отношение поперечного диаметра головы к продольному, выраженное в процентах).

Математическая обработка полученных данных проводилась с помощью стандартного пакета статистических программ Statistica 8. Рассчитывались основные статистические параметры для всех признаков, с помощью Т-критерия Стьюдента (в модификации Уэлча для проверки при отдельном оценивании дисперсий) оценивался уровень неслучайности различий между выборками. Для наиболее наглядного отображения достоверных морфологических различий использовался дисперсионный анализ (ANOVA one-way), проводилась процедура нормирования признаков.

Результаты. Все основные статистические параметры — средние значения признаков, средние квадратические отклонения и уровень значимости различий (Т-тест) по всем независимым выборкам — представлены в таблице 1.

В ходе сравнительного анализа прежде всего рассматривались тотальные размеры тела, характеризующие общий уровень соматического развития калмыков в исследуемых выборках (табл. 1, рис. 1). Установлено, что мужчины трех выборок отличаются друг от друга по длине тела, но эти различия не достоверны. В то же время бузава наиболее высокорослые, а по окружности грудной клетки, весу и индексу массы тела значительно превосходят торгутов и, особенно, дербетов. У женщин наблюдается иная картина, калмычки-бузава по росту достоверно ниже, но при этом характеризуются большим весом, обхватом груди и индексом массы тела. Калмычки-дербетки самые высокие, а у торгуток наименьший вес, обхват груди и ИМТ.

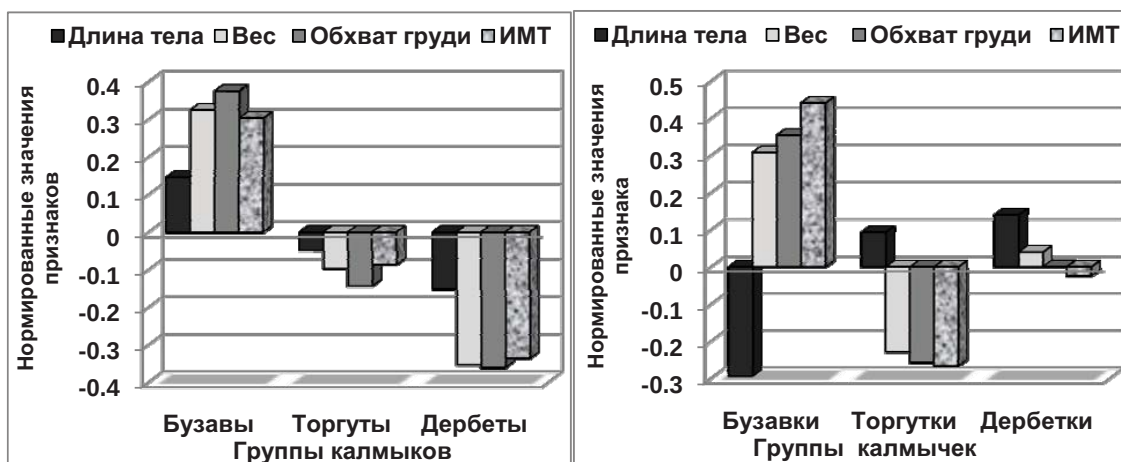


Рис. 1. Результаты дисперсионного анализа тотальных размеров тела в выборках мужчин и женщин

Таблица 1. Основные статистические параметры морфологических признаков у мужчин и женщин различных субэтносов Калмыкии

Признаки	Мужчины						Женщины					
	Бузава		Торгуты		Дербеты		Бузава		Торгуты		Дербеты	
	N=46		N=45		N=30		N=32		N=49		N=35	
	X	S	X	S	X	S	X	S	X	S	X	S
Средний возраст, лет	47,1**	11,7	39,8**	13,6	41,8	13,9	50,9**	7,5	43,9**	12,0	46,4	12,1
Длина тела, см	173,6	6,3	172,5	4,6	172,0	5,1	156,8*	5,6	159,4	5,9	159,5*	5,3
Вес, кг	86,9**	15,9	80,7*	12,4	77,0**	13,4	73,7*	12,25	66,4*	13,76	70,1	13,56
Индекс массы тела -ИМТ (по Кетле)	28,8**	4,8	27,1	3,6	26,0**	4,1	30,0**	5,7	26,2**	5,2	27,5	5,0
Обхват груди, см	103,9**	11,2	98,7**	8,3	96,6**	9,0	94,3**	7,3	89,3**	8,7	91,3	9,0
-----//----- талии, см	97,8*	12,6	92,3*	10,9	89,3**	11,2	91,6***	10,6	81,5***	15,5	86,0*	11,7
-----//----- плеча, см	33,4**	3,2	32,4	3,1	31,5**	3,1	32,6**	4,0	30,2**	3,9	31,1	3,9
Плечевой диаметр, см	40,5**	2,7	39,8	2,0	39,1**	1,2	35,7	1,2	35,2	1,9	35,4	1,8
Диаметр груди трансверсальный, см	30,7*	2,8	30,2	2,4	29,4*	2,3	26,6	1,6	25,8	2,7	25,9	3,1
Диаметр груди сагитальный, см	22,2***	2,2	20,5***	2,1	20,4***	2,0	19,7**	1,6	18,5**	2,0	19,0	1,9
Кожно-жировая складка на спине под лопаткой, мм	18,1	6,8	18,0	6,0	15,9	5,5	25,7**	6,5	21,4**	8,5	21,1**	8,1
-----//-----над трицепсом (плечо 1), мм	14,8	4,6	15,8*	4,9	13,6*	4,6	21,5	5,3	20,4	5,8	20,5	4,9
-----//----- над бицепсом (плечо 2), мм	7,4**	2,6	7,2	3,0	5,9**	2,1	13,3***	5,0	9,7***	4,2	9,3**	3,3
-----//-----на животе 1, мм	21,4*	7,2	21,9	7,2	17,8*	6,6	26,8	5,9	23,8	7,6	24,0	6,9
-----//----- на животе 2, мм	16,0*	6,3	17,7***	6,1	13,0***	5,0	21,4	7,7	18,6	6,5	18,5	6,0
Продольный диаметр головы, мм	197,7*	6,6	197,5	7,2	194,4*	7,2	187,1	5,7	186,7	6,0	187,1	6,5
Поперечный диаметр головы, мм	164,0**	5,9	160,9**	6,5	163,3	6,7	156,1	5,7	154,6*	5,3	157,2*	4,5
Головной указатель	83,0**	3,5	81,6	4,1	84,1**	4,22	83,5	3,4	82,9	3,8	84,1	3,6
Лобный диаметр, мм	112,0*	5,4	109,5*	4,7	111,8*	4,7	108,4	4,4	107,4	4,2	108,4	4,2
Скуловой диаметр, мм	151,3	6,9	148,8	5,2	148,9	5,5	141,8*	5,3	138,9**	5,6	142,8**	5,8
Нижнечелюстной диаметр, мм	117,3**	6,5	113,6**	7,1	114,0*	7,0	110,9**	6,1	107,3**	5,4	109,1	5,4

Продолжение таблицы 1.

Признаки	Мужчины						Женщины					
	Бузава N=46			Торгуты N=45			Дербеты N=30			Бузава N=32		
	X	S		X	S		X	S		X	S	
Физиономическая высота лица, мм	200,7	6,0		200,3	7,1		200,2	7,1		190,3	8,2	
Морфологическая высота лица 1, мм	141,9	8,0		140,1	7,2		138,9	6,7		131,4	8,3	
Морфологическая высота лица 2, мм	127,0	6,7		127,0	7,11		126,1	7,0		115,7	5,9	
Высота носа 1, мм	68,8**	4,1		67,4	5,17		66,4**	3,7		63,7	4,5	
Высота носа 2, мм	55,0	4,1		54,6	4,8		53,5	3,9		48,2	3,2	
Высота верхней губы, мм	18,4*	2,7		17,2*	2,7		17,8	2,5		17,1*	2,2	
Толщина губ, мм	18,0	4,0		19,4	4,0		18,0	2,8		16,9	3,9	
Ширина рта, мм	51,1	6,1		50,4	3,8		50,1	3,9		48,6	3,4	
Ширина носа, мм	39,4**	3,0		38,1	3,4		37,6**	2,5		35,1	2,2	

Примечание: жирным курсивом отмечены показатели, различия между которыми достигают уровня значимости - * p<0,05, ** - p<0,01, *** - p<0,001 (Т-критерий)

Конечно, мы не можем полностью исключить влияние возрастной изменчивости на данные соматические характеристики, особенно у женщин. В группах бузавов — мужчин и женщин — средний возраст выше, что сказывается на увеличении веса, ИМТ и обхвата груди за счет развития жировой массы в составе тела.

По показателям поперечного развития скелета — диаметрам плеч и таза, трансверсальному и саггитальному диаметрам груди — мужчины бузавы превосходят торгутов и дербетов, причем максимальные и достоверные различия фиксируются по ширине плеч и саггитальному диаметру (табл. 1, рис. 2).

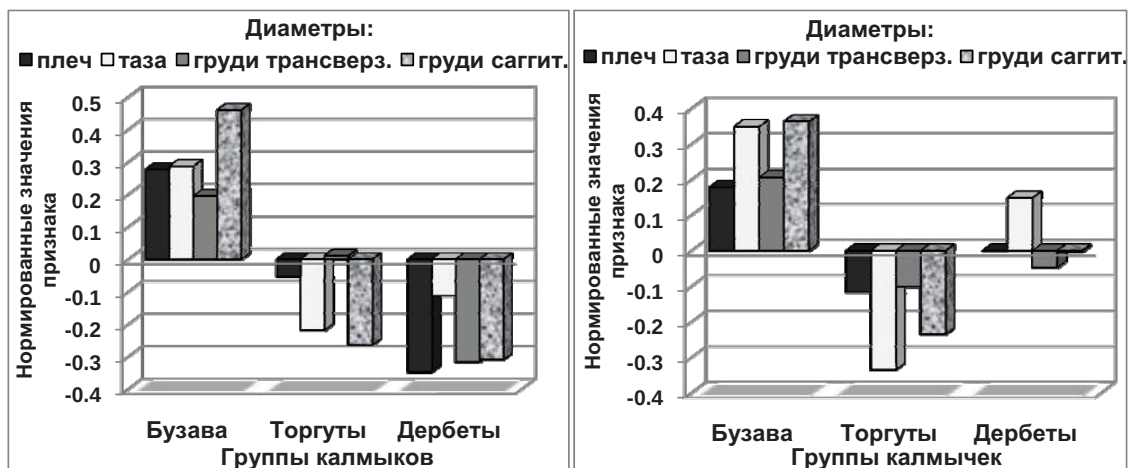


Рис. 2. Результаты дисперсионного анализа поперечных размеров скелета в выборках мужчин и женщин

Интересно, что и у женщин в изменчивости скелетных размеров наблюдается подобная тенденция. Калмычки-бузавки при меньшей длине имеют более широкие плечи и грудную клетку, а самыми грацильными (лептосомными) оказались торгутки.

Результаты анализа межгрупповой изменчивости обхватных размеров тела и

показателей подкожного жирового отложения представлены на рисунках 3, 4 (табл. 1). Обхватные размеры, как интегративные показатели развития мышечного и жирового компонентов, и собственно величина кожного-жирового слоя, в значительной степени связаны с уровнем общей двигательной активности.

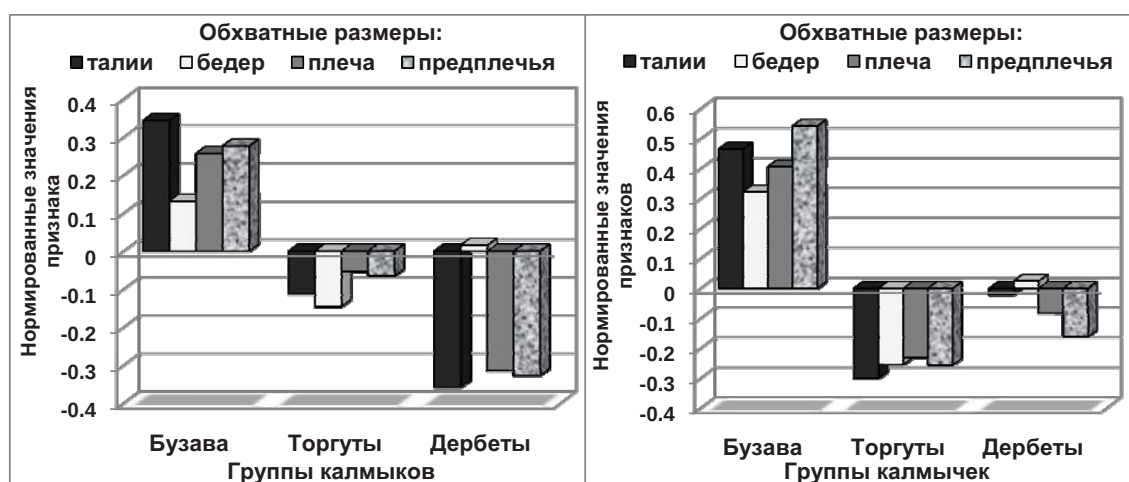


Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа обхватных размеров в выборках мужчин и женщин

Развитие всех обхватных размеров — талии, бедер, плеча и предплечья — больше в группах бузавов, как мужчин так и женщин. (табл. 1, рис. 3). В то же время, следует отметить некоторые особенности в межгрупповой изменчивости данных признаков — максимальные и достоверные различия по окружности талии и предплечья характерны для мужчин бузавов и дербетов. У женщин — по всем обхватным размерам торгутки достоверно уступают бузавкам.

В отличие от общей тенденции развития обхватных размеров, величина кожно-

жировых складок варьирует по-разному при сравнении трех групп мужчин и женщин (рис. 4). У мужчин торгутов и бузавов толщина кожно-жирового слоя на спине под лопаткой, над бицепсом (плечо 2) и на животе больше, чем у дербетов, при этом достоверные различия характерны для жировых складок на животе и плече. Необходимо отметить, что у мужчин бузавов при наибольших обхватных размерах величина жировых складок не отличается от таковых у торгутов, что свидетельствует о хорошем развитии мышечного компонента у бузава.

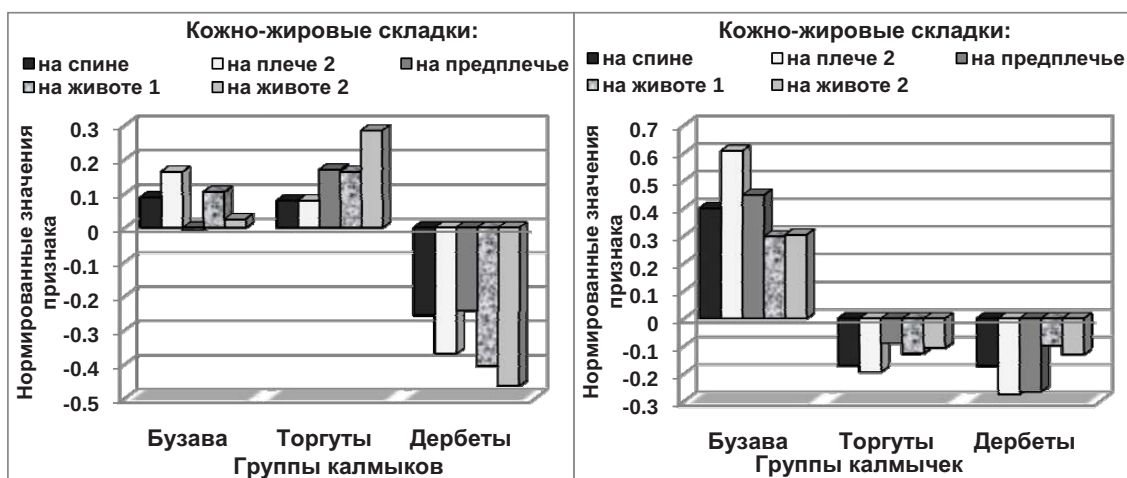


Рис. 4. Результаты дисперсионного анализа величины кожно-жировых складок в выборках мужчин и женщин

В группах женщин максимальная величина кожно-жирового слоя, в особенности на спине, плече 2 и предплечье, характерна для бузавок. В отличие от мужчин торгутов, женщины торгутки не отличаются хорошо развитым жиротложением и близки по этим показателям к дербеткам. Интересно, что у женщин по толщине жировых складок на животе не выявлено значимых различий. Возможно, это объясняется общей для некоторых монголоидных групп (калмыки, монголы) тенденцией к большей локализации жирового слоя на туловище, в первую очередь, в области живота [Хомякова и др. 2011, 2012; Godina et al 2014].

В ходе сравнительного анализа размеров головы и лица также были обнаружены некоторые различия (табл. 1).

В выборках мужчин наибольший продольный и поперечный диаметры головы характерны для бузавов, в то же время, головной указатель (ГУ) достоверно больше у дербетов, что свидетельствует о брахикефа-

лии. У торгутов наименьший поперечный диаметр головы и головной указатель, для них характерна долихокефалия. В группах женщин эти признаки варьируют иначе: продольный диаметр головы имеет почти равные значения, в то время как поперечный достоверно больше у дербеток, они же отличаются и несколько большим головным указателем, как и мужчины дербеты.

Можно отметить так же некоторые особенности в строении лица у мужчин и женщин исследуемых выборок. Для мужчин бузавов в среднем характерны широкие лица (наибольшие лобный, скуловой и нижнечелюстной диаметры), высокие и широкие носы, а также высокая верхняя губа, напротив, у торгутов узкие лица, а дербеты занимают промежуточные положение по этим показателям. У женщин изменчивость лицевых размеров иная: у дербеток самые широкие скулы при небольшой высоте лица, а торгутки, как и мужчины, отличаются узким и высоким лицом. В целом, досто-

верных различий по размерам лица немного, как у мужчин, так и у женщин и можно говорить лишь о некоторых тенденциях в межгрупповой изменчивости.

Следующей задачей, которая решалась в ходе сравнительного анализа соматических особенностей субэтнических групп калмыков, является изучение временных, или эпохальных сдвигов, произошедших за последние десятилетия. Для этой цели использовались данные Д. О. Ашиловой по длине тела и размерам головы калмыков из разных субэтнических групп.

На рисунке 5 показаны секулярные изменения длины тела у мужчин и женщин за последние 40 лет. Хорошо видно, что за этот период во всех группах калмыков длина тела значительно увеличилась — у мужчин на 7–8 см, у женщин на 4–5 см. Интересно, что более всего изменился рост у мужчин бузавов, и менее всего у женщин этой же субэтнической группы, и, напротив, более всего «выросли» женщины дербетки, а мужчины дербеты прибавили в росте меньше других.

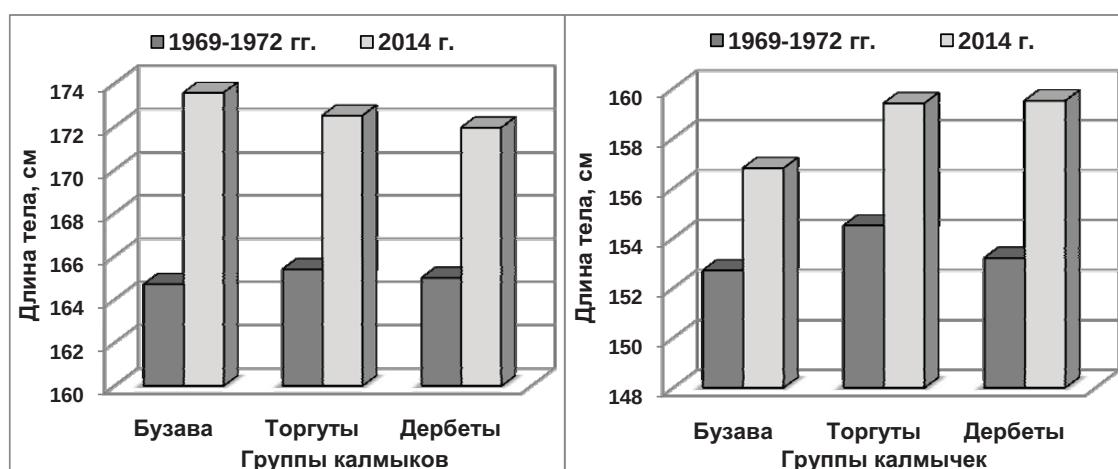


Рис. 5. Эпохальная изменчивость длины тела в субэтнических группах калмыков

Как и следовало ожидать, все размеры головы — продольный и поперечный диаметры, головной указатель — также увеличи-

чились во всех группах калмыков ($p < 0,05-0,001$) (рис. 6, 7, 8).

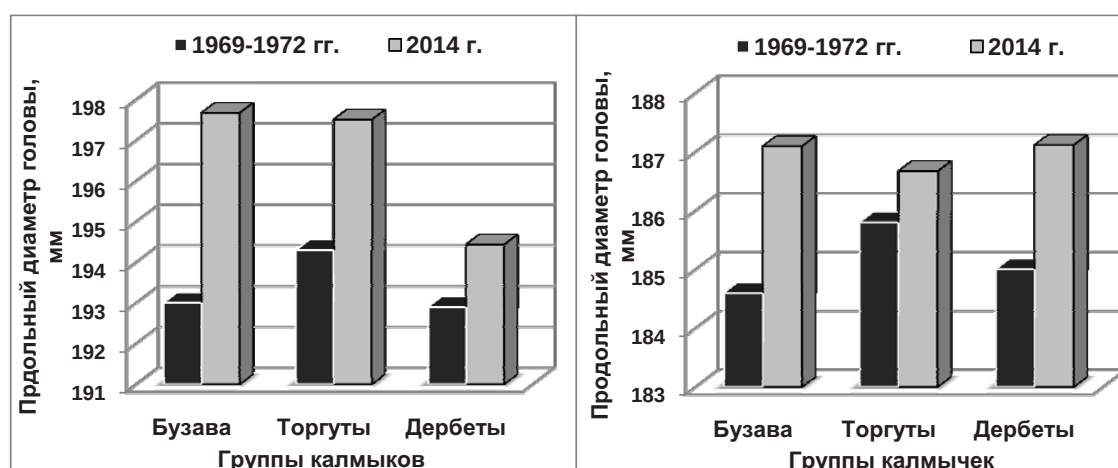


Рис. 6. Эпохальная изменчивость продольного диаметра головы в субэтнических группах калмыков

В большей степени эта тенденция отразилась в увеличении продольного диаметра

головы у мужчин, особенно у бузавов, а в женских выборках — у бузавок.

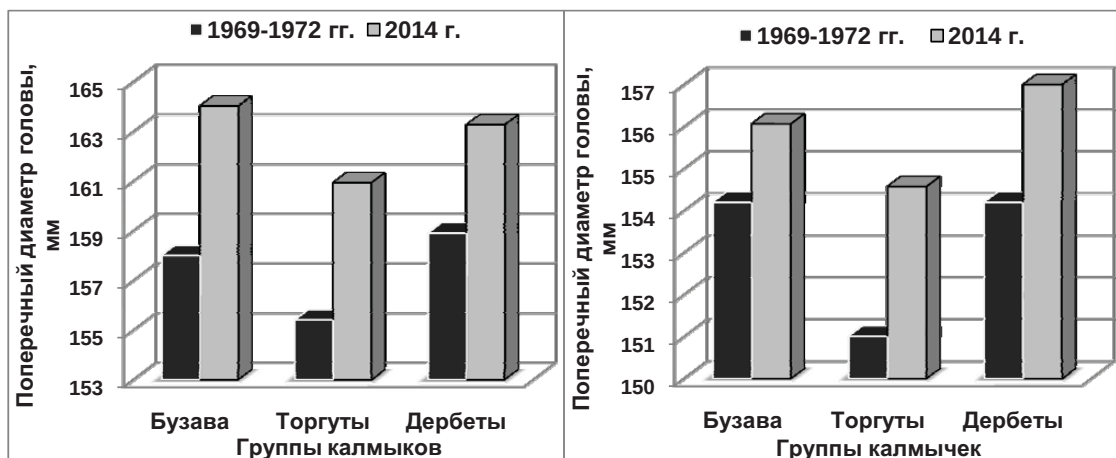


Рис. 7. Эпохальная изменчивость поперечного диаметра головы в субэтнических группах калмыков

Поперечный диаметр головы существенно увеличился у мужчин бузавов и торгутов и у женщин торгуток (рис. 6).

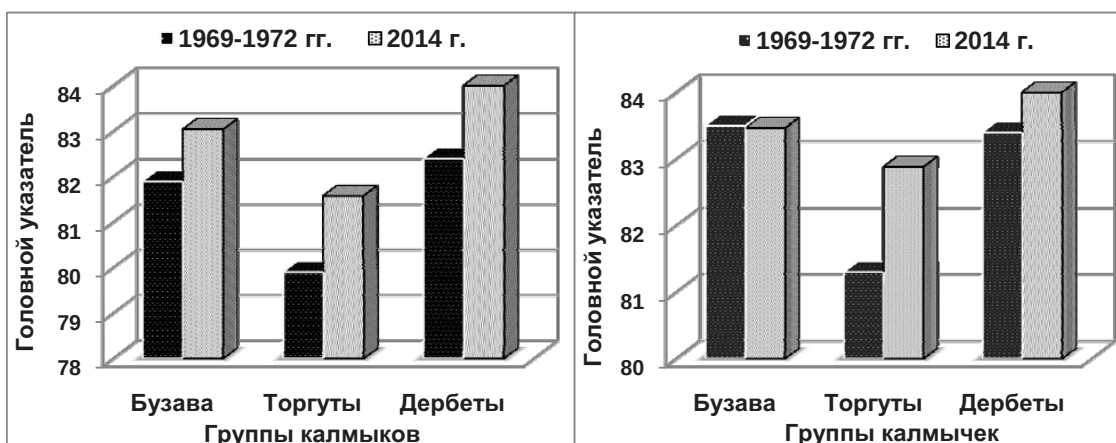


Рис. 8. Эпохальная изменчивость головного указателя (ГУ) в субэтнических группах калмыков

Интересно, что секулярное увеличение размеров головы и головного указателя, в целом, не изменило общей картины изменчивости формы головы у калмыков: большая брахикефальность характерна для дербетов (мужчин и женщин), а торгуты отличаются долихокефальностью, у женщин бузавок величине ГУ не изменилась.

В заключение можно сделать несколько предварительных выводов:

- Субэтнические группы калмыков, как мужчины, так и женщины, могут быть дифференцированы с разной степенью достоверности по длине и массе тела,

по поперечным размерам скелета, по величине обхватов груди, талии, плеча и предплечья, по толщине кожно-жировых складок, по размерам головы и лица.

- Мужчины бузава отличаются наибольшими размерами тела — макросомностью, для дербетов характерна микросомия, а торгуты по своему соматическому статусу занимают промежуточное положение. Похожая тенденция в изменчивости параметров тела отмечается и у женщин, за исключением длины тела у бузава.

- По размерам головы и лица группы дифференцировались следующим образом: наибольшие размеры головы отмечаются у бузавов, дербеты отличаются большими значения ГУ, для торгутов характерны наименьшие значения ГУ; самые широкие лица у мужчин бузавов, у торгутов самые узкие. У женщин дербеток широкие скулы при небольших размерах лица.
- Секулярные изменения длины тела и размеров головы за последние 40 лет характерны для всех субэтнических групп

калмыков и могут объясняться разными причинами — влиянием социально-экономических факторов, проявлением акселерации, а также метисационными процессами.

Автор выражает благодарность ведущему научному сотруднику НИИ и Музея антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова Хомяковой Ирине Анатольевне за руководство научной работой по антропологии калмыков Калмыкии и непосредственное участие в сборе материала.

Литература

- Ашилова Д. О. Этническая антропология калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 215 с.
- Балинова Н. В. Калмыки: антропогенетический портрет. Элиста, 2010. 146 с.
- Балинова Н. В., Хомякова И. А. Антропология сарт-калмаков Кыргызстана // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 60–66.
- Миклашевская Н. Н. Периодизации индивидуального развития // Морфология человека. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 16–19.
- Хомякова И. А., Година Е. З., Задорожная Л. В., Бурлыков В. Д. Сравнительный анализ морфологических особенностей русских и калмыцких детей и подростков. // Сб. материалов «Здоровый образ жизни и физическое воспитание студентов и слушателей вузов. Под ред. А. В. Карасева, Е. А. Разумовского, В. А. Собины. М.: ИНЭП, 2012. С. 225–231.
- Хомякова И. А., Година Е. З., Задорожная Л. В., Бурлыков В. Д. Физическое развитие девушек-студенток различных этнических групп // Сб. материалов «Здоровый образ жизни и физическое воспитание студентов и слушателей вузов. Под ред. А. В. Карасева, Е. А. Разумовского, В. А. Собины. М.: ИНЭП, 2011. С. 214–219.
- Balinova N., Khomyakova I. Sart Kalmyk soflssyk Kul Province, Kyrgyzstan. To the analysis of field data // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2014. no. 3. P. 60–66.
- Godina E., Khomyakova I., Zadorozhnaya L., Lkhagvasuren Gundegmaa, Burlykov V. Somatic development of Mongolian and Kalmykian children and adolescents // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2014. no 3. P. 52.
- (In Russ.)
- Khomyakova I. A., Godina E. Z., Zadorozhnaya L. V., Burlykov V. D. Morphological features of Russian and Kalmyk children and teenagers: a comparative analysis. In: [Healthy Lifestyle and Physical Education of University Students and Attendees]. Coll. papers. A. V. Karasev et al. (eds.). Moscow: INEP, 2012. Pp. 225–231. (In Russ.)
- Khomyakova I. A., Godina E. Z., Zadorozhnaya L. V., Gundegmaa L., Burlykov V. D. Physical development of student girls representing different ethnic groups. In: [Healthy Lifestyle and Physical Education of University Students and Attendees]. Coll. papers. A. V. Karasev et al. (eds.). Moscow: INEP, 2011. Pp. 214–219. (In Russ.)
- Miklashevskaya N. N. Periodization of ontogenesis. In: [Human Morphology]. Moscow: Moscow State University, 1990. Pp. 16–19. (In Russ.)

References

- Ashilova D. O. [Ethnographic Anthropology of the Kalmyks]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 215 p. (In Russ.)
- Balinova N. V. [The Kalmyks: Anthropogenetic Portrait]. Elista, 2010. 146 p. (In Russ.)
- Balinova N. V., Khomyakova I. A. Anthropology of Sart-Kalmaks of Kyrgyzstan. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 1. Pp. 60–66. (In Russ.)
- Balinova N., Khomyakova I. Sart Kalmyks of Issyk Kul Province, Kyrgyzstan. To the analysis of field data. *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2014. No. 3. Pp. 60–66. (In Russ.)
- Godina E., Khomyakova I., Zadorozhnaya L., Lkhagvasuren Gundegmaa, Burlykov V. Somatic development of Mongolian and Kalmykian children and adolescents. *Moscow University Anthropology Bulletin*. 2014. No 3. Pp. 52.

УДК 49
ББК Ш 164.2

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАЗВАНИЯ ДИКИХ ХИЩНЫХ И ПУШНЫХ ЗВЕРЕЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Turkic-Mongolian Names of Wild Predatory and Fur-bearing Animals in the Mongolian Languages

В. И. Рассадин (V. Rassadin)¹, С. М. Трофимова (S. Trofimova)²

¹доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики, директор Научного центра монголоведных и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Kalmyk Language and Mongolian Studies Chair, Director of the Scientific Centre for Mongolian and Altai Studies at Kalmyk State University). E-mail: rassadin17@mail.ru.

²доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Russian Language and General Linguistics Chair at Kalmyk State University). E-mail: trofimovasm@mail.ru.

В данной статье на материале халха-монгольского, бурятского, калмыцкого и старомонгольского языков рассмотрена тематическая группа названий диких хищных и пушных зверей с целью выявления их тюркских параллелей. Подлинность тюркского характера приводимых параллелей удостоверена примерами из «Древнетюркского словаря» и подтверждается установленными праформами и этимологиями тюркских параллелей. Наличие множества тюркских соответствий к этим монгольским названиям свидетельствует как о древних контактах прамонголов с древними тюрками, так и о более поздних связях отдельных монгольских народов с конкретными тюркскими племенами.

Ключевые слова: Тюрко-монгольские параллели, хищные звери, пушные звери, тюркские этимологии, монгольские праформы, тюркские праформы, сравнительно-исторический анализ, историческая связь.

The article reviews a group of terms for wild prey and fur-bearing animal nominalization with the aim to identify their Turkic roots. The investigation is based on the materials of the Khalkha-Mongolian, Buryat, Kalmyk and Old Mongolian languages. For more convincing evidences of the fact that the given Turkic parallel does have a Turkic character the material was taken from «the Ancient Turkic language». The authenticity of the Turkic character is confirmed by initial forms and etymology of Turkic parallels. The Mongolian languages have a significant number of common Turkic-Mongolian terms for wild prey and fur animals. The analysis showed that in many cases these Turkic-Mongolian terms are of Turkic origin due to their Turkic etymology. This issue requires a special research. As the article notes, some words came to the Mongol language during the pan-Mongolian period of development, others – after these languages began to develop independently having their own contacts with the Turkic tribes. The presence of numerous correspondences with the Mongolian terms is an evidence of contacts between the ancient Mongols with Turks and later contacts of individual Mongolian people with specific Turkic tribes.

Keywords: Turkic-Mongolian parallels, wild animals, fur-bearing animals, Turkic etymologies, Mongolian protoforms, Turkic protoforms, comparative historical analysis, historical connection.

Как известно, в мировой и в отечественной науке давно обсуждается гипотеза о родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, называемых алтайскими. Наибольшее количество грамматических, и особенно лексических, совпадений обнаружилось между тюркскими и монгольскими языками, что дало повод предполагать существование в прошлом некоей тюрко-монгольской лингвистической общности и тюрко-монгольского праязыка. Однако несмотря на то, что тюрко-монгольская лексическая общность выявлена давно, до сих пор окончательно не установлены конкретные лексические соответствия по конкретным тематическим группам. Целью настоящей работы является восполнение наметившегося пробела в исследовании общей тюрко-монгольской лексики и рассмотрение общих тюрко-монгольских слов, составляющих группу названий диких хищных и пушных животных в монгольских языках. В процессе исследования выявились следующие общие тюрко-монгольские названия таких животных из этой тематической группы.

В калмыцком и других языках ойратов имеется слово *айуу* «медведь», которое является явным тюркским заимствованием, поскольку представлено во многих тюркских языках. Так, Э. В. Севортян [1974: 112] отмечает распространение этого слова по тюркским языкам в виде *айу*, *айув*, *айуу*, *айы*, *айыв*, *айыг*, *айық*, *азыг*, *азыг*, *адыг*. Судя по фонетическому облику тюркского оригинала, источником заимствования мог послужить один из тюркских языков кыпчакской группы типа казахского и современного киргизского, где и представлены варианты *айу*, *айув*, *айуу*. Праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **адуг* и сопоставляется со старомонгольским словом *адугун* «животное, скотина» [Сравнительно-историческая 2001: 159].

Другой вариант тюркского названия медведя — *адйү*, или *адүг*, *адйү*, представленный в древнетюркских письменных памятниках огузо-уйгурского типа [Древнетюркский 1969: 10; 14] и бытующий в виде *адыг*, или *адыг* в современных тюркских языках типа тувинского, тофаларского, сойотского, относящихся к саянской группе, — явился прототипом халха-монгольского слова *адаг* «губач, медведь южноазиатский». Это слово зафиксировано и в старомонгольском письменном языке в виде *адаг*, кроме того,

названия — халха-монгольское *эви адаг*, старомонгольское *ebshi адаг* «губач-медведица, самка южноазиатского медведя» и халха-монгольское *эр адаг*, старомонгольское *er-e адаг* «губач медведь, самец южноазиатского медведя» — тоже созданы по тюркскому образцу. Здесь элемент *эви*, *ebshi* монгольского словосочетания соответствует древнетюркскому слову *ebci* «жена, женщина» и саянско-тюркскому *эвиш* «женщина», применяемому также для обозначения самок животных, а элемент *эр*, *er-e* соответствует древнетюркскому *er* «муж, мужчина; мужской». Это слово широко распространено и в современных тюркских языках [Севортян 1974: 321–322]. Кстати, следует заметить, что слово *эви* в халха-монгольском языке бытует и как самостоятельная лексема со значением «самка бобра». Кроме того, лексемы *эви* и *эр* представлены в халха-монгольском языке и в структуре слов *эвишгэс* «самка соболя» и *эрхэс* «самец соболя», которые в виде *ebshigis* и *erkis* с теми же значениями имеются и в старомонгольском письменном языке. В этих лексемах второй компонент *-gis/-kis* имеет значение «соболя», что представляет собой адаптацию древнетюркского слова *kish* «соболя», хотя во всех монгольских языках, в том числе и халха-монгольском, соболя называется *булган*. Широкое распространение слова *киш* «соболя» в тюркских языках подтверждено этимологией [Этимологический словарь 1997: 77–78], праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **ki:sh*. [Сравнительно-историческая 2001: 162–163].

Представленное в халха-монгольском языке слово *бар* (*барс*) и в старомонгольском *bars* означает «тигр», в калмыцком языке слово *барс* — это «барс», в бурятском *бар* — это «барс; тигр; в западных говорах лев». В древнетюркском языке ему соответствует слово *bars* «тигр», которое представлено во многих древних, средневековых и современных тюркских языках со значениями «тигр; барс; леопард; пантера» [Севортян 1978: 68]. Праформа этого слова для тюркских языков восстанавливается в виде **bars* с указанием, что «термин относится к числу бродячих слов..., в пратюркском появился скорее всего через иранское посредство» [Сравнительно-историческая 2001: 157]. В халха-монгольском языке имеется слово *ирвэс*, означающее «леопард; барс; пантера; пума; кугуар», в старомонгольском

языке ему соответствует *irbis* «леопард», в калмыцком языке *ирвсг* означает «тигр». В древнетюркском языке этому монгольскому слову соответствует словоформа *irbiz* «леопард», к которому как вариант дается словоформа *irbič* «рысь, леопард». Э. В. Севортян исходной для тюркских языков считает словоформу *илбирс*, которая наряду с этим имеет в тюркских языках и другие варианты: *илвирс*, *илбис*, *илвиз*, *илвис*, *ирбиз*, *ирбис*, *ирбич*, *ирбиш*, *ирпиз*, *илпиз* со значениями «барс, снежный барс, тигр, пантера, леопард, снежный леопард, ягуар, рысь», — и приводит монгольскую параллель в виде *irbis* /*ирвэс* «пантера, леопард» [Севортян 1974: 346]; праформа этого тюркского слова дается в виде **irbiš* [Сравнительно-историческая 2001: 156].

Халха-монгольское *цөөвөр* в составе словосочетания *цөөвөр чоно* и старомонгольское *čögebüri činu-a* «шакал», а также бурятское окинское *сөөвөр*, закаменское *сөөвөри*, сүүбэри, тункинское *сүбэр* «альпийский красный волк» [Рассадин 1996: 139, 191, 192], содержат в своей структуре элемент *-вөр//бөрүл//büri//бэр//бэри* — не что иное, как адаптация древнетюркского слова *böri* «волк», которое широко представлено во всех тюркских языках в виде *бөри*, *бүри*, *бөөри*, *бөрү*, *пөөрү*, *пүүр* и др. [Севортян 1978: 219–220]. Праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **bö:ri*. [Сравнительно-историческая 2001: 159–160].

В калмыцком языке имеется слово *барг* [*барьг*] «сторожевой пес; дворняжка», которое соответствует древнетюркскому *baraq* «охотничья собака с лохматой и длинной шерстью». Данное слово представлено во многих тюркских языках, ср., например, кирг. *барак ит* «охотничья собака с лохматой и длинной шерстью», каз. *барақ* «порода собаки», к.-калп. *барақ* «волосатый, лохматый», ног. *барак* «овчарка, собака с лохматой шерстью; волосатый, лохматый», узб. *бароқ* «лохматый, косматый; мохнатый, пушистый», тур. *barak* «волосатый, лохматый; порода охотничьих собак» [Рассадин 2007: 113].

В калмыцком языке представлено слово *кичг* [*кичег*], которое фиксируется и в языке дербетов Монголии как *кичиг* [Вандуй 1965: 156] «щенок собаки, волчицы, лисицы». Оно может быть сопоставлено с др.-тюрк. *kičüg*, *kičük* «маленький, малый», *kičig* «маленький, малый, небольшой; малый по

положению; малый, младший; немного». Это слово имеется во многих современных тюркских языках, ср., например, кирг. *кичүү* «маленький, младший, меньший», *күчүүк* «щенок», каз. *киши* «младший, меньший», *күшик* «щенок», ног. *кишкей* «маленький, меньший», *куьшик*, *куьшелек* «щенок», уйг. *кичик* «маленький, младший, меньший», *кучук* «щенок», тат. *кече* «маленький, младший», *көчек* «щенок», тур. *kiçük* «маленький, малый, небольшой; ребенок, младенец; детеныш» [Рассадин 2007: 116; см. подробнее: Севортян 1980: 92–93].

Представленные в халха-монгольском *хярс*, в старомонгольском *qirsa* и в калмыцком *кирс* «корсак, степная лисица» имеют праформу в виде **qirsa*, которую можно сопоставить с др.-тюрк. *qarsaq* «корсак, степная лисица». Эта тюркская словоформа широко распространена почти во всех тюркских языках и имеет генетическую связь с монгольской праформой [Этимологический словарь 1997: 313–314]; праформа этого тюркского слова приводится в виде **qarsaq* см. : [Сравнительно-историческая 2001: 161].

В калмыцком языке имеется слово *борсг* «барсук», которое употребляется со словом *зорхн* «барсук». В древнетюркском языке калмыцкой словоформе *борсг* соответствуют формы *borsmaq*, *borsmuq*, *borsuq* «барсук». Праформа этого общетюркского слова в виде **borsmyk* и распространение этого слова в тюркских языках в виде вариантов *борсмук*, *борсук*, *порсук*, *порсуг*, *порсук*, *бурсук*, *бурхыг*, *борсык*, *порсык*, *морсык*, *порсых*, *морсых*, *морсук*, *морзук*, *пурдш* везде с одним значением «барсук» предполагает этимологическую связь с тюркским глаголом **b/porsy=* «вонять» [Сравнительно-историческая 2001: 164].

В халха-монгольском языке имеется слово *хүрнэ*, которое соответствует старомонгольскому *küren-e* и калмыцкому *күрн* «хорек». Его можно сопоставить с тюркским словом *кузен*, представленным во многих тюркских языках со значениями «хорек, куница, ласка, колонок»; праформа этого тюркского слова восстанавливается в виде **küzen* [Сравнительно-историческая 2001: 163]. Монгольское *küren-e* представляет собой ротацирующее соответствие этого тюркского слова. Как известно, ротацирующий вариант характерен для тюркских языков болгарского типа, о чем может свидетельствовать старочувашская праформа

**kürān* [Сравнительно-историческая 2001: 163].

В боханском говоре бурятского языка имеется словосочетание *хуб халюун* «выдра», в котором элемент *хуб* сопоставим с калмыцким словом *sub* «выдра», зафиксированным Г. Рамstedтом [1935: 336a], который дал его без обычных параллелей из других языков. Мы считаем возможным сравнить бурятское *хуб* и калмыцкое *sub* с древнетюркским *sub*, *suu*, *suw*, *suu* «вода», которое является общетюркским и представлено во всех тюркских языках [Рассадин 2007: 83–84]. Праформа этого общетюркского слова восстанавливается в виде **su:w/ su:b* «вода, река» [Сравнительно-историческая 2001: 87]. Мы предполагаем, что это тюркское слово в свое время могло уточнить значение слова *халюун* «выдра», поэтому словосочетания бур. *хуб халюун* и калм. *sub халюун* могли означать «водная выдра», что осталось в бурятском языке. В калмыцком же языке соотнесенность слова *халюун* «выдра» со словом *sub* «вода, водный» впоследствии была утрачена, и второй компонент *халюун* этого сочетания мог попросту отпасть, название «выдра» могло закрепиться за компонентом *sub* [Рассадин 2007: 84].

Халха-монгольское слово *туулай*, бурятское *туулай*, калмыцкое *туула*, старомонгольское *taulai* «заяц» восходит к праформе **tavulai* < ***tabulai*, которую можно сопоставить с др.-тюрк. *tabišyan*, *tavičyan*, *tavišyan*, *tavšan*, *tavuşyan* «заяц», которое, вероятно, образовано от общетюркского глагола *tap* = «находить», а в некоторых языках имеет еще значение «добывать» (на охоте). Элемент ***tabul* в структуре монгольской праформы представляет собой ламбдаирующий вариант тюркского элемента *tavuş*. Можно также предположить, что элемент ***tabul* монгольской праформы восходит непосредственно к тюркской праформе **tawyl-gan*, восстановленный вариант которой см.: [Сравнительно-историческая 2001: 164].

В калмыцком языке Г. Рамstedт зафиксировал слово *köörög* [*köörög*] «какой-то маленький пушной зверек — бурундук?», которое он сравнивает с барабинским *küäräk* [1935: 243b]. Это слово представлено почти во всех сибирских тюркских языках, ср., например, алт. шор. *körük*, хак. *körük*, тув. *xөөрүк*, тоф. *hөөрүк* «бурундук» [Рассадин

2007: 115]. Это слово калмыки могли позаимствовать от одного из этих языков.

Представленные в халха-монгольском *зурам*, в западно-бурятском *зумара*, *зумари*, *зумбара*, в калмыцком *зурмн*, в старомонгольском — *jurat-a*, *jurum*, *jurman* можно сопоставить с тюркским словом *йумран* «суслик», представленным в ряде тюркских языков, ср., например, чаг. *йумран*, турк. диал. *йумра:n*, балк. *джубуран*, тат., башк. *йомран*, алт. *йыман*, узб. *йумрон*, уйг. *йумран* «суслик». Для этого тюркского слова восстанавливается праформа в виде **jumran* [Сравнительно-историческая 2001: 165–166]. Тюркское *йумра:n* «суслик» возможно сопоставить с тюркскими же *йумруқ* «кулак», *йумры* «круглый», *йумуртга* «яйцо», *йумур* «один из отделов желудка жвачных животных», *йумак* «всякая свернутая и шарообразная вещь», шар, «кубок, опухоль; круглый» и возвести их к глаголу *йум* = «закрывать, зажмуривать глаза; сжимать пальцы в кулак» [Этимологический словарь 1989: 250].

Как можно видеть из приведенного выше исследования, в монгольских языках представлено немало общих тюрко-монгольских названий диких хищных и пушных зверей. Анализ показал, что во многих случаях эти тюрко-монгольские термины являются тюркскими по происхождению, что объясняется их тюркской этимологией. Сейчас трудно точно сказать, когда и при каких обстоятельствах эти слова попали в монгольские языки. Это предмет особого исследования. Ясно только, что некоторые слова проникли к монголам еще в общемонгольский период развития, другие же попали в каждый из монгольских языков отдельно уже после того, как эти языки выделились из общемонгольского состояния и стали развиваться самостоятельно, имея собственные контакты с тюркскими племенами.

Список сокращений (названия языков и диалектов)

алт. — алтайский
башк. — башкирский
балк. — балкарский
бур. — бурятский
др.-тюрк. — древнетюркский
каз. — казахский
к.-калп. — кара-калпакский
калм. — калмыцкий
кирг. — киргизский
ног. — ногайский

тат. — татарский
тоф. — тофаларский
тув. — тувинский
тур. — турецкий
турк. диал. — туркменский диалект

узб. — узбекский
уйг. — уйгурский
хак. — хакасский
чаг. — чагатайский (староузбекский)
шор. — шорский

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А–Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д–О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. Ё–Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. Х–Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Рассадин В. И. Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. 216 с.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть I. Тюркское влияние на лексику монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та 2007. 164 с.

References

- [Comparative–Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary]. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- [Dictionary of Old Turkic]. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Turk. and Russ.)
- [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’]. Moscow: Nauka, 1989. 292 p. (In Turk. and Russ.)
- [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘К’, ‘К’]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury, 1997. 363 p. (In Turk. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. I: ‘А–Г’. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. II: ‘Д–О’. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. III: ‘Ё–Ф’. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 438 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. IV: ‘Х–Я’. G. Ts.

- Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. М.: Наука, 1989. 292 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К», «К». М.: Языки рус. культуры, 1997. 363 с.
- Вандуй Э. Дорвод аман аялгуу. Улаанбаатар 1965. 176 х.
- Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Druckerei-A.G. der finnischen Literatur gesleerschaft, 1935. 591 p.
- Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2002. 506 p. (In Mong. and Russ.)
- Ramstedt G. J. [Kalmyk Dictionary]. Helsinki: Finnish Literature Press, 1935. 591 p. (In Kalm. and Germ.)
- Rassadin V. I. [Cis-Sayan Buryat Dialects]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1996. 216 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. [Turko-Mongolic Language Community: Essays of the History of Its Formation. Part 1. Turkic Impact on the Vocabulary of Mongolic Languages]. Elista: Kalmyk State University, 2007. 164 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels]. Moscow: Nauka, 1974. 767 p. (In Turk. and Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letter ‘Б’]. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Turk. and Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘В’, ‘Г’ and ‘Д’]. Moscow: Nauka, 1980. 395 p. (In Turk. and Russ.)
- Vanduy E. [(Colloquial) Dorbet Dialect]. Ulaanbaatar, 1965. 176 p. (In Mong.)

ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИЕ НАЗВАНИЯ КРУПНОГО И МЕЛКОГО РОГАТОГО СКОТА В ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ*

Turkic-Mongolian Names of Neat and Small Cattle in the Khalkha Mongolian Language

В. И. Рассадин (V. Rassadin)¹

¹доктор филологических наук, профессор кафедры калмыцкого языка и монголистики, директор Научного центра монголоведческих и алтаистических исследований Калмыцкого государственного университета (Ph. D. of Philology, Professor of the Kalmyk Language and Mongolian Studies Chair, Director of the Scientific Centre for Mongolian and Altai Studies at Kalmyk State University). E-mail: rassadin17@mail.ru.

В статье на материале современного халха-монгольского языка рассматриваются названия крупного и мелкого рогатого скота в сравнении с соответствующими названиями домашних животных, зафиксированными в древнетюркском языке. Автор приходит к выводу о том, что эти названия были заимствованы древними монголами у древних тюрков булгарской группы, в ту эпоху, когда древние монголы представляли собой некое единство, еще не распавшееся на ареалы.

Ключевые слова: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, халха-монгольский язык, бурятский язык, калмыцкий язык, старомонгольский язык, архетип, праформа, древнетюркский язык, общетюркское слово, булгарская группа тюркских языков, заимствованное слово.

The article investigates the terms for cattle and small ruminants on the material of the modern Khalkha-Mongolian language and compares them with the corresponding names of animals in the ancient Turkic language. Khalkha Mongolian animal names are compared with the Buryat, Kalmyk and Old Mongolian names. It allows pointing out their archetypes for their Turkic correspondences based on the information in these Turkic terms taken from etymological dictionary of the Turkic language. The article also reveals general Turkic character of corresponding lexeme and its Turkic protoform from comparative historical grammar of Turkic languages (the volume dedicated to the lexicon) which allows to conclude that relevant terms for cattle and small ruminants in the Mongolian language are of Turkic origin as a result of borrowing from the ancient Turkic people of Bulgarian group by ancient Mongolian people in an era when the ancient Mongols presented a unified society far from disintegration.

Keywords: neat cattle, small ruminants, the Khalkha Mongolian language, the Buryat language, the Kalmyk language, the Old Mongolian language, archetype, protoform, ancient Turkic language, general Turkic word, Bulgar group of Turkic languages, borrowed word.

Как известно, вот уже почти триста лет тому назад учеными, занимавшимися сравнительным языкознанием, было замечено, что между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками, названными впоследствии алтайскими, существует большое сходство как в области лексики, так и в грамматике. Особенно большие сходжения отмечались между тюркскими и монгольскими языками. Так, классик алтаистики В. Л. Котвич утверждал, что между тюркскими и монгольскими языками выявляется около 50 % общих элементов в грам-

матике и около 25 % сходжений в области лексики [Котвич 1962: 351]. В. Л. Котвич, к сожалению, не представил конкретного списка сходжений, подтверждающих эти выкладки. Поскольку в последнее время опубликованы достаточно полные лексикографические пособия по современным монгольским языкам, а также по древнему и современному тюркскому языкам, то появилась возможность осуществить полномасштабное сравнительное исследование по установлению конкретных лексико-семантических групп, в которых наблюдаются

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Тюрко-монгольская лексическая общность как результат взаимодействия тюркских и монгольских этносов», проект № 14-24-03003а (м)

ся схождения между тюркскими и монгольскими языками.

В данной статье, лимитированной объемом, остановимся лишь на одной тематической группе лексики в одном из конкретных современных монгольских языков — халха-монгольском, так как именно данный язык представлен вышедшим в свет наиболее полным четырехтомным словарем [Большой академический 2001, 2002], который дает возможность провести достаточно подробные сравнительные исследования лексики. Тюркский материал для сравнения взят из «Древнетюркского словаря» [1969], поскольку данный материал в нем представлен в более чистом виде, нежели в современных тюркских языках, в свое время подвергшихся значительному монгольскому влиянию. Такой тематической группой лексики может стать группа названий крупного и мелкого рогатого скота, который представляет собой для кочевников-степняков основу их хозяйственной деятельности. Здесь выявилась следующая тюрко-монгольская лексика.

Прежде всего следует отметить, что весь скот в совокупности носит в халха-монгольском языке общее название *мал* (ср. бур. *мал*, калм. *мал* id.), представленное и в старописьменном монгольском языке как *mal*. Эта лексема может быть сравнена с древнетюркским словом *mal* «имущество, достояние, богатство; товар», относительно которого утверждается его арабское происхождение. Справедливость этого сравнения подтверждается тем, что скот для кочевников является и достоянием, и богатством, и товаром.

Приплод, молодежь скота в халха-монгольском языке носит название *төл* (ср. бур. *түл*, калм. *төл* id.), которое в старомонгольском письменном языке зафиксировано как *töl*. Это монгольское слово следует сравнить с др.-тюрк. *töl* «момент родов; детёныш», которое, как мы полагаем, этимологически связано с древнетюркским глаголом *törü* = «происходить, возникать, рождаться, появляться; рожать». Кстати, этому древнетюркскому глаголу соответствуют х.-монг. *төр* =, бур. *түрэ* =, калм. *төр* =, стп.-монг. *törü* = «рожать; рождаться; появляться, возникать».

Общим названием крупного рогатого скота в халха-монгольском языке является *үхэр* (ср. бур. *үхэр* «крупный рогатый скот, корова», калм. *үкр* «корова»), которое в ста-

ромонгольском письменном языке зафиксировано в виде *üker* id. Это название следует сравнить с тюрк. *öküz*, *ögüz* «бык, вол». Монгольская словоформа представляет собой ротацирующий вариант этой тюркской лексемы, характерный для тюркских языков болгарской группы, как это мы видим и в современном чувашском языке, в котором представлено слово *вӑкӑр* «бык, вол». Э. В. Севортян указывает на общетюркский характер термина *өкүз* (*öküz*) и выявляет его сближения с монгольским *үхэр* (*üker*) [Севортян 1974: 521–523].

Бык-производитель крупного рогатого скота в халха-монгольском языке носит название *бух* (ср. бур. *буха*, калм. *бух* id.), которое в старомонгольском письменном языке зафиксировано в виде *buqa*. С этим монгольским словом следует сравнить др.-тюрк. *buqa* «бык-производитель». Э. В. Севортян пишет об общетюркском характере этого слова, о его этимологической близости с тюркским *бууи* «самец оленя» и связи с монгольским *buqa* [Севортян 1974: 230–232], на эту же близость указано и в академическом труде [Сравнительно-историческая 2001: 437–438].

Корова в халха-монгольском языке носит название *үнэ* (ср. бур. *үнеэн* id.), которое в старомонгольском письменном языке фиксируется как *üniyen*. Архетип этой словоформы может быть восстановлен в виде **ünigen*, где элемент *-en* можно трактовать как общемонгольский показатель имени, а элемент **ünig-*, возможно, является корневой основой, которую можно попытаться сравнить с др.-тюрк. *inäk*, *inäk* «корова». Э. В. Севортян демонстрирует широкое распространение этого слова в тюркских языках и доказывает его тюркскую этимологию [1974: 358–361]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» праформа этого тюркского слова дается в виде **in(i)gäk* [Сравнительно-историческая 2001: 436].

Теленка крупного рогатого скота с момента рождения и до года независимо от пола в халха-монгольском языке называют *тугал* (ср. бур. *тугал*, калм. *туһл* id.), в старомонгольском письменном языке соответственно пишется *tuγul*. На монгольской языковой почве это слово не этимологизируется. Если предположить тюркское происхождение этой монгольской лексемы, то увидим, что в ее составе вычленяется корень *tuq* =, который есть не что иное, как

адаптация общетюркского глагола *toγ*=// *tuγ* «рождаться» (ср. др.-тюрк. *toγ* «рождаться, возникать, появляться, восходить»), а элемент *-ul* является аффиксом, его ламбдаирующим вариантом общетюркского отглагольного словообразовательного аффикса *-iŕ*, образующего имена существительные в тюркских языках. Ламбдаирующий вариант характерен для тюркских языков болгарской группы. О том, что это предположение верно, может свидетельствовать слово *toγiŕ* «детёныш козули», которое В. В. Радлов зафиксировал в языке барабинских татар [Радлов 1905: 1165].

Теленок по второму году безотносительно к полу в халха-монгольском языке называется *бярүү* (ср. бур. *бурун* «телка-двухлетка», калм. *бүрү* «бычок по второму году»), в старомонгольском письменном языке этому названию соответствует *birayu*, архетипом которого является **birayu*. Эту словоформу следует рассматривать как ротацирующее соответствие древнетюркской лексеме *buzayu* «теленка». Ротацирующий вариант характерен для болгарской группы тюркских языков, о чем свидетельствует современное чувашское *пăрау* «теленка», ср. тат. *бызау*, башк. *бызау* «теленка». На широкое распространение этого общетюркского слова в различных фонетических вариантах типа *buzayu*, *bozayı*, *buzay* и т. п. и его тюркскую этимологию, а также его гомогенную связь с монгольской формой *birayu*, называет Э. В. Севортян [1978: 239–242], как затем и труд по лексике тюркских языков [Сравнительно-историческая 2001: 438–439].

Поскольку самым характерным внешним признаком коровы является ее вымя, дающее молоко, то следует рассмотреть и его название в халха-монгольском языке, каковым является *дэлэн* (ср. бур. *дэлэн*, калм. *делң* id.), в старомонгольском письменном языке ему соответствует форма *deleŋ*. Этому монгольскому термину соответствует др.-тюрк. *jelin* «вымя». Об общетюркском характере и, предположительно, тюркской этимологии этого слова пишет Э. В. Севортян [1989: 180–181].

Основным действием, которое совершается в отношении коровы, является ее доение, которое в халха-монгольском языке передается глаголом *саа*= (ср. бур. *һаа*=, калм. *саа*= id.), в старомонгольском письменном языке ему соответствует *saγa*= . С этой монгольской словоформой коррелирует др.-тюрк. *saγ*= «доить». Об общетюрк-

ском характере этого слова и его связи с монг. *saγa*= читаем в современном словаре [Этимологический 2003: 1137–140].

Основной продукцией, получаемой от коровы, ради которой выращивают этот вид скота, является молоко, которое в халха-монгольском языке носит название *сүү* (ср. бур. *хүн*, *үхэн*, калм. *үсн* id.), в старомонгольском письменном языке это слово зафиксировано как *sūn*. Эта монгольская словоформа может быть сравнена с др.-тюрк. *sūt* «молоко», широко распространенной по всем современным тюркским языкам, о чем в связи с монгольским словом *sūn* см.: [Сравнительно-историческая 2001: 448–449].

Первым продуктом у коров первоначальной весенней лактации является молозиво, которое в халха-монгольском языке носит название *уураг* (ср. бур. *уураг*, калм. *уурғ* id.), в старомонгольском письменном языке ему соответствует *uγuray*. Тюркской параллелью к этой монгольской словоформе является др.-тюрк. *oγuz* «первое молоко, молозиво». Монгольская форма распадается на два элемента: аффиксальный элемент *-ay* и корневой *uγur*, который является ротацирующим аналогом тюркского *oγuz*, что было характерно для древних тюркских языков болгарского типа, из которых, по всей вероятности, и было заимствовано это слово. О широком распространении этого слова в современных тюркских языках в различных фонетических вариантах типа *обуз*, *огуз*, *агыз* и т. п. и его связи с монгольским *уураг* пишет Э. В. Севортян [1974: 405–407].

Древнетюркские параллели имеются также и в монгольских названиях продуктов и кушаний, приготовляемых из молока. Но это предмет отдельного рассмотрения, выходящего за рамки данной статьи.

К числу крупных рогатых животных, которых разводили монголы, живущие в северо-западных горных районах Монголии, относятся яки и домашние северные олени. Монгольские термины яководства, такие как *саарлаг* и т. п., не имеют параллелей в древнетюркском языке и здесь не будут рассматриваться.

Домашний северный олень, разводимый некоторыми племенами дархатов, в халха-монгольском языке называется *цаа буга* (ср. зап.-бур. *саһаан*, *саһаан мал*, калм. *цаа* id.), в старописьменном монгольском языке этому словосочетанию соответствует *ĉa buγu*. Здесь элемент *ĉa* тот же, что и корневой

элемент в слове *čaγan* «белый» и *čaji* = «белеть». Слово же *biγu*, само по себе обозначающее «олень, марал, изюбрь», находит свою параллель в др.-тюрк. *biγu* «олень». На общность происхождения этого тюрко-монгольского слова указывает Э. В. Севортян [1978: 237–238].

К мелкому рогатому скоту относятся овцы и козы. Рассмотрим имеющиеся здесь тюркские параллели. Общим названием овцы и одновременно овцы-самки в халха-монгольском языке является *хонь* (ср. бур. *хонин*, калм. *хөн* id.), что в старописьменном монгольском языке пишется как *qonin*. Этому монгольскому слову в древнетюркском языке соответствует: *qoj*, *qon*, *qojin*, *qojin* «овца». Кроме того, среди древнетюркских названий овцы встречается также вариант с назализованным *j*, от которого и мог произойти палатализованный *n* в монгольском языке. Общетюркский характер этого слова и его широкое распространение в тюркских языках, а также его гомогенная связь с монгольским *qonin* «овца», рассмотрены в Этимологическом словаре тюркских языков» [2000: 24–26]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» [2001: 431] тюркская праформа для названия овцы указывается в виде **qoni*.

Баран-производитель в халха-монгольском языке называется *хуц* (ср. бур. *хуса*, калм. *хуц* id.), в старомонгольском письменном языке соответственно пишется *quča*. Этому монгольскому слову в древнетюркском языке соответствует форма *qoč* «баран-производитель», которая в древнетюркском языке имеет еще варианты *qočnar*, *qočinar* и *qočqar*. Праформа этого общетюркского слова восстанавливается в виде **qočnar* // **qoč* [Сравнительно-историческая 2001: 432]. «Этимологический словарь тюркских языков» [2000: 87–89] свидетельствует о широком бытовании этого термина в современных тюркских языках в виде *коч* и *кочкар*, а также о его заимствовании монгольскими языками.

Ягненок в халха-монгольском языке называется *хурга* (ср. бур. *хурьган*, калм. *хурһн* id.), которому в старомонгольском письменном языке соответствует *quriγan*. Его праформу в монгольском языке можно

восстановить в виде **quriγan*, где элемент *-γan* является аффиксом, а элемент **quri-* представляет собой корневую основу, которой в древнетюркском языке соответствует словоформа *qozī* «ягненок». О широком распространении в современных тюркских языках словоформы *qozī* ~ *quzi* в значении «ягненок» и ее заимствовании в монгольский язык см.: [Этимологический словарь 2000: 108–109]. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. Лексика» [2001: 433] тюркская праформа этого слова восстанавливается в виде **qozy*. Монгольская корневая основа **quri-* представляет собой ротацирующий вариант этой тюркской основы, характерный для тюркских языков булгарской группы.

Домашняя коза в халха-монгольском языке носит название *ямаа* (ср. бур. *ямаан*, калм. *яман* id.), которое в старомонгольском письменном языке фиксируется в виде *imaγan*. Архетип этого монгольского термина можно восстановить в виде **yimaγan*. В древнетюркском языке этому монгольскому архетипу соответствует *yīma* «самка дикого горного козла», *īma* «коза».

Самец дикого горного козла в халха-монгольском языке называется *тэх* (ср. бур. *тэхэ* «козёл», калм. *тек* «козёл некастрированный»), в старомонгольском письменном языке соответственно передается как *teke*. В древнетюркском языке этому монгольскому слову соответствует *tekä* «козёл». Архетип этого общетюркского слова в «Сравнительной грамматике тюркских языков. Лексика» [2001: 428] восстанавливается в виде **täkä* и сравнивается с монгольским *teke*.

Подводя итоги сказанному, можно сделать вывод, что все халха-монгольские названия крупных и мелких рогатых животных имеют параллели в древнетюркском языке. Ротацирующий вариант этих параллелей, имеющих, как правило, общетюркский характер, свидетельствует о том, что термины эти попали в древний монгольский язык от древних тюрков булгарской группы вместе с тюркским типом кочевничества, который древние монголы, еще не распавшиеся на ареалы, адаптировали и освоили еще в древнее время на прамонгольском уровне.

Литература

- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том I. А – Г / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 486 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том II. Д – О / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 507 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том III. Ё – Ф / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2001. 438 с.
- Большой академический монгольско-русский словарь. В четырех томах. Том IV. Х – Я / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. М.: Academia, 2002. 506 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Котвич В. Л. Исследования по алтайским языкам / пер. с польск. М.: Изд-во ин. лит., 1962. 373 с.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1905. 2203 с.

- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. 349 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. М.: Наука, 1989. 292 с.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К». М.: Индик, 2000. 259 с.
- Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л-М-Н-П-С. М.: Вост. лит., 2003. 446 с.

References

- [Comparative–Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary]. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- [Dictionary of Old Turkic]. Leningrad: Nauka, 1969. 676 p. (In Turk. and Russ.)
- [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘Л’, ‘М’, ‘Н’, ‘П’, ‘С’]. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 446 p. (In Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. I: ‘А–Г’. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 486 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. II: ‘Д–О’. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 507 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. III: ‘Ё–Ф’. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2001. 438 p. (In Mong. and Russ.)
- [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Vol. IV: ‘Х–Я’. G. Ts. Pyurbееv (ed.). Moscow: Academia, 2002. 506 p. (In Mong. and Russ.)
- Kotwicz W. L. [Studies in Altaic Languages]. Moscow: Inostrannaya Literatura, 1962. 373 p. (In Russ.)
- Radlov V. V. [A Dictionary of Turkic Dialects]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1905. 2203 p. (In Turk. and Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with Vowels]. Moscow: Nauka, 1974. 767 p. (In Turk. and Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letter ‘Б’]. Moscow: Nauka, 1978. 349 p. (In Turk. and Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letters ‘Ж’, ‘Ж’, ‘Й’]. Moscow: Nauka, 1989. 292 p. (In Turk. and Russ.)
- Sevortyan E. V. [Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Inter-Turkic Stems Beginning with the Letter ‘К’]. Moscow: Indrik, 2000. 259 p. (In Turk. and Russ.)

**СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ «ГЛАГОЛОВ
НАПРАВЛЕННОГО ДВИЖЕНИЯ» В ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ
КАЛМЫЦКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «ДЖАНГАР»:**

ирх ‘приходить’, одх ‘уходить’, орх ‘входить’, харх ‘выходить’

**Semantic Description of Verbs of Directed Movement in Explanatory Dictionary
of the Kalmyk Heroic Epos “Jangar”: irh ‘to come’, odh ‘to go away’,
orh ‘to enter’, gharh ‘to go out’**

Э. У. Омакаева (E. Omakeeva)¹

¹кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of the Theoretical and Experimental Linguistics Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: elomakeeva@mail.ru.

В статье на базе анализа корпуса электронных текстов калмыцкого героического эпоса «Джангар» рассматриваются многозначные «глаголы направленного движения» (*ирх* ‘приходить’, *одх* ‘уходить’, *орх* ‘входить’, *харх* ‘выходить’), включающиеся своими разными лексико-семантическими вариантами в состав разных лексико-семантических групп, выявляются их основное и производные значения.

Ключевые слова: калмыцкий эпос «Джангар», толковый (одноязычный) словарь, полисемия, семантическая деривация, глаголы направленного движения, семантическая структура, семантическая роль, лексико-семантическая группа, лексико-семантический вариант, семема, сема, компонентный анализ, эпический текст.

The article is devoted to the study of the key issue connected with the conceptualization of the semantic structure (semanteme) of a polysemantic verb as a system of sememes of the polysemant in general aimed at developing an algorithm for finding out word’s initial meaning and methods of its model description. The issue raised in the article is rather important not only for lexicography of the Mongolian but also for the Altaic languages. Theoretical and typological aspects of the article are also valuable for general linguistics. By analyzing the corpus of electronic texts of the Kalmyk heroic epic “Jangar” the researcher reviews polysemantic verbs of directed movement such as *irh* ‘to come’, *odh* ‘to go away’, *orh* ‘to enter’, *gharh* ‘to go out’. Various lexical-semantic variants (LSV) of the given verbs are included into lexical-semantic groups (LSG). The author examines their main and derived meanings. The article uses a systematic approach to analyzing “verbs of directed movement” by investigating lexical and semantic variants of a polysemantic word (entry word) within certain lexical and semantic groups (LSG).

Keywords: Kalmyk epic “Jangar”, explanatory (unilingual) dictionary, polysemy, semantic derivation, verbs of directed movement, semantic structure, semantic role, lexical-semantic group, lexical-semantic variant, sememe, seme, componential analysis, epic text.

Проблема семантизации глагольных лексем в толковых словарях находится в центре внимания современной лингвистики, однако семантический анализ глагольной лексики связан со многими трудностями. Актуальность обращения к заявленной в названии данной статьи теме обусловлена как недостаточной изученностью семантики калмыцких глаголов движения, так и дискуссионным характером самой семантической категории лексической полисемии.

Объектом нашего исследования являются ядерные глаголы направленного движения (ГНД), встречающиеся в калмыцком эпическом тексте. Задачей работы является исследование семантической структуры четырех наиболее коммуникативно значимых многозначных ГНД, а именно глаголов прибытия/удаления *ирх* ‘приходить’ и *одх* ‘уходить’, глаголов вхождения/выхода *орх* ‘входить’ и *харх* ‘выходить’, сквозь призму семемного и семного анализа.

Материалом для данной статьи послужили имеющиеся в нашем распоряжении тексты эпоса «Джангар», принадлежащие к различным циклам и репертуарам калмыцкой эпической традиции, и, соответственно, корпус текстовых примеров для толкового словаря языка данного памятника.

«Одним из принципиальных вопросов в исследовании лексики является семантическая типология слов как отражение их семантической структуры» [Конечкая 1998: 32], но существующие словари не дают достаточной информации о семантической структуре глагола. При составлении словарных статей с глагольным заголовочным словом будущего толкового словаря языка эпоса [Омакаева 2015а] мы столкнулись с проблемой дифференциации различных значений многозначных глаголов, в частности, с тем, в каком порядке эти значения должны подаваться в словаре и как установить основное значение слова. Однозначное решение вопросов, связанных с лексической полисемией, является, на наш взгляд, предпосылкой успешного осуществления любого лексикографического проекта.

Изучению многозначности глагольного слова лингвисты всегда уделяли особое внимание, указывая на сложность описания лексической семантики и ее моделирования [Арнольд 1966; Апресян 1967; Васильев 1975; 1981; 1982; Talmy 1975; Nunberg, Zaenen 1992; Майсак 2005; Дыбо 2011 и др.]. Анализ значений многозначного слова включает определение первичного значения и продуктов семантической деривации, в частности, развития переносных значений [Падучева 2000].

Значения анализируемых ГНД были определены в ходе анализа их текстовых употреблений с помощью дистрибутивно-статистического метода, позволившего нам выявить системные контексты, в которых интересующий нас глагол имеет одинаковое значение, в результате чего были сформированы группы с разными контекстными значениями одного и того же глагола.

Рассматривая проблемы лексикографической фиксации многозначности калмыцкого глагола [Омакаева 2015б], необходимо обратить внимание на необходимость единой и непротиворечивой трактовки релевантных понятий и терминов, таких как лексема, ЛСВ, семема.

Полисемия, как известно, связывается со способностью слова иметь несколько

значений (два и более), т. е. с его членением на ЛСВ [Стернин 2013]. Термины «ЛСВ» и «семема» часто употребляются как синонимичные, между тем данные языковые единицы, на наш взгляд, обладают разным статусом: первая является, как и слово, знаком, вторая — односторонней единицей (семантической). Поэтому представляется важным разграничивать эти понятия, трактуя многозначное слово как единство ЛСВ, число которых равно числу отдельных значений (семем). Семема в свою очередь состоит из более мелких семантических компонентов — сем.

По словам В. Б. Касевича, «описание значений слов посредством структуры сем существенно также для обоснования парадигматической группировки слов в словаре» [Касевич 1977: 123]. Но разработка алгоритма семного описания значения ЛСВ того или иного глагола требует единой методологии описания парадигматических группировок глагольной лексики, в частности, ЛСГ.

Практически все классификации калмыцких глаголов учитывали прежде только одну классификационную сему, но реальное положение вещей представляет собой значительно более сложную картину. «Однако многопризнаковые классификации — дело будущего, поскольку пока еще недостаточно исследованы состав и ранжирование сем в лексемах глаголов, к тому же не вполне ясны и сами признаки классификации такого рода» [Касевич, Храковский 1983: 19]. Представляется, что и спустя более тридцати лет после вышеприведенного высказывания известных российских лингвистов положение дел существенно не изменилось. Следовательно, задача множественной классификации глагольных лексем как полисемных структур остается по-прежнему актуальной.

В свете сказанного следует подчеркнуть: толкование глагола имеет свои особенности в отличие от других частей речи, что обусловлено его особым статусом, который требует учета всех 4 аспектов представления глагола в языковой системе — как словоформы (морфологическая парадигма), как лексемы (классификация глаголов), как сказуемого (ядра синтаксической глагольно-актантной конструкции), как предиката (ядра семантической предикатно-аргументной конструкции).

Принцип системности подачи ЛСВ калмыцких глаголов в толковом словаре требует учета валентностных свойств глаголов. В монголистике разработаны и апробированы на сопоставительном монгольско-калмыцком материале новые подходы к описанию глагольной лексики с выделением валентностных (актантных) классов, семантических классов и подклассов, лексико-семантических групп [Кузьменков 1984; Омакаева 2008; 2011]. Дальнейшая задача заключается в «ословаривании» синтаксического описания: результаты описания моделей управления калмыцких глаголов вообще и ГНД, в частности, будут отражены в толковании соответствующих слов, встречающихся в эпосе «Джангар». Составляемый нами толковый словарь языка эпического памятника должен стать, по сути, лексикографической интерпретацией интегративной модели описания языка, основанной прежде всего на взаимодействии лексики и синтаксиса.

Отсутствие толкового словаря калмыцкого языка значительно затрудняет нашу задачу. Определенным подспорьем в нашей работе служат «Толковый словарь традиционного быта калмыков» Г. Ц. Пюрбеева [1996] и краткий толковый словарь для учащихся Б. Б. Манджиковой [2002].

На какие группы можно разделить глаголы и по каким признакам? Представляется целесообразным рассматривать глагольную лексику по ее принадлежности к лексико-семантическим группам (ЛСГ), ибо одно и то же глагольное слово в разных своих значениях может включаться в состав разных ЛСГ. Хотя в ряде работ выделены отдельные семантические группы калмыцких глаголов, но, во-первых, этими рубриками охвачены далеко не все глаголы, а, во-вторых, описаний отдельных ЛСГ глаголов, в частности, глаголов движения, почти нет. Бурятскому языку в этом отношении повезло гораздо больше: бурятские глаголы движения рассматривались как в сопоставлении с русскими [Егодурова 1995], так и в сравнении с китайскими эквивалентами [Шахаева 2013].

Семантическое описание избранных для рассмотрения глаголов проводится с применением компонентного (семемного/семного), контекстуального и сопоставительного анализа, метода моделирования и др. При анализе многозначности глаголов движения необходимо применять и такие релевантные

методы, как концептуальный и полевой. Выявляемые значения, конечно, неравноправны и должны быть систематизированы: прежде всего выделяется ядерное, прямое значение, под которым, видимо, следует понимать основное значение глагола, наиболее автономное, т. е. наименее обусловленное синтагматически, контекстом, окружением (глагол в данном значении имеет широкую сочетаемость).

Неиспользование семного принципа описания значений слов, в частности, глаголов, в калмыцкой лексикографической практике, прежде всего при составлении толковых и переводных словарей, привело к тому, что словарные статьи нарушают правило «однотипное должно описываться однотипно», т. е. в семантически близких словах не выявляются интегральные и дифференциальные семы, а значения слов обычно толкуются через синонимы. Необходимо учитывать лексикографический тип, т. е. класс единиц, имеющих общие свойства и получающих в связи с этим единообразную словарную интерпретацию [Апресян 1995: 485–487]. Для наиболее полного выявления семного состава значения ЛСВ того или иного интересующего нас многозначного слова важно привлечь к сравнению как можно больше семантически близких слов или ЛСВ, составляющих ЛСГ.

Направление движения является основным семантическим признаком ЛСГ ГД. Особенностью ГНД калмыцкого языка, как и других монгольских языков, является то, что семы начала и конца движения присутствуют в семантике самих глаголов, а в русском языке начало и конец движения маркируются приставками *у-* и *при-*.

Анализ семантики глаголов перемещения в пространстве, называющих ситуации прибытия/удаления и вхождения/выхода, начнем с глагола прибытия *ирх*. В «Калмыцко-русском словаре» [1977] даны 3 ЛСВ данного глагола (с семантикой движения, наступления и появления), а также указано на употребление данного глагола в качестве вспомогательного [КРС 1977: 273].

Описание семантики многозначного слова обычно начинается с его основного значения. Многозначный глагол *ирх* по своему основному значению входит в класс глаголов движения, в группу направленного движения. Направленное движение может осуществляться в вертикальной (вверх-вниз) и горизонтальной (вперед-назад, боковое: вправо-влево) плоскостях.

Прямое значение глагола *ирх* 'прийти/приехать' можно определить следующим образом: йова йовж, талдан хазрас эс гиж ормас энд (келжэх күн бээх хазрт) күрх (күн эс гиж аң-аһрусна тускар) 'идя в направлении говорящего, достигнуть предела — места, где он находится (о человеке и животных)'.

Семантическая структура многозначного глагола *ирх* по типу связи его ЛСВ друг с другом относится к радиальному типу полисемии, где все производные значения слова мотивированы его основным значением. Так, 1-й ЛСВ глагола *ирх* обозначает «направленное движение одушевленного субъекта к конечному пункту, пределу по направлению к говорящему», 2-й ЛСВ глагола *ирх* имеет переносное значение «изменение в состоянии неодушевленных субъектов». Поэтому здесь мы имеем дело уже не с глаголом движения, который является одним (хотя и основным) из ЛСВ глагола *ирх*, а с функциональным глаголом возникновения, появления, выступающим в качестве еще одного ЛСВ того же глагола. В первом случае (в прямом значении) данный глагол сочетается с именем с семантической ролью агенса, а во втором (в переносном значении) — с именем с ролью экспериенцера.

Второй ЛСВ глагола *ирх* имеет семантику возникновения, появления, наступления чего-л.: өөрдх, урхх, болх (ямр нег цагин эс гиж талдан юмна тускар). Пример: *Ирэд уга йирн йисн жилиг / Ээлддг гинэ* [БЦ: III].

Таким образом, словарную статью с глаголом прибытия можно предварительно представить в следующем виде:

ИРХ |irx^е| ү.,

1) талдан хазрас эс гиж ормас энд (келжэх күн бээх хазрт) күрх (күн эс гиж аң-аһрусна тускар)

Тер үг соңсад, / Барун хариннь баһлцгас авад, / Шархин сээр деер харһад, / Элвг сээхн хурдарнь гүүлгэд, / Өндр шар-цоохр бээшгин / Хашир мөңгн үүднд ирэд, буув [ЭО: IV]; *Арг Улан Хоңһран ирх күртл, / Тор!* [МД: II]; *Замбл хан, / Бумбин орнд ирхлэри, / Гурвн жилд хамринь хатхад уга / Гунн шар тормиг / Хээһад, олдл уга, / «Тана Бумбин орнд / Бээнэ» гих зэңгэр ирв* [ЭО: I]; *Үзгин өнчн Жаңһр / Иргсн биз!* [МД: III].

2) өөрдх, урхх, болх (ямр нег цагин эс гиж талдан юмна тускар)

Ирэд уга йирн йисн жилиг / Ээлддг гинэ [БЦ: III].

3) ниилүлгч нөкл үүлдэгчлэ хамдан

харһхла, үүлин үр-дүн медүлжэх утхта дөңгч үүлдэгчин чинр зүүжэнэ

Түүни эцк Маңһс Шар хаани нутгар / Орж иргсн цагтм / Тер сөөни бийднь / Тер маңһс хаани хатнь / Тер сөөднь күүклж бээж [БЦ: II].

Рассмотрим теперь глагол с семантикой удаления.

Прямое значение калмыцкого глагола *одх* 'уходить' мы формулируем следующим образом: талдан хазрт йовх, мордх (күүнэ тускар) 'уезжать, отправляться куда-л. (о человеке)'.

В «Калмыцко-русском словаре» [1977] даны 2 ЛСВ данного глагола (1 — ошибочно), а также указано на его употребление в качестве вспомогательного [КРС 1977: 393]. Б. Х. Тодаева выделяет 1 ЛСВ глагола *одх* и тоже указывает на его употребление в качестве вспомогательного глагола [Тодаева 1976: 350].

Мы так же выделяем 1 ЛСВ данного глагола и 1 случай употребления *одх* в качестве вспомогательного глагола с особой семантикой.

Словарная статья с глаголом *одх* имеет следующий предварительный вид:

ОДХ |odx^а| ү.,

1) талдан хазрт йовх, мордх (күүнэ тускар)

Альк орнд одх би? [БЦ: I]; *Эмдэр авад, одх санатавч?* / *Алад авад, одх санатавч?* [БЦ: II];

2) хувагч эс гиж ниилүлгч нөкл үүлдэгчлэ хамдан харһхла, үүлин чиг-үзг эс гиж эрчмллх үзүлжэх дөңгч үүлдэгчин чинр зүүжэнэ

Эгрэд одх нег атх ясн биший? [БЦ: II]; *Жаңһра нег баатр йовж йовад, / Дээснэс зулад, харч одж* [ОБ: I]; *Дөрвн хар турун минь / Хад чолунла харһад, / Салврад одх биший* [БМ: V].

Перейдем к рассмотрению глаголов вхождения/выхода.

Прямое значение калмыцкого глагола *харх* 'выйти' мы формулируем следующим образом: ямр нег задһа биш орм-зээг (гер, өргэ, хора, өрө) оркж, задһа хазрур темцж йовх 'оставив, покинув пределы замкнутого помещения (дома, дворца, комнаты), удалиться, направиться в открытое пространство'.

В «Калмыцко-русском словаре» [1977] даны 16 ЛСВ данного глагола, а также указано на его употребление в качестве вспомогательного [КРС 1977: 159–160]. Б.Х. То-

даева выделяет 7 ЛСВ глагола *harx* и тоже указывает на его употребление в качестве вспомогательного глагола [Тодаева 1976: 241–242].

Мы выделяем 6 ЛСВ данного глагола и 2 случая употребления *harx* в качестве вспомогательного глагола с особой семантикой.

Словарная статья с глаголом *harx* имеет следующий предварительный вид:

ҺАРХ [ʏaɣxʌ] ү.,

1) ямр нег задһа биш орм-зээг (гер, өргэ, хора, өрө) орж, задһа һазрур темцж йовх

Хашир мөңгн үүдиг / Татн жиңнүлн һарв [ЭО: VII]; *Манахс, һарч хэләтн* [БМ: V];

2) ямр нег юмн учрх, эклж тогтх, үүдх, эклх эс гиж далд бээсн юмн, күн ил болж үзгдж ирх, төрх

Нарн һархин зүн үзг тал / Аңһучлж йовтл, / Күчтә күлгин тоосн һарв [МД: III]; *Арг Улан Хоңһр һурв хээкрхлә, / Һатлһн уга Жилиң Хар теңс / Һурв тасрад, һурвн һатлһн һарв* [МД: III]; *Тер хатн саата болв, / Арвн сарин нүр үзәд, көвүн һарв* [МД: III]; *Чамас үрн эс һарв чигн, / Теңгрин өгсн көвү / Юңгад эс авнач?* [ЭО: I]; *Эгц дөрвн зун на-ста / Замбл хаани күүкнә хулд ирхмн гижэ / Зәңг һарад бәәв* [ШД: II];

3) эн ормасн әрлх, талдан һазрт йовх, хаалһдан орх, одх, мордх

Нә уга / Нәәмн миңһ мөргәд, / Ду уга / До-лан миңһ мөргәд, / Һалдн шар ламин мотрт күрәд, / Күжэ Зандн өргә зөрәд һарв [МД: II];

4) давшх; деегшән, өөдән йовх; мандлх

Нарн һархин ар бийәс, / Үзңгин үлдл, / Үйин һанц Жаңһрин нутгас, / Таниг мор-дгсиг меда бәәнәв [ЭО: I]; *Арнзл Зеердиг та-винь олж тохад, / Дәәни олн лүвцән лүвцәд, / Зеерд деерән һарв* [МД: III]; *Нег цагин селгәһәр алдулгсн / Нәәтг нойн Жаңһр / Нег цагин селгәһәр ширә деер һарв* [МД: III]

5) ямр нег шинжәр йилһрх, алдршх, ту-урх

Зун орнд / Зөрмгәрн һаргсн, / Зурһан маңһст / Бөк, чиширг, чаңһарн һаргсн / Зөрмг Улан Хоңһр минь / Тутунг авгсн цагтан, келхнчн! [БЦ: II]

6) ямр нег һазрар, ормар йовж һатлх
Та түүгәр һархла — һартн, / Эс һархла — мини өөр бәәтн [ЭО: VIII];

7) ямр нег аюлас, әәмшгәс мөлтрх, салх
Әәмшгәтә хортнаһ һарв бидн [ЭО: IV];

8) кемр өмннә көдлһнә утхта ниилүлгч нөкцл үүлдәгч бәәхлә, болжах үүлдврн, үүлин чиг-үзг медүлжәх дөңгч үүлдәгчин чинр зүүжәнә

9) кемр өмннә болж гидг ниилүлгч нөкцл үүлдәгч бәәхлә, үүлдвр, үүл болсн эс гиж болхиг медүлжәх дөңгч үүлдәгчин чинр зүүжәнә

Арг Улан Хоңһр / Хәәх болж һарв [ШД: I].

Если глагол *harx* предполагает перемещение из замкнутого пространства в более открытое, то глагол *орх* имеет обратное значение.

ОРХ [oɣxʌ] ү.,

1) ямр нег юмна дотр йовад, тенд үлдх

Өндр Маңһн уулын ора деер кевтгсн / Өлн арслңгин хоолдл оржл кевтә [БН: I]; *Арвн дөрвн үүдинь татад, / Алтн Торлг бәәшндн / Орж ирәд, барун бийдн / Өрүн цаһан мөңгн ширә деер, / Дүүрң һаргсн арвн тавни сар мет, / Мандлж суув* [ЭО: III]; *Күрәд ирхлә, / Жирн давхр церг / Ташир һазаһан маната болад, / Орж болго бәәдг болнал* [БМ: III]; *Орж, деежән ху-рахнч* [ШД: IV];

2) чиг-боран (хур, цасн, мөндр) буух

Дуут Жаңһр хан / Шаран зурһан миңһн баатр бийәрн / Шаргад мордад һархнә, / Эрднә билгин хурн / Эргәд ордг биләл [БМ: I].

Таким образом, при составлении словарной статьи толкового словаря необходимо четко различать в структуре многозначных глаголов исходное (прямое) и производные (в т. ч. переносные) значения, а также унифицировать глагольные дефиниции, т. е. глаголы одной ЛСГ толковать через ядерный глагол данной группы. Полученные результаты послужат важным обоснованием в пользу объединения разных ЛСВ в один полисемант или, наоборот, лексикографической фиксации двух омонимичных слов в результате распада полисемии.

Проведенный анализ подтверждает тот факт, что семантика глагола не может быть лексикографически описана без СР как категории лексической семантики (семантики словаря). Семантические категории типа Агенс, Экспериенцер и т. п. суть семантические роли (СР): они входят в план содержания глагола, называющего соответствующую ситуацию, составляя набор его семантических дифференциальных признаков. Передача глаголом образной семантики, что так характерно для эпического текста, сопровождается изменениями субъекта, поэтому важную роль в этом процессе играют такие семантические признаки, как человеческое существо/животное, одушевлен-

ность/неодушевленность и конкретность/абстрактность.

Необходимо также иметь в виду, что в процессе выявления значения глагольных лексем для доказательства правомерности отнесения их к той или иной ЛСГ необходим лингвокультурологический комментарий, выявляющий неразрывную связь языка и культуры, семантической системы и языковой картины мира путем характеристики соответствующих фрагментов языковой картины мира, отражаемых семантикой глагола. За каждым конкретным языком стоят представления о мире: «исследование языковой семантики становится в рамках

такой задачи первым шагом к восстановлению языковой картины мира или, по крайней мере, ее фрагментов» [Кронгауз 2001: 105]. Изучение отдельных ЛСГ глаголов, в частности, глаголов движения позволяет реконструировать кинетический фрагмент калмыцкой языковой картины мира.

Но самое главное: в ходе составления толкового словаря языка калмыцкого эпоса можно эмпирически проверить гипотезу о том, что семантическое пространство эпического глагольного лексикона может быть описано с помощью ограниченного и сравнительно небольшого числа семантических признаков.

Сокращенные обозначения локальных циклов эпоса «Джангар» и репертуаров сказителей-джангарчи

БЦ — Багацохуровский цикл;
МД — Малодербетовский цикл;

ЭО — цикл песен Ээлян Овла;
БМ — репертуар Басангова Мукабена;
ШД — репертуар Шавалиева Давы;
ОБ — репертуар Обушинова Бадмы;
БН — репертуар Балдырова Насанки.

Литература

- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967. 256 с.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2 изд., испр. и доп. М.: Языки рус. культуры, 1995. 464 с.
- Арнольд И. В. Семантическая структура слова и методика ее исследования. Л.: Просвещение, 1966. 192 с.
- Васильев Л. М. Полисемия // Исследования по семантике. Уфа, 1975. С. 3–10.
- Васильев Л. М. Семантика русского глагола: учебное пособие для факультета повышения квалификации. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.
- Васильев Л. М. Принципы семантической идентификации глагольной лексики // Семантические классы русских глаголов: сб. ст. Свердловск: изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. С. 11–15.
- Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: лексика конкретного словаря // Слово и язык: сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славян. культур. 2011. С. 359–391.
- Егдурова В. М. Типология глагола в бурятском и русском языках (на материале глаголов движения). Улан-Удэ, 1995. 154 с.
- Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. 177 с.
- Касевич В. Б., Храковский В. С. Конструкции с предикатными актантами: Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения. Л.: Наука, 1983. С. 5–27.
- Конечная В. П. Аксиомы, закономерности и гипотезы в лексикологии // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 22–37.
- Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. 399 с.
- Кузьменков Е. А. Глагол в монгольском языке. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1984. 140 с.
- Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славян. культур, 2005. 480 с.
- Манджикова Б. Б. Хальмг келнэ тээлвр толь. Элст: АПП «Джангар», 2002. 176 х.
- Омакаева Э. У. О валентностной классификации калмыцкой глагольной лексики (к проблеме соотношения слова и синтаксемы) // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4 (56). С. 109–114.
- Омакаева Э. У. Типология моделиобразующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории. Улаанбаатар: Найман од, 2011. 240 с.
- Омакаева Э. У. Основные проблемы составления толкового словаря языка эпического

- текста (на материале калмыцкого героического эпоса «Джангар») // XLIV Междунар. филолог. науч. конф. Тез. докл. СПб.: изд-во СПбГУ, 2015а. С. 107–109.
- Омакаева Э. У. Проблемы лексикографической фиксации многозначности глагола и имени в толковом словаре языка калмыцкого героического эпоса «Джангар»: типологические и идиоэтнические аспекты // Современные проблемы науки и образования. 2015б. № 2; [Электронный ресурс] // URL: <http://www.science-education.ru/129-21788> (дата обращения: 24.09.2015).
- Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем // Русский язык сегодня (сборник памяти Д. Н. Шмелева). М.: Азбуковник, 2000. С. 395–417.
- Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционно-го быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 175 с.
- Стернин И. А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: Истоки, 2013. 301 с.
- Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с.
- Шахаева А. А. Семантика глаголов со значением «приходить» в бурятском и китайском языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 1. Язык. Литература. Культура. С. 48–54.
- Nunberg G., Zaenen A. Systemic polysemy in lexicology and lexicography // Proceedings of Euralex II. Tampere, 1992. P. 387–396.
- Talmy L. Semantics and syntax of motion // Syntax and Semantics. Vol. 4. New York: Academic Press, 1975. P. 181–238.
- References**
- [Kalmyk-Russian Dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Russ.)
- Apresyan Yu. D. [Russian Verb: an Experimental Study of Semantics]. Moscow: Nauka, 1967. 256 p. (In Russ.)
- Apresyan Yu. D. [Selected Works. Vol. I: 'Lexical Semantics (Synonymic Language Means)']. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury, 1995. 464 p. (In Russ.)
- Arnold I. V. [The Word: Semantic Structure and Research Methodology]. Leningrad: Prosveshchenie, 1966. 192 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. Semantic reconstruction in Altaic etymology: word-list of one dictionary revisited. In: [Word and Language]. Coll. papers. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur 2011. Pp. 359–391. (In Russ.)
- Egodurova V. M. [Typology of the Verb in Buryat and Russian Languages: a Case Study of Verbs of Motion]. Ulan-Ude, 1995. 154 p. (In Russ.)
- Kasevich V. B. [Elements of General Linguistics]. Moscow: Nauka, 1977. 177 p. (In Russ.)
- Kasevich V. B., Khrakovsky V. S. Constructions with predicative actants: problems of semantics. In: [Categories of the Verb and Sentence Structure]. Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 5–27. (In Russ.)
- Konetskaya V. P. Axioms, common factors and hypotheses in lexicology. *Voprosy Jazykoznanija*. 1998. No. 2. Pp. 22–37. (In Russ.)
- Krongauz M. A. [Semantics]. Coursebook for university students. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001. 399 p. (In Russ.)
- Kuzmenkov E. A. [Verb in Mongolian Language]. Leningrad: Leningrad State University, 1984. 140 p. (In Russ.)
- Mandzhikova B. B. [Explanatory Dictionary of the Kalmyk Language]. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Kalm.)
- Maysak T. A. [Constructions with Verbs of Motion and Verbs of Position: Typology of Grammaticalization]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2005. 480 p. (In Russ.)
- Nunberg G., Zaenen A. Systemic polysemy in lexicology and lexicography. In: Proceedings of Euralex II. Tampere, 1992. Pp. 387–396. (In Eng.)
- Omakaeva E. U. [Typology of Model Forming Sentence Parts in Kalmyk and Mongolian Languages: a Perspective from the Verb-Actant Theory]. Ulaanbaatar: Nayman Od, 2011. 240 p. (In Russ. and Mong.)
- Omakaeva E. U. Compiling an explanatory dictionary of the epic narrative (*Jangar*): key problems. In: [44th International Philological Conference]. Conf. abstracts. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2015. Pp. 107–109. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Kalmyk verb vocabulary: valence classification revisited (word and syntaxeme). *Scientific Thought of Caucasus*. 2008. No. 4 (56). Pp. 109–114. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Problems of lexicographical fixing of ambiguity of the verb and name in the dictionary of the language of the Kalmyk heroic epic '*Djanganar*': typological and idioethnic aspects. *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 2. Available at: <http://www.science-education.ru/129-21788> (accessed: September 24, 2015). (In Russ.)
- Paducheva E. V. About semantic derivation: word as a paradigm for lexemes. In: [Russian Language Today]. Coll. papers. Moscow: Azbukovnik, 2000. Pp. 395–417. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. [Traditional Household Activities of the Kalmyks: Explanatory Dictionary]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1996. 175 p. (In Russ.)
- Shakhaeva A. A. Semantics of the verb 'come' in Buryat and Chinese languages. *Buryat State University Bulletin*. 2013. No. 1. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Sternin I. A. [Word Semantics: Research Methods]. Yaroslavl: Istoki, 2013. 301 p. (In Russ.)
- Talmy L. Semantics and syntax of motion. In: Syntax and Semantics. Vol. 4. New York: Academic Press, 1975. Pp. 181–238. (In Eng.)
- Todaeva B. Kh. [The *Jangar*: a Linguistic Study of the Epic]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 530 p. (In Russ.)
- Vasiliev L. M. [Semantics of the Russian Verb]. Coursebook. Moscow: Vysshaya Shkola, 1981. 184 p. (In Russ.)
- Vasiliev L. M. Polysemy. In: [Studies in Semantics]. Ufa, 1975. Pp. 3–10. (In Russ.)
- Vasiliev L. M. Verbal lexemes: principles of semantic identification. In: [Semantic Classes of Russian Verbs]. Coll. papers. Sverdlovsk: Ural State University, 1982. Pp. 11–15. (In Russ.)

«РАННИЕ» ТЕКСТЫ НА «ЯСНОМ ПИСЬМЕ» В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА: ЖАНРОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

‘Early’ Texts in ‘Clear Script’ in the National Corpus of the Kalmyk Language: Genre Characteristic

Е. В. Бембеев (E. Bembeev)¹

¹кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела теоретической и экспериментальной лингвистики Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Senior Scientist of the Department of Theoretical and Experimental Linguistics at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: galdma@yandex.ru.

Статья посвящена описанию жанровых особенностей письменных памятников на «ясном письме». Синкретизм многих произведений письменной литературы монголоязычных народов значительно затрудняет их четкое жанровое разделение. Тем не менее, в качестве текстовых источников для подкорпуса «ранних текстов» в Национальный корпус калмыцкого языка будут отобраны оригинальные произведения авторов прошлых столетий, в первую очередь исторические сочинения, официальная письменная документация, а также сочинения, созданные на основе произведений устного народного творчества.

Ключевые слова: «ясное письмо», письменные памятники, рукописи, жанры, корпус.

The article describes genre features of the written monuments in «Clear Script». In the 17th century, along with the translated works in “Clear Script” there appeared original works of various genres, so that folklore texts were also literary edited. Because of the syncretism of many works of written literature (and written monuments) of the Mongolian peoples, it is rather difficult to define their genre precisely. Scientists, considering the genre characteristic of “early” texts, revealed its conditional character and concluded that the variety of the written heritage of the Oirats and the Kalmyks can’t be limited by any gradation of genres. Thus, all original works of the past centuries, primarily historical essays, formal written documentation, as well as folklore works will be selected as the text sources for the subcorpus of the “early” texts. These valuable works convey a vivid world of the Oirat and the Kalmyk people’s way of life in the XVII–XIX centuries. Handwritten historical essays, business letters, namtaru and other works of original genres are of special cultural value, as they reflect, albeit in a limited way, the state of the Oirat-Kalmyk language of its time and carry information about the grammatical system of the Kalmyk language. The language evolved and became what we call today “modern Kalmyk language”.

Keywords: “Clear Script”, written monuments, manuscripts, genres, Corpus.

В последние десятилетия в лингвистике динамично развиваются корпусные исследования, что обусловлено, с одной стороны, появлением «прорывных» разработок в компьютерной технике и, с другой стороны, бурным развитием Интернет-технологий. Одним из актуальных вопросов является сохранение письменного культурно-исторического наследия, что предполагает перевод больших объемов источников и архивных документов в цифровую форму. В целом ряде регионов Российской Федерации созданы языковые корпуса по «ранним» тек-

стам [Рукописные памятники Древней Руси; Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве»; Славянское письменное наследие «Манускрипт»], древнетюркских языков [Памятники рунического письма Горного Алтая].

С 2010 г. на базе Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН реализуется фундаментальный проект по созданию и развитию Национального корпуса калмыцкого языка, который в итоге будет включать следующие виды модулей: 1) основной корпус; 2) корпус ранних текстов;

3) диалектный подкорпус; 4) параллельный подкорпус; 5) устный подкорпус; 6) поэтический подкорпус; 7) газетный подкорпус; 8) синтаксический подкорпус; 9) морфемный подкорпус; 10) обучающий подкорпус; 11) фольклорный подкорпус (см. [Куканова, Бембеев и др. 2012]). На данный момент разработаны и полноценно функционируют основной (художественный прозаический), поэтический, фольклорный, диалектный, параллельный подкорпусы, по некоторым из них доступен поиск с учетом калмыцкой морфологии и семантики. Созданная информационно-справочная система [<http://kalmsoproga.ru>] основана на большом массиве текстов на современном калмыцком языке, которые сопровождаются лингвистической и металингвистической информацией [Куканова 2015]. Прикладное значение разработанных модулей несомненно и очевидно — это важный шаг в становлении новых методов исследования структуры современного калмыцкого языка. В русле этих исследований важной задачей является и создание подкорпуса «ранних текстов» в рамках НККЯ, написанных на старокалмыцком языке (на «тодо бичиг» ‘ясном письме’) [Куканова, Бембеев, Музраева 2013]. В связи с этим прежде всего необходимо дать жанровую характеристику письменного наследия калмыцкого народа.

Ойратско-калмыцкая национальная письменность «ясное письмо» (ее называют еще ойратской, зая-пандитской, старокалмыцкой) является одним из выдающихся культурных достижений ойратов и калмыков и неразрывно связана с именем выдающегося политического, религиозного и общественного деятеля, ученого и просветителя, поэта-переводчика и мыслителя XVII в. Зая-пандиты Намкай Джамцо [Бадмаев 1968а; 1968б]. С середины XVII в. мы можем говорить о становлении собственно ойратской литературы, которая выделилась из общемонгольской и развивалась до начала XX в. в Калмыкии, а в Синьцзяне КНР этот процесс продолжается и в настоящее время. Известный ученый-калмыковед XIX в. Г. Лыткин писал, что «Зая-пандита освятил эту новую письменность, передавая на ней произведения религиозно-ученого содержания, и тем положил твердое начало духовной и исторической литературы — источнику просвещения и развития народной жизни ойратов». Со времени создания эта письменность «...сделалась способною быть

как бы хранилищем жизни ойратов в слове, дала ойратским поколениям начало единства и самобытности, и, служа средством передачи умственного образования, она с распространением буддизма отняла у последнего возможность подавлять развитие народности и успехи просвещения» [цит. по: Бадмаев 2003: 5].

Творческое наследие Зая-пандиты получило освещение в трудах как классиков отечественного монголоведения — К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева, А. В. Попова, так и современных ученых [Бадмаев 1968а; 1968б; 1975; 2003; Кара 1972; Лувсанбалдан 1968, 1975, 1986; Михайлов 1970; 1977; 2012; Сазыкин 1977; 1988; 2001; 2003; Heissig 1954; Яхонтова 2010]. Как справедливо отмечает акад. С. А. Козин, «ранние» тексты на «ясном письме» необходимо рассматривать в их неразрывной связи с общемонгольской письменной традицией, поскольку создание новой письменности «тодо бичиг» и литературного языка дало импульс для быстрого развития общеойратской литературы, которая «отпочковалась от единой монгольской литературы XIV–XV столетия, хотя все еще и оставалась на базе единой монгольской письменности» [Козин 1940: 13].

Как известно, значительную часть сочинений, написанных на ойратском языке в начальный период, составляют переводы с классического тибетского языка, выполненные самим Зая-пандитой и его последователями. Согласно данным биографии Зая-пандиты «Лунный свет», составленной в конце XVII–начале XVIII в. одним из его ближайших учеников, Раднабхадрой, в период от «года барса до следующего года барса» Зая-пандита перевел на ойратский язык 177 тибетских сочинений как из собрания канонических сводов Ганджур и Данджур, так и из разряда неканонических произведений [Biography 1967: 8, 43 (л. 9а); Лувсанбалдан 1975: 123; Бадмаев 1975: 118;

¹ По поводу датировки этого периода в ойратоведении существуют разные точки зрения: одни ученые определяли его периодом с 1650 по 1662 гг. [Бадмаев 1968а: 17; Михайлов 1977: 180; Лувсанбалдан 1975: 332], другие относили его к тому 10-летию, которое предшествовало созданию ойратской письменности (т. е. к 1638–1650 гг.) [Норбо 1999: 53], согласно третьей точке зрения, этот период соответствует 1638–1662 гг. [Раднабхадра 1999], Д. Кара определяет этот период 1652–1662 гг. [Кара 1972: 78].

Музраева 2012: 14]. Кроме того, ученики Зая-пандиты, продолжая работу учителя, перевели на ойратский язык еще 37 произведений [Biography 1967: 9 (л. 11a–11b); Radnabhadra 1959; Лувсанбалдан 1975: 123; Бадмаев 1975: 119; Норбо 1999; Музраева 2012: 14].

Как известно, многие из переводов Зая-пандиты оказались с течением времени утрачены. Монгольский ученый-ойратовед Х. Лувсанбалдан в своем источниковедческом труде «Тод үсүг, түүний дурсгалууд» («Ясное письмо и его памятники») отмечает, что найдено 65 переводов, принадлежавших Зая-пандите, и 12, сделанных его учениками [Лувсанбалдан 1975: 125–128; 152–159]. Известно, что уже в XVII в., кроме переводных сочинений на «ясном письме», появляются оригинальные произведения различных жанров, литературное оформление получают и тексты устного народного творчества. «...Зая-пандита ограничивался переводами, оригинальных художественных произведений он не создавал. Но Раднабхадра заложил основы биографического жанра, написав интересную биографию своего учителя» [Михайлов 1970: 140].

Многие письменные памятники, дошедшие до наших дней, хранятся в собраниях рукописных памятников России, Монголии, КНР, Германии, Дании, Франции, США, Японии и т. д. Сведения об этих собраниях мы можем почерпнуть из целого ряда описаний, обзоров, каталогов письменных источников. В России крупнейшими собраниями рукописных памятников на ойратской письменности располагают Институт восточных рукописей РАН и библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета [Сазыкин 1988; 2001; 2003; Музраева 2012]. Ценнейшие исторические документы и сочинения на ойратском языке хранятся в архивах Республики Калмыкия [Чуматов 1983; Орлова 1996; Сусеева 2003; Гедеева 2004; Музраева 2008; Кокшаева 2011]. Большое количество письменных памятников на «тодо бичиг» хранится в фондах Национальной государственной библиотеки, Института языка и литературы АН Монголии, в библиотеке храма Гандантегчинлин в Улан-Баторе, в фондах краеведческих музеев Кобдоского,

Убсунурского аймаков, а также в частных коллекциях [Лувсанбалдан 1975; Гэрэлмаа 2005; Орлова 2012; Музраева 2012; Бичеев 2013]. Кроме того, значительное количество памятников на «ясном письме» хранится в архивах, монастырях и частных коллекциях на территории СУАР КНР [Бичеев 2011; Меняев 2012].

Рассматривая жанровую характеристику «ранних» текстов, отметим ее условность и то, что любая градация не исчерпывает всего многообразия письменного наследия ойратов и калмыков. Как справедливо отмечает А. В. Бадмаев, «все, что издано, записано и сохранено на ясном письме, как можно судить по изданным каталогам и описаниям рукописных фондов, представляет собой богатое, но очень пестрое, разноликое и в некоторых случаях противоречивое письменное наследие, которое нужно открывать заново, исследовать и вводить в круг чтения наших современников» [Лунный свет 2003: 8]. В своей работе «Калмыцкая дореволюционная литература», рассматривая формирование жанров в древней ойратской литературе, он же отмечает, что «вопрос жанровой классификации произведений древней литературы очень сложный, требующий специального рассмотрения, не менее сложна и проблема формирования жанров» [Бадмаев 1975: 68]. Исследователь истории монгольской книги, истории письменности монголоязычных народов и памятников письменности Д. Кара пишет, что «книги монгольской старины разнообразны по характеру содержания, которое сочетает такие противоположности, как народная и «книжная» литература, исконная и заимствованная (переводная), светская и религиозная (преимущественно ламаистская), художественная и специальная литература. Разумеется, противопоставленные здесь категории не всегда выделяются в чистом виде, много переходов» [Кара 1972: 144].

Ввиду синкретизма многих произведений письменной литературы (и памятников письменности) монголоязычных народов четкое жанровое разделение сочинений затруднено. Д. Кара [1972: 142–143] предлагает свою классификацию монгольских книг и сочинений в следующем виде:

народная словесность	былины, сказки, басни; песенники; загадки, изречения; обрядовые стихи (в том числе и «шаманские») и т. п.
художественная литература	стихи (дидактические стихотворения, «учения», символические стихотворные монологи, любовная, религиозная и гражданская лирика); проза (притчи, новеллы, романы и т. д.)
исторические сочинения	летописи, сказания, родословные; истории распространения ламаизма; буддийская хронология
биографические сочинения	жизнеописания; житийные легенды
географические сочинения	книги о вселенной, космографии; хождения; описания святынь; землеведческие трактаты
административная и юридическая литература	свод законов, судебники; сборники судебных дел; монастырские законы; списки, реестры и т. д.
буддийская каноническая литература	сочинения в Ганджуре и Данджуре
буддийская неканоническая литература	философические, логические и т. п. трактаты; молитвенники, литургические сочинения; иконография и иконометрия
прочая индо-тибетская литература	переводы художественных сочинений (сюда можно включить и известный перевод священной книги тибетской религии бон)
китайская литература в монгольском переводе	конфуцианские каноны; «учения» маньчжурских императоров; романы и новеллы
переводы христианского содержания XVII–XIX вв.; астрономическая литература	календари; астрономические трактаты
гадательные книги и сочинения по магии	астрологические справочники; сонники и прочие оракулы (по ладони, монетам, лопатке, по дерганию частей тела, по птичьим приметам, по жребью и т. п.); сборники магических знаков
медицинские сочинения	терапевтические; фармакопеи
техническая литература	указания ремесленникам; гиппология и т. п.
филология	словари; грамматики; учебники: буквари и силлабрии; каталоги; сборники разнообразного содержания

Близкой классификации памятников на «тодо бичиг» придерживается в своей работе «Ясное письмо и его памятники» Х. Лувсанбалдан [1975: 208–255]:

Түүхийн анги	Раздел исторической литературы
Намтар, шашин дэлгэрсэн түүхийн анги	Жизнеописания, история распространения буддизма
Сургаал туужийн анги	Поучения
Үсэг бичгийн анги	Филологическая литература
Сан тахилгын анги	Обрядовые, молитвенные тексты
Зурхай, мэргэ төлгийн анги	Астрономия, астрология, магическая литература
Эм, домьин анги	Медицинская литература, фармакопея

Судрын аймаг	Сутры
Тогтоол тарнийн анги	Тарни — заговоры, заклинания
Итгэл бодь мөрийн аймаг	Буддийская литература о Пути духовного просветления
Үйлийн үрийн аймаг	Литература о воздаянии за совершенное
Шашны болон нийтийн зан үйлийн аймаг	Литература о религиозном и общественном устройстве
Уншлагын аймаг	Литература для чтения
Эш зарлигийн аймаг	Основы Учения Будды
Тусгай анги	Прочая литература

Безусловно, внутренняя градация этих жанровых категорий носит условный характер, так как не исчерпывает всего многообразия письменных сочинений монголоязычных народов. По справедливому замечанию А. Г. Сазыкина, «этот список систематизации имеет и свои недостатки, причина заключается в синкретизме многих произведений монгольской письменной литературы, что не позволяет иногда однозначно определить место подобного сочинения в тематической рубрике» [Сазыкин 1988: 20]. Основываясь на классификации, предложенной Д. Кара, А. Г. Сазыкин выделяет 14 основных тематических разделов в первом томе каталога [Сазыкин 1988: 20–21]:

- I. Народная словесность
- II. Художественная литература
- III. История
- IV. Право. Официальные и административно-хозяйственные документы
- V. Личные документы. Письма
- VI. Конфессиональная (небуддийская) литература. Конфуцианство. Наставления императоров.
- VII. Филология
- VIII. Медицина
- IX. География
- X. Астрономия. Календари
- XI. Астрология. Гадания. Приметы.
- XII. Каталоги
- XIII. Сборники смешанного содержания
- XIV. Разное.

Второй том каталога содержит два тематических раздела [Сазыкин 2001: 3]:

- I. Буддийская каноническая литература
- II. Буддийская неканоническая литература.

Необходимо отметить, что указанные авторы располагают материал по тематическому принципу, который позволяет с большей или меньшей долей вероятности свести

воедино однородные по содержанию рукописные и печатные книги.

Таким образом, несмотря на то, что жанровая характеристика письменного наследия на «ясном письме» носит условный характер, в качестве текстовых источников для подкорпуса «ранних текстов» НККЯ в первую очередь будут отобраны оригинальные исторические сочинения, официальная письменная документация, а также сочинения, созданные на основе произведений устного народного творчества, — например «Сказание о Дербен Ойратах» эмчи Габан Шараба, «Краткая история калмыцких ханов», «Сказание о Дербен Ойратах» Батур Убаши Тюменя, письма калмыцких ханов XVIII в. и т. д. Рукописные исторические сочинения, деловые письма, намтары и другие произведения оригинальных жанров, несмотря на свою лаконичность, представляют особую культурную ценность, так как они отражают, хотя и в неполной мере, состояние ойратско-калмыцкого языка того периода, несут в себе информацию о его грамматическом строе. Ценность этих произведений прежде всего состоит в том, что они через многие века доносят до нас живой язык ойратов и калмыков XVII–XIX вв.

В результате выполнения проекта будут получены новые научные данные на базе исследований источников калмыцкого языка XVII–XIX вв., сформировано лексическое ядро калмыцкого языка XVII–XIX вв. по письменным источникам, что повысит эффективность проведения на их материале лексикографических исследований, которые необходимы для активизации работы в области исторической лексикологии и лексикографии калмыцкого языка, исследования памятников письменности, составления словарей в области истории калмыцкого языка и литературы.

Литература

- Бадмаев А. В.* Зая-пандита: (списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-пандиты»). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968а. 75 с.
- Бадмаев А. В.* Роль Зая-пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968б. 28 с.
- Бадмаев А. В.* Калмыцкая дореволюционная литература. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 168 с.
- Бадмаев А. В.* Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.
- Бичеев Б. А.* Ойратские рукописи из Западной Монголии // Полевые исследования Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Сборник статей и полевых материалов. Вып. 1. Ойраты Монголии: история и культура. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 169–185.
- Бичеев Б. А.* Фонд ойратских рукописей комитета по делам национальностей СУАР КНР // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. М.: Издат. центр РГГУ, 2011. С. 240–244.
- Гедеева Д. Б.* Письма наместника калмыцкого ханства Убаши (XVIII в.). Элиста: КИГИ РАН, 2004. 194 с.
- Гэрэлмаа Г.* Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл (Corpus scriptorium mongolorum. Tom XXVII). Brief Catalogue of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature. Vol. III. by G. Gerelmaa. *Улаанбаатар: Соёмбо принтинг*. 2005. 270 с.
- Кара Д.* Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М.: Наука, ГРВЛ, 1972. 227 с.
- Козин С. А.* Джангарида. Героическая поэма калмыков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 254 с.
- Кокиаева Н. О.* Языковые особенности эпистолярного наследия калмыцкого хана Дондук-Даши (середина XVIII в.). Элиста: Издат. дом «Герел», 2011. 189 с.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.* Национальный корпус калмыцкого языка: архитектура и возможности использования // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 3. С. 138–150.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В., Музраева Д. Н.* К вопросу о кодировке UNICODE графической системы «тодо бичиг» и создании базы данных текстов на старокалмыцком языке // Вестник Калмыцкого университета. № 3. Элиста: КалмГУ, 2013. С. 65–75.
- Куканова В. В.* Национальный корпус калмыцкого языка: итоги работы и перспективы // Новые исследования Тувы. 2015, № 1. [Электронный ресурс] // URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_25/7760-kukanova.html (дата обращения: 23.03.2015.).
- Лувсанбалдан Х.* Ойрадын Зая Бандидын орчуулгын тухай мэдээ // Хэл зохиол судлал. 1968. Т. VI. fasc. 6. X. 88–162.
- Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Лувсанбалдан Х.* Сведения о переводах ойратского Зая-пандиты // Филологические исследования старописьменных памятников / отв. ред. П. Ц. Биткеев. Элиста: КНИИИФЭ, 1986. С. 44–56.
- Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. ст., предисл., коммент. А. В. Бадмаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.*
- Лыткин Г.* Исторический очерк письменности монголов и ойратов // Астраханские губернские ведомости. 1859. 14 авг. (№ 33).
- Меняев Б. В.* К характеристике ойратских рукописей и ксилографов, хранящихся в частных коллекциях Синьцзяна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 175–179.
- Михайлов Г. И.* «Тодо бичиг» и начало ойратско-калмыцкой литературы // 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста: Респ. тип. упр. по печати при СМ КАССР, 1970. С. 141–144.
- Михайлов Г. И.* Ойрадын утга зохиолын тухай // Монголын уран зохиолын тойм. II. Ред. Ц. Дамдинсүрэн, Д. Цэнд. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн хэвлэл, 1977. X. 180–201.
- Музраева Д. Н.* О коллекции буддийской литературы О. М. Дорджиева (Тюгмюд-гавджи) // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тюгмюд-гавджи). 1887–1980. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 26–54.
- Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 224 с.

- Национальный корпус калмыцкого языка [Электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.ru> (дата обращения: 06.05.2015).
- Норбо Ш. Зая-Пандита (Материалы к биографии), пер. со старописьменного монгольского Д. Н. Музраевой, К. В. Орловой, В. П. Санчирова; науч. ред. В. П. Санчиров; КИГИ РАН. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Орлова К. В. Описание коллекции рукописей и ксилографов, хранящихся в научном архиве Калмыцкого Института гуманитарных исследований // *Acta Orientalia Hungaricae*. Budapest. 1996. Т. XLIX. Fasc. 1–2. Р. 139–160
- Орлова К. В. «История захчинского буддийского монастыря» (предисл., пер., коммент., факсимиле рукописи). М.: Ин-т востоковед. РАН. 2012. 202 с.
- Памятники рунического письма Горного Алтая [Электронный ресурс] // URL: <http://www.altay.uni-frankfurt.de> (дата обращения: 06.05.2015).
- Параллельный корпус переводов «Слова о полку Игореве» [Электронный ресурс] // URL: <http://www.nevmenandr.net/slovo/> (дата обращения: 06.05.2015).
- Раднабхадра. Лунный свет. История рабджам Зая-пандиты. Факсимиле рукописи. Перевод с ойратского Г. Н. Румянцев и А. Г. Сазыкина. Транслит. текста, предисл., коммент., указ. и примеч. А. Г. Сазыкина. Памятники культуры Востока. Санкт-Петербург. науч. сер. Т. VII. СПб., 1999. 176 с.
- Рукописные памятники Древней Руси: берестяные грамоты, летописи, рукописная книга [Электронный ресурс] // URL: <http://gramoty.ru> (дата обращения: 06.05.2015).
- Сазыкин А. Г. О периодизации переводческой деятельности ойратского Зая-Пандиты // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XII. Ч. 1. М., 1977. С. 134–140.
- chitecture and usage capabilities. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 3. Pp. 138–150. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bembееv E. V., Muzraeva D. N. On the question of UNICODE encoding of ‘Todo Script’ graphics system and creating of a database of texts on Old Kalmyk language. *Bulletin of Kalmyk University*. 2013. No. 3. Pp. 65–75. (In Russ.)
- Luvsanbaldan Kh. [Clear Script and Its Monuments]. Ts. Damdinsüren (ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)
- Luvsanbaldan Kh. Some data about translations made by Zaya Pandita of the Oirats. *Khel zokhiol sudlal*. 1968. Vol. VI. Fasc. 6. Pp. 88–162. (In Mong.)
- Luvsanbaldan Kh. Some data about translations made by Zaya Pandita of the Oirats. In: [Old Written Monuments: Philological Studies]. P. Ts. Bitkeev (ed.). Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1986. Pp. 44–56. (In Russ.)
- Lytin G. Script systems of the Mongols and Oirats. *Astrakhanskies gubernskie vedomosti*. 1859, August 14. No. 33. (In Russ.)
- Menyaev B. V. Characterizing Oirat-language manuscripts and xylographs in private collections of Xinjiang. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 4. Pp. 175–179. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. About Oirat literature. In: [An Overview of Mongolian Literature]. Vol. II. Ts. Damdinsüren, D. Tsend (eds.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1977. Pp. 180–201. (In Russ.)
- Mikhaylov G. I. Clear Script and the beginnings of Oirat-Kalmyk literature. In: [Celebrating the 320th Anniversary of Old Kalmyk Script]. Report abstracts. Elista: Republican Publ. House, 1970. Pp. 141–144. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. [Collections of Kalmykia: Tibetan and Oirat Language Buddhist Written Sources]. Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. O. M. Dordzhiev’s (Tyugmyud Gavji) Buddhist literary collection revisited. In: [Buddhist Tradition in 20th-Century Kalmykia: Commemorating O. M. Dordzhiev (Tyugmyud Gavji), 1887–1980]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. Pp. 26–54. (In Russ.)
- Norbo Sh. [Zaya Pandita: Biographical Materials]. D. N. Muzraeva et al. (transl.), V. P. Sanchirov (ed.); Kalmyk Humanities Research Institute of RAS. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Orlova K. V. Kalmyk Humanities Research Institute (RAS): catalogue of manuscripts and xylographs. *Acta Orientalia Hungaricae*. 1996. Vol. XLIX. Fasc. 1–2. Pp. 139–160. (In Russ.)
- Radnabhadra. Rabjamba Zay-a bandida-yin tuyuji saran-u genel kemeku ene metu bolai. Prof. Dr. Rinchen (ed.). Ulaanbaatar, 1959. (In Mong.)
- Radnabkhadra. [The Moonlight: History of Rabjampa Zaya Pandita]. Facsimile of manuscript. G. N. Rummyantsev, A. G. Sazykin (transl.). A. G. Sazykin (foreword, comment., etc.). Ser. ‘Monuments of Oriental Culture’. Vol. VII. St. Petersburg, 1999. 176 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences): Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. Vol. I. Moscow: Nauka, 1988. 508 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences): Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. Vol. II. Moscow: Nauka, 2001. 415 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences): Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. Vol. III. Moscow: Nauka, 2003. 280 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Periodization of the Oirat Zaya Pandita’s translation activities revisited. In: [Peoples of the East: Written Monuments and Issues of Cultural History]. Vol. XII. Part 1. Moscow, 1977. Pp. 134–140. (In Russ.)
- Suseeva D. A. [Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries (1714–1724): a Sociolinguistic Study]. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Kalm. and Russ.)
- Yakhontova N. S. [Oirat Poetic Dictionary]. N. S. Yakhontova (transl., comment., etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 615 p. (In Russ.)

ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ*

Extralinguistic Factors of Terms Coining

М. Н. Лату (M. Latu)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и культур Пятигорского государственного лингвистического университета (Ph. D. of Philology, Associate Professor of Western European Languages and Cultures Department of Pyatigorsk State Linguistic University). E-mail: Laatuu@yandex.ru.

Статья посвящена комплексному анализу экстралингвистических факторов, которые могут оказывать влияние на процесс создания терминологических единиц и номинативное своеобразие терминосистем. Выделяются и описываются 8 экстралингвистических факторов на основе сопоставительного изучения терминологий, репрезентирующих области научного знания в рамках приоритетных направлений развития науки, технологий и техники. Рассматривается природа данных факторов и специфика их репрезентации во внутренней форме термина. Устанавливаются корреляции между выделяемыми экстралингвистическими факторами и традиционно изучаемыми языковыми аспектами терминологической номинации.

Ключевые слова: термин, терминологическая номинация, экстралингвистический фактор, внутренняя форма, терминология, терминологический элемент.

The article deals with the analysis of the principles of the technical terms coining process. The hypothesis is that some common and particular linguistic features of technical terms such as term formation types, peculiarities of structure and semantics, the choice of specific term elements to coin new technical terms in certain cases for some terminologies may stem from and be a result of causes that have extralinguistic nature. The latter presumes the specificity of various sciences that makes them unique in their historical development and the adjacency to certain spheres of academic knowledge, as well as the peculiarities of objects that are studied or produced and types of notions that predominate, etc. Consequently the main goal of the study is to detect and describe the most common extralinguistic factors that have a strong potential to influence the technical terms coining process. To define the extralinguistic factors a comparative analysis of contemporary developing terminologies and the spheres of academic knowledge they express that are among the most promising fields of contemporary science is carried out. These include space research, information technology, nanotechnology, military science, ecology, genetics and some others from which the author draws most of the examples to illustrate and support his point of view. The study helped to define 8 extralinguistic factors. Among them are the place of origin and active development of science in the course of history, unique peculiarities such as size when objects under study have small dimensions, the degree of novelty and uniqueness of newly defined notions, theoretical or applied character of a science, cataloging and serial production, principles and methods of dealing with objects including observation and production, the adjacency and interaction of certain sciences that results in borrowing of technical terms as term elements. The article discusses the correlations between the extralinguistic factors and linguistic aspects of technical terms formation.

Keywords: term, term coining, extralinguistic factor, underlying form, terminology, terminological element.

* Публикация выполнена в рамках проектов «Комплексное когнитивное исследование особенностей номинации терминов приоритетных направлений развития научно-технического комплекса РФ» по гранту Президента Российской Федерации (договор №14.Z56.14.4389-МК от 03.02.2014); «Когниолингвистическое и лексикографическое моделирование фрагментов прикладной и фундаментальной научной картины мира (русский и английский языки)» по государственному заданию Министерства образования и науки РФ на 2014–2016 гг.».

Начиная с первой половины прошлого века, исследователи в своих работах, как правило, затрагивают вопросы, связанные с процессами создания терминологических единиц. Так, например, во многих защищаемых диссертациях внимание уделяется анализу способов терминообразования, а также выделению структурных типов термина. В качестве примера среди многочисленных исследований можно выделить относительно недавние работы по изучению молодых и активно развивающихся подязыков для специальных целей, таких как терминологии нанотехнологий [Раздуб 2013], медиации [Чернышенко 2014] и др. В фокусе внимания лингвистов оказывается и проблема количества компонентов в структуре термина [Гринев-Гриневич 2008: 49], а также факторов, оказывающих влияние на увеличение и уменьшение их количества [Лату 2015]. Важным аспектом остается изучение терминологических элементов [Лотте 1982], внимание уделяется анализу внутренней формы и особенностям семантики терминологических единиц [Тимофеева 2008], изучению возникновения мотивированных, немотивированных, а также ложноориентирующих терминов [Лейчик 2007], вопросам терминологизации и ретерминологизации [Алимурадов, Лату 2012]. Ряд работ посвящен установлению исторических корней терминологической лексики, особенностям ее формирования в разные периоды ее исторического развития [Ворушилова 2012], в том числе в рамках национальных терминологий, например, военного дела [Лиджиев 2011]. Анализируются лексико-грамматические особенности терминов с выделением на их основе частотных моделей терминообразования [Горбунова 2014]. В последнее время появляется много исследований, посвященных изучению гендерного аспекта терминологических единиц [Алимурадов, Раздуб 2011], взаимодействию специального и бытового знания в единицах профессиональной коммуникации [Голованова 2011], репрезентации научных концептов [Новодранова 2008]. Рассматриваются метафорические модели создания терминологических единиц, поскольку метафора является когнитивной моделью терминообразования [Ивина 2003]. Этот перечень лингвистических аспектов терминологической номинации может быть продолжен. Однако в настоящей работе уделяется внимание факторам терминологической

номинации, которые не столь часто представлены в работах и которые можно было бы отнести к экстралингвистическим. Так, например, в исследовании С. Е. Бачаевой подчеркивается значимая роль языковых контактов и исторического взаимодействия конкретных культур, оказавших влияние на формирование корпусов терминологической лексики [Бачаева 2009]. Таким образом, целью настоящей работы является выделение совокупности и описание наиболее значимых экстралингвистических факторов, которые могут оказывать влияние на процесс терминологической номинации и номинативное своеобразие терминологии. Исследование проводилось на примере терминологий нанотехнологий, исследований космоса, информационных технологий, военного дела и др., а также с учетом результатов других исследователей.

Необходимо сразу оговорить, что выделяемые нами экстралингвистические факторы могут рассматриваться в отношении разных терминологий, однако они не все одновременно и не всегда находят отражение при формировании терминологического корпуса конкретной терминологии. Более того, они могут быть справедливы лишь в отношении определенных групп терминологической лексики или даже конкретных терминов, а не большинства единиц терминологии. Ответить на вопрос, почему тот или иной экстралингвистический фактор оказывается «спящим», а другой активным при создании терминологической единицы, не всегда просто, поскольку каждый случай требует отдельного рассмотрения: ведь внутренняя форма термина аналогично не может включать все отличительные признаки вербализуемого понятия. Принимая во внимание все вышесказанное и понимая наличие большого количества частных случаев и исключений, охарактеризуем основные тенденции и приведем примеры, где экстралингвистические факторы находят отражение на языковом уровне.

Так, одним из значимых экстралингвистических факторов является страна, где конкретная область научного знания получает активное развитие, вводятся новые понятия и термины для их вербализации на языке, являющемся для граждан этой страны родным. Как показывает анализ, данный экстралингвистический фактор может оказывать влияние на количество заимствований и число немотивированных терми-

нов, обуславливать особенности формы и способа терминообразования. Например, в русскоязычной терминологии информационных технологий представлено большое количество транслитерированных терминологических единиц, представляющих собой заимствование из английского языка, например, **коммутация, трансивер** и др., поскольку данная область знания получила активное развитие в странах, где данный язык является первым. Отличительной особенностью является и наличие в неизменном виде англоязычных аббревиатур в составе калькированных терминов, например, **протокол MultilinkPPP, широкополосный CDMA** и др. С другой стороны, наличие термина, созданного по законам родного языка, вовсе не означает, что понятие было выделено в данном языковом сообществе. Так, значительная часть терминологического корпуса представляет собой кальки, которые при этом рассматриваются некоторыми исследователями как семантические заимствования. Национальный аспект отражается в терминах, заимствованных из других языков, в некоторых терминах-эпонимах, где фамилия исследователя может содержать указание на национальную принадлежность — например, **вихрь Абрикосова** в терминологии нанотехнологий. Заметим все же, что данный фактор может и не находить отражения при терминологической номинации и нивелироваться под воздействием других факторов.

Немаловажную роль играет специфика научного знания, которая среди прочего оказывает влияние на формирование продуктивных моделей терминологической номинации в рамках конкретной терминологии, таких как цепочные термины в терминологии химии. Пожалуй, одним из ярких примеров в этом отношении является терминология нанотехнологий, возникшая в весьма специфичной сфере научного знания, одной из главных особенностей которой является изучение и работа с объектами очень малого размера. Данный факт находит непосредственное отражение при терминологической номинации посредством использования продуктивных терминоэлементов, передающих значение малой величины, например, в составе терминов **атомно-силовая микроскопия, малоугловое нейтронное рассеивание**. Наиболее распространенным является терминоэлемент **нано-**, например, **нанопазный материал,**

нанослой, наноструктура, осаждение пленок и покрытий на наноразмерную подложку и др. Процент таких терминов в составе терминологии составляет 67 %. В русском языке указание на размер также возможно при помощи некоторых суффиксов и лексем с характерной семантикой, например, **наночешуйка, нанотрубка, наночастица, молекулярный наноробот, квантовая точка** и др. Значимость размера отражена и в таких терминах, как **наноакр, нанометр, распределение размера зерна** и др. Одновременно с этим не являются частотными терминоэлементы, передающие значение большого размера.

Как отдельный аспект, оказывающий влияние на процесс терминотворчества, можно рассматривать степень новизны или уникальности выделяемого понятия при его включении в структуру научного знания. В данном случае речь идет об отражении во внутренней форме термина системных отношений со смежными понятиями либо отсутствия такового, когда на момент номинации такие связи являются неизвестными, представляются неочевидными или когда объект обладает набором уникальных свойств, высокой степенью отличия от других объектов того же класса. Таким образом, для вербализации понятий о референтах, обладающих большим количеством общих свойств, нередко используются системные терминоэлементы (функционирующие в терминосистеме в качестве отдельных терминов), когда место понятия в терминосистеме известно заранее (как, например, для разрабатываемой продукции в прикладных науках) или легко устанавливаемо, например, **утилизация сточных вод, утилизация промышленных отходов** в экологии, где **утилизация** выступает в качестве родового понятия. В качестве другого примера приведем такие виды переменных звезд, как **эруптивные переменные звезды, вращающиеся переменные звезды, пульсирующие переменные звезды** и др. В таких случаях нередко выделяются понятия, рассматриваемые некоторыми учеными как антиконцепты, формируются эксплицитные терминологические оппозиции, например, **биотическая среда и абиотическая среда** и др. С другой стороны, в классификации понятий о звездах наряду с **переменными звездами, сверхновыми звездами, нейтронными звездами** и др. встречаются **ультраяркие рентгеновские источники,**

природа которых до конца не ясна. К такому также можно отнести понятия, передаваемые терминами **черная дыра, объект Торна-Житков**, представляющий собой гипотетический звездный объект, **блицар**, вербализующий понятие о сверхмассивной нейтронной звезде, **горизонт событий** и др.

Важным экстралингвистическим фактором, связанным с развитием конкретных наук, остается потребность в каталогизации, а также серийное производство и массовое воспроизведение результатов интеллектуальной деятельности в усовершенствованных версиях, катализатором чего во многом стала коммерциализация науки. В данном случае в фокусе внимания находится определенный корпус референтов, означаемый номенами, которые нередко рассматриваются как определенный вид терминов, расположенных на периферии терминологического поля или тесно взаимодействующий с ними пласт специализированной лексики. В их составе обычно присутствует буквенный и/или цифровой код, кодовые слова, а также системные терминологические элементы, что показывает их близость и прочную связь с другими терминологическими единицами. Одновременно с этим, так же как и другие терминологические единицы разных терминологий, они могут обнаруживать отличия в моделях образования, например, **управляемые коммутаторы второго уровня DES-3200-26, DES-3200-28, DES-3200-28F** и др. в терминологии информационных технологий, истребители **F-22 Raptor, F-35 Lightning II** в терминологии военного дела, а также лексемы для вербализации экзопланет **51 Пегаса б, бета Живописца б, гамма Цефея А б** и др. в терминологии исследований космоса.

В определенной степени значение имеет прикладной или фундаментальный характер сферы научного знания, поскольку он напрямую взаимосвязан с преобладанием конкретных категорий ментальных конструктов (типов понятий), вербализуемых терминами. Например, в фундаментальных науках таковыми выступают объект естественной среды, явление естественной среды, вещество, представляющие собой типы понятий, которые не представлены или не столь ярко представлены в терминологиях, репрезентирующих прикладные науки, поскольку не являются непосредственными объектами их изучения. Для терминосистем, вербализующих прикладные науки,

направленные на формирование искусственной среды и ее составляющих, характерны такие типы ментальных конструктов, как механизм, инструмент, материал (искусственно созданный), искусственный локус/конструкция. Таким терминологиям свойственно увеличение числа номенов с характерным для них структурным своеобразием. Значимым в этой связи является и способ работы с референтами, репрезентируемыми данными понятиями, а также разница в преследуемых целях и задачах. Если в рамках фундаментальных наук приоритетным является получение нового знания об организации и составляющих естественной действительности, то в прикладных науках целью является разработка новых объектов, создаваемых искусственным путем, для решения заданных задач. Таким образом, разработчик еще до создания объекта имеет определенные представления о его характеристиках, в том числе доминантных, выделяющих его на фоне смежных объектов, предназначении и функциях, которые нередко отражаются во внутренней форме термина, например, **протокол доступа к беспроводным приложениям**. На момент выделения нового объекта или явления естественной среды посредством наблюдения доминантные характеристики не всегда очевидны, а во внутренней форме репрезентируются поверхностное знание и ассоциации, такие, например, как цвет, поведение, размер, место обитания и др., например, **гремучая змея, бурый карлик**.

В этой связи интерес могут представлять и смежные области научного знания, которые активно взаимодействуют. Молодые терминологии могут возникать на стыке уже существующих, заимствовать уже сложившиеся модели номинации, например, терминология генетики, включающая значительное количество терминов на основе греческих и латинских корней. Помимо этого, смежные терминологии могут выступать областями-донорами терминологических элементов для образования новых терминов. Так, терминология нанотехнологий включает в качестве терминологических элементов термины физики, химии, биологии, медицины, например, **медицинский наноробот, ДНК-нанотрубки, наноцеллюлоза, нанобактерия, высокоактивные и избирательные наноструктурированные оксидные катализаторы** и др. Существование терминов **кибероружие сдерживания, сетевое кибероружие**

указывает на наличие области пересечения военного дела и информационных технологий.

Еще одним фактором, связанным с индивидуальными особенностями конкретной области знания, выступают события, оказавшие существенное влияние на ее развитие. К таковым относятся открытие новых законов, получение принципиально нового знания об объектах естественной среды, разработка новых технологий, вооружений и т. д. Такими поворотными моментами, например, в истории развития военного дела в разные периоды стали применение пороха и появление огнестрельного оружия, механизированных войск, военной авиации, оружия массового поражения, влияние информационных технологий. Новые виды вооружения вытесняли существующие, что приводило к трансформации понятийного и терминологического аппарата, включая тактические приемы, характеристики и др. Термины, которые ранее использовались в качестве системных и продуктивных терминоэлементов для образования новых терминов, выводились за рамки терминологии, приобретая статус историзмов, например, **кремневый ружейный замок, кавалерия** и др. Термины для новых понятий пополняли корпус продуктивных и системных терминоэлементов для терминологической номинации, например, термин **танк** в составе терминов **легкий танк, танкист, основной боевой танк, боевая машина поддержки танков, противотанковое ружье, танковая бригада** и др.

Особого внимания заслуживают особенности языковой личности (ученого или специалиста), которая принимает участие в процессе терминологической номинации. В этой связи субъективными представляются индивидуальные особенности восприятия, а также опыт языковой личности, на основе которого формируются ассоциации, отражаемые во внутренней форме метафоричных терминов. В зависимости от интенциональности исследователя внутренняя форма может отражать как образы обыденной действительности, оценочность — например, **углеродные стручки (pearops), нано-почки (nanobuds),**

экзотические звезды, так и особенности научного системного восприятия номинируемого референта в его связи со смежными понятиями. Так, например, в качестве классифицирующих и основообразующих терминоэлементов могут выступать уже существующие термины, репрезентируя родо-видовые и др. отношения в терминосистеме, например, **экзопланета** от **планета**, **сигнальный интерфейс** от **интерфейс** и др. Наиболее ярко различия видны при рассмотрении структурно-семантических особенностей терминов-синонимов, вербализующих одно и то же понятие.

Таким образом, анализ исследуемого материала позволил установить и описать восемь экстралингвистических факторов, которые могут быть как эксплицированными, так и невыраженными для различных подязыков для специальных целей. Экстралингвистические факторы терминологической номинации находятся в тесной корреляции со спецификой конкретной области научного знания, условиями ее формирования и развития, тем самым участвуя в становлении определенных закономерностей и предпочтений в выборе языковых средств для репрезентации научных понятий и определяя отдельные черты номинативного своеобразия терминосистемы. Для некоторых экстралингвистических факторов была установлена прямая взаимосвязь с традиционно рассматриваемыми в терминологических работах языковыми аспектами терминологической номинации — такими, как мотивированность терминов, способы терминообразования, специфика терминоэлементов и др. Значимость того или иного экстралингвистического фактора может быть подтверждена количественно и исчисляться при помощи математических методов анализа языкового материала. Выделенные экстралингвистические факторы терминологической номинации тем самым более наглядно проливают свет на взаимосвязь между событиями, происходящими как в обществе в целом, так и в отдельных сообществах, особенностями восприятия действительности, с одной стороны, и процессом создания единиц терминологической лексики — с другой.

Литература

- Алимурадов О. А., Раздубев А. В. Термины-эпонимы в русском и английском подязыках нанотехнологий: структурно-семантический и гендерный аспекты // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 157–161.
- Алимурадов О. А., Лату М. Н. Динамические процессы в терминологических системах (на материале современных англоязычных терминосистем) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 250–259.
- Бачаева С. Е. О некоторых аспектах изучения земледельческой терминологии в монгольских языках // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 85–87.
- Ворушилова С. А. Когнитивно-антропоцентрический подход к изучению прототерминологического уровня в развитии терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 2. С. 7–14.
- Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. Учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2011. 224 с.
- Горбунова Н. Н. Основные морфологические и морфолого-синтаксические словообразовательные модели, реализуемые в англоязычной терминологии менеджмента // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2–1 (32). С. 60–66.
- Гринев-Гриневиц. Терминоведение. М.: Академия. 304 с.
- Ивина Л. В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академ. проект, 2003. 302 с.
- Лату М. Н. Особенности возникновения и функционирования однокомпонентных и многокомпонентных терминов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1–1 (43). С. 104–108.
- Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
- Лиджиев А. Б. Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 113–116.
- Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М.: Наука, 1982. 152 с.
- Новодранова В. Ф. Репрезентация обыденного и научного знания в терминологии // Когнитивные исследования языка. 2008. № 2. С. 72–76.
- Раздубев А. В. Современный английский подязык нанотехнологий: структурно-семантическая, когнитивно-фреймовая и лексикографическая модели: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2013. 242 с.
- Тимофеева Н. П. Экзо- и эндореферентные факторы, детерминирующие семантику научного термина (на материале экономической и правовой терминологий английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 3. С. 93–99.
- Чернышенко А. Г. Принципы изучения структурных моделей терминологии медиации // Наука и образование. Мат-лы I Междунар. науч.-практ. конф.: Сб. науч. тр. М.: ООУ «НОУ „Вектор науки“», 2014. С. 101–103.
- Alimuradov O. A., Latu M. N. Dynamic processes in terminological systems: a case study of contemporary English terminological systems. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2012. No. 14. Pp. 250–259. (In Russ.)
- Alimuradov O. A., Razdubev A. V. Russian and English nanotechnology eponymic terms: structural-semantic and gender aspects. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*. 2011. No. 2. Pp. 157–161. (In Russ.)
- Bachaeva S. E. Investigating agricultural terminology in Mongolic languages: some aspects revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2009. No. 2. Pp. 85–87. (In Russ.)
- Chernyshenko A. G. Structural patterns of mediation terms: investigation principles. In: [Science and Education]. Conf. proc. Moscow: Vektor Nauki, 2014. Pp. 101–103. (In Russ.)
- Golovanova E. I. [Introduction to Cognitive Terminology Studies]. Moscow: FLINTA, 2011. 224 p. (In Russ.)
- Gorbunova N. N. Basic morphological and morpho-syntactic word-formative patterns realized in English-language management terminology. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2014. No. 2–1 (32). Pp. 60–66. (In Russ.)
- Grinev-Grinevich. [Science of Terminology]. Moscow: Academia, 304 p. (In Russ.)
- Ivina L. V. [Analysis of Discipline-Specific Term Systems: Linguocognitive Fundamentals (a Case Study of English Venture Financing Terminology)] Moscow: Akademicheskii Proekt, 2003. 302 p. (In Russ.)
- Latu M. N. Features of origin and functioning of one-component and multi-component terms. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015. No. 1–1 (43). Pp. 104–108. (In Russ.)
- Leychik V. M. [Science of Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow: LKI, 2007. 256 p. (In Russ.)
- Lidzhiev A. B. Obsolete Kalmyk military terms: research materials. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2011. No. 1. Pp. 113–116. (In Russ.)
- Lotte D. S. [Foreign-Language Terms and Term Elements: Issues of Borrowing and Naturalization]. Moscow: Nauka, 1982. 152 p. (In Russ.)
- Novodranova V. F. Representing ordinary and scientific knowledge in terminology. *Cognitive Studies of Language*. 2008. No. 2. Pp. 72–76. (In Russ.)
- Razdubev A. V. [Modern Nanotechnology English: Structural-Semantic, Cognitive-Frame and Lexicographic Models]. Cand.Sc. (philology) thesis. Pyatigorsk, 2013. 242 p. (In Russ.)
- Timofeeva N. P. Exo- and endoreferential factors determining semantics of scientific terms: a case study of English law and economic terms. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*. 2008. No. 3. Pp. 93–99. (In Russ.)
- Vorushilova S. A. Study of prototerminological level in development of terminology on the basis of cognitive and anthropocentric approaches. *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Linguistics*. 2012. No. 2. Pp. 7–14. (In Russ.)

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ЖИВОТНОЕ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Structural Description of Phraseological Units with Component 'Animal' in English Language

Ж. Д. Чеджиева (Z. Chedzhieva)¹

¹старший преподаватель кафедры иностранных языков и общей лингвистики Калмыцкого государственного университета (Senior Lecturer of the Foreign Languages and General Linguistics Department at Kalmyk State University). E-mail: jejn2010@yandex.ru.

Статья посвящена проблеме национально-культурной специфики фразеологических единиц с компонентом «животное», которые широко применяются в английском языке. Образ животного помогает создать яркую картину морально-нравственных качеств человека. Под термином «зоосемия» понимается совокупность лексики, тематически связанная с понятиями о животном мире. Зоосемия английского языка богата и разнообразна. В фразеологизмах английского языка используются образы как домашних, так и диких животных, птиц, насекомых и т. д.

Фразеологические единицы английского языка делятся на 2 группы: обладающие коммуникативной функцией и не обладающие ею. В основу данной классификации была положена структурная классификация фразеологических единиц А. В. Кунина.

В исследованном материале фразеологических единиц с отрицательной оценкой было больше, чем фразеологических единиц с оценкой положительной.

Ключевые слова: фразеологические единицы, зооним, отрицательная оценка, положительная оценка, компонент «животное».

Phraseological units with component "animal" are widely used in the English language. The image of animal helps to create the picture of moral qualities of a man. Zoosemiya of the English language is rich and varied. The images of domestic and wild animals, birds, and insects are widely used in phraseological units.

The aim of the article is to give structural classification of phraseological units with component 'animal'. Phraseological units are divided into 2 groups: those having communicative function and not. The given classification is based on the structural classification of phraseological units with component "animal". The group of verbal phraseological units is prevalent. The majority of verbal phraseological units refer to a man, characterizing his appearance and moral qualities. In this research phraseological units with negative evaluation are predominated over positive ones.

The specific feature of nominal phraseological units with component 'animal' in the English language is a great number of prepositional combinations in their structures.

Paremiological units with the structure of complex sentences present compound, complex and conjunctionless sentences. The most common type for the English language are paremiological units with the structure of complex sentences. Among the English proverbs, used as complex sentences, complex sentences with subordinate clauses of condition, time, place, and also with attributive and concessive subordinate clauses were mainly found.

Keywords: praseological units, zoonym, negative evaluation, positive evaluation, component 'animal'.

Фразеологические единицы английского языка с компонентом «животное» представлены образами как домашних, так и диких животных, птиц, насекомых и т. д. Образ животного помогает создать яркую картину морально-нравственных качеств человека.

Целью статьи является структурная классификация данных фразеологических единиц в английском языке. Материалом для анализа в статье служат английские фразеологические единицы, взятые из различных лексикографических источников.

Фразеологические единицы английского языка делятся на 2 группы: обладающие коммуникативной функцией и не обладающие ею. В основу данной классификации была положена структурная классификация фразеологических единиц А. В. Кунина. Среди фразеологических единиц английского языка А. В. Кунин различает номинативные и номинативно-коммуникативные образования [Кунин 2005: 378–431]. Термин «номинативный» автор понимает как «назывной», и в таком понимании любой фразеологизм является номинативной единицей. Термин «номинативно-коммуникативный» А. В. Кунин понимает как «относящийся к процессу коммуникации». Номинативные фразеологизмы выступают названиями различных предметов, явлений, действий и признаков.

К номинативным фразеологическим единицам принадлежат следующие типы: глагольные, субстантивные, адъективные, адвербиальные и междометные. Фразеологические единицы с компонентом «животное» в английском языке представлены глагольными, субстантивными, адъективными и адвербиальными структурными типами.

Основным компонентом глагольных фразеологических единиц является та или иная форма глагола. Глагольные фразеологизмы с компонентом «животное» представлены разнообразными структурными типами. Наиболее многочисленная группа глагольных фразеологизмов с компонентом «животное» представлена структурой «**глагол + существительное в именительном падеже (зооним)**»: *show the lions* — ‘показать достопримечательности’ (букв. ‘показать львов’). Львы, содержащиеся в Тауэре, были одной из достопримечательностей Лондона [Кунин 1984: 464]; *whip the cat* — ‘тужить, сожалеть о непоправимом; повесить нос’ (букв. ‘хлестать кошку’) [Кунин 1984: 135]; *play the fox* — ‘хитрить, притворяться, прикидываться’ (букв. ‘играть лису’) [Кунин 1984: 297]; *see the elephant* — ‘приобрести жизненный опыт, узнать жизнь, повидать свет; видать виды; осматривать достопримечательности’ (букв. ‘видеть слона’) [Кунин 1984: 240]; *smell a rat* — ‘чуять недоброе’ (букв. ‘чуять крысу’) [Лясота 1984: 92] и т. д.

Данный структурный тип представлен еще одним подтипом, возникшим в результате введения определения в структуру фразеологизма «**глагол + прилагательное +**

существительное (зооним)», получен в результате расширения одного из его компонентов: *grease the fat pig* — ‘давать деньги и без того богатому человеку’ (букв. ‘смазывать жиром жирную свинью’) [Кунин 1984: 332]; *beat (flog) a dead horse* — ‘заниматься бесполезным делом, зря тратить силы, попусту стараться; стремиться оживить угасший разговор или пропавший интерес (к ч.-л.)’ (букв. ‘бить (или стегать) дохлую лошадь’) [Кунин 1984: 397]; *be an eager beaver* — ‘стараться (относиться к работе с энтузиазмом)’ (букв. ‘быть энергичным бобр’) [Литвинов 2005: 16].

Определение в данных фразеологизмах может быть выражено не только прилагательным, но и именем существительным в притяжательной форме. Например, «**глагол + имя существительное (зооним) в притяжательной форме + имя существительное**»: *sow dragon's teeth* — ‘сеять раздоры, вызывать войну’ (букв. ‘сеять зубы дракона’) [Кунин 1984: 772]; *die a dog's death* — ‘сдохнуть, как собака’ (букв. ‘умереть собачьей смертью’) [Кунин 1984: 211];

Следующий подтип данного структурного типа представлен конструкцией «**глагол + существительное (зооним) + предлог + существительное**»: *beard the lion in his den* — ‘бесстрашно бросить вызов опасному противнику’ (букв. ‘напасть на льва в его собственном логове’) [Кунин 1984: 463]; *sell a pig in a poke* — ‘продавать кота в мешке, продавать ч.-л. заглазно’ [Кунин 1984: 579]; *know a hawk from a handsaw* — ‘понимать, что к чему; уметь отличить кукушку от ястреба’ (букв. ‘отличить ястреба от ножовки’) [Кунин 1984: 364]; *turn geese into swans* — ‘приукрашивать, преувеличивать’ (букв. ‘превратить гусей в лебедей’) [Кунин 1984: 327]; Для компаративных глагольных фразеологических единиц английского языка характерен структурный тип «**глагол + like (as) + существительное (зооним)**»: *eat like a pig* — ‘есть, как свинья, есть с жадностью’ [Кунин 1984: 579]; *drink like a fish* — ‘пить запоем, беспробудно пьянствовать’ (букв. ‘пить, как рыба’) [Кунин 1984: 281]; *dance like an elephant* — ‘танцевать, как слон, с медвежьей грацией’ [Кунин 1984: 240]; *sing like a lark* — ‘распевать весело, звонко, от полноты счастья’ (букв. ‘петь, как жаворонок’) [Кунин 1984: 437]; *run like a deer* — ‘бежать, как угорелый, бежать сломя голову, бежать без оглядки’ (букв. ‘бежать, как олень’) [Кунин 1984: 650];

Данный структурный тип глагольного фразеологизма также представлен несколькими подтипами:

а) «**глагол + like + определение + существительное (зооним)**»: *grin like a Cheshire cat* — ‘ухмыляться, улыбаться во весь рот’ (букв. ‘ухмыляться, как чеширский кот’) [Кунин 1984: 133]; *squeal like a stuck pig* — ‘визжать, как свинья недорезанная’ [Кунин 1984: 579]; *stare like a stuck pig* — «вытаращить глаза» (букв. ‘смотреть, как заколотая свинья’) [Кунин 1984: 579].

б) «**глагол + like + существительное (зооним) + предлог + существительное**»: *die like a rat in a hole* — ‘умереть под забором’ (букв. ‘умереть, как крыса в норе’) [Кунин 1984: 620]; *behave like a bear with a sore head* — ‘вести себя раздраженно’ (букв. ‘вести себя, как медведь с больной головой’) [Литвинов 2005: 63].

Преобладающее большинство глагольных фразеологизмов с компонентом «животное» используется для описания внешности и внутренних качеств человека. Глаголы, употребляющиеся в этих фразеологических единицах, А. В. Кунин делит на 3 группы: 1) глаголы отрицательной семантики: *hate* ‘ненавидеть’, *lie* ‘лгать’, *swear* ‘ругаться’, *pluck* ‘обобрать’, *squeal* ‘визжать, пронзительно кричать’; 2) глаголы положительной семантики: *fit* ‘соответствовать, годиться, быть впору’, *get on* ‘делать успехи, преуспевать’; 3) глаголы с нейтральным значением: *drink* ‘пить’, *eat* ‘есть’, *feel* ‘чувствовать’, *run* ‘бежать’, *sleep* ‘спать’, *swim* ‘плавать’ и т. д. [Кунин 1972: 204].

Субстантивные фразеологизмы с компонентом «животное» являются вторыми по распространенности. Компоненты, входящие в данные фразеологические единицы, зависят от ведущего компонента — существительного. Наиболее распространенный структурный тип субстантивных фразеологических единиц с компонентом «животное» в английском языке представлен конструкцией «**прилагательное + существительное (зооним)**»: *a gay dog* — ‘беспутный человек, кутила, распутник’ (букв. ‘веселая собака’) [Кунин 1984: 219]; *an old bird* — ‘стреляный воробей’ (букв. ‘старая птица’) [Кузьмин 2001: 76], речь идет об опытном и осторожном человеке; *a wild cat* — ‘ненадежное дело, предприятие’ (букв. ‘дикий кот’) [Кунин 1984: 135]; *a poor fish* — ‘бедняга, горемыка, неудачник; простофиля, недотепа, никчемный человек’ (букв.

‘бедная рыба’) [Кунин 1984: 281]; *an old cat* — (букв. ‘старая кошка’), ‘злая, сварливая старуха’ [Барсов 2007: 440]. Как видно, прилагательное в данной модели занимает препозитивную позицию и выступает как зависимое слово. Оба компонента семантически равноправны. Эти фразеологические единицы очень образны и эмоциональны.

Среди субстантивных фразеологических единиц английского языка встречаются такие структуры, как «**существительное (зооним) + предлог + существительное**»: *a pig in a poke* — ‘покупка, сделанная заглазно; кот в мешке’ (букв. ‘поросенок в мешке’) [Кунин 1984: 579]; *a snake in the grass* — ‘змея подколотная, тайный враг’ (букв. ‘змея в траве’) [Кунин 1984: 699]; *the dog in the manger* — ‘собака на сене’ (Выражение из басни Эзопа) [Литвинов 2005: 219]; *ass in grain* — ‘круглый дурак, набитый дурак’ (букв. ‘осел в зерне’) [Модестов 2007: 48]; *a cuckoo in the nest* — ‘нежеланный гость’ (букв. ‘кукушка в гнезде’) [Барсов 2007: 440].

Двухкомпонентные субстантивные фразеологические единицы представлены двумя типами: 1) «**существительное (зооним) + союз + существительное**». Например: *fox and geese* — ‘игра в шашки, при которой у одного играющего одна дамка, а у другого — четыре шашки’ (букв. ‘лиса и гуси’) [Кунин 1984: 297]; *fox and hounds* — ‘детская игра, в которой один убегает, а остальные его ловят’ (букв. ‘лиса и собаки’) [Кунин 1984: 297]; *horse and foot* — ‘всеми силами, изо всей силы’ [Кунин 1984: 398] (букв. ‘лошадь и нога’); *mice and men* — ‘все живое’ (букв. ‘мыши и люди’) [Кунин 1984: 516]. Данные субстантивные фразеологические единицы с сочинительной структурой содержат союз *and* «и», соединяющий два существительных;

2) «**neither + существительное + nor + существительное**»: *neither fish nor flesh* — ‘ни рыба, ни мясо’ [Румянцева 2008: 84]; *neither flesh, nor good red herring* — ‘ни рыба, ни мясо’ (букв. ‘ни мясо, ни хорошая красная селедка’) [Квеселевич 1998: 524].

Наиболее распространенный структурный тип субстантивных фразеологических единиц в английском языке представлен конструкцией «**существительное (зооним) в притяжательном падеже + существительное в именительном падеже**»: *lion's share* — ‘львиная доля’ (букв. ‘доля льва’) [Лясота 1984: 91]; *dog's breakfast* — ‘хао-

тичный, неорганизованный или неаккуратный, неопрятный' (букв. 'завтрак собаки' [Литвинов 2005: 109]; *bee's knees* — 'что-то очень милое, приятное' (букв. 'лапки пчелы') [Литвинов 2005: 63]; *the cat's meow* — 'что надо, первый сорт, пальчики оближешь' (букв. 'мяуканье кота') [Литвинов 2005: 132]; *a mare's nest* — 'бред сивой кобылы' (букв. 'гнездо кобылы') [Квеселевич 1998: 50].

Для адъективных фразеологических единиц характерна двуплановость значения: одно сравнивается с другим. Сравнениям свойственна гиперболизация признака в целях его более выразительного выделения. Они, как правило, двухкомпонентны и представлены только подчинительными структурами: *as cunning as a fox* — 'хитрый, как лиса' [Кунин 1984: 297]; *as timid as a hare* — 'трусливый, как заяц' [Кунин 1984: 360]; *as bold as a lion* — 'храбрый, как лев' [Кунин 1984: 463]; *as brisk as a bee* — 'хлопотливая, как пчелка' (о проворном, трудолюбивом человеке) [Кунин 1984: 74]. В предложении адъективные фразеологические единицы выступают в функции определения и предикатива.

В качестве второго компонента могут употребляться не только названия животных, но и названия птиц, рыб, насекомых: *drink like a fish* — 'пить запоем, беспробудно пьянствовать' (букв. 'пить, как рыба') [Кунин 1984: 281]; *to chatter like a magpie* — 'трещать, как сорока' [Кунин 1984: 475].

Адвербиальных фразеологических единиц с компонентом «животное» в современном английском языке больше, чем адъективных, и они представлены разнообразными структурными типами. Большинство из них начинаются союзом *like*, например: *like a bull at a gate* — 'бешено, неистово, яростно' (букв. 'как бык у ворот') [Кунин 1984: 113]; *like a rat in a trap* — 'как крыса в мышеловке' [Кунин 1984: 620]; *like a duck in a thunderstorm* — 'с растерянным, жалким, несчастным видом' (букв. 'как утка в грозу') [Кунин 1984: 229]. Адвербиальные фразеологические единицы характеризуют поведение человека или его состояние.

Наиболее простой структурный тип адвербиальных фразеологических единиц в английском языке представлен конструкцией: <**like (as) + существительное (зооним)**>: *like flies* — 'во множестве, в большом

количестве' (букв. 'как мухи') [Кунин 1984: 288]; *like a bird* — 'охотно, без колебаний' (букв. 'как птица') [Кунин 1984: 84]; *like a lamb* — 'безропотно, покорно' (букв. 'как ягненок') [Кунин 1984: 433] — или структурным типом «**предлог + существительное (зооним)**»: *on the fly* — 'на бегу' (букв. 'на мухе') [Лубенская 1997: 11]; Адвербиальные фразеологические единицы выполняют в предложении одну функцию наречия — выступают в функции обстоятельства образа действия.

За счет введения причастия первого или второго структурный тип «**like + существительное (зооним)**» подвергается расширению — «**like + причастие I + существительное (зооним)**»: *like a fighting cock* — 'как забияка, драчун' (букв. 'как дерущийся петух') [Кунин 1984: 159]; «**like + причастие II + существительное (зооним)**»: *like a drowned rat* — 'промокший до костей, промокший до нитки' (букв. 'как утопшая крыса') [Кунин 1984: 620]; *like a scalded cat* — 'как угорелая кошка, сломя голову' [Кунин 1984: 675]; Адвербиальные фразеологические единицы указывают на определенное отношение говорящего к данному явлению, благодаря меткому сравнению данные фразеологизмы являются выразительным эмоциональным средством.

Рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы: класс английских глагольных фразеологизмов с компонентом «животное» является самым многочисленным. Большинство глагольных фразеологизмов характеризует человека, его внешний облик или внутренние качества. В исследованном материале было больше фразеологических единиц с отрицательной оценкой, чем с оценкой положительной.

Отличительной особенностью структуры субстантивных фразеологических единиц с компонентом «животное» в английском языке является наличие в ней большого количества предложных сочетаний. В английском языке первый элемент адъективных фразеологических единиц выражает основное значение, второй — выполняет функцию усиления признака, выраженного первым компонентом.

Адвербиальные фразеологические единицы характеризуют поведение человека или его состояние, и их синтаксические функции совпадают с функциями наречий.

Литература

- Барсов С. Б. На языке Шекспира. To be or not to be. Английские изречения. М.: ЗАО Центрополиграф, 2007. 447 с.
- Квеселевич Д. И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1998. 704 с.
- Кузьмин С. С. Русско-английский фразеологический словарь переводчика. М.: Флинта «Наука», 2001. 776 с.
- Кунин А. В. Фразеология современного языка. М.: «Междунар. отношения», 1972. 278 с.
- Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного

английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.

- Литвинов П. П. Англо-русский фразеологический словарь. М.: ВАКО, 2005. 336 с.
- Лубенская С. И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: «Языки рус. культуры», 1997. 1056 с.
- Лясота Ю. Л. Английская зоосемия. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. 116 с.
- Модестов В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М.: «Рус. яз. – Медиа», 2007. 467 с.
- Румянцева И. М. Русские и английские пословицы и поговорки. М.: Филоматис, 2008. 400 с.

References

- Barsov S. B. [*To be or not to be*: Speaking Shakespeare's Language. English Sayings]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 447 p. (In Russ. and Eng.)
- Kunin A. V. [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1984. 944 p. (In Eng. And Russ.)
- Kunin A. V. [Modern English Phraseology Coursebook]. Dubna: Feniks+, 2005. 488 p. (In Russ. and Eng.)
- Kunin A. V. [Modern Phraseology]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1972. 278 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. S. [Russian-English Phraseological Dictionary for Translators]. Moscow: Flinta-Nauka, 2001. 776 p. (In Russ. and Eng.)

- Kveselevich D. I. [Russian-English Phraseological Dictionary]. Moscow: Russkiy Yazyk, 1998. 704 p. (In Russ. and Eng.)
- Litvinov P. P. [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow: VAKO, 2005. 336 p. (In Eng. And Russ.)
- Lubenskaya S. I. [Russian-English Phraseological Dictionary]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury, 1997. 1056 p. (In Russ. and Eng.)
- Lyasota Yu. L. [English Zoosemy]. Vladivostok: Far Eastern State University, 1984. 116 p. (In Russ. and Eng.)
- Modestov V. S. [English Proverbs and Sayings with Russian Parallels]. Moscow: Russkiy Yazyk – Media, 2007. 467 p. (In Eng. and Russ.)
- Rumyantseva I. M. [Russian and English Proverbs and Sayings]. Moscow: Filomatis, 2008. 400 p. (In Russ. and Eng.)

УДК 398.21
ББК 82.3 (2Рос-Калм)

**О СЮЖЕТНЫХ ТИПАХ КАЛМЫЦКИХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК
(РЕПЕРТУАР СКАЗИТЕЛЯ САНДЖИ БУТАЕВА)**

**On the Plot Types of Kalmyk Fairy Tales
(Repertoire of the Storyteller Sandzhi Butaev)**

Б. Х. Борлыкova (B. Borlykova)¹

¹кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела фольклора и джангароведения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Senior Scientist of the Folklore and Dzhangar Studies Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: borlboskha@mail.ru.

В статье представлен опыт классификации калмыцких волшебных сказок из репертуара Санджи Бутаева по «Сравнительному указателю сюжетов». Сверка с Указателем позволила установить сюжетные типы калмыцких волшебных сказок из репертуара сказителя Санджи Бутаева, соотносимых с восточно-славянскими сюжетами. В результате анализа установлена специфика интерпретации и дифференцирующие элементы сюжетов калмыцкой волшебной сказки, связанные со своеобразием калмыцкой сказочной художественной традиции.

Ключевые слова: калмыцкие волшебные сказки, сказитель Санджи Бутаев, сюжетный тип, Сравнительный указатель сюжетов.

The article attempts to give a classification of Kalmyk fairy tales from the repertoire of the storyteller Sandzhi Butaev according to the «Comparative index of plots» compiled by L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K.P. Kabashnikov, N. V. Novikov. The given index summarizes the results of previous works in the field of systematization of Russian, Ukrainian and Byelorussian fabulous material.

Comparing plots of Kalmyk fairy tales with those of the Index, the author found out some correlation between the plot types of Kalmyk fairy tales and those of the East Slavic fairy tales: «The Miraculous enemy» (300–399), «The Miraculous spouse (wife or other relative)» (400–459), «The Magic task» (460–499), «The magical helper» (500–559), «The Magic object» (560–649), «Magical power and knowledge» (skill) (650–699), «Other magic motifs» (700–749).

Of special scientific value are the texts of tales recorded by the researchers of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature, and History (KNIILaLI) such as E. Ch. Bardaev (1967), N. D. Muchkinova (February 1971), N. Ts. Bitkeev, B. B. Okonov (September 1974) and B. E. Mutlyaeva (June 1978). After transcribing tape recorded fairy tales, the researcher published the book «Buutan Sanjin tuul's» («Sandzhi Butaev's Tales») in 2008.

As a result of the analysis, the author revealed some specific features of the interpretation of plot types within the Kalmyk fairy tale and their differentiating elements associated with the originality of the artistic traditions of the Kalmyk people.

Keywords: Kalmyk fairy tales, storyteller Sandzhi Butaev, plot type, comparative index of plots.

История записи и публикации калмыцких народных сказок показывает, что, попав в поле зрения исследователей как ценный этнографический и языковой материал, сказки стали целенаправленно собирать и публиковать как образцы фольклора калмыков. В настоящее время библиография калмыцкой сказки пополнена изданиями сборников сказок на калмыцком, русском и других языках, научными исследованиями калмыцких, российских и зарубежных ученых.

В коллекции фонотеки научного архива КИГИ РАН особое место занимают записи одного из талантливых калмыцких сказителей XX века, Санджи Шургучиевича Бутаева (1926–1979 гг.). Репертуар сказителя включает сказки различных жанров (о животных, волшебные, богатырские и бытовые), легенды, предания, а также короткие юмористические рассказы. Они были в свое время записаны сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ Э. Ч. Бардаевым (1967 г.), Н. Д. Мучкиной (февраль 1971 г.), Н. Ц. Биткеевым и Б. Б. Оконовым (сентябрь 1974 г.), Б. Э. Мутляевой (июнь 1978 г.). В 2008 г. научным сотрудником Б. Х. Борлыковой был подготовлен и издан сборник сказок «Буутан Санжин туульс» («Сказки Санджи Бутаева»). Книга открыла новую серию «Өвкнрин зөөр» («Сокровища предков»), в которой запланировано издание образцов калмыцкого устного народного творчества разных лет. В данном сборнике представлено тридцать три сюжета сказок. Тексты сказок даются по жанровым разновидностям и сопровождаются приложением, включающим источники, словарь, указатели имен мифологических, легендарных и исторических персонажей, географических и этнических названий, сказочных сюжетов.

О сказочном репертуаре Санджи Бутаева были написаны статьи Н. Ц. Биткеева «Келмрч Буутан Санж» [Биткеев 1976], «Калмыцкие сказки Санджи Бутаева» [Биткеев 1977], Б. Б. Горяевой «Волшебные сказки из репертуара сказителя Санджи Бутаева» [Горяева 2008], Б. Х. Борлыковой «О лексико-стилистических особенностях языка сказок и преданий Санджи Бутаева» [Борлыкова 2008]. Некоторые сюжетные типы волшебных сказок из репертуара сказителя рассмотрены И. С. Надбитовой в монографии «Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок» [Надбитова 2011], Б. Б. Горяевой в моно-

графии «Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система» [Горяева 2011].

В настоящей статье представлен опыт классификации волшебных сказок из репертуара Санджи Бутаева по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка» [1979], составленному Л. Г. Барановым, И. П. Березовским, К. П. Кабашниковым, Н. В. Новиковым. Данный указатель обобщает результаты предшествовавших работ в области систематизации русского, украинского и белорусского сказочного фольклора.

Из раздела «Чудесный противник» (300–399) «Сравнительного указателя сюжетов» с сюжетами калмыцких волшебных сказок из репертуара сказителя Санджи Бутаева соотносятся сюжетные типы:

313А, В, С *Чудесное бегство*: В восточнославянской сказочной традиции юноша, обещанный черту (водяному царю, чародею), в назначенный срок является к нему, выполняет с помощью девушки (дочери водяного царя) трудные задания, бежит с нею; они превращаются в разных животных и предметы. — Сказки типа 313 В имеют такое начало: человек спасает птицу, она уносит его в заморское царство, дарит там ему чудесный ящик, который он не должен открывать, нарушает запрет; сказки типа 313 С заканчиваются эпизодом «Забытая невеста» [Сравнительный 1979: 112].

Аналогичный распространенному в восточнославянской сказочной традиции сюжет имеется в репертуаре Санджи Бутаева — сказка «Старик охотник» («Аңһуч өвгн»). Старик охотник спасает орла. Младший брат орла дарит старику золотой ларец. Старик, не донеся до дому, роняет ларец. Содержимое ларца помогает собрать змея. Юноша обещан отцом змее. Девушка помогает ему бежать, они превращаются в различные животные и предметы. Змей пьет воду и погибает. Юноша, возвратившись домой, забывает о жене. Девушка напоминает о себе, и они снова вместе [Буутан 2008: 73–79].

325. «Хитрая наука». В «Сравнительном указателе сюжетов» отец отдает чародею своего сына; получает его обратно после того, как трижды узнал его среди одинаково превращенных в животных (птиц) юношей; продает несколько раз обернувшегося коном сына, пока его не покупает чародей; после ряда превращений ученик одерживает

верх над своим учителем [Сравнительный 1979: 118].

В начале сказки «Седкүр бурхны тууж» («Предание о бурхане Седкүр») три брата поочередно учатся волшебству, но научился только младший. По возвращении домой он превращается в коня и просит братьев продать его. Разгадав замысел юноши, семь братьев-волшебников покупают коня с намерением убить его, но их отец выводит коня на водопой. Герой, спасаясь от братьев-волшебников, превращается в мальчика, зайца, лису, шарик-бумбу четок. Когда семь волшебников превращаются в семь куриц с сорока девятью цыплятами, юноша превращается в человека и убивает их. Чтобы искупить грех за убийство, он отправляется за бурханом Седкүр, которого должен принести, не произнеся ни единого слова [Буутан 2008: 21–31].

Тема «чудесной супруги» объемлет обширный круг сюжетов 400–459 «Чудесный супруг (супруга или иной родственник)».

400₁=AA 400A=K 400A, B, C, D Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену (жена ищет мужа): при вступлении в брак муж (жена) обязуются не нарушать какого-либо запрета; нарушив запрет, супруг отправляется на поиски исчезнувшей жены (мужа) и благодаря чудесной помощи находит [Сравнительный 1979: 127].

В сказке «Цецн күүкн» (Мудрая девушка) жена под влиянием сестер вынуждена нарушить запрет и указать, где муж хранит свою лягушачью шкурку. Муж, бросив золотое кольцо через дымовое отверстие кибитки, улетает. Она отправляется на поиски и благодаря чудесной помощи находит его [Буутан 2008: 87–93].

433 В *Царевич-рак (змея)*: женщина рождает сына-рака; девушка освобождает его от чар и выходит за юношу замуж; она сжигает панцирь мужа, муж исчезает, она ищет его; находит мужа, получает позволение спать с ним три ночи за дорогие предметы, не может разбудить его; наконец, он видит ее и возвращается к ней [Сравнительный 1979: 134].

433. «Юноша-змея (лягушка)». В сказке «Цецн күүкн» («Мудрая девушка») лягушка просит старика засватать ханскую дочь. Выполнив трудные задачи хана, женится. Коварные сестры девушки сжигают оболочку ее мужа, герой исчезает. Она находит и освобождает его; виновных наказывают [Буутан 2008: 87–93].

Из раздела «Чудесная задача» (460–499) «Сравнительного указателя сюжетов» с сюжетами калмыцких волшебных сказок из репертуара сказителя Санджи Бутаева соотносятся сюжетные типы:

465A. «Красавица-жена». («Пойди туда, не знаю куда»): царский стрелок (панский егерь, бедный мужик) женится на чудесной красавице и искуснице; царь (барин) хочет овладеть ею и посылает мужа выполнить трудные поручения; жена помогает стрелку; намерение царя не сбывается [Сравнительный 1979: 137].

В сказках «Хаана тускар» («О хане») и «Һурвн зун боргч гүүтэ өнчн Борлда көвүн» («Сирота Борлда с тремястами сивыми кобылицами») герой женится на красавице (девушка-птица, девушка-волчица). Хан задает герою трудные задачи (пойди туда, не знаю куда, принести то, не знаю что); с помощью жены герой справляется с поручениями. *Однажды сын Хооды Чоода вышел на охоту. Но день был неудачным, и он уже собрался уходить, как вдруг увидел на кроне дерева маленькую птицу. Поранив крылышко птицы, принес домой. Птица превратилась в красивую девушку и стала женой Чооды. Она вышила красивый ковер с изображением ханства Вани. Хан, узнав о красавице-жене Чооды, хочет отнять ее и ставит перед Чоодой трудные задачи. В дороге волшебный невидимый помощник – Мурза – помогает герою заполучить волшебные предметы, благодаря которым он строит дворец и одерживает победу над ханским войском* [Буутан 2008: 50–64].

Раздел «Сравнительного указателя сюжетов» «Чудесный помощник» (500–559) на материале калмыцких волшебных сказок из репертуара Санджи Бутаева соотносим со следующими сюжетными типами:

531=K 531 *Конек-горбунук*: помогает герою на службе у царя; герой добывает жар-птицу, царевну, выполняет ее свадебные поручения; купается в кипятке и становится красавцем; царь пробует то же, погибает; герой получает руку царевны [Сравнительный 1979: 152].

В сказке «Һурвн көвүтэ өвгн» («Старик с тремя сыновьями») чудесный конь помогает Улада Мергену советами в трудных ситуациях. По поручению хана герой добывает золотой нож, птицу, дочь Хозяина вод; купается в кипящем молоке, становится красавцем, женится, хан погибает в молоке [Буутан 2008: 64–73].

551 *Молодильные яблоки*: три брата едут за молодильными яблоками и живой водой для больного отца; младший ласково обходится со странником и благодаря его помощи проникает в сад и во дворец к спящей царевне; похищает яблоки и воду; старшие братья сбрасывают младшего в яму (колодец) и выдают его добычу за свою; он спасается и возвращается домой; царевна ищет его, отвергает братьев и признает в нем отца своего сына (детей) [Сравнительный 1979: 155].

В сказке «Һурвн көвүтэ өвгн» («Старик с тремя сыновьями») три сына, Цагада Мерген, Харада Мерген и Улада Мерген, отправляются на поиски невиданных отцом земель, достичь их удается Улада Мергену. Старшие братья бросают младшего брата в подземелье. Он возвращается домой, женится на ханской дочери, братьев наказывают [Буутан 2008: 64–73].

В репертуаре волшебной сказки калмыков соотносимым с сюжетами из раздела «Чудесный предмет» «Сравнительного указателя сюжетов» является сюжетный тип:

563. «Чудесные дары». Человек получает скатерть-самобранку, козу, рассыпающуюся золотом (мельницу, из которой сыплется золото), чудесную дубинку; вор подменяет волшебные предметы и животное; чудесная дубинка избивает похитителя и заставляет его вернуть подарки их владельцу [Сравнительный 1979: 161].

В сказке «Һурвн көвүтэ өвгн» («Старик с тремя сыновьями») герой получает от маленькой птицы волшебные предметы; эти подарки дети подменяют обычными предметами; чудесная колотушка (войско) избивает похитителей, заставляя вернуть дары [Буутан 2008: 50–64].

Из раздела «Чудесная сила и знание» (умение) (650–699) «Сравнительного указателя сюжетов» с калмыцкими волшебными сказками соотносится сюжетный тип:

653. «Семь Симеонов». Семеро родных братьев выучились: один — стрелять, другой — лечить, третий — воровать и т. д.; по поручению царя добывают для него невесту, но она выходит за одного из братьев [Сравнительный 1979: 170].

В сказке «Седкүр бурхни тууж» («Предание о бурхане Седкюр») семеро друзей сажают по древу жизни и расходятся. В назначенное время сын богача не приходит к месту встречи. Друзья оживляют его. Сма-

стерив деревянную птицу, они возвращают жену сыну богача, похищенную ханским сыном. Но каждый из друзей хотел, чтобы девушка принадлежала только ему, поэтому они заспорили и зарубили насмерть девушку [Буутан 2008: 87–93].

Из раздела «Прочие чудесные мотивы» (700–749) «Сравнительного указателя сюжетов» с текстами рассматриваемых калмыцких сказок соотносится следующий сюжет:

782=AA *716 *Ослиные уши (Уши Мидаса)*. У царя ослиные уши; слуга узнает об этом, но должен хранить тайну под угрозой смерти; он говорит об этом земле (воде); вырастающее дерево (береза) разглашает тайну [Сравнительный 1979: 198].

Весьма распространенным в калмыцкой сказочной традиции является сюжет о хане с коровьими ушами (калм. үкр чиктэ хан), восходящий к письменному памятнику монгольских народов «Сиддиту күр» («Волшебный мертвец»). У хана коровьи уши. Парней, которые по очереди расчесывают волосы царя, убивают. Лишь одного оставляют в живых, так как царь пробует пилюли, приготовленные на материнском молоке. Под угрозой смерти юноша обязан хранить тайну. *Парень долго терпит, но однажды, по совету матери выйдя в безлюдную степь, кричит: «Хан с коровьими ушами». В это время на возвышенности сидел младший брат тех трех братьев, который, получая благословения, хотел стать победителем хана с коровьими ушами. Найдя хана, побеждает его* [Буутан 2008: 97–101].

Таким образом, сопоставление со «Сравнительным указателем сюжетов» способствовало установлению сюжетных типов калмыцких волшебных сказок из репертуара сказителя Санджи Бутаева, соотносимых с восточнославянскими сюжетами: «Чудесный противник» (300–399), «Чудесный супруг (супруга или иной родственник)» (400–459), «Чудесная задача» (460–499), «Чудесный помощник» (500–559), «Чудесный предмет» (560–649), «Чудесная сила и знание» (умение) (650–699), «Прочие чудесные мотивы» (700–749). В результате анализа установлена специфика интерпретации и дифференцирующие элементы сюжетов калмыцкой волшебной сказки, связанные со своеобразием калмыцкой сказочной художественной традиции.

Литература

- Биткеев Н. Ц. Калмыцкие сказки Санджи Бутаева // Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. Уфа: Изд-во Башкир. госун-та, 1977. С. 43–49.
- Биткеев Н. Ц. Келмрч Буутан Санж // Теегин герл. 1976. № 3. С. 175–184.
- Борлыкова Б. Х. О лексико-стилистических особенностях языка сказок и преданий Санджи Бутаева // Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 263–275.
- Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг.

текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 73–79.

- Горяева Б. Б. Волшебные сказки из репертуара сказителя Санджи Бутаева // Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х книгах. Кн. 1 / Вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 252–262.
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.
- Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 112 с.

References

- [A Comparative Manual of Plots: the East Slavic Tale]. L. G. Barag, I. P. Berezovsky, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov (comps.). Leningrad: Nauka, 1979. 112 p. (In Russ.)
- [Tales Recorded from Sanji Butaev: 1971–1978]. In 2 vols. Vol. 1. N. G. Ochirova (foreword); B. Kh. Borlykova (comp., ed., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. Pp. 73–79. (In Russ. and Kalm.)
- Bitkeev N. Ts. Kalmyk tales recorded from Sanji Butaev. In: [Peoples of the RSFSR: Folklore]. Coll. Papers. Ufa: Bashkir State University, 1977. Pp. 43–49. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. Taleteller Sanji Butaev. *Teegin gerl*. 1976. No. 3. Pp. 175–184. (In Kalm.)
- Borlykova B. Kh. Fairy tales and legends narrated by Sanji Butaev: lexical and stylistic features revisited. In: [Tales Recorded from Sanji Butaev: 1971–1978]. In 2 vols. Vol. 1. N. G. Ochirova (foreword); B. Kh. Borlykova (comp., ed., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. Pp. 263–275. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. [Kalmyk Magic Tale: Plot Structure and Poetic-Stylistic System]. Elista: Dzhangar, 2011. 128 p. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Magic tales from taleteller Sanji Butaev's repertory. In: [Tales Recorded from Sanji Butaev: 1971–1978]. In 2 vols. Vol. 1. N. G. Ochirova (foreword); B. Kh. Borlykova (comp., ed., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. Pp. 252–262. (In Russ.)
- Nadbitova I. S. [Kalmyk Magic Tales: Plots, Images, and Stylistic Traditions]. Elista: Dzhangar, 2011. 260 p. (In Russ.)

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТАХ БУДДИЙСКИХ ДЖАТАК
ИЗ «ДЗАНЛУНДО» В СКАЗОЧНОМ ФОЛЬКЛОРЕ
ЗАПАДНОМОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАПИСЕЙ
Г. Н. ПОТАНИНА И Б. Я. ВЛАДИМИРЦОВА)***

**To the Issue of Some Plots of Buddhist Jatakas from “Dzanlundo”
in Fabulous Folklore of Peoples of Western Mongolia
(Based on the Records Made by G. N. Potanin and B. Y. Vladimirtsov)**

С. В. Мурзаева (S. Mirzaeva)¹

¹аспирант Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Post-graduate Student at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kundgabo@list.ru.

В статье рассматриваются четыре образца сказочного фольклора западномонгольских народов из этнографических записей Г. Н. Потанина и Б. Я. Владимирцова, восходящие к сюжетам из тибетской «Сутры о мудрости и глупости» („Дзанлундо“). Описываются сюжеты указанных сказок и устанавливаются исходные сюжеты в тибетском повествовании.

Проводится сравнительный анализ тибетских оригиналов и западномонгольских фольклорных вариантов, выявляются общие черты и различия. Кроме того, автором сделана попытка проследить связь данных сюжетов с калмыцким сказочным фольклором.

Ключевые слова: джатака, сказка, „Дзанлундо“, фольклор, Западная Монголия, монголоведение, тибетология.

The given article investigates four tales of fabulous folklore of Western Mongolian peoples taken from “Essays of Northwestern Mongolia” by G. N. Potanin (1835–1920) and “Examples of Mongolian Folk Literature” by B.Y. Vladimirtsov (1884–1931). Plots of the analyzed tales originate from Tibetan collected Buddhist Jatakas „Sutra of Wisdom and Foolishness“ („Dzanlundo“). It was a widely recognized monument in the literary tradition of the Mongolian peoples. At present there are five translations of the work to the Mongolian and Oirat languages which are analyzed in the book “Tibetan and Mongolian Narrative Literature of XVII–XVIII centuries” by D. N. Muzraeva. Plots of the essay gained popularity in folklore traditions of the Mongolian people as well. Referring to the comments provided by G. N. Potanin and B. Y. Vladimirtsov for their works concerning the connection between the plots of collected tales and “Dzanlundo” stories we investigated plots of the four tales and made an attempt to find original plot lines in Tibetan literature. These are the tales “Burkhn-bakshi” (version d), “Burkhn-bakshi” (version i) collected by G. N. Potanin and «Muhr modn kebtā hān köwün» «Cahān bös orāksn okn» collected by B. Y. Vladimirtsov.

The article describes the similarities and differences in the plots of the original text and the folklore example. Tales collected B. Y. Vladimirtsov differ from fairy tales presented in the G. N. Potanin collection and are featured by greater adherence to Tibetan texts and the presence of small differences in the narration. Plots of Potanin’s fairy tales sometimes significantly differ from the Tibetan original.

We also made an attempt to find similar stories in the Kalmyk folklore. We have discovered a legend «In honour of Buddha’s victory» (version 1) which is a shortened version of «Chapter Thirteen. About confounded six teachers from “Dzanlundo».

Keywords: jataka, fairy tale, “Dzanlundo”, folklore, Western Mongolia, Mongolian and Tibetan studies.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-02898).

Фольклор народов Западной Монголии представляет собой важную часть их духовного достояния, в которой отразились их история, верования и традиции. С проникновением буддизма через Тибет монголоязычные народы познакомились со сказочными традициями Индии и Тибета, представленными различными сборниками рассказов, такими как «Двадцать пять рассказов Веталы», «Панчатантра» и т. д., а также сборниками джатак и авадан, например, тибетской «Сутрой о мудрости и глупости (Дзанлундо)» (*тиб. mDzangs blun pa'i mdo*). Эти сказочные сборники благодаря занимательности сюжетов стали популярны и в письменной, и в устной традиции монголоязычных народов.

Так, в монгольской литературной традиции получило распространение сочинение «Море притч» (*монг. Үлгэрийн далай*), являющееся переводом «Дзанлундо». Русский перевод тибетской сутры был выполнен Ю. М. Парфионовичем [Парфионович 2002]. Известный тибетолог Б. И. Кузнецов считает, что оригиналом тибетского и китайского переводов был сборник нравоучительных рассказов «О мудрости и глупости», составленный в Хотане (Центральная Азия) на местном (хотанском) языке в 445 г. н. э. [Кузнецов 2002: 26]. Ю. М. Парфионович предлагает другую дату создания памятника — 632 г. н. э. [Парфионович 2002: 9].

«Дзанлундо» обрела популярность среди монголов и ойратов, о чем свидетельствует несколько ее переводов, выполненных известными переводчиками. Три монгольских перевода — Ширээт-гуши-цорджи, Тойнгуши и Зуун-Авгинского Цултэмлодая — и два ойратских перевода — Зая-пандиты Намкай-Джамцо и калмыцкого гелюнга Тугмюд-гавджи — были проанализированы Д. Н. Музраевой в книге «Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв.» [Музраева 2013].

Начало систематического собирания сказочного фольклора западномонгольских народов определяется деятельностью Г. Н. Потанина (1835–1920), известного исследователя Центральной Азии и Сибири, который представил переводы таких образцов устного творчества западных монголов, как сказки, легенды, пословицы, в своем труде «Очерки Северо-Западной Монголии» [Потанин 2005]. В «Очерках» под каждым произведением указано имя информанта.

Собиранием фольклора западных монголов также занимался выдающийся монголовед Б. Я. Владимирцов (1884–1931), опубликовавший сказки, предания, песни и другие образцы устного творчества, записанные у разных народов Западной Монголии, в книге «Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия)» [Владимирцов 1926]. Тексты записаны без перевода «с использованием русской лингвистической азбуки». Б. Я. Владимирцов не дает расшифровку знаков данной азбуки, ссылаясь на работу А. Д. Руднева «Хори-бурятский говор», в которой дано объяснение всех знаков [Владимирцов 1926: 10].

Целью данной статьи является рассмотрение сюжетов из «Дзанлундо», бытующих в сказочном фольклоре народов Западной Монголии, на материале этнографических записей Г. Н. Потанина [Потанин 2005] и публикаций Б. Я. Владимирцова [Владимирцов 1926].

В четвертом томе «Очерков Северо-Западной Монголии» есть раздел с примечаниями, в котором автор прослеживает связи сюжетов некоторых сказок с сюжетами известных ему джатак и других буддийских повествований [Потанин 2005: 753–935]. Основываясь на примечаниях Г. Н. Потанина, рассмотрим две сказки, сюжеты которых восходят к «Дзанлундо»: 1. Бурхын-бакши (вариант *д*); 2. Бурхын-бакши (вариант *и*).

Б. Я. Владимирцов во введении к своему труду «Образцы монгольской народной словесности» также указал на связи сюжетов некоторых из записанных им сказок с сюжетами джатак из «Сутры о мудрости и глупости» [Владимирцов 1926: 9–10]. Мы опишем сюжеты двух сказок, записанных Б. Я. Владимирцовым, дав их сокращенный перевод:

1. Мухр модн кебтā хāн кōwүн ('Царевич, подобный обрубку дерева');
2. Цаhāн бōс оrāксн окн ('Девушка, обернутая в белую ткань').

Рассмотрение указанных текстов важно в аспекте их связи с сюжетами «Дзанлундо».

1. Бурхын-бакши (вариант *д*):

Бурхын-бакши имел 32 перерождения. Однажды он превратился в огромную рыбу, чтобы накормить своим телом всех животных, звери съели верхнюю половину и не смогли перевернуть ее, тогда Бурхын-бакши сам перевернулся, и звери доели другую его половину. Потом он превратился в

зайца величиной с гору и умер, чтобы снова накормить зверей. Звери съели его, а шкуру его Мангырбе Бурхын поместил на месяц, вот ее-то мы и видим в виде пятен на месяце... (Сарисын, певец и музыкант, дюрбют из г. Улангома) [Потанин 2005: 270–271].

Сюжет этой сказки представляет собой трансформированный сюжет джатак о том, как Будда подносит свое тело в качестве пищи людям или зверям. В сказке, записанной Г. Н. Потаниным, главное действующее лицо — Будда, бывший в одном из рождений рыбой. В тексте «Дзанлундо» есть две джатаки с похожими сюжетами: «Глава вторая. О том, как царевич по имени Махасаттва пожертвовал свое тело тигрице» и «Глава четырнадцатая. О том, как зверь Кюнда пожертвовал свое тело». В обеих главах повествуется о том, как Будда, будучи в предыдущем рождении царевичем Махасаттвой и зверем Кюнда, поднес свое тело в качестве пищи. Однако сюжет, в котором Будда, будучи рыбой, накормил своим телом других рыб, в «Дзанлундо» нами не обнаружен. Сказка отличается лаконичностью, кроме того, в ней кратко описан видоизмененный сюжет «Джатаки о зайце», не входящей в «Дзанлундо», но, вероятно, восходящей к VI джатаке из «Гирлянды джатак» Арьяшуры (ок. IV в.), — о том, как заяц поднес свое тело Шакре, и тот в благодарность украсил диск луны изображением зайца [Гирлянда джатак 2000: 61–69].

2. Бурхын-бакши (вариант и):

Тэрсин Дзурган Бакиши и один гецил, по имени Шаримни Гоодомбы¹, спорили: кто из них более знает. Пошли они к хану; гостям подали чай; гецил пьет, а у Дзурган-Бакиши в чашке заledenело; гецил наливает себе другую чашку, а у Дзурган-Бакиши чай из домбы не льется; после чаю хан угостил гостей мясом; гецил, поев мяса и сделав из дерева ковырялку, поковырял в зубах и воткнул ковырялку в землю; ковырялка принялась, быстро выросла и стала деревом. Дзурган-Бакиши также воткнул свою ковырялку, но она такую и осталась. Таких чудес гецил совершил пятнадцать. 15-го числа зимнего среднего месяца гецил воссел на арслан-шире, львиный престол; это был Бурхын-Бакиши. Дзурган Бакиши ударил льва,

лев побежал и потоптал Дзургана; последний взмолился, и Бурхын-Бакиши удержал льва; у Дзургана после того осталось только три бакши, а три бакши улетели на озеро и утонули. (Сарисын, Дюрбют, г. Улангома) [Потанин 2005: 272].

Данная сказка по сюжету близка «Главе тринадцатой. О посрамлении шести учителей» [Парфионович 2003: 69–94]. В тибетском оригинале учителей, выступающих против Будды, — шесть, в фольклорном же варианте числительное становится частью имени “Дзурган Бакиши” (букв. шесть учителей). Будда в сказке назван гецилом Шаримни Гоодомбы, и лишь в конце указано, что он и есть Будда (Бурхын-Бакиши). В тибетском оригинале Будда совершает много разных чудес, в сказке дано лишь краткое описание его основных деяний: гецил воткнул в землю ковырялку, и она превратилась в дерево (см. в тибетском тексте: Будда воткнул в землю зубочистку, и она превратилась в огромное дерево высотой в пятьсот йоджан [Парфионович 2003: 77]), гецил пьет чай, а у Дзургана-бакиши в чашке заledenело (в тибетском тексте: горлышко сосуда само собой закупорилось, и вода не потекла из него [Парфионович 2003: 70]). Эпизод с львиным тронem в тибетском оригинале несколько иной: Будда надавил рукой на львиный трон, тотчас оттуда раздался рев, подобный реву слона, и появились пять ракшасов, которые выхватили сиденья из-под шестерых учителей и разбили их вдребезги. <...> Охваченные страхом, шестеро учителей <...> прыгнули в реку, и им тут же настал конец [Парфионович 2003: 80].

3. Мухр модн кебтā хāн кōвүн:

Муж и жена, занимаясь производством масла, подносили часть отшельнику, пребывавшему в созерцании. Однажды муж поругался с отшельником из-за того, что тот назвал их грешными людьми, и назвал себя в разговоре обрубок дерева (мухр модн). Жена сказала ему, что из-за этого в следующем перерождении он будет похож на обрубок дерева. Муж ей ответил, что она и в следующей жизни будет его женой. Тогда жена ответила, что она его оставит и убежит, но затем вернется. Спустя много лет в стране правил великий хан. У него было пятьсот жен, но не было сыновей. Однажды он отправился в роуцу и решил расстаться с жизнью. Там он встретил небесного ламу, который, узнав, что хан хочет расстаться с жизнью

¹ В этом имени представлены, вероятно, искаженные формы двух санскритских имен: Шарипутра (санскр. Śāriputra) — имя близкого ученика Будды, Гаутама (санскр. Gautama) — одно из имен Будды Шакьямуни.

из-за того, что у него нет сыновей, предложил сделать снадобье для его жен. Хан раздал снадобье всем женам, приказав развести его в молоке и выпить, но старшая ханша отказалась его пить. Когда она поняла, что все, кроме нее, забеременели, она раскаялась и, узнав, что от того снадобья остался осадок, выпила его. Все ханши родили прекрасных сыновей, а старшая родила уродливого, похожего на обрубок дерева. Когда пришло время жениться, прекрасные царицы женились на дочерях ханов, сыну, похожему на обрубок дерева, тоже нашли дочь хана, но, стыдясь его уродства, родители показали ей другого мужчину. Так она вышла замуж за уродливого царевича, они встречались только ночью во дворце.

Затем во владения царя пришли враги, и прекрасные царицы выступили с войском, однако вернулись обратно со словами, что враги слишком сильны. Тогда хан обратился за советом к сыну, похожему на обрубок дерева. Царевич, взяв с собой гневную черную книгу и белую раковину, принадлежавшую его деду, выступил против врага и одержал победу. Царевич вернулся домой и продолжал приходить к своей жене только ночью, не показываясь при дневном свете. Однажды жены царевичей собрались вместе и стали хвалить своих мужей. Жена царевича, похожего на обрубок дерева, тоже стала превозносить своего мужа, в ответ одна из других жен сказала, что ее муж уродлив, и посоветовала ей зажечь светильник, когда он заснет, и посмотреть на него. Жена царевича так и сделала, увидела его уродство и с криками убежала из дворца. Царевич увидел, что жены нет, и отправился на ее поиски, захватив с собой черную книгу и белую раковину. Он пришел к отцу его жены, шесть ханов просили ее в жены, но, уstraшенные царевичем, ушли ни с чем. Царевич со своей женой вернулись домой. Когда он спросил о причине ее ухода, она сказала, что он очень уродлив, и дала ему зеркало. Царевич, увидев свое отражение в зеркале, очень опечалился и решил лишиться себя жизни, чтобы не причинять страдания своей жене. Отправившись в роуцу, он встретил там небесного отшельника, который уговорил его не убивать себя и дал драгоценность темени. Надев ее, он обрел прекрасный вид. Отшельник наказал ему не снимать драгоценность с темени, иначе к нему вернется прежний вид. Царевич вернулся во дворец, его жена, не узнав

его, начала его прогонять, но затем он, сняв драгоценность, показал свой прежний облик, и она поверила ему. Такого было одно из прежних воплощений Бурхн бакши. [Владимирцов 1926: 77–80].

В основе данной сказки лежит сюжет «Джатаки о царице Дондуме», входящей в состав «Главы тринадцатой. О посрамлении шести учителей» [Парфионович 2003: 69–94]. В тибетском тексте царя зовут Махашакули, а вместо небесного отшельника царю помогает сам владыка богов Индра. В тибетском оригинале царевича Дондума женят после того, как он проявляет отвагу в сражении с врагами, в отличие от сказки, в которой всем царевичам выбирают жен одновременно. Отличаются также предметы, с помощью которых царевич одерживает победу над врагами, — в тибетском тексте это лук и рог деда, лежащие на жертвеннике, а в записанной Б. Я. Владимирцовым сказке — это черная книга и белая раковина деда. В остальных же деталях сказка удивительно точно сохранила подробности тибетского повествования — например, употребление снадобья, предварительно смешанного с молоком, а также описание того, как небесный отшельник собирал травы для снадобья в снежных горах.

4. Цаһан бёс ора́ксн окн:

Однажды Бурхн бакши давал устное учение Мани Мегзем¹, и его ученик объявлял об этом, ходя по окрестностям. В тех краях жили муж с женой, у которых не было ничего, кроме куска белой ткани, которую они использовали в качестве одежды. Ученик, объявлявший о передаче учения, встретился с ними и на вопрос жены: «Какая будет польза от получения этого учения?», — ответил, что благодаря учению очищаются все грехи и обретается святость Будды. Женица, посоветовавшись с мужем, решила поднести единственное, что у них было, — кусок белой ткани, несмотря на то, что он был грязный. Она зашла в свою хижину и, сняв эту ткань, отдала ее монаху через дверь, чтобы он не видел ее нагой. Когда ученик вернулся с подношениями, Бурхн бакши приказал ему достать кусок ткани, поднесенный женицей, и сказал, что это самое прекрасное подношение из всех имеющихся. Когда ученик рассказал о женице, поднесшей эту ткань, хан и хан-

¹ Мегзем (тиб. dMigs brTse ma) — молитва к ламе Цонкапе, широко распространенная в школе гелуг тибетского буддизма.

ша сняли свои одеяния и велели передать их тем беднякам. Тогда супруги, надев ханские одежды, пришли и получили Учение от Бурхн бакиши.

Затем, во времена, когда Учение Будды процветало, в одной семье родилась прекрасная девочка, обернутая в белую ткань. Когда она выросла, ее решили выдать замуж за одного юношу. Однако она отказалась и сказала, что хочет стать монахиней и обрести архатство, и попросила дать ей монашеское одеяние. Она пришла к Бурхн бакиши и заявила о своем намерении принять монашеские обеты, он разрешил ей, и тогда ее волосы отпали сами собой, и она стала монахиней. Когда Ананда спросил Бурхн бакиши, в силу чего эта девушка стала монахиней, тот ответил, что прежде в одной из жизней она поднесла кусок белой ткани, в силу чего накопила бесчисленные заслуги и в этой жизни обретет состояние архатства [Владимирцов 1926: 80–82].

В данную сказку включены два сюжета: сюжет о женщине, поднесшей в дар кусок ткани, и сюжет о девочке, родившейся обернутой в белую ткань. Эти два сюжета есть в «Главе восемнадцатой. О бедной женщине, преподнесшей в дар материю» [Парфионович 2003: 127–131]. Однако в тибетском тексте они даны в другой последовательности: сначала идет рассказ о девочке Гармо, родившейся окутанной в белую мягкую материю¹, а затем — рассказ о женщине, поднесшей в дар материю. В сказке второй сюжет о девочке изложен кратко, в тибетском тексте повествование более подробно. Сюжет о жене, поднесшей кусок ткани, практически не отличается от тибетского оригинала.

Представляется актуальной также задача поиска сюжетов из «Дзанлундо» в устном творчестве родственных западным монголам калмыков. Так, в сборник калмыцких легенд и преданий «Семь звезд» включен текст легенды «В честь победы Будды (версия 1)» [Семь звезд 2004: 76], представляющей собой краткий вариант «Главы тринадцатой. О посрамлении шести учителей» из «Дзанлундо». В ней рассказывается о том, как Бурхан-Бакиши вступил в диспут с ше-

стью неверными учителями, который продолжался пятнадцать дней. Бурхан-Бакиши одержал над ними победу, и они признали его учение. С этой победой и связано празднование Цаган Сар [Семь звезд 2004: 76].

С целью выявить сюжеты других джат из «Дзанлундо» в калмыцком сказочном фольклоре, мы изучили сборники калмыцких сказок «Сандаловый ларец» [Сандаловый ларец 2002], «Медноволосая девушка» [Медноволосая девушка 1964], «Буутан Санжин туульс» [Буутан Санжин 2008], однако подобные сюжеты не были нами обнаружены.

Особо следует упомянуть о случае типологического сходства персонажа одного из рассмотренных нами сюжетов с персонажем калмыцкой волшебной сказки. Вероятно, в основе «Джатаки о царевиче Дондуме», тибетского оригинала сказки «Мухр модн кебтā хāн кōвүн», записанной Б. Я. Владимирцовым, лежала волшебная сказка, в которой главный герой, будучи внешне непривлекательным и презираемым другими, решает трудную задачу, а затем обретает прекрасный облик. Герой, не подающий надежд, является персонажем, характерным именно для волшебной сказки. Как указывает Е. М. Мелетинский, «герой волшебной сказки прежде всего социально обездоленный крестьянский сын, бедняк, младший, брат, сирота, пасынок и т. п. Кроме того, он часто характеризуется как «золушка» («запечник»), «дурачок», «лысый паршивец», «грязный мальчик» [Мелетинский 2005]. Система персонажей калмыцкой волшебной сказки рассматривалась в работах М. Э. Джимгирова [Джимгиров 1970], В. Т. Сарангова [Сарангов 2012], И. С. Надбитовой [Надбитова 2011], Б. Б. Горяевой [Горяева 2011]. Образ царевича Дондума близок одному из типов главного героя — ироническому неудачнику, характеризующему И. С. Надбитовой следующим образом: «он некрасив, неказист, и его презирают окружающие» [Надбитова 2011: 109]. Однако, как отмечает В. Т. Сарангов, «неприглядный внешний облик — контрастирующая оболочка необычайной внутренней красоты — душевной силы, благородства» [Сарангов 2012: 64].

Таким образом, нами были выявлены некоторые сюжеты из тибетского сочинения «Дзанлундо» в сказочном фольклоре западных монголов на материале записей Г. Н. Потанина и Б. Я. Владимирцова, а так-

¹ Возможно, в основе данного мотива лежит присутствующее в фольклорных традициях многих народов мира представление о том, что «родившийся в рубашке» (в плодной оболочке) будет счастлив в жизни. Такое поверье встречается и в калмыцкой устной традиции.

же в калмыцком фольклоре. Анализ сказок, записанных Г. Н. Потаниным и Б. Я. Владимирцовым у западных монголов, показывает, что сюжеты джатак из «Дзанлундо» получили определенное распространение в сказочном фольклоре западномонгольских народов. В некоторых случаях они подверглись значительным изменениям, как в сказке «Бурхын-бакши (вариант *д*)», записанной Г. Н. Потаниным, в которой изменен сюжет и главные персонажи. В сюжете сказки «Бурхын-бакши (вариант *и*)» также есть отличие от тибетского оригинала: лев набрасывается на лжеучителя, и тот лишь по милости Будды остается в живых. В тибетском повествовании из-под львиного трона выскакивают пять ракшасов, которые разбивают сидения шести лжеучителей, и те в страхе прыгают в озеро и тонут. В сказке «Мухр модн кебтā хāн кōвүн», записанной Б. Я. Владимирцовым, повествование немного отличается от тибетского оригинала в деталях, однако в целом довольно хорошо сохранилось в фольклорном варианте. Во второй сказке «Цаḥāн бōс оṛākсн окн»

рассказчик поменял местами два сюжета, кроме того, первый сюжет о девочке, родившейся окутанной в белую материю, отличается от тибетского своей краткостью. Для сказок, записанных Б. Я. Владимирцовым, характерны строгое следование тибетскому тексту и лишь небольшие различия в сюжете. Среди образцов калмыцкого сказочного фольклора нами обнаружен текст легенды «В честь победы Будды (версия 1)», восходящей к тринадцатой главе «Дзанлундо». Нами также выявлен случай типологического сходства главного персонажа сказки «Мухр модн кебтā хāн кōвүн» с персонажем калмыцкой волшебной сказки.

Рассмотренные нами некоторые сюжеты из «Дзанлундо» в их связях с фольклором западномонгольских народов приводят к выводу о том, что данная проблематика требует более широкого изучения.

Список сокращений

санскр. — санскрит
монг. — монгольский
тиб. — тибетский

Литература

- Буутан Санжин туульс (Сказки Санджи Бутаева). Записи 1971–1978 годов. В 2-х кн. Кн. 1 / вступ. ст. Н. Г. Очировой; сост., подг. текстов и прилож. Б. Х. Борлыковой. Элиста: КИГИ РАН, 2008. 308 с.
- Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности: Северо-Западная Монголия. Л.: Гос. акад. тип., 1926. 202 с.
- Гирлянда джатак, или Сказания о подвигах Бодхисаттвы. Пер. с санскрита А. П. Баранникова и О. Ф. Волковой. Предисл. и примеч. О. Ф. Волковой. 2-е изд., доп. М.: Издат. фирма «Вост. лит.» РАН, 2000. 367 с.
- Горяева Б. Б. Калмыцкая волшебная сказка: сюжетный состав и поэтико-стилевая система. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 128 с.
- Джимгиров М. Э. О калмыцких народных сказках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 103 с.
- Кузнецов Б. И. Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам. СПб.: Евразия, 2002. 224 с.
- Медноволосая девушка: Калмыцкие народные сказки / пер., сост. и примеч. М. Ватагина. М.: Наука, 1964. 272 с.

- Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Акад. исслед. культуры, Традиция, 2005. 240 с.
- Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. Элиста: НПП «Джангар», 2013. 150 с.
- Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Парфионович Ю. М. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо). Пер. с тиб., введ. и коммент. Ю. М. Парфионовича. Изд. 2-е. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 2002. 320 с.
- Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Изд. 2-е. Горно-Алтайск: Изд-во «Ак Чечек», 2005. 1026 с.
- Сандаловый ларец: Калмыцкие народные сказки / сост., пер., вступ. ст. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 239 с.
- Сарангов В. Т. Фольклор калмыцкого народа [Текст]: учебное пособие / В. Т. Сарангов. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 136 с.
- Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.

References

- [Tales Recorded from Sanji Butaev: 1971–1978]. In 2 vols. Vol. 1. N. G. Ochirova (foreword); B. Kh. Borlykova (comp., ed., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2008. 308 p. (In Russ. and Kalm.)
- [The Copper-Haired Girl: Kalmyk Folk Tales]. M. Vatagin (transl., comp., etc.). Moscow: Nauka, 1964. 272 p. (In Russ.)
- [The Garland of Jatakas: or Tales about the Bodhisattva's Deeds]. A. P. Barannikov, O. F. Volkova (transl.). O. F. Volkova (foreword, comm.). 2nd ed., suppl. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 367 p. (In Russ.)
- [The Sandal Wood Chest: Kalmyk Folk Tales]. T. G. Basangova (comp., transl., foreword). Elista: Kalmyk Book Publ., 2002. 239 p. (In Russ.)
- [The Seven Stars: Kalmyk Legends and Folk Tales]. D. E. Basaev (comp., transl., etc.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Dzhimgirov M. E. [Revisiting Kalmyk Folk Tales]. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 103 p. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. [Kalmyk Magic Tale: Plot Structure and Poetic-Stylistic System]. Elista: Dzhangar, 2011. 128 p. (In Russ.)

- Kuznetsov B. I. [Early Buddhism and Philosophy of Hinduism: a Case Study of Tibetan Sources]. St. Petersburg: Evraziya, 2002. 224 p. (In Russ.)
- Meletinsky E. M. [Hero of the Magic Tale]. Moscow; St. Petersburg: Culture Research Academy, Traditsiya, 2005. 240 p. (In Russ.)
- Muzraeva D. N. [Tibetan-Mongolian Narrative Literature: 17th – 18th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2013. 150 p. (In Russ., Mong. and Oir.)
- Nadbitova I. S. [Kalmyk Magic Tales: Plots, Images, and Stylistic Traditions]. Elista: Dzhangar, 2011. 260 p. (In Russ.)
- Parfionovich Yu. M. [Sutra of the Wise and the Foolish (Dzanlundo)]. Yu. M. Parfionovich (transl., foreword, comm.). 2nd ed. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 320 p. (In Russ.)
- Potinin G. N. [Essays on Northwestern Mongolia]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Ak Chechek, 2005. 1026 p. (In Russ.)
- Sarangov V. T. [Kalmyk Folklore]. Coursebook. Elista: Kalmyk State University, 2012. 136 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. [Images of Mongolian Folklore: Northwest Mongolia]. Leningrad: State Academic Press, 1926. 202 p. (In Russ.)

**О ГАРЧАКЕ (ОГЛАВЛЕНИИ) РУКОПИСИ ПЕРЕВОДА
ТУГМЮД-ГАВДЖИ (О. М. ДОРДЖИЕВА)****On the Garchak (List of Contents) of the Manuscript Translation
by Tugmyud-gavdzhi (O. M. Dordzhiev)***Д. Н. Музраева (D. Muzraeva)*¹

¹кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of the Department of Written Monuments, Literature and Buddhology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: deliash@mail.ru.

Автор статьи приводит перечень глав (гарчак) к рукописи «*Oülgurun dalai*» («Море притч»), переведенной с тибетского языка и записанной на ойратском «ясном письме» калмыцким буддийским священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым).

Ключевые слова: буддизм, «Море притч», перевод, «ясное письмо», Тугмюд-гавджи, перечень глав, гарчак.

The author analyzes the works of the famous «The Sea of Parables» essay translated from Tibetan and recorded on «Oirat clear script» by a Kalmyk Buddhist priest Tugmyud-gavdzhi (O. M. Dordzhiev) as well as provides a list of chapters (garchak) to each of the four notebooks of the manuscript. Garchak publication shows that the author's intention was not simply to arrange the text of the translation properly but also to systematize an extensive material. There is no doubt that Tugmyud gavdzhi was preparing his translation for the reading by the general public and not only for representatives of the scientific circles.

Keywords: Buddhism, the Sea of Parables, translation, «the Clear Script», Tugmyud-gavdzhi, the list of chapters, dkar-chag (garchak).

История переводческой деятельности и переводческой практики в сфере духовной буддийской литературы у калмыков на Волге, оказавшихся в значительном отдалении от остального монгольского мира, изучена недостаточно. Многие страницы истории распространения буддийской литературы у калмыков на рубеже XIX–XX вв. в силу ряда объективных причин не получили достаточного освещения. Для более раннего периода XVIII – первой половины XIX вв. одной из таких причин является неопределенность формы духовного и светского управления у калмыков, для большей части XX века — установки на борьбу с религией, для XIX – начала XX вв. — возможно, относительная молодость сочинений этого времени на фоне истории буддизма.

Одним из ярких свидетельств того, что на протяжении всего прошлого столетия буддийская составляющая продолжала

оставаться важным звеном в культуре калмыков, является перевод с тибетского языка на ойратский известного сочинения «Море притч», выполненный Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым) (1887–1980), уроженцем Яндыко-Мочажного улуса Калмыцкой степи (ныне Астраханская область). Этот перевод является самым поздним из известных письменных памятников на «ясном письме», созданных калмыками. Хорошо известен первый ойратский перевод этого же сочинения, осуществленный Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662). Он именуется *Medētei medē ügeiyigi ilyaqči kemēkü sudur* («Сутра, разъясняющая мудрого и глупого»), или кратко *Üligeriyin dalai* («Море притч»). Исследователи датируют этот перевод периодом между 1650 и 1661 гг. [Лувсанбалдан 1968: 118–119], его списки имеются во многих известных мировых собраниях восточных книг [Brief Catalogue 2005:

232; Catalogue 2001: 30; Сазыкин 2001: 116]. В 1970 г. была осуществлена публикация рукописи перевода Зая-пандиты [Z.-P.].

В настоящее время рукопись Тугмюд-гавджи хранится в Научном архиве КИГИ РАН. Она имеет название «Oülgurun dalai» ('Море притч')¹, состоит из 4 общих тетрадей европейского образца (общий объем рукописи — 289 л.) [Oülgurun dalai]. Согласно аннотации на форзаце первой тетради, сделанной В. О. Чуматовым, годом завершения перевода является 1968 г. Согласно архивной описи, рукопись поступила в Фонд-8 (Коллекция редких рукописей) от О. М. Дорджиева в том же году. Примечательно, что осенью того же года им было передано в дар институту тибетское ксилографическое издание «Сутры о мудрости и глупости» (тиб. 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo) [Dzan].

Содержание рукописи таково: в 1-й тетради насчитывается 66 л., в нее включены главы с 1-й по 14-ю, объединенные в разделы I–IV; 2-я тетрадь (94 л.) включает с 15-й по 28-ю главы, вошедшие в разделы IV–VII; в 3-ю тетрадь (72 л.) вошли главы 29–37 с распределением в VII–XI разделы; 4-я тетрадь (56 л.) включает главы 38–51, распределенные между XI–XII разделами.

Примечательно, что каждая из 4-х тетрадей рукописи Тугмюд-гавджи начинается с гарчака (от тиб. dkar-chag 'список; оглавление, содержание'). Этот факт является уникальным в литературной традиции калмыков, основанной на старой письменности. Автор-переводчик в своем стремлении упорядочить текст перевода, с одной стороны, систематизировал обширный материал, с другой — проявил заботу о читателях. Позволим себе предположить, что Тугмюд-гавджи готовил свой перевод для активного пользования читающей публикой, не ограничиваясь только представителями научной среды.

Как свидетельствуют данные полевых исследований последних десятилетий, а также архивные материалы на ойратском «ясном письме», в сборниках буддийского содержания на ойратском языке, как

правило, не отмечены гарчаки, даже если это сборники, включающие разнородные сочинения. Одним из примеров может послужить рукописный сборник на ойратском языке D 22 из коллекции А. М. Позднеева (1851–1920), хранящейся в монгольском фонде Института восточных рукописей РАН, с которым нам довелось поработать ранее [Сазыкин 1988: 109, № 427], а также некоторые другие сборники, выявленные и описанные в ходе экспедиционных поездок в районы Республики Калмыкия.

В буддийской литературно-книжной традиции под словом «гарчак» имеются в виду специальные издания письменных источников, оформленные, как и любые другие рукописные или печатные образцы восточных книг, с титульным листом, пагинацией, текстом в рамке и т. п., по содержанию представляющие собой перечни (перечисления) названий сочинений, изданных в печатне какого-либо монастыря. Они разнообразны по содержанию, могут включать титулы сочинений одной определенной тематики (жанра, раздела буддийской литературы), либо названия сочинений разной жанровой принадлежности, отпечатанные в печатне монастыря в определенный отрезок времени, либо могут представлять круг текстов, принадлежащих одному автору, и др. Ряд сочинений гарчаков (или каталожных списков) получил освещение в публикациях бурятских ученых [Сыртыпова, Гармаева, Базаров, 2006: 126–153]. Образцы тибетских сочинений-гарчаков представлены и в коллекции КИГИ РАН [mDo sde; Su gel].

Составление калмыцким переводчиком Тугмюд-гавджи оглавления к рукописи собственного перевода, в котором упомянуты все главы соответствующей тетради, а также тот факт, что в тексте перевода им выделяются разделы, в которые объединены главы-истории, представляется тем более значимым явлением в истории монгольской и ойратской переводной литературы, поскольку известно, что не все монгольские переводчики, бравшиеся за перевод «Сутры о мудрости и глупости», указывают разделы, в которые объединяются главы. К примеру, в монгольском переводе Тойн-гуши (нач. XVII в.) подобные разделы не отмечены [Музраева 2013: 80–103].

Тугмюд-гавджи, являющийся одновременно и переписчиком собственного труда, в оглавлении, как правило, указывает номер

¹ Для рукописи перевода Тугмюд гавджи характерно использование элементов скорописи (или стяжений), особые способы передачи на письме ряда графем (слогов), отличающиеся от написания слов в классическом ойратском языке; в ней присутствуют элементы саморедактирования текста (см. подробнее [Музраева 2012]).

тетради (например, вторая тетрадь предваряется пояснением *хоуордоқчі деқтерті* ‘во второй тетради’, оглавление третьей тетради предваряется записью *җорбодуқчі де[q] терін:* (букв. ‘третьей тетради’) и т. д.). Далее он перечисляет главы с указанием их

номера и номера листа (иногда с пометой — верхняя или обратная его сторона), с которого начинается текст главы. Публикуя ниже гарчак рукописи перевода Тугмюдгавджи, мы отображаем распределение глав по разделам:

Тетрадь I

№ лл. / строк	Рукопись Т.-Г.	Перевод
	Turun baq	Первый раздел
[1a: 1–2]	Ene degetertü:	В этой тетради
[1a: 3–4]	Oülgur. eldbigiy uzuloson büloq. 1-çi: casunsu ekelsin baini	Глава, показывающая различные примеры; начинается с 1-го листа
[1a: 5–6]	2-çiy: Semjan jingbü: biyen {ölgüçin barstü} ögölgüdü ögösön böloq: 11. casü/ nasü ekelesin	Вторая глава: о том, как Сэмджэн-Джингбу отдал свое тело в жертву {тигрице}; начинается с 11-го листа
[1a: 7–8]	3-çe. buükun-dü yabaqçu. şaqşbud. skusun büloq: 15 casünsü / ari. xajüdü baini:	Третья глава: о том, как странствующий монах соблюдал обет; представлена с оборотной стороны 15-го листа
[1a:9]	4-çiy: biyen xuldoji taikil örgöson büloq 19 casundü. bāni:	Четвертая глава: о том, как, продав себя, сделал подношение; представлена на 19-м листе
[1a: 10–11]	5-çiy. daln tenggir suroqson böloq 19 casüni ari xajügesü / ekelsin baini:	Пятая глава: о том, как спросил (вопрошал) тэнгрий океана; начинается с оборотной стороны 19-го листа
	Xoydoyr baq:	Второй раздел
[1a: 12–13]	6-çiy Gangya Dari gidiq tenggirin kübüüni böloq 22 casünsü / ekilisin. baini:	Шестая глава: о сыне тэнгрия Ганга-Даре; начинается с 22-го листа
[1a:14]	7-çiy. xan Saljilin küükuün Dorjin büloq: 25 casünsü ekelsen {böi}:	Седьмая глава: о дочери царя Салджалина — Дорджи; начинается с 25-го листа
[1a:15]	8-çiy. Seryigin bülük 29 <u>cansü</u> ekilsin bayina	Восьмая глава: о Серийге; начинается с 29-го листа
[1a:16–17]	9-çiy: Tenggirin cecegin bölük: yuduqçin 30 casüni ari xajügü/gisu ekelsen baini:	Девятая глава: о Небесном цветке; начинается с оборотной стороны 30-го листа
[1a:18]	10-çiy Tenggirin erdinin bülük. 32 casüni ari xajügüsü ekelsen bni:	Десятая глава: о Небесной драгоценности; начинается с оборотной стороны 32-го листа
[1a:19]	11-çiy: küolcunggutun büloq. 33 casüni ari xajügüsü eke[1]sen bāni:	Одиннадцатая глава: о терпении; начинается с оборотной стороны 33-го листа
[1a:20]	12-çiy: Jambin dobin bölük: 36 casüni ari xajüdü ekelsen baini:	Двенадцатая глава: о милостыне царя Джамбин-Добин; начинается на оборотной стороне 36-го листа
	Gurbudoyr baq:	Третий раздел
[16:1–2]	13-çiy. zuryan baqşige. nomyodoqson böloq: 38 casünsü / ekelsen mön	Тринадцатая глава: о том, как усмирили шестерых учителей; начинается с 38-го листа
	Dörbödoqçi baq:	Четвертый раздел
[16:3–4]	14-çiy. aratun Güünde. biyen ögösün bölük. 61 casundü / ekelsin	Четырнадцатая глава: о том, как дикий зверь Гунда принес себя в жертву; начинается с 61-го листа

Тетрадь II

[656:1]	Xoyorduqčo. deqtertü:	Во второй тетради
[656:2]	15-{\i} sayitir ȳarsuni erdem maqtuqson bölüq. 66 casnsu ekelsin bani	Пятнадцатая глава, в которой восхваляется достоинство того, кто «ушел наилучшим образом» (т. е. стал монахом); начинается с 66-го листа
	Baq tabdoqči	Раздел пятый
[656:3]	16-čiy gecel šqšböd. böloq: 84. casünsü ekelsin bayini	Шестнадцатая глава: о том, как гецул соблюдал обет; начинается с 84-го листа
[656:4]	17-čiy. gerin ezen erkiten ugen bölüq. 94-dü casünsü ekelsen bāini	Семнадцатая глава: о домохозяине, у которого не было органов чувств; начинается с 94-го листа
[656:5]	18-duyr. uügete: eme: bös örgösün bölüq 101 caasnsü ekelsin bāini	Восемнадцатая глава: о бедной женщине, преподнесшей ткань; начинается со 101-го листа
[656:6–7]	19-deqčei: zarcü üügitei eme: ber ȳadayandü. örgüjō. sülösün bölüq / 105 caasnsü ekelsin bayini	Девятнадцатая глава: о том, как нищая служанка продала Гадаене [бедность]; начинается со 105-го листа
[656:8]	20-deqče: alton tengirin bölüq. 108 casünsü ekelsen bāini	Двадцатая глава: о Золотом тэнгрии; начинается со 108-го листа
[656:9]	21-deqče: xoyor izurtun bölüq: 112 casnsü ekelsen bayini	Двадцать первая глава: о том, у кого два рода (происхождения); начинается со 112-го листа
	Zuryduyr baq	Шестой раздел
[656:10]	22-deqče. xān Dabūd yer. tergüügen ögüqson boloq: 115 casnsü ekeljī	Двадцать вторая глава: о том, как пожертвовал свою голову царь Дабуд; начинается со 115-го листа
	Doladuyr baq	Седьмой раздел
[656:11]	23-deqče. ridiq. tuüşmülin dolon kübüüni bölüq. 129 casnsü ekelsen bāni	Двадцать третья глава: о семи сыновьях сановника Ридига; начинается со 129-го листа
[656:12]	24-deqče. ȳajin ĵingbin bölüq: 141 casünsü ekelsin bayini	Двадцать четвертая глава: о царе Гачин-Чингбин; начинается со 141-го листа
[656:13]	25-deqče: eke: gelüng Uüdbuülin bölüq. 146 casnsü ekelsin bayini	Двадцать пятая глава: о монахине Удбале; начинается со 146-го листа
[656:14]	26-deqče. šuüduloq ȳarmın bölüq: 152 casnsü ekelsin bayini:	Двадцать шестая глава: о Шудулогарне; начинается со 152-го листа
[656:15]	27-deqče: xan ašyin bölüq: 155 caasnsü ekilisin bayini	Двадцать седьмая глава: о царе Ашоке; начинается со 155-го листа
[656:16]	28-deqče. alton bumbin bölüq: 158 casnsü ekelsin bayini	Двадцать восьмая глава: о золотом сосуде; начинается со 158-го листа

Тетрадь III

[1606:1]	ȳorboduqču de[q]terin:	[В] третьей тетради
[1606:2]	29-deqče. birmin eme. Debin böloq: 161 nasinsu ekelsin bāini	Двадцать девятая глава: о жене брахмана по имени Дэби; начинается со 161-го листа
	Baq naimdaqčiy	Раздел восьмой
[1606:3]	30-deqče: Jimbiy Čingbiy. daldü odoqson böloq: 164 nasü ekelsin bāini	Тридцатая глава: о том, как Джимби-Чимби вошел в океан; начинается со 164-го листа
[1606:4]	31-deqče. xan Molong Dönggin boloq. 181 casnsü ekelsen bāini:	Тридцать первая глава: о царе Мэлонг-Донги; начинается со 181-го листа
	Ȳiseduyr baq	Девятый раздел
[1606:5]	32-deqče: Leqcol. bolon Nicolin bolon böloq. 185 caasnsü ekelsin bāini	Тридцать вторая глава: о Лекцоле и Ницоле; начинается со 185-го листа

[1606:6]	33-deqčē. xan kübüün Gedüni böloq. 188 casnsü ekelsin bayini	Тридцать третья глава: о царевиче Гедуне; начинается со 188-го листа
[1606:7]	34-deqče gerin ezen Dumjudin böloq: 202 caasnsü ekelsin baini	Тридцать четвертая: глава о домохозяине Думджуде; начинается с 202-го листа
	Baq arbodoqču	Раздел десятый
[1606:8]	35-deqče. xan Miqjidin böloq: 206 {csnsü} ekelsin baini.	Тридцать пятая глава: о царе Мигджиде; начинается с 206-го {листа}
[1606:9]	36-deqče Midüngbö. xuryuni erkitin böloq: 214 casnsü ekelsin baini	Тридцать шестая глава: о Мидунгпо, [обладавшем] пальцами-четками; начинается с 214-го листа
	Baq. arbon negedoyr	Раздел одиннадцатый
[1606:10]	37-deqče. okon: Ninybin böloq 230 caasnsü ekelsin bayini:	Тридцать седьмая глава: о [девушке] Нингамо; начинается с 230-го листа

Тетрадь IV

[233a:1]	dörbödiqčiy deqtirin:	[B] четвертой тетради
[233a:2]	38-deqčiy: Bašo: Zirin böloq: 234 casnsü ekelsin baini.	Тридцать восьмая глава: о Бише-Зирине; начинается с 234-го листа
[233a:3]	39-deqče. gerin ezen Yuqbajini böloq: 238 casnsü ekelsin bayini	Тридцать девятая глава: о домохозяине Югбаджине; начинается с 238-го листа
[233a:4]	40-deqče. birmin Šincirin böloq: 244 casnsü ekelsin baini:	Сороковая глава: о брахмане Шинчире; начинается с 244-го листа
[233a:5]	41-deqče. gerin ezen. Danjilin böloq. 248 caasnsü ekelsin baini	Сорок первая глава: о домохозяине Данджилине; начинается с 248-го листа
[233a:6]	42-deqče: gelong Langbo: Jonggin böloq. 252 casnsü ekelsin baini	Сорок вторая глава: о гелюнге Лангбо-Джонгин; начинается с 252-го листа
	baq arban xoyordoqči	Раздел двенадцатый
[233a:7]	43-deqče. birmin xalaso: örgöson böloq: 256 casnsü ekelsin bayini	Сорок третья глава: о брахмане, сделавшем подношение заплаткой; начинается с 256-го листа
[233a:8]	44-deqče: burxun turoün asrungyun setekil. uüsküson böloq 259 casnsü ekeljı	Сорок четвертая глава: о том, как Будда впервые пробудил мысль о сострадании; начинается с 259-го листа
[233a:9]	45-deqče. xan kübüün. oryasü törqsuni böloq: 261 casnsü ekelsin bani:	Сорок пятая глава: о царе, родившемся из макушки; начинается с 261-го листа
[233a:10]	46-deqče: okon Sumna arbon kübüüni böloq. 267 casnsü ekelsin bāni	Сорок шестая глава: о десяти сыновьях молодой женщины Суманы; начинается с 267-го листа
[233a:11]	47-deqče: Üübüü: Güübüdin böloq. 271 casnsü ekelsin bāini	Сорок седьмая глава: об Убугубде; начинается с 271-го листа
[233a:12]	48-deqče: tabon zun ʔalun tenggirtü törqsön böloq: 278 casnsü ekelsin mon:	Сорок восьмая глава: о пятистах гусях, переродившихся в тэнгриев; начинается с 278-го листа
[233a:13]	49-deqče. arslung Yidim Dambin böloq: 280 casnsü ekelsin bāini	Сорок девятая глава: о льве [по имени] Йидм-Дамби; начинается с 280-го листа
[233a:14]	50-deqče. xorxan tuʔi oūzulson bolog: 284 casnsü ekilsin bāini	Пятидесятая глава, рассказывающая историю червя; начинается с 284-го листа
[233a:15]	51-deqče: gecel Jundan böloq: 287 casnsü ekelsin bāini	Пятьдесят первая глава: о гецуле Ёндоне; начинается с 287-го листа
[233a:16]	üülğurin dala gidıq. sudur töğösbö:	Закончилась «Сутра, именуемая „Море притч.,»

Обращает на себя внимание, что название главы в указанном гарчаке может отличаться от того, которое приводит автор перевода в тексте (в начале и конце каждой из глав). Отчасти это обусловлено тем, что автор-переводчик старался строго следовать тексту тибетского оригинала, в котором действительно имеют место расхождения в наименовании главы в начале и конце ее текста. Различные написания имен, терминов, отдельных слов в тексте перевода, возможно, объясняются тем, что автор руководствовался собственными правилами, которые могли отличаться от установленных некогда Зая-пандитой. Следует подчеркнуть, что перевод выполнялся Тугмюд-гавджи в тот период, когда калмыки уже долгое время пользовались новой системой письма на кириллице, ойратское «ясное письмо» к этому времени практически вышло из активного употребления. Калмыцкие гелюрги руководствовались теми правилами, которые им были преподаны в процессе обучения, но со временем они могли быть забыты, а взамен им составлены новые.

Таким образом, из приведенных гарчаков видно, что глав-историй в общей сложности насчитывается 51, они объединены в разделы (I–XII), причем количество глав

разнится по разделам. Есть ли какой-то принцип, по которому эти разрозненные истории объединялись в разделы, пока предстоит выяснить. В целом можно отметить, что произведение в оригинале четко структурировано, составляющие его части оформлены по единому образцу, что мы наблюдаем и в переводе Тугмюд-гавджи.

Несмотря на то, что некоторые разделы объединяют до 10 рассказов (историй), ряд разделов насчитывает всего по 2–3 рассказа (III, VI, VII разделы) и даже 1 рассказ (разделы IV, XI). Подобное распределение рассказов (историй) по разделам позволяет предположить, что та тибетская версия, которая получила широкое распространение и стала известна монголам, возможно, имела некий более обширный образец — первоисточник, о котором писал известный российский тибетолог Б. И. Кузнецов [Кузнецов 2002: 26].

В заключение особо отметим, что перевод «Сутры о мудрости и глупости», осуществленный Тугмюд-гавджи в 1960-х гг., является большой заслугой буддийского священнослужителя перед калмыцкой культурой. В этой работе проявился его талант переводчика, систематизатора, популяризатора буддийской литературы и культуры.

Источники

- Dzan — 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo (Сутра о мудрости и глупости). Ксилограф на тибетском языке. Ф–8 (Фонд редких рукописей). Оп. 1, ед. хр. 1, 172 л. (Поступил от О. М. Дорджиева).
- Oülgurun dalai — Oülgurun dalai (Море притч). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на «тодо бичиг». — Научный архив КИГИ РАН. Ф–8 (Фонд редких рукописей). (Поступила от О. М. Дорджиева в 1968 г.). Оп. 1, ед. хр. 2. Тетради 1–4. 289 л.
- Z.-P. — Oirat Version of Damamūkonāmasūtra. Üligeriin dalai // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XVI, fasc. 2. Ulaanbaatur. 1970. 120 p.
- mDo sde — 'Phags pa mdo sde dkon brtegs kyī kar chag brjed byang bzugs so (Каталог редких изданий из отдела Сутр). — Научный архив КИГИ РАН. ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. I, ед. хр. 242. Ксилограф на тибет. яз. Китайск. изд-е. 28 л.
- Su gel — Su gel 'bar ma'i dpe cha'i kar chag (Каталог печатных изданий Цугольского даца-

на). — Научный архив КИГИ РАН. ФД–15 (Фонд О. М. Дорджиева). Оп. I, ед. хр. 24. 3 л.

Литература

- Кузнецов Б. И. Ранний буддизм и философия индуизма по тибетским источникам. СПб.: Изд. группа «Евразия», 2002. 224 с.
- Лувсанбалдан Х. Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Ред. Ц. Дамдинсүрэн. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны академийн хэвлэх үйлдвэр, 1975. 356 х.
- Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы Oülgurun dalai «Моря притч») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 3, 2012. С. 167–185.
- Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII–XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста: НПП «Джангар», 2013. 150 с.

- Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР. Т. 1. М.: Наука. ГРБЛ, 1988. 508 с.
- Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения РАН. Т. 2. М.: Вост. лит., 2001. 415 с.
- Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Базаров А. А. Буддийское книгопечатание Бурятии XIX–начала XX вв. Улаанбаатар: Admon, 2006. 222 с.

- Brief Catalogue of Oirat Manuscripts kept by Institute of Language and Literature. Vol. III. by G. Gerelmaa. Ulaanbaatar: Соёмбо принтинг. 2005. 270 p.
- Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA). 2001. 530 p.

Sources

- [’Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chenpo’i mdo: Sutra of the Wise and the Foolish]. Tibetan-language xylograph. At: Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS, Scientific Archive. Ф–8 (Collection of Rare Manuscripts). Ser. 1. Item 1. 172 p. (In Tib.) (Donated by O. M. Dordzhiev)
- [’Phags pa mdo sde dkon brtegs kyi kar chag brjed byang bzhugs so: Catalogue of Rare Sutra Editions]. Tibetan-language xylograph, Chinese edition. At: Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS, Scientific Archive. ФД–15 (O. M. Dordzhiev Collection). Ser. I. Item 242. 28 p. (In Tib.)
- [Oülgurun dalai: The Sea of Parables]. Clear Script (Kalmyk-language) manuscript translation by Tugmyud Gavji. At: Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS, Scientific Archive. Ф–8 (Collection of Rare Manuscripts). Ser. 1. Item 2. Writing books 1–4. 289 p. (In Kalm.) (Donated by O. M. Dordzhiev in 1968)
- [Su gel ’bar ma’i dpe cha’i kar chag: Catalogue of Print Editions by Tsugol Datsan]. At: Kalmyk Humanities Research Institute of the RAS, Scientific Archive. ФД–15 (O. M. Dordzhiev Collection). Ser. I. Item 24. 3 p. (In Tib.)
- Oirat Version of Damamūkonāmasūtra. Üligeriyyin dalai. *Corpus Scriptorum Mongolorum*. 1970. Vol. XVI, fasc. 2. 120 p. (In Oir.)

References

- Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature.

- Vol. III. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2005. 270 p. (In Eng. and Mong.)
- Kuznetsov B. I. [Early Buddhism and Philosophy of Hinduism: a Case Study of Tibetan Sources]. St. Petersburg: Evraziya, 2002. 224 p. (In Russ.)
- Luvsanbaldan Kh. [Clear Script and Its Monuments]. Ts. Damdinsuren (ed.). Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)
- Muzraeva D. N. [Tibetan-Mongolian Narrative Literature: 17th – 18th Centuries]. Elista: Dzhangar, 2013. 150 p. (In Russ., Mong. and Oir.)
- Muzraeva D. N. The Sea of Parables, Chapter 6, Tyugmyud Gavji’s manuscript translation: archeographic description and textual analysis. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2012. No. 3. Pp. 167–185. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988. 508 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. [Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs]. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 415 p. (In Russ.)
- Syrtyanova S. D., Garmaeva Kh. Zh., Bazarov A. A. [Buddhist Book Printing in Buryatia: 19th – Early 20th Centuries]. Ulaanbaatar: Admon, 2006. 222 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), 2001. 530 p. (In Eng.)

ГЛАВА «О ПУСТОТЕ» ИЗ ОЙРАТСКОГО ПЕРЕВОДА «СУТРЫ ЗОЛОТОГО СВЕТА»

The Chapter «About Emptiness» from the Oirat Translation of «The Sutra of Golden Light»

Бичеев Б. А. (B. Bicheev)¹

¹доктор философских наук, заведующий отделом письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philosophy, Head of the Department of Written Monuments, Literature and Buddhology at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: bazar@mail.ru.

В статье дан краткий анализ содержания шестой главы «О пустоте» ойратского перевода рукописи «Сутры Золотого света». В этой небольшой по своему объему главе сутры содержится краткое наставление о пустоте всех явлений.

Ключевые слова: буддизм, сутра, ойратский перевод, Зая-пандита, философия буддизма, учение о пустоте.

In Mahayana Buddhism there are several sutras devoted to the doctrine of Prajnaparamita, (the perfection of wisdom). One such sutra is «The Sutra of Golden Light». It was translated from Tibetan into Oirat by Zaya-Pandita in the middle of the XVIIth century. Today there are about 50 manuscripts' copies in «clear writing» stored in scientific archives, and private collections in China, Mongolia and Russia.

Mahayana texts of Prajnaparamita are based on teachings of emptiness. Chapter VI „About Emptiness“ and Chapter XXI «Final» of the text of «The Sutra of Golden Light» are devoted to this theme. The main idea of Chapter VI „About Emptiness“ is that a larger part of what is considered by a person as an obstacle, stems from the deep-seated grasping at his own existence and self-centeredness that it generates. The doctrine of emptiness is presented in this chapter in a clear and concise form for ordinary believers, untrained in the philosophy of Buddhism. The article contains the transliteration and Russian translation of the sixth Chapter «About emptiness» from the Oirat translation of «The Sutra of Golden Light».

Keywords: Buddhism, sutra, Oirat translation, Zaya Pandita, the philosophy of Buddhism, the doctrine of emptiness.

Согласно буддийской традиции, сутры представляют собой подлинные проповеди самого основателя буддийского учения — Будды Шакьямуни. По мнению исследователей, сутры, сохранившиеся на языке пали, принадлежат традиции хинаяны, а санскритские сутры образуют наследие другого направления буддизма — махаяны. Первые сутры махаяны появились на рубеже I в. до н. э. — I в. н. э. Тибетская традиция махаяны сформировалась лишь в VII — XII вв. [Торчинов 2000: 8–13].

В буддизме махаяны существуют несколько сутр, посвященных доктрине праджняпарамиты («совершенной мудрости»). Одной из таких сутр является «Сутра Золотого света» (санскр. *Ārya suvarṇaprabhā sōttama sūtreṇḍa rāja nāma mahāyana sūtra*;

тиб. *„Phags pa gser 'od dam pa mdo sde'i dbang po'i rgyal po zhes bya ba theg pa chen po'i mdo*).

«Сутра Золотого света» — одна из самых известных сутр буддизма махаяны. Начав в свое время распространение из Индии в Китай и Тибет, она стала известна в Японии, Корее, Вьетнаме, Монголии, а также в буддийских регионах России. Перевод «Сутры Золотого света» на ойратский язык с тибетского текста был осуществлен Зая-пандитой в середине XVII в. Известно, что ойратским просветителем первыми были переведены сутры праджняпарамиты: «*Dorjī zodba*», «*Tarpa čenpo*», «*Caγān šükürtü*». «Сутра Золотого света» под названием «*Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke külgüni sudur orošibo*»

(краткое название «*Altan gerel*») значится пятой из 186 наименований сутр, шаштр, тантрических и других сочинений, указанных в труде Раднабхадры «Лунный свет: История рабджамбы Зая-пандиты» [Раднабхадра 1999: 62].

Рукописные и печатные тексты сутры «*Altan gerel*» получили широкое распространение среди монгольских народов. Согласно одному устному преданию, сутра «*Altan gerel*» была определена объектом особого почитания для монголов самим Далай-ламой III Содном Гьяцо [Бат 2012].

На сегодня известно около 50 списков рукописей на «ясном письме», хранящихся в научных архивах и частных коллекциях на территории Китая, Монголии и России. В фонде ойратских рукописей Института языка и литературы АН Монголии хранится 30 списков «*Altan gerel*» [Gerelmaa 2005: №№ 16, 103–110, 112, 1, 275–277, 363, 450–451, 455, 477, 593 (2), 597 (6) – 598 (7), 841–842 (114), 843, 844 (116), 845 (117), 932, 933 (17), 936 (27), 1013]. В Калмыкии находятся три списка сутры. Одна рукопись хранится в библиотеке Центрального хурула «Золотая обитель Будды Шакьямуни», две — в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН. При этом следует отметить, что две из этих трех рукописей были привезены в свое время из Монголии. В фонде ойратских рукописей Кабинета по сбору, каталогизации и изданию письменных памятников национальных меньшинств Отдела религии Управления по делам национальностей СУАР КНР хранится пять списков сутры «*Altan gerel*» [Бичеев 2011]. Еще пять рукописей хранятся в частных коллекциях жителей Или-Казахской автономной области СУАР КНР [Inouye 2009].

Известно также о двух ксилографических изданиях сутры «*Altan gerel*» [Лувсанбалдан, Бадмаев 1970]. Один экземпляр ксилографа, издание которого было осуществлено в Джунгарском ханстве во времена правления Галдан-Церена (1727–1745), до недавнего времени хранился в архиве Института языка и литературы АН Монголии [Лувсанбалдан 1975]. Экземпляр другого ксилографа, изданного в Калмыцком ханстве в период правления Дондук-Даши (1741–1761), находится в личной коллекции Ш. Увелзенг-генге (г. Монголкурэ, СУАР КНР) [Minyad Erdemtu 2015].

Махаянские тексты праджняпарамиты образуют ядро «второго поворота колеса

Дхармы» и основаны на учениях о пустоте (ойр. *xōsun*). Эти тексты указывают на разнообразные категории нечистых (пять скандх; ойр. *küseliyin tabun züiyil*) и чистых (Четыре благородные истины; ойр. *dörbön ünep yosun*) явлений, но в то же время они косвенно представляют различные уровни проникновения в понимание пустоты. Если учение первого поворота колеса Дхармы делает упор на страдании и его прекращении, то учение второго поворота делает акцент на пустоте всех существующих явлений. По мнению Его Святейшества Далай-ламы XIV, уже в первой своей проповеди, известной как «первый поворот колеса Дхармы», Будда разъясняет закон взаимозависимого возникновения природы Четырех благородных истин и закладывает важнейшие основы учения о пустоте. В основе этой первой проповеди лежит утверждение о том, что все вещи и явления возникают в результате сочетания причин и условий. Таким образом, если первый поворот закладывает базовую структуру пути к просветлению в рамках Четырех благородных истин, то второй поворот колеса, состоящий главным образом из текстов праджняпарамиты, раскрывает Третью благородную истину в контексте глубокого видения пустоты как истинной природы реальности [Далай лама 2008: 25].

В тексте «Сутры Золотого света» этой теме посвящена шестая глава «О пустоте» («*Suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel-ēce: xōsun činariyin bōlōq kemēkūi inu zurγaduyār bui*») и двадцать первая глава «Завершающая» («*Suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel-ēce: xurāqsan bōlōq kemēkūi inu xorin nigedügēr bui*»). Суть изложенного в главе «О пустоте» заключается в идее о том, что большая часть того, что воспринимается человеком как препятствие, проистекает из глубоко укоренившейся привязанности к собственному существованию и эгоцентризма, который оно порождает. Поэтому в данной главе учение о пустоте дается на основе закона взаимозависимого происхождения (ойр. *šitiin barildulya*) для простых верующих, неискушенных в теоретических построениях философского буддизма.

Суть двенадцатичленной цепи взаимозависимого происхождения визуально выражена в содержании танки «Круг Сансары» (ойр. *Сансрин күрд*) [Позднеев 1993: 77–83]. Третий внешний круг символической картины мира на этой танке содержит двенад-

цать изображений, разъясняющих причины и следствия происхождения явлений мира материального и духовного. Согласно традиции праджняпарамиты, исходной точкой всех существующих явлений является невежество (ойр. *munghaq*), которое символизирует фигура слепого человека с тростью. В других традициях буддизма исходной точкой разъяснения всех существующих явлений является старость и смерть (ойр. *ötölkü ükükü*). Текст главы вкратце формулирует глубокое проникновение в учение о пустоте, исходя из последовательности этапов духовного развития личности. Отсюда и основная функция сутры — активно воздействовать на сознание человека через практику пустоты.

Таким образом, центральной темой сутры выступает неизменное сочетание мудрости и сострадания. Они дополняют, развивают и углубляют темы, затронутые в более ранних учениях Будды. Непосредственное осознание пустоты, по свидетельству современных учителей буддизма, есть «абсолютная бодхичитта», т. е. осознание пустоты в союзе с бодхичиттой — устремлением стать буддой, во благо всех существ. Следовательно, в «Сутре Золотого света», являющейся составной частью основного корпуса сутр праджняпарамиты, глубоко закреплено альтруистическое устремление к освобождению во благо всех существ, являющееся фундаментальным мотивом духовного поиска в буддизме махаяны.

Публикуемый перевод и транслитерация текста шестой главы «*Altan gerel*» осуществлены нами с рукописи, хранящейся в Научной библиотеке им. П. Э. Алексеевой КИГИ РАН. Текст памятника представляет собой традиционно оформленную рукопись на «ясном письме», все торжественные слова и имена выделены красной тушью. Этот список рукописи был передан в дар КИГИ РАН (тогда КНИИЯЛИ) в сентябре 1968 года во время проведения научной конференции, посвященной 320-летию «ясного письма», Институтом языка и литературы АН Монголии.

Для сравнительного анализа публикуемого текста нами использовались четыре списка «*Altan gerel*» (две из которых представляют собой рукописные копии с калмыцкого и джунгарского ксилографов), а также текст калмыцкого ксилографа «*Altan gerel*», хранящегося в личном архиве Увелзэнг-генге. Таким образом, при осуществ-

лении транслитерации и перевода шестой главы «О пустоте» нами были использованы следующие списки ойратского текста сутры «*Altan gerel*»:

1. *Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke kölgöni sudur orošoboi*:: Ойр. рук., 93 л., 42×11 (32×8.5), 16–29 стк., плотная желтая бумага, черная и красная тушь. Научная библиотека им. П. Э. Алексеевой КИГИ РАН. (Рукопись передана в дар КНИИЯЛИ от ИЯЛ АН Монголии в 1968 г.)¹.
2. *Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke kölgöni sudur orošoboi*:: Ойр. рук., 82 л., 47,5×15 (33×1,5), 25–31 стк., плотная желтая бумага, черная и красная тушь. Библиотека Центрального хурула Золотая обитель Будды Шакьямуни. (Рукопись передана в дар библиотеке от к.ф.н. А. В. Бадмаева)².
3. *Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke kölgöni sudur orošoboi*:: Ойр. рук., 96 л. + 2 л., 42×1.7 (38×7), л. 1 — 26 стк., л. 2 — 25 стк., л. 3 — 32–35 стк., русская бумага с филигранью С BLAUS, черная тушь. Копия с калмыцкого ксилографа. Инв. № 16. Научный архив КИГИ РАН³.
4. *Xutuq-tu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke kölgöni sudur orošobo*:: Факсимильное издание ойратской рукописи, 93 л., черная и красная тушь. Копия с джунгарского ксилографа⁴.
5. *Xutuqtu suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū altan gerel kemēkü yeke kölgöni sudur orošoboi*:: Калм. ксилограф, 131 л., 42×11, 26–28 стк., черная тушь. На каждом листе печать красного цвета (текст печати расшифровать не удалось). Личная коллекция Ш. Увелзэнг-генге (СУАР КНР)⁵.

Для сравнительного анализа текста использовалась также транслитерация калмыцкого текста рукописи, опубликованная в 1929 году в Лейпциге [Haenisch 1929]⁶.

¹ Далее в тексте транслитерации: AG-b.

² Далее в тексте: AG-x.

³ Далее в тексте: AG-a.

⁴ Далее в тексте: AG-d.

⁵ Далее в тексте: AG-k.

⁶ Далее в тексте: AG-l.

Литература

Бат Д. Агваанчойдор гуайн ярьсан «Монгол, Төвд бурханы шашны аман түүх». Улаанбатар: МУИС, 2012. 449 х.

Бичеев Б. А. Фонд ойратских рукописей комитета по делам национальностей СУАР КНР // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 25–26 ноября 2010 г. М.: Издат. центр РГГУ, 2011. С. 240–244.

Далай-лама XIV Тензин Гьяцо. Сутра сердца: учение о праджняпарамите. Элиста: Океан мудрости, 2008. 356 с.

Лувсанбалдан Х. Тод усэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэх, 1975. 356 х.

Лувсанбалдан Х., Бадмаев А. В. Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл» // 320 лет старокалмыцкой письменности. Мат-лы науч. сессии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 80–93.

Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. (Сер. «Наше наследие»). Изд. репринт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с.

Раднабхадра. Лунный свет. История рабдхамбы Зая-пандиты. СПб.: С.-Петербург. востоковед., 1999. 176 с.

Торчинов Е. А. Предисловие // Избранные сутры китайского буддизма. СПб.: Наука, 2000. С. 5–26.

Altan Gerel. Die westmongolische Fassung des Coldglanzsūtra nach einer Handschrift der Kgl. Bibliothek in Kopenhagen. Herausgeben von Erich Haenisch. Leipzig, 1929. 122 p.

Gerelmaa G. Brief Catalogy of oirat manuscripts kept by Institute of language and literature bu Gerelmaa Guruuchin. Хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод үсгийн номын товч бүртгэл. Ulaanbaatar: ХЗК ШУА, 2005. 270 с.

Altan Gerel. Die westmongolische Fassung des Coldglanzsūtra nach einer Handschrift der Kgl. Bibliothek in Kopenhagen. Herausgeben von Erich Haenisch. Leipzig, 1929.

Minhyad Erdemtu erkelen nayirayulbai. Halimaq bar-un «Altangerel»-un sudulal. Minhyad Erdemtu latin üsüg-tü bayulʻajʻu, üges-ün tayilbur, üges-ün kelkeyesu kebe. Begejing, 2009. 510 с.

Inouye Osamu, Minhyad Erdemtu, Amur genggei, Sayinbayar genggei, Dosan, Torubatu-nar nayirayulbai. Šinjiyang-un Ili-yen qasag ündüsüten-u öberteken ʻasaqu-yeu-yin ögeled mongyolčud-un qadagalʻju bayiqʻa mongyol qayičin nom bičig-un ʻarčag. Begejing, 2009. 210 с.

References

[Altan Gerel: A Western Mongolian Version of the Sutra According to the Manuscript Housed by the Royal Library (Copenhagen)]. Erich Haenisch (ed.). Leipzig, 1929. 122 p. (In Germ.)

14th Dalai Lama Tenzin Gyatso. [The Heart Sutra: Teaching of Prajnaparamita]. Elista: Okean Mudrosti, 2008. 356 p. (In Russ.)

Bat D. [‘Oral History of Buddhism in Mongolia and Tibet’ by Agvaanchoidor]. Ulaanbatar: MUIS, 2012. 449 p. (In Mong.)

Bicheev B. A. Oirat Manuscript Foundation of the XUAR Nationalities Committee Nationalities Affairs (PRC). In: [Memory of the World: Historical and Documental Heritage of Buddhism]. Conf. proc. (Moscow; November 25–26, 2010). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2011. Pp. 240–244. (In Russ.)

Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 2005. 270 p. (In Eng. and Mong.)

Inouye Osamu, Minhyad Erdemtu, Amur genggei, Sayinbayar genggei, Dosan, Torubatu-nar nayirayulbai. Šinjiyangun Ili-yen qasag ündüsüten-u öberteken ʻasaqu-yeu-yin ögeled

mongyolčud-un qadagalʻju bayiqʻa mongyol qayičin nom bičig-un ʻarčag. Beijing, 2009. 210 p. (In Mong.)

Luvsanbaldan Kh. [Clear Script and Its Monuments]. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)

Luvsanbaldan Kh., Badmaev A. V. Altan Gerel: One Kalmyk Xylographic Edition Revisited. In: [Celebrating the 320th Anniversary of Old Kalmyk (Clear) Script]. Proc. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 80–93. (In Russ.)

Minhyad Erdemtu erkelen nayirayulbai. Halimaq bar-un «Altangerel»-un sudulal. Minhyad Erdemtu latin üsüg-tü bayulʻajʻu, üges-ün tayilbur, üges-ün kelkeyesu kebe. Beijing, 2009. 510 p. (In Mong.)

Pozdneev A. M. [Sketches of the Life of Buddhist Monasteries and Clergy in Mongolia, in Connection with the Latter’s Relation to the People]. Reprint. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 512 p. (In Russ.)

Radnabkhadra. [The Moonlight: Story of Rabjampa Zaya Pandita]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)

Torchinov E. A. Foreword. In: [Selected Sutras of Chinese Buddhism]. St. Petersburg: Nauka, 2000. Pp. 5–26. (In Russ.)

Транслитерация¹

Tegēd ilayun togūsūn üleqsen tere caq-tu šülūq edeni zarliq bolboi:
sedki=ši ügei busu sudur noḡoud-tu:
xōsun nom noḡoudi maši delgerenggüi nomloboi:
tere metü-yin tula manglai dēdū sudur ende:
xōsun nom noḡoudi tobčiyin² tödüi nomloqson³:

üčüūken oyoutai ami=tan teyin ülü medeküyin tula:
nom noḡoud bḡgüde-yi meden ülü čidaxu:
tere metüyin tula dēdū manglai sudur ende:
xōsun nom noḡoudi tobčiyin⁴ tödüi nomloboi⁵::

¹ Условные знаки, используемые в транслитерации текстов:
Слова, выделенные в тексте красной тушью, в транслитерации подчеркнуты;
В квадратные скобки [] заключены слова или буквы, исправляющие ошибки, имеющиеся в рукописи;
В круглые скобки () заключены межстрочные вставки в тексте рукописи;
Знаком = обозначены переносы в тексте рукописи.

² AG-k: tobčín.

³ AG-d: nomlon üyiledümüi; AG-a: nomloqson-yēr.

⁴ AG-l: tobčín.

⁵ AG-d: sayitur nomlobo-yi.

amitan bögüde¹ mayad meden üyiledkü kigēd:
amitani yaryan üyiledküyin tula örösöng=güyin erkēr:
arya kigēd yosun kigēd busu ündüsün noyoud-yēr:
erketü dēdū manglai sudur öüni nomlomui²::

ene beye xōsun balıad ger³ yambarçılan:
erketün⁴ noyoud ceriq kigēd dērme-lügē⁵ adali:
tede bögüde nige bal=yadtu oroşixu mōn bolbo:
tede inaqşi činaq=şi teyin ülü medekü:

nidüni erketü dürsün boluqsan noyoudtu güyikü:
čikini erketü dou teyin sinjilekü:
xabariyin erketü eldeb ünüri ünüskü⁶:
keleni erketü nasuda amtandu⁷ güyikü:

beyeyin er=ketü kürölge noyoud-tu güyikü:
sedkiliyin er=ketü nom noyoudi teyin sinjilekü: [19b]
zuryān erketü ede inaqşi činaqşi:
öbör öbörüin oron-du maşi oron üyiledkü::

sedkil yelbi metü kelbērikü mōn:
zuryān erketü oro [teyin] şinjilen üyiledkü:
yamāru nige kümün xōsun balıad-tu [d]obtulxu⁸ kigēd:
ceriq kigēd dērmetei oroşixu metü::

yamāru sedkil zuryān oron-du oroşin üyiledün:
erketüyin yabudaliyin oro čü sayitur medekü:
tere metü sedkil zuryān oron-du oroşin üyiledči:
erketeni yabudaliyin⁹ oron noyoudi čü sayitur medekü::

dürsün kigēd doun tögünçilen ünür noyoud:
amtan kigēd kürölge tögünçi=len yabudaliyin oron nom:
sedkil zuryān erketen xamuq-tu: erkeşin oroşi
şoboun metü kelbērikü boluyu::

erketü xamiyā xami=yā oroşin üyiledüqsen:
tere erketü¹⁰ mede=kui mōn činartai üyiledkü:
beye¹¹ kelbērikü ügei üyiledkü ügei:
züreke ügei şiltān-ēce boluqsan mōn::

ünen busu oyōto sejiqleküi-ēce¹² boluqsan:
xōsun balıasun¹³ üyileyin endöüröülküi kürdü metü oro=şixu:

¹ AG-d: bögüde.

² AG-x, AG-x: nomlobui.

³ AG-x: balıad-bēr.

⁴ AG-d, AG-x: erketen.

⁵ AG-k, AG-d, AG-a: dērme-lüyā.

⁶ AG-x, AG-x: ünüstekü.

⁷ AG-x: amitan-du.

⁸ AG-b: tobtulxu.

⁹ AG-x: erketü yabudali.

¹⁰ AG-x: tere erketü.

¹¹ AG-x: в этой строке «beye» отсутствует.

¹² AG-x: sinjiqleküi-ēce

¹³ AG-l: balıasun-du.

ɣazar¹ ɣal usun kigēd kei noɣoud:
 öbörödü² orošin züq züq-tü oro=šixu::
 üliǵerlükülē xorotu moɣoi nige oron-du yambarčılan:
 nasuda inaq=ši činaqši zokilduxu busu metü:

maxamudiyin dörbön moɣoi noɣoud tede čü:
 xoyor inu dēqsi yabuxu
 xoyor [20a] inu doroqši yabuxu::

züq kigēd züq zübki noɣoud-tu:
 xošōdku maxamudiyin [m]oɣoi³
 tede bügüde ebderekü boluyu:

šoroyin moɣoi kigēd usuni moɣoi noɣoud:
 ene xoyor doroqši cuburin üyiled=kü mön::
 ɣaliyin moɣoi kigēd keyin moɣoi:
 ene xoyor dēqši oqtorɣui-du yabu=xu mön:

yamāru urida üyiledüqsen üi=le noɣoud-yēr:
 sedkil kigēd teyin mede=küi bükün-dü orošin yabuxu:
tenggeri kümün kigēd ɣurban mou zayātan-du:
 yamāru üyile=düqsen zayāni sangsar-tu⁴ törökü:

badxan kei kigēd cösün baraɣdaxulā:
 beye inu šēsü kigēd mou böljisün-yēr düürkü::
 ilerkei ülü tālaxui xoroxoyin coqco bolxu:
 ükēr noɣoudtu tarxa⁵ modun metü bolxu:

okin tenggeri či nom eden-dü üze:
 öün-dü amitan tögünčilen budɣali kigēd:
 nom noɣoud ede bügüde xōsun:
 mungxaq⁶ šiltān-ēce boluqsan mön:

yeke maxamud ede ülemji bolxu busu:
 ese boluqsan-ēce bolun ülü bolxu mön::
 youni tula bolxu ülü bolxu⁷:
 töüni tula yeke maxa=mud kemēn bi ögüülemüi:

ese uxaqsan-ēce öbörö kezē⁸ čü bui busu:
 mungxagiyin šiltān-ēce boluqsan mön:
 mungxaq ene bui busu:
 töüni tula bi mungxaq öüni nomlomui⁹:

xurān üyiledküi teyin medeküi nere kigēd dürsün selte:
 zuryān törön tügeküi [20b] kürgeküi kigēd mede(re)küi:
 [baxa] abxui kigēd tögün=čilen sangsar:
 töröküi kigēd ötölkü ükü=kü ɣasalang xor noɣoud::

¹ AG-d: šoroi kigēd.

² AG-d: öbörö balɣad-tu.

³ AG-b: noɣoi.

⁴ AG-x: zabsartu.

⁵ AG-k, AG-a: tarana.

⁶ AG-d: mungxagiyin

⁷ AG-d: youni tula maxamud ülü bolxu.

⁸ AG-k, AG-a: mungxaq daširamdu; AG-к: ese uxaqsan-ēce mungxaq daširamdu.

⁹ AG-d: nomlobui.

orčilong=giyin zobolong sedkiši ügei:
orči=longgiyin kürdü yamāru oroşıqson noyoud:
ese boluqsan-ēce boluqsan kigēd ülü bol=xu:
yosör busu sedkil-yēr teyin sinjile=kü¹:

mini üzen üyiledüqseni šinjilen² üyile=dümüi³:
belge biliq⁴ ildü-bēr nišvānis⁵ dalai tasu=lun
coqcoyın oronı xōsun boluqsani üze:
bodhi-yin erdem ayui yekei uxa⁶ üyiled::

bi aršān abxui balıyadiyın öüde čü nēn:
aršāni šüüsünü saba čü xamuq-tu üzülü=bei:
bi aršāni abxui balıyadiyın oron tende oromui⁷:
bi aršāni šüüsün-yēr öbörön xanun üyiledbei::

bi nomiyın dēdū yeke kenggerge [čingya] deledün:
bi nomiyın dunggiyın dēdüyü čü tatan⁸:
bi nomiyın dēdū zula šitān⁹ üyiledbei:
bi nomi-yin dēdū xura oroulbai:

bi nišvānišiyın manglai dayisun noyoudi ilaqbai:
bi nomiyın dēdū ilayūqsan belgetei¹⁰ bos=xoboi:
sangsariyın dalai-ēce¹¹ amitani sayitur getülgebei:
bi yurban mou zayā=tani mör noyoudi xābai::

nišvānišiyın ɣal-yēr enelūqsen amitan
sütē ügei bolun ömō sadun ügei:
amitan nišvānišiyın ɣal-yēr enelūqseni amurliulun üyiled=či:
aršāni seriün šüüsün-yēr [21a] xangyan üyiledbei::

youni¹² tula olon ɣalabtu uridu bi:
uduriduqči-yi sedki=ši ügei¹³ takin üyiledbei:
nomiyın beye töüni oyōto eriküi-dü:
batu nomoyodxon oroxui-bēr¹⁴ bodhi-yin tula yabuji::

ɣar nidün kigēd kül: gešöünü dēdū kigēd
tālaxui küböün kigēd okin:
ede iq¹⁵ mañi subud čimeq kigēd:
altan beñduryā kigēd eldeb erdeni [ögün]:

¹ AG-d: sinjilekü kigēd.

² AG-d: tasulun.

³ AG-d: bidü üzen üyiled=küi tasulun üyiledün.

⁴ AG-d, AG-a: belge biligiyn.

⁵ AG-d, AG-a: nišvānišiyın.

⁶ AG-d: kürün.

⁷ AG-d: orōd.

⁸ AG-d: tatabai.

⁹ AG-x: badaroulun; AG-d: šiltān.

¹⁰ AG-l: belgetügi bosxon; AG-x: belgetü-yi.

¹¹ AG-κ, AG-a: künöl-ēce.

¹² AG-l: ali ni.

¹³ AG-d: sedkiši üge-yi uduriduqči-yi.

¹⁴ AG-x: oroyixui-du-bēr.

¹⁵ AG-κ, AG-a: djiq.

γurban mingγani xamuq zemištei modun kigēd:
 öböšün kigēd xamuq öböšün noγoud:
 oi šuyui noγoud kigēd γazar-ēce
 urγuqsan xamu=gi utulun kerčiji:

tede xamugi xarin kem=kelün:
 maši (narin) tōsun metü üyiledči:
oqtorγuyin mandal kedüi činēn-dü:
 kemkedegi-yin coqco coqcolon:

öüni γurbun xübi-du ilγan čidaxu:
 γazar-tu šoroï bui noγoud:
 γurban mingγan xamugiyin:
 tōsuni oron sed=kiši ügeyigi:

amitan бүгүде али медеқсен:
 tere nige amitani bolxu:
 medeküi töün-yēr tōsun noγoudi-yin:
 üyirmegi tōlon üyiledküi inu:

amitan бүкүн-ēce sayitur γaruqsan:
 belge biliq sayitur tögösüqsen kümün noγoud:
 xamugi tōlon čidaxu bolxu:
ilaγuqsani medeküyigi ülü čidaxu:

yeke čidaqčiyin belge biliq ali:
 nige aqšani nigen-dü orošixuyigi¹ čü:
 olon jevā γalab-tu:
 xamiγā čü tōlon ülü čida=xu::

Suduriyin ayimagiyin erketü xān dēdū [21b] altan gerel-ēce: xōsun činariyin bölöq kemē=küi
 inu zuryaduγār bui:: : ::

Перевод

Затем *Бхагаван*² в то время произнес эти строфы:

В других сутрах, [число которых] неохватно мыслью,
*Пустота дхарм*³ изложена весьма подробно.
 Поэтому в этой высшей главенствующей сутре
Пустоту дхарм изложу весьма кратко.

Существа с малыми умственными способностями
 Все [существующие] *дхармы* постичь неспособны,
 Поэтому в этой высшей главенствующей сутре
Пустота дхарм изложена весьма кратко.

Дабы все существа непременно смогли постичь [*дхарму*],
 Ради спасения существ силой сострадания,
 Метод, порядок, средства и иные способы
 Излагаются в этой высшей главенствующей сутре.

¹ AG-k, AG-a: orochoi-gi.

² Бхагаван (санскр. bhagavat; тиб. bcom ldan 'das) — эпитет Будды (досл.: Победоносно прошедший).

³ Дхарма — одно из основных понятий буддийской философии, имеющее множество значений (учение, явления, порядок, закон, качество, природа и др.).

Это тело подобно пустому дому,
Органы чувств, как солдаты и разбойники.
Хотя все они находятся в одном доме,
Однако они не ведают о существовании друг друга.

Орган зрения следует за каждой из форм,
Орган слуха анализирует звуки,
Орган обоняния различает множество запахов,
Орган вкуса постоянно следует за вкусами.

Орган осязания гоняется за осязаемым,
Орган ума анализирует *дхармы* [19b].
Шесть органов чувств¹ не ведают о существовании друг друга,
Каждый по отдельности воспринимает объект.

Ум, подобно волшебному [миражу], изменчив,
Шесть органов чувств по отдельности воспринимают объект,
Подобно некому человеку, мечущемуся в пустом доме,
Оказавшись среди солдат и разбойников.

Подобно тому, как ум в зависимости от *шести объектов*,
Познает объект восприятия [шести] чувств.
Подобно этому ум, в зависимости от *шести объектов*,
Постигает объект восприятия [шести] чувств: формы и звуки,
а также запахи, вкус и осязание, а также *сферу явлений*,

Ум, находя главенствующим все шесть чувств,
Колеблется, подобно птице, [перелетающей с места на место].
Которое из чувств воспринимается [главенствующим],
Свойственное ему представление становится истинным.

Тело – неподвижное, бездеятельное,
Произошедшее от *лишенных сущности* причин,
Всцело возникшее из *неверных представлений*,
Подобно пустому дому и обманчивому круговороту деяний.

Земля, огонь, вода и ветер
Присутствуют в тех или иных местах [тела].
Подобно ядовитым змеям [оказавшимся] в одном месте,
Они находятся в постоянном несогласии между собой.

Четыре *элемента*-змеи [тела],
Две из которых «ползут» вверх, а две — [20a] вниз,
По двое [«расползаются»] во все стороны.
Так происходит разрушение всех *элементов*-змей.

Змея земли и змея воды
Вдвоем сползают вниз,
Змея огня и змея ветра
Вдвоем устремляются вверх, в небо.

От того, какие ранее совершены были деяния,
Зависят все проявления ума и сознания,
В мире *богов, людей* или *трех неблагоприятных рождений*
Оказываются, в зависимости от *накопленных деяний*.

¹ В буддизме к пяти органам чувств (осязание, обоняние, зрение, вкус, слух) добавляется также ум.

Когда истощаются слизь, ветер и желчь,
Тело наполняется мочой и нечистотами,
Становясь отвратительной грудой червей,
Словно сгнившее дерево, и его оставляют на кладбище.

Богиня [Бодхисаттвасамучая], зри так на все *дхармы*:
Существа, а также *личности* и явления —
Все они *пусты*, [поскольку]
Возникновение их обусловлено *неведением*.

Великие элементы не являются «великими возникающими»,
Возникнув из невозникшего, они не возникают.
Поскольку, возникая, они не возникают,
Поэтому я [лишь] называю их «великими элементами».

Вне восприятия [явление] само по себе никогда не существует.
Возникает [оно] лишь по причине *неведения*.
[Поскольку] *неведение* [само по себе также] не существует,
Поэтому я [лишь] называю его «*неведением*».

Так же *привязанность, сознание, имя и форма,*
шесть органов чувств, [20b] контакт, ощущение,
жажда, привязанность, а также сансара,
*рождение, старение и смерть*¹, страдания и беды.

Неохватные мыслью страдания сансары,
Существующие в круговороте сансары,
Возникнув из невозникшего, не возникают.
Воспринимает их такими *ошибающийся ум*.

Восприняв [ошибочность] *представления о «я»*,
Пресеки мечом *запредельной мудрости* океан *омрачений*,
Узрев *сферу совокупностей* как *пустоту*,
Устремись к великой драгоценной мысли о *Пробуждении*.

Я, открыв врата дворца нектара,
Показал всем сосуд с соком нектара,
Я, войдя во дворец нектара,
Усладил себя соком нектара.

Я бил в великий барабан *дхармы*,
Я дул в прекрасную раковину *дхармы*,
Я возжег священный светильник *дхармы*,
Я пролил благодатный дождь *дхармы*.

Я победил *омрачение* — величайшего из врагов,
Я поднял высший *победный стяг дхармы*,
Полностью вызволил существ из *океана сансары*,
Я закрыл дорогу к *трем неблагоприятным рождениям*.

Существа, мучимые огнем *омрачения*,
Не имеют *опоры и наставника*,
Я освободил существ, мучимых огнем *омрачения*,
Насытив их прохладным соком [21a] нектара [дхармы].

¹ Здесь перечисляется двенадцать членов цепи взаимозависимого существования.

Ради этого множество калып прошлого
 Неохватное мыслью количество раз я почитал *Наставника*.
 Стремясь непременно обрести *Тело дхармы*,
 Принял *твердую дисциплину* ради [достижения] *Пробуждения*.

Я отдал [другим] свои руки, глаза и ноги,
 Голову, любимых сыновей и дочерей,
 Имущество, камни, жемчуг и украшения,
 Золото, берилл и драгоценности.

[Если бы] все плодовые деревья,
 Травы и все травинки, леса,
 Всё, что растет на земле,
 Выкосили во всем *Троемирии*,

Перемололи всё это в мелкий порошок,
 Сотворив груды порошка, равную кругу небосвода,
 Сумели бы разделить ее на три части,
 Равные пылинкам, имеющимся в земле.

Всего Трикосмия пылинки неохватны мыслью,
 Кто это познал, тот знает столько же, что и все люди.
 Познав это, сумел бы сосчитать пылинки,
 Далеко превзошел разумение всех существ.

Человек, совершенный в мудрости,
 сумеет сосчитать все [те пылинки].
 Однако не сможет [сосчитать]
 Знаний *Победителя*.

Мудрость *Будды*, хотя бы ту, что
 Проявляется в одно мгновение, –
 Невозможно сосчитать даже
 В течение многих миллионов калып.

Шестая глава «О пустоте» из Святой сутры «Золотого сияния», царицы сутр.

**ПОСЛАНИЕ А. С. ПУШКИНА «КАЛМЫЧКЕ»:
АСПЕКТЫ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ**

A. S. Pushkin's Address "To a Kalmyk Maiden": Aspects of Genre Originality

Б. А. Кичикова (B. Kichikova)¹

¹ кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Philology, Associate Professor, Senior Scientist of Manuscripts, Literature and Buddhology Department at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

Жанровое своеобразие пушкинского послания «Калмычке» рассматривается в диалектике его основных жанровых образований – эпиграммы и мадригала, выявляются связи и взаимосвязи этого стихотворения с романом в стихах «Евгений Онегин».

Ключевые слова: Пушкин, калмычка, послание, эпиграмма, мадригал, жанровое взаимодействие, ирония, лиризм, «природа» и «цивилизация», мотив, ситуация, роман в стихах «Евгений Онегин».

The main feature of the genre of the poetic form in question is an appeal to the addressees. The article defines the typology of addresses, including addresses to a recipient who is by default unable to respond – as in A.S. Pushkin's Address "To a Kalmyk Maiden". The poem specifics is analyzed with respect to its constituents: the genres of epigram and madrigal. The analysis is aimed at finding links within the motives of its creation, the correlation between the meeting the Kalmyk maiden by the poet and the moral and psychological collision of the characters in the last chapter of "Eugene Onegin".

Keywords: Pushkin, kalmyk maiden, address, epigram, madrigal, genre interaction, irony, lyrism, "nature" and "civilization", motive, situation, the novel in verse "Eugene Onegin".

Стихотворение «Калмычке» (15–22 мая 1829: Георгиевск — Владикавказ) занимает определенное место в творческой эволюции А. С. Пушкина 1830–х годов. С момента его публикации в «Литературной газете» (№ 38 от 5 июля 1830 г.), и особенно после выхода в свет «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года» в 1836 г., оно включается во все более широкий контекст пушкинского творчества. Связи его с художественными системами поэзии (прежде всего в составе цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия. 1829») и прозы (предполагавшееся автором включение в текст «путевых записок» и диалогические отношения с текстом «Путешествия в Арзрум...») очевидны и многозначны. При этом специального изучения требуют взаимосвязи, справедливо отмеченные исследователем: «Мотивы стихотворения «Калмычке» возникнут в более широком ракурсе в прозе и поэзии Пушкина 30-х годов» [Никитина 1999: 209]. При-

стального рассмотрения заслуживают пронизывающие его прямые и опосредованные связи с системой пушкинской литературно-эстетической критики, сформировавшейся к концу 1820–х гг., с присущим поэту мастерством устного рассказа, с его семейным эпистолярием, наконец, с его главным произведением — романом в стихах «Евгений Онегин» [Кичикова 2015a]. Таким образом, исследование стихотворения обусловлено сложным, разветвленным характером его историко-литературной проблематики [Кичикова 2015].

Едва ли не основной ветвью этой проблематики является проблема жанрового своеобразия, рассмотрению которой и посвящена настоящая работа. В последующем изложении мы исходим из устойчивого жанрового определения, данного стихотворению «Калмычке» самим автором. Так, в дневниковом тексте «путевых записок» (1829) после рассказа о посещении кибитки

степняков и знакомстве с молодой калмычкой вставлена фраза: «Вот к ней *послание*, которое вероятно никогда до нее не дойдет — — —» (VIII, 1029, вариант 18¹), — за которой должны быть вписаны стихи [Левкович 1988: 121, 133]; место «послания» обозначено тройным тире. В эпизоде осмотра крепости Карс из «Путешествия в Арзрум...» (1835) стихотворению, упомянутому в анекдотическом контексте [Кичикова 2015: 171], дано все то же жанровое определение: «<...> это было *послание* к калмычке, намаранное мною на одной из кавказских станций» (VIII, 465; курсив в цитатах наш. — Б. К.). Пушкинское жанровое определение стихов о калмычке принял еще П. В. Анненков, первый биограф поэта [Анненков 1984: 211].

Не без иронической усмешки назвав свое стихотворение посланием, автор, разумеется, был точен в определении его жанровой природы.

В условиях регламентации общественного поведения и строго регламентированной в литературе системы жанров и стилей стихотворному посланию как наиболее характерному выражению творческой индивидуальности автора в русской поэзии с начала XIX века была присуща особая, внутренняя, свобода в выборе адресата и способов обращения к нему, обусловившая свободную изменчивость интонаций, придающих авторскому высказыванию глубину и многомерность. «Открытым сердцем говоря» с адресатом, автор свободен в выборе тем и мотивов — от интимно-дружеских или «кружковых», открывающих «доступ к реалиям и бытовому колориту», определяющих «повышение роли «домашнего» материала, а вместе с ним и частной жизни» [Манн 1976: 149; 2007: 171], до тем литературно-полемиических и общественно-политических:

Насчет небесного царя,
А иногда насчет земного.

(N.N. <В. В. Энгельгардту>. 1819; II, 79)

«Вольный разговор» автора предопределяет способность послания вступать в диа-

логические отношения с контекстами других произведений и авторов [Манн 1976: 148; 2007: 171] в «системе фиксированных имен-понятий» [Вацуро 1999: 428], что обуславливает включение в послание и диалогическое взаимодействие в нем различных жанров и жанровых образований, в том числе стремительно и плодотворно развивающейся элегии и традиционных малых жанров лирики — мадригала и эпиграммы. Так жанровая структура стихотворного (особенно дружеского) послания приобретает гибкость и пластичность.

В динамичной структуре поэтического послания наиболее устойчивыми и постоянными жанровыми признаками являются выбор адресата и обращение к нему. В пушкинских посланиях еще с лицейской поры начинает формироваться и развиваться некая типология подобного выбора и способов обращения:

— к конкретному адресату — имя которого указано или зашифровано;

— к «формальному адресату» [Вацуро 1999: 429] — давно умершему, но для автора — постоянному духовному собеседнику («К Овидию», 1821), или наполненному высокой поэтически-философской символической объекту («К морю», 1824);

— к заведомо безответному адресату.

Обращение к адресату подразумевает обратную связь, однако и отсутствие ответа, и прямая невозможность получения послания адресатом включены в жанровую установку произведения. Ряд пушкинских посланий с соответствующей формой адресации в названиях, определяющих «экзотический» или «инаковый» статус адресата, — «Гречанке» (1822), «Иностранке» (1822), «Калмычке» (1829) — казалось бы, объединяются по признаку «Вот к ней послание, которое вероятно никогда до нее не дойдет». Здесь отсутствие или даже невозможность [ср.: Гринлиф 1999: 274, 290] обратной связи предполагаются в диапазоне от «вероятно, никогда» до «заведомо никогда». Однако по критерию творческой эволюции автора эти стихотворения объединить невозможно: первые два романтических послания от третьего отделены не просто семилетием, но громадным этапом пушкинского развития.

Д. Д. Благой, одним из первых обстоятельно рассмотревший послание «Калмычке», основывал свое суждение о нем, исходя из центрального в эпоху романтиз-

¹ Тексты А. С. Пушкина приводятся в статье с указанием тома и страницы в скобках после цитаты по репринтному воспроизведению Большого академического издания: Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1949., — дополненного к юбилею поэта: В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.

ма «противопоставления “природы” и “цивилизации”, которое <...> так настойчиво возникало в творческом сознании Пушкина <...> все стихотворение построено на сочувственном противопоставлении этой совсем не идеализируемой дочери природы цивилизованным обитательницам великосветского “омута”» [Благой 1967: 358].

«Своеобразие описания Пушкиным калмычки состоит, пожалуй, в том, что отсутствие в ней качеств светской красавицы отнюдь не восполняется изображением какой-то иной, восточной, красоты, как это обычно делалось в произведениях романтиков», — уточняет современный исследователь, анализируя послание в составе цикла «Стихи, сочиненные во время путешествия. 1829»: «Внешне совпадающий с ориенталистской тематикой пушкинский цикл уже в самом начале “пресекает” возможность следования традиционным романтическим мотивам <...>, внося в него новое настроение» [Дарвин 2001: 97, 98].

На наш взгляд, жанровое своеобразие послания «Калмычке» обусловлено взаимодействием эпиграммы — малого сатирического жанра — с мадригалом — стихотворным комплиментом, бытующим в русской поэзии начала XIX века как жанр камерный, салонный и альбомный. Причем, если эпиграмма определяет своеобразие центральной части стихотворения (10 из 25 строк), то мадригал, скорее, подразумевается по контрасту с ней (2 строки с портретом калмычки и 2 строки, завершающие обращение к адресату), обрамляя эпиграмматический ряд. Преобладание эпиграммных зарисовок в коллективном портрете персонажей, очерченных по принципу отрицательного сопоставления с адресатом («Ты не...»), лишает однозначности жанровое восприятие произведения.

Так, Е. Г. Эткинд определяет его как «шутливую элегию» [Эткинд 1999: 550]. Эпитетом «шутливая» выражены характерные особенности творческого поведения автора в послании «Калмычке», которые удалось передать по-французски его первому переводчику: «Элим Мещерский по-пушкински смел, даже бесшабашен; он весел, ценит озорство, выше всего ставит общее настроение, излучаемое стихотворением» [Эткинд 1999: 550]. Применение исследователем жанрового термина «элегия», возможно, обусловлено настроением начального пятистишия послания, вобравше-

го в себя элегические мотивы прощания (в зачине) и воспоминаний о романтической юности (в развитии зачина).

«Излучение» пушкинского «озорства» чутко воспринял и М. И. Шапир. Стихотворение «Калмычке» он определил как «шуточный мадригал» [Шапир 2009: 216] — с существенным уточнением: «С точки зрения жанра, это стихотворное послание — по сути, почти альбомный мадригал, адресованный, впрочем, девушке, у которой не было и не могло быть альбома» [Шапир 2009: 211]. Однако основные положения исследователя связаны не столько с проблемой жанра, сколько обусловлены его концепцией развития бурлескного стиля «на фоне макроэволюции русского поэтического языка», как заявлено в заглавии его статьи. «Уже одно это противоречие между текстом и контекстом — альбомный мадригал в кочевой кибитке — провоцирует бурлескное смешение стилей: высокая романтическая фразеология соединяется с низкими бытовыми прозаизмами» [Шапир 2009: 211]. В свете этой концепции послание «Калмычке» представляется исследователю «цепочкой пародий» — на державинскую «Оду... Фелице» [Шапир 2009: 213–215] — и автопародий (на поэму «Цыганы» и стихотворение «К морю» [Шапир, Пильщиков 2009: 243]). Выявив перекличку строк «Меня похвальная привычка / Не увлекла...» из послания и «Привычке милой не дал ходу» из письма Онегина, исследователь делает вывод о том, что «шуточное послание» оказалось в свою очередь спародировано, «и не где-нибудь», а в «высоком» тексте» [Шапир 2009: 217].

Между тем, задолго до жанровой диалектики (которая во многом развивается и благодаря пародии) в романе «Евгений Онегин», Пушкин приучил своего читателя к острому эстетическому эффекту от взаимодействия жанровых начал эпиграммы и мадригала. Скажем, в эпиграмме на А. М. Колосову (1819) мадригальный портрет актрисы в трагедийной роли:

Все пленяет нас в Эсфири:

Упоительная речь,

Поступь важная в порфире,

Кудри черные до плеч,

Голос нежный, взор любви, —

стремительно смещается к шаржированному наброску:

Набеленная рука,

Размалеванные брови, —

и, как в кинематографе, «крупным планом» врывается последняя, уже совсем карикатурная подробность, завершающая метаморфозу мадригала эпиграмматическим выпадом (pointe):

И огромная нога! (II, 100).

Эпиграмма и мадригал оказываются рядом в творческом сознании поэта, точнее, эти полярные жанры «хулы и хвалы» для него диалогически или полемически взаимосвязаны, взаимодействуя иногда на пространные всего лишь строки:

И прекрасны вы некстати,
И умны вы невпопад (II, 405).

Эпиграмма и мадригал взаимосвязаны для поэта, по поводу чего он оставил весьма характерное признание в «Евгении Онегине»:

Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши! (4, XXX; VI, 86).

В. Н. Турбин, глубоко и вдохновенно постигший жанровую диалектику эпиграммы и мадригала в пушкинском романе [Турбин 1996: 57–81], писал: «"Евгений Онегин" — сосредоточение поэтики Пушкина; здесь есть все, что живет в его последующих произведениях» [Турбин 1996: 203]. И, конечно, в «Онегине» слышатся как предвестия, так и (в последних главах) отголоски строк из послания «Калмычке».

Уже само по себе поэтическое обращение к безымянной степной «дикарке» должно было казаться, как заметил исследователь, «настоящей дерзостью с точки зрения аристократической эстетики и норм "приличия"» [Мейлах 1984: 221]. Пушкин действительно дерзко взламывает сложившуюся иерархию эстетических ценностей — ведь эпиграмматически шаржированно им представлены утонченные барышни и светские дамы («московские кузины» и «причудницы большого света», как он сам иронически их называл). «Азиатские» же черты облика калмычки вызывают истинно поэтическое чувство, невыразимое на языке «пошлого» (т. е. «заурядного, обыкновенного» [Лотман 1980: 285]; «расхожего» [Онегинская энциклопедия 2004: II, 76]), как сказано в «Евгении Онегине», мадригала, с обязательным для этого жанра комплиментом «условной

красе» адресата. Так рождается дерзость нового художественного свойства, основанная на отказе от ожидаемого эстетического эффекта. Активное присутствие эпиграммы в послании подразумевало и активизацию мадригала, но вместо россыпи мадригальных «блесток» читатель обнаруживает лирическое признание, сотворенное неведомо из чего: «глаза», «нос», «лоб» — «взор и дикая краса».

Все, что составляет многоликий фон собирательного образа «лепечущих» (в начале эпиграмматического ряда) и «прыгающих» (в его конце) созданий, исключено из поэтического ореола, освещающего образ калмычки. Соединяет же эти полярно разведенные уровни ирония, которая скрыто связывает послание «любезной калмычке» с описанием «калмыцкой любезности» в эпизоде из «путевых записок»: «<...> моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием подобным нашей балалайке» (VIII, 1029). Но эта связующая ирония устремлена уже не к адресату, она переводит эпиграмму на светских «причудниц» в план сатиры, иногда язвительной, и позволяет избежать условности «пошлого мадригала» в обращении к калмычке. Ирония в прозаическом эпизоде с калмычкой (особенно в редакции «путевых записок») в поэтическом «к ней послании» создает защитный барьер для лирического героя, маскируя его искреннее чувство, которое столь очевидно в заключающем обращении к ней двустиишии:

Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса (III, 159).

Так из причудливого сплава эпиграмматического, лирического и иронического начал создается своеобразный способ поэтического выражения, связывающий это небольшое стихотворение со многими пушкинскими посланиями и с гигантской художественной системой романа «Евгений Онегин», выросшей из

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

(посвящение П. А. Плетневу,
9 декабря 1827 г.; VI, 3)

Модальность обращения обусловила как жанровое, так и жанрово-композиционное своеобразие пушкинского послания. Прямое обращение задает движение лирического сюжета от прощального приветствия адресату. Обращение в форме отрицатель-

ного сопоставления «Ты не ...» развивается в ряде мультиплицированных микроэпизодов, формирующих эпиграмматический центр послания. «Полемический диалог» эпиграмматического и лирического начал завершается переходом от «ты» калмычки к «я» лирического героя («Мне ум и сердце занимали ...») и обращением к «друзьям», столь характерным для поведения автора в «Евгении Онегине». Эти «друзья» (аудитория читателей) и призваны стать арбитрами в сопоставлении светских жеманниц и степной «дикарки». Острота философского диспута на прежнюю руссоистскую тему «природного» и «цивилизованного» человека снята иронически «примирающим» итоговым замечанием:

Друзья! не всё ль одно и то же:
Забывшись праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой? (III, 159)

Стихотворение заканчивается открытым знаком вопроса. Осенью того же 1829 года и на страницах той же Арзрумской тетради, где «намарано» послание «Калмычке» [Левкович 1988: 128, примеч. 1], от имени Лизы, одной из героинь начатого «Романа в письмах», записана сентенция, возможно, близкая и самому Пушкину: «<...> [способы] нравиться в мужчине зависят от моды, от минутного мнения ... а в женщинах — они основаны на чувстве и природе, которые вечны» (VIII, 48).

В послании «Калмычке» прошлый, романтический этап творчества поэта поверяется опытом его художественной эволюции. Здесь тезисно противопоставлены, но жанрово-стилистически взаимосвязаны те принципы изображения «героя и толпы», которые развивались в уже созданных к 1829 году семи главах «Евгения Онегина»: эпиграмматическое начало в характеристике «пустого света» и лирическое, по мнению В. Н. Турбина, мадригальное в своей основе [Турбин 1996: 79–81] выражение нравственного идеала, воплощенного в героине романа. Так, укоренившийся в послании способ изображения адресата можно рассматривать как одну из стадий на пути к решению важнейшей для Пушкина творческой задачи — созданию «натуры внутренне честной, равной самой себе при всех обстоятельствах; натуры спокойной и вольной» [Эйдельман 1984: 247].

Некоторые подробности коллизии последней, восьмой главы (написана в основ-

ном в 1830 г.) позволяют установить связь «дорожного» стихотворения с «громадой» романа в стихах. Появление Татьяны в петербургской «блестящей зале» изображено при помощи того же приема отрицательного сопоставления героини с эпиграмматическим фоном дамского собрания, что и в написанном годом ранее послании, где о калмычке сказано «Ты не...» — почти так же, как затем и о Татьяне — «Она не...», «Без...»:

Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...

(8, XIV; VI, 171)

Вернувшись из своих «странствий»¹ с обновленной душой и увидев «на рауте» Татьяну, Онегин ошеломлен неожиданной встречей. Его сбивчивые, лихорадочные мысли переданы в форме прямой внутренней речи — хлынувшего «потока сознания»:

«Ужель она? Но точно ... Нет.

Как! Из глуши **степных** селений...

(8, XVIII; VI, 179)

Эта внутренняя оговорка Онегина кажется по меньшей мере странной. Ведь неотделимые от героини романа образы природы, среди которых она «росла» и «жила» до поездки в Москву, ассоциируются вовсе не со степной частью России, а живший в деревне по соседству с Лариными Онегин не мог не знать «географического» местоположения их поместья. Но в реплике героя нет ни ошибки, ни противоречия автора. П. В. Анненков проницательно заметил: «Противоречия Пушкина основывались именно на ближайшем знакомстве с существом дела и были признаками его развития» [Анненков 1984: 159]. Пушкинское «ближайшее знакомство» с изображаемым устанавливает комментатор: при анализе вариантов IV главы он приходит к выводу: «“деревенская” часть романа развивается в северо-западном углу России, вероятнее всего, в Псковской губернии» (где прошли два года второй ссылки поэта). В VII главе «Ларины въезжают в Москву через Твер-

¹ Которые почему-то повторяют маршрут пушкинской поездки на Кавказ, а «отрывки» с их описанием набрасываются в Арзрумской тетради вперемежку со стихами и дневниковыми записями 1829 года [Левкович 1988: 128–129].

скую заставу», «по Петербургскому тракту» [Лотман 1980: 249–250, 250, 325].

Определение «степных» в реплике Онегина получило дополняющие друг друга истолкования. Так, Ю. М. Лотман поясняет: «*Степной* иногда употребляется у *П* в значении “сельский”, как антоним понятия “цивилизованный” <...> стих следует понимать “из глуши простых, бедных селений”» [Лотман 1980: 355]. В. В. Набоков создавал свой комментарий к роману для англоязычного читателя. Из его пространных разъяснений приведем лишь необходимое: «Изначально прилагательное «степные» означает нечто, относящееся к степи, но я обратил внимание, что, например, Крылов в своем фарсе «Модная лавка» (опубл. 1807) использует это слово в двух смыслах – «сельский» или «провинциальный», а также в прямом значении – «происходящий из степных областей [за Курском]» <...> Обычно Пушкин использует слово «степь» просто как синоним поля, открытого пространства, равнины» [Набоков 1999: 551–552].

Тот же П. В. Анненков в свое время предостерегал от однозначности понимания и подхода к пушкинским произведениям: «Не надо забывать, однако ж, что из смешения противоположностей состоит весь поэтический облик Пушкина» [Анненков 1984: 360].

Так, приведенные выше истолкования неожиданно интерпретированы в выводах М. И. Шапира. Отмеченная им ранее «автопародия» на послание «Калмычке» в письме Онегина, по словам исследователя, «заставляет думать, что деревенская Татьяна представлялась Онегину почти такой же дикаркой, как Пушкину его “любезная калмычка”». Вероятно, невольным следствием подобной однозначности в понимании романной коллизии стала и досадная ошибка в последней фразе этой заслуживающей внимания статьи: «Вот почему герою романа кажется, что Ларины, приехавшие в первопрестольную с северо-запада, явились туда из глуши **степных селений**» [Шапир 2009: 217; выделено М.И.]. Как известно, Ларины приехали в Москву, «на ярманку невест», в VII главе романа, когда Онегин скитался в «странствиях» по России и знать об их приезде «в первопрестольную с северо-запада» никак не мог. Встретился же он с изменившейся Татьяной, обретшей титул княгини, уже в VIII главе романа – в Петербурге.

На светском рауте, в великолепной «зале», Татьяна предстала в ореоле ассоциации со степными просторами перед изумленным взором Онегина – или пред поэтическим воображением Пушкина. Далеко не случайная, мысленная оговорка героя здесь возникает в русле сложнейшей проблематики романа – творческой эволюции автора, неотделимой от духовного развития его героев. Эта проблематика воплощена в пушкинской «поэтике противоречий», принцип которой сформулировал Ю. М. Лотман: «Только внутренне противоречивый текст воспринимался как адекватный действительности» [Лотман 1995: 410]. Иными словами о том же писал другой исследователь: «Динамика, вызываемая несовпадениями, — это синоним жизни, одушевленности, одухотворенности» [Эткинд 1999: 215–216].

Отметим, что с самого начала восьмой главы в романе формируется своеобразный, ассоциативно связанный с проблематикой свободы в «свободном романе» и обусловленный задачей завершения характера героини как «натуры спокойной и вольной», комплекс с мотивом «степи». В строфах авторских отступлений, открывающих последнюю главу [см.: Лотман 1980: 344–346], этот мотив сопровождает метаморфозу романтической Музы – в период изгнания в бессарабские степи, когда «в глуши Молдавии печальной» она

... позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен **степи**, ей любезной.

(8, V; VI, 167)

[ср.: Набоков 1999: 536–538]

Вплотившись затем в героине романа, Муза предстала

... барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкою в руках.

(8, V; VI, 167)

Изумительная шестая строфа удостоверяет и утверждает это слияние героини и Музы поэта, подготавливая появление «изменившейся» Татьяны:

И ныне музу я впервые
На светский раут привожу;
Не прелести ее **степные**
С ревнивой робостью гляжу.

(8, VI; VI, 167)

По наблюдению исследователя, эти строки «приобретают уже новый смысл: муза поэта продолжает свой путь превра-

щений – на этот раз «обернувшись» Татьяной-княгиней. Это превращение “барышни уездной” в великосветскую даму совершается буквально в одно мгновение» [Тархов 1980: 309]. И все же в этих метаморфозах есть некое постоянство: «степь любезна» музе поэта, что, возможно, создает основу для еще одной, важнейшей переключки финала романа не столько с посланием «Калмычке», сколько с ситуацией, описанной в «путевых записках» и косвенно отраженной в стихотворении. Выявленная же нами связь определяет глубокую нравственно-психологическую коллизию и поведение героев романа.

Отказываясь ответить взаимностью на чувство Онегина, Татьяна вызывает к его совести все той же двуединой формулой, что открывала роман, а затем прозвучала в признании автора послания «Калмычке»:

Как с вашим **сердцем и умом**
Быть чувства мелкого рабом?
(8, XLV; VI, 188)

Этот укор, высказанный в личных покаях хозяйки петербургского особняка, вызывает в памяти другое увещание – в степи, у большой дороги. Хозяйка кочевой кибитки выразила свой укор проезжему пу-

тешественнику совсем просто, но воззвала все к тому же – к совести одного человека от имени совести другого человека, поверх всех разделяющих их «культурных барьеров»: «Поцалуй меня. – Нemoжна, стыдно» (VIII, 1028). Стыдно ей, «дикий» степнячке, и должно быть стыдно ему, просвещенному путешественнику, за неподобающее поведение в чужом доме (правда, для убедительности аргументации потребовалось внушение «мусикийским орудием»). Так комический микросюжет дорожного «приключения» был переосмыслен и преобразован в драматической финальной сцене героев романа. За урок, преподанный ему в кочевой кибитке, поэт отблагодарил безымянную калмычку дважды – посвятив ей полное «озорства» послание и «вложив» ее совестливый укор в уста Татьяны, своего «милого идеала».

Таким образом, пушкинская диалектика жанровых начал, созидая его свободную «поэтику противоречий», одухотворяет и небольшое стихотворение, «намаранное» в дороге, и «Онегина воздушную громаду» (А.А. Ахматова). А ведь поэт и сам признавался: «Благоговею пред созданием Фауста, но люблю и эпиграммы» <1836> (XII, 93).

Источники

- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 19-ти т. М.: Воскресенье, 1994–1997.
- Т. II. (1, 2) Стихотворения. 1817–1825. М.: 1997. 1205 с.
- Т. III. (1, 2) Стихотворения. 1826–1836. М.: 1997. 1379 с.
- Т. VI. Евгений Онегин. М.: 1994. 697 с.
- Т. VIII. (1, 2) Романы и повести. Путешествия. М.: 1995. 1117 с.
- Т. XII. Критика. Автобиография. М.: 1996. 576 с.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 20-ти т. СПб.: Наука, 1999.
- Т. 1. Лицейские стихотворения. 1813–1817. 839 с.

Литература

- Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 476 с.
- Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Сов. писатель, 1967. 724 с.
- Вацууро В. Э. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 20-ти т. Т. 1. Лицейские стихотворения. 1813–1817. СПб.: Наука, 1999. С. 417–439.

Гринлиф М. «Путешествие в Арзрум»: Поэт у границы // Современное американское пушкиноведение. Сборник статей. СПб.: Академический проект, 1999. С. 275–297.

Дарвин М. Н. «Стихи, сочиненные во время путешествия (1829)» // Дарвин М. Н., Тюпа В. И. Циклизация в творчестве Пушкина: Опыт изучения поэтики конвергентного сознания. Новосибирск: Наука, 2001. С. 85–128.

Кичикова Б. А. Послание А.С. Пушкина «Калмычке» как историко-литературная проблема // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015а. № 2. С. 166–173.

Кичикова Б. А. «Ты не лепечешь по-французски...» (послание А. С. Пушкина «Калмычке»: из материалов к комментарию) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 1. С. 111–115.

Левкович Я. Л. Автобиографическая проза и письма Пушкина. Л.: Наука, 1988. 328 с.

Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1980. 416 с.

Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в

- изучение текста // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство СПб, 1995. С. 391–462.
- Манн Ю. В. Поэтика русского романтизма. М.: Наука, 1976. 375 с.
- Манн Ю. В. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2007. 518 с.
- Мейлах Б. С. Талисман. Книга о Пушкине. Изд. 2. М.: Современник, 1984. 317 с.
- Набоков В. В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. СПб.: Искусство–СПБ. Набоковский фонд, 1999. 928 с.
- Никитина Е. П. Стихотворение Пушкина «Калмычке» // Юлиан Григорьевич Оксман в Саратове. 1947–1958. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 205–215.
- Онегинская энциклопедия. В 2-х т. Т. II: Л – Я; А – Z. М.: Русский путь, 2004. 804 с.
- Тархов А. Е. Комментарий // Пушкин А. С. Евгений Онегин. Роман в стихах. М.: Худ. литература, 1980. С. 203–332.
- Турбин В. Н. Поэтика романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: Изд-во МГУ, 1996. 230 с.
- Шапир М. И. О неровности равного: Послание Пушкина «Калмычке» на фоне макроэволюции русского поэтического языка // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 209–217.
- Шапир М. И., Пильщикова И. А. Эволюция стилей в русской поэзии от Ломоносова до Пушкина (Набросок концепции). Раздел 7. // Шапир М. И. Статьи о Пушкине. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 242–246.
- Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. Монография. М.: Сов. писатель, 1984. 368 с.
- Эткинд Е. Г. Божественный глагол: Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. 600 с.

Sources

- Pushkin A. S. [Complete Works]. In 19 vols. Moscow: Voskresenie, 1994–1997. (In Russ.)
- Vol. II: Poems, 1817–1825. 1205 p.
- Vol. III: Poems, 1826–1836. 1379 p.
- Vol. VI: Eugene Onegin. 697 p.
- Vol. VIII: Novels. Travel Notes. 1117 p.
- Vol. XII: Reviews. Autobiography. 576 p.
- Pushkin A. S. [Complete Works]. In 20 vols. St. Petersburg: Nauka, 1999. Vol. 1: Lyceum Poems, 1813–1817. 839 p. (In Russ.)

References

- [Onegin Encyclopedia]. In 2 vols. Vol. II: Л – Я; А – Z. Moscow: Russkiy Put, 2004. 804 p. (In Russ.)
- Annenkov P. V. [A. S. Pushkin: Biographical Materials]. Moscow: Sovremennik, 1984. 476 p. (In Russ.)
- Blagoy D. D. [Pushkin's Career as a Poet: 1826–1830]. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1967. 724 p. (In Russ.)
- Darvin M. N. Poems composed en route (1829). In: Darvin M. N., Tyupa V. I. [Cyclization in Pushkin's Works: Investigating Poetics of Convergent Consciousness]. Novosibirsk: Nauka, 2001. Pp. 85–128. (In Russ.)
- Etkind E. G. [The Divine Word (Glagol): Interpretations of Pushkin's Works in Russia and in France]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury, 1999. 600 p. (In Russ.)
- Eydelman N. Ya. [Pushkin: History and Contemporaneity in the Poet's Mindset]. Monograph. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1984. 368 p. (In Russ.)
- Greenleaf M. Journey to Arzrum: Poet and Borders. In: [Contemporary Pushkin Studies in America]. Coll. papers. St. Petersburg: Akademicheskii Proekt, 1999. Pp. 275–297. (In Russ.)
- Kichikova B. A. 'You Don't Prattle in French...' (A. S. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden': from the Materials to the Comments). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 1. Pp. 111–115. (In Russ.)
- Kichikova B. A. A. Pushkin's address 'To a Kalmyk Maiden' as a historical-literary problem. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2015. No. 2. Pp. 166–173. (In Russ.)
- Levkovich Ya. L. [Pushkin's Autobiographical Prose and Correspondence]. Leningrad: Nauka, 1988. 328 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. [A. S. Pushkin's 'Eugene Onegin': Comments]. Teacher's manual. Leningrad: Prosveshchenie, 1980. 416 p. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. Eugene Onegin: Pushkin's verse novel. Course of lectures. Introduction to textual studies. In: Lotman Yu. M. [Pushkin]. St. Petersburg: Iskuststvo SPB, 1995. Pp. 391–462. (In Russ.)
- Mann Yu. V. [19th-Century Russian Literature: Romantic Era]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2007. 518 p. (In Russ.)
- Mann Yu. V. [Poetics of Russian Romanticism]. Moscow: Nauka, 1976. 375 p. (In Russ.)
- Meylakh B. S. [Talisman: a Book about Pushkin]. 2nd ed. Moscow: Sovremennik, 1984. 317 p. (In Russ.)
- Nabokov V. V. [A. S. Pushkin's 'Eugene Onegin': Comments on the Novel]. St. Petersburg: Iskuststvo–SPB, Nabokov Foundation, 1999. 928 p. (In Russ.)
- Nikitina E. P. Pushkin's Poem 'To a Kalmyk Maiden'. In: [Yulian G. Oksman in Saratov: 1947–1958]. Saratov: Kolledzh, 1999. Pp. 205–215. (In Russ.)
- Shapir M. I. About inequality of the equal: Pushkin's 'To a Kalmyk Maiden' in the context of Russian poetic macroevolution. In: Shapir M. I. [Articles about Pushkin]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2009. Pp. 209–217. (In Russ.)
- Shapir M. I., Pilshchikov I. A. Evolution of Russian poetic styles: from Lomonosov to Pushkin. Section 7. In: Shapir M. I. [Articles about Pushkin]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2009. Pp. 242–246. (In Russ.)
- Tarkhov A. E. Comments. In: Pushkin A. S. [Eugene Onegin: a Verse Novel]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1980. Pp. 203–332. (In Russ.)
- Turbin V. N. [A. Pushkin's 'Eugene Onegin': Poetics of the Novel]. Moscow: Moscow State University, 1996. 230 p. (In Russ.)
- Vatsuro V. E. Pushkin's works of the lyceum period. In: [A. S. Pushkin: Complete Works]. In 20 vols. Vol. 1: Lyceum Poems, 1813–1817. St. Petersburg: Nauka, 1999. Pp. 417–439. (In Russ.)

УДК 294.3+7.046.3+069:09 (045)

ББК 86.35+85.14+79.1

БУДДИЙСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ МУЗЕЯ КИГИ РАН: КОНЦЕПТ ТРАДИЦИИ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ АСПЕКТЕ ИЗУЧЕНИЯ

Buddhist Museum Collection of the KIH RAS: the Concept of Tradition in the Interdisciplinary Aspect of the Study

С. Г. Батырева (S. Batyreva)¹

¹доктор искусствоведения, заведующий Музеем традиционной культуры имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (Ph. D. of Art Studies, Head of the Museum of Kalmyk Traditional Culture named after Zaya-Pandita at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: sargerel@mail.ru.

Статья посвящена культурологическому анализу традиции в междисциплинарном аспекте изучения изобразительного искусства буддизма. Объектом исследования является традиционная культура Калмыкии, представленная в музейной экспозиции, предметом — экспонаты буддийской коллекции КИГИ РАН, рассматриваемые в качестве культурного наследия. Выявлен и осмыслен концепт традиции как связующего звена искусства и традиционной культуры в изучении буддийского искусства из собрания Музея имени Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Необходим многоаспектный анализ художественной традиции, объединяющей искусство и культуру в понятии **культурное наследие**. Оно требует комплексного изучения, сочетающего в междисциплинарном направлении приемы искусствознания с подходами других научных дисциплин — истории, этнокультурологии, филологии.

Ключевые слова: буддийская коллекция, музей, экспозиция, искусство, буддизм, концепт традиции, междисциплинарное исследование.

Museum reconstruction of traditional Kalmyk culture contributed to the creation of an exhibition which brought together religious objects and artworks. The KIH RAS Buddhist collection has a form of museum publication: its character is reflected in approaches and features of Kalmykia's cultural heritage exhibiting. By museum's funds time and space of traditional culture were structured in qualitatively new exhibition content. The latter opens the possibilities for analyzing the traditions of art.

Cultural concept of Buddhism art expresses the evolution of ethnic culture which is clearly demonstrated in collection's exhibits. Expressive means of icon-painting and sculpture as a whole unit of diverse exhibits recreate a symbolic worldview.

Having a mythopoeic archetype of tradition, works of late XIX – early XX century according to the canon reproduce a vertical structure of universe image. The synthesis of plastic arts (painting and sculpture) hierarchically identifies a number of characters in plane and volumetric expressiveness of altar composition. A diverse pantheon of scientists led by Shakyamuni Buddha is a Buddhist model of universe as a spiritual center of life of the Kalmyk ethnic group.

The structural and functional analysis of religious works that illustrate principal ideas of the doctrine, the studies of Tibetan iconography are of particular importance being fundamentally significant for the Buddhist art perception by the Mongolian people. The experience of scientific museum collections cataloging and Northern Buddhism pantheon systematizing in the works of domestic and foreign researchers is equally important in this respect. Art is a way to set the laws of the historical process in the analysis and reconstruction of artistic image formed by such functions of traditions that contribute to ethnic differentiation and integration. Culture and art are interdependent in their historical development as traditions promote the continuity of cultural heritage.

Keywords: Buddhist collection, museum, exhibition, arts, Buddhism, the concept of tradition, interdisciplinary research.

Музейное собрание КИГИ РАН, представленное в постоянной экспозиции, является репрезентативным для культурного наследия Калмыкии. Реализованный концепт его экспонирования выступает специфической формой музейной публикации в изучении наследия, частью которого мы рассматриваем буддийскую коллекцию Музея имени Зая-пандиты.

Исследуя предметы культа и произведения искусства буддизма в качестве культурного наследия, необходимо уточнить данное понятие. Формирование и развитие наследия происходит в процессе **адаптации культуры** к меняющимся внешним и внутренним факторам исторического бытия этноса. Способность утвердить себя в том или ином природном и культурном ландшафте подразумевает и становление особой, присущей только этому народу культуры, называемой традиционной. В музейной реконструкции Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН этнос и традиционная культура, как органичная система взаимосвязей частей и элементов, представляющая культурное наследие, составляют единое целое.

В функционирующей постоянной экспозиции музея утверждается: культура есть способ бытия этноса, а традиция является способом бытия культуры. Осмысление последней невозможно без понятия традиции, определяющей вычленение логико-смысловой оси развития культуры и исторического процесса ее становления, как решающей ступени в постижении уникальности культурного наследия. Вместе с тем культурная традиция рассматривается как механизм связи не только прошлого, настоящего и будущего, но и феноменов, частей и свойств культуры между собой, как механизм их взаимодействия и функционирования, определяющий структуру самобытного наследия. Феноменом и важнейшей частью культуры в совокупности специфических свойств является искусство. Объединяя эти понятия, приходим к более глубокому исходному положению, необходимому в анализе культурного наследия, частью которого являются экспонаты буддийской коллекции КИГИ РАН.

Как особенность экспозиции Музея калмыцкой традиционной культуры мы выделяем ее художественный образ, слагаемый средствами изображения в этническом контексте культуры. Произведения буддийско-

го искусства являют собой своеобразный, а именно знаковый код в прочтении историко-культурной экспозиции. Изобразительное искусство буддизма Калмыкии уходит историческими истоками ко времени приобщения этноса к вероучению и его дальнейшему развитию в системе культуры монголоязычных номадов. Оно рождено в лоне канонической культуры, совмещающей в структуре элементы традиционной и креативной культуры [Щедрина 1987: 11–12]. Образы буддизма представляют канон в синтезе с локальной традицией, на поздней стадии развития уступающей приоритет в формообразовании инновации [Батырева 2005: 131]. Последнее наблюдается в условиях, кризисных для существования традиционной культуры Калмыкии, вынужденной адаптироваться к изменениям природного и социокультурного ландшафта, сохраняющей вместе с тем архаику образной памяти предков.

Механизм памяти существенен для понимания культуры вообще, но особенно важен, когда речь идет о культуре народов, прошедших ускоренное развитие, в частности, номадов [Брудный 1983, 8: 44; Гачев 1989]. Наглядно это прослеживается в иконографии буддизма конца XIX – начала XX вв.: произведения, сохраняя мифопоэтический архетип культуры традиционной, воспроизводят его в вертикальной структуре образа Вселенной. В параметрах пространства и времени архаического мироздания всегда выявлен Центр, через который проходит медиальная ось Мирового Древа. Концепт мифопоэтической картины Мира презентирован в иконографии буддизма, признающей центр в любой точке канонического изображения.

Экспозицию музея Зая-пандиты составляет целый ряд буддийских образов, начало обзора которых возможно в любой части раздела духовной культуры. Структура экспозиции очерчена линией маршрута, ритуализованного в круговом движении слева направо по ходу солнца, проецирующем в традиции психокосмограмму коллективной памяти.

Солярная символика жилого пространства концептуально вынесена из раздела материальной культуры в экспозицию буддизма. Смысловой акцент несет алтарь, образующий центр композиции из предметов культа и произведений буддийского искусства. Здесь в каноническом порядке пред-

ставлен пантеон учения во главе с образом Будды Шакьямуни. В синтезе пластических искусств (живописи и скульптуры) иерархический ряд персонажей в плоскостной и объемной выразительности алтарной композиции представляет буддийскую модель мироздания как духовное средоточие бытия калмыцкого этноса. Архаичная структура мира в «вертикальной» оси изображения, выявленная в антитезе верха и низа, полно и детально воплощена в иконографии, последовательно раскрываемой в структуре экспозиции.

Обозначенное религиозной символикой и атрибутикой, искусство призвано служить приобщению мирян к ценностям культуры буддизма. В иконографии учения идеальным образом является монах, отказавшийся от материального мира ради духовного просветления. В старокалмыцком искусстве многообразный пантеон желтошапочного буддизма «гелукпа» представляют будды и бодхисаттвы, учителя веры, идамы и дхармапалы, локальные персонажи, пришедшие из добуддийских верований. Канон определены композиционный строй, пропорции, символика цвета, линии и атрибутов в трактовке образов пантеона, представляющих антропоморфную модель мироздания в призматическом мировидении этноса.

В структурно-функциональном анализе произведений, иллюстрирующих положения учения, особую важность имеют труды Е. Огневой [Огнева 1979] и К. Герасимовой [Герасимова 1971] в области тибетской иконографии, принципиально значимой для изучения буддийского искусства монгольских народов. Не менее важным в этом отношении является опыт научной каталогизации музейных коллекций и систематизации пантеона северного буддизма в трудах А. Грюнведела [1905: 15], Ю. Рериха [1925], А. Терентьева [1981–2004] и за рубежом – А. Гетти [1914: 147], А. Гордон [1952: 11–13], Д. Туччи [1949] и П. Потта [1951: 36]. Некоторые из этих исследователей выделяют особую группу образов. Изучение «второстепенных» персонажей дает возможность уяснить процесс формирования пантеона буддизма. Происходит это в сфере взаимодействия традиции и канона, где достаточно сложно определить, что выступает инновацией в многослойном процессе взаимодействия.

В музейной реконструкции традиционного наследия народа экспозиция целе-

направленно представляет произведения местной иконописной школы. Образы отмечены мифопоэтической выразительностью трактовки сюжета в символике композиции и колорита изображения. То и другое играет знаковую роль в осмыслении этнического своеобразия искусства и религии калмыков. В локальной интерпретации буддийского наследия сохраняется традиция как стержень культуры в самоидентификации поколений этноса, объединяемых родо-племенной архаикой коллективного бессознательного мировидения. Сохраняемая историческая память координирует развитие культуры буддизма в призматической традиции, являя в художественном образе локальную модель буддийского мироздания.

Отметим, что музей КИГИ РАН, эволюционируя от мемориального кабинета до экспозиции «калмыцкой культуры в историческом контексте этногенеза», концептуально меняет подходы в трансляции наследия. Тезис «искусство в системе калмыцкой традиционной культуры» отвечает современным требованиям, формируя художественную стилистику новой экспозиции. Изобразительное искусство в системе культуры представлено буддийской коллекцией КИГИ РАН. Это небольшая часть наследия, трансформированного в утратах и новациях адаптации, аккультурации и ассимиляции этноса. Совокупностью явлений обусловлено локальное своеобразие искусства Калмыкии, сформированное сменой хозяйственно-культурного типа общества в переходе к оседлости и в целом перипетиями российской истории XIX – начала XX вв.

Этнические особенности творческого познания сконцентрированы в ментальной символике традиции, измеряемой категориями символической насыщенности — «пространством» и «временем» создаваемой «модели мира». Традиции декоративно-прикладного творчества и, в частности, народной вышивки-аппликации оказали влияние на стилевое своеобразие канонического искусства живописи и скульптуры. В трактовке локальных образов пантеона размыты границы народного и религиозного искусства, духовного и материального начал художественной культуры, что формирует органичную целостность ее восприятия в экспозиции музея.

Пластической выразительностью отмечена иконография образа Белого Старца (калм. Цаһан Аав, Делкэн Цаһан Өвгн), представленная в фольклорном разделе экспозиции. Калмыцкий вариант иконографии образа, воплотившего родовую суть общей традиции, представляет собой концепт экологического равновесия Природы и Человека. Локальный стиль композиции стоящего персонажа колоритно выражен в цветовой раскладке калмыцкого орнамента «зег», используемой в трактовке условного пейзажа. В этническом своеобразии буддийского канона изображения сохраняются духовные ценности традиционной культуры. Изобразительное искусство XIX–XX вв., выполняя миссию «самосознания культуры», проецирует в художественном образе антропоморфную модель мира [Батырева 2005: 124–125]. В произведениях постоянной экспозиции Музея калмыцкой традиционной культуры живет вековой опыт творческого освоения реальности предками.

В анализе образов буддийской коллекции убеждаемся: культура и искусство как подсистема культуры взаимообусловлены в своем историческом развитии. В художественно-образной форме экспонатов, составляющих духовную сферу бытия народа, воплощен культурный смысл его творческого потенциала. Бытие традиционной культуры осуществляется через механизм «социального наследования» из поколения в поколение. Накапливаемый этносом опыт выделяется в самостоятельное предметное существование искусства, в котором концентрируются знания, духовные и эстетические ценности, умения, определяемые традицией. Культура, таким образом, охватывает многообразие предметов и явлений материально-духовной значимости. Они представляют «вторую природу», в которой «опредмечены» исторический процесс деятельности и способы творческого бытия этноса в пространстве, совершенствуемые во времени посредством обучения, образования и воспитания.

Сферу художественной культуры образуют пластические искусства, характерные своей вещностью в специфике пространственных и временных параметров традиционного мировидения. Культурное

пространство экспозиции обозначено взаимовлияниями традиций, принесенных из Центральной Азии, исторической прародины калмыков, и воспринятых в евразийском пространстве российского отечества. Сложный этнокультурный процесс сопровождался многочисленными утратами, к которым относим памятники ойратского и калмыцкого зодчества, изобразительного искусства, письменности.

В культурологической концепции экспонирования буддийской коллекции КИГИ РАН выражена своеобразная парадигма исторического развития этноса. Логикой развития культуры обусловлено разнообразие видов и жанров изобразительного искусства Калмыкии. В процессе творческого созидания образовано «художественное поле» выражения традиции в материале, имеющем цвет, пластику, фактуру, объем и другие выразительные средства искусства. В специфике художественного образа произведений буддизма воссоздан знаковый предметный ряд экспозиции музея традиционной культуры. В искусстве этноса воспроизведен «автопортрет» культуры в уникальном своеобразии отражения жизни, продуктивной творческой деятельности этноса [Батырева 2011: 404–408].

Искусство позволяет установить закономерности исторического процесса в анализе и реконструкции художественного образа, сформированного традицией, коррелирующей преемственность культуры.

Подводя итоги исследования буддийской коллекции музея, приходим к необходимости многоаспектного анализа художественной традиции, объединяющей искусство и культуру в понятии культурное наследие. Искусство в системе традиционной культуры требует комплексного изучения, сочетающего приемы искусствознания с подходами других научных дисциплин — истории, этнокультурологии, философии. **Методология** междисциплинарного **исследования** наиболее приемлема в историко-культурной реконструкции изобразительного искусства. Оно представлено в экспозиции Музея традиционной культуры имени Зая-пандиты произведениями буддийской коллекции из собрания Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук.

Литература

- Батырева С. Г. Старокалмыцкое искусство Калмыкии XVII – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. М.: Наука, 2005. 155 с.
- Батырева С. Г. Традиционное изобразительное искусство Калмыкии XIX – начала XX вв. Опыт историко-культурной реконструкции. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 428 с.
- Брудный А. Архетип – связь прошлого с настоящим // Декоративное искусство СССР. М., 1983. № 8. С. 43–44.
- Гачев Г. Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. М.: Худож. лит., 1989. 279 с.
- Герасимова К. М. Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций. Трактаты по иконометрии и композиции. Амдо, XVIII в. АН СССР. СО Бур. филиал БИОН. Улан-Удэ: Бур. кн. изд., 1971. 301 с.
- Грюнведель А. Обзор собрания предметов ламайского культа кн. Э. Э. Ухтомского. СПб., 1905. 138 с.
- Огнева Е. Д. Тибетский средневековый трактат по теории изобразительного искусства: (о трактате Цзонхавы Лобзан-дракпы «Восприятие видимого») // Народы Азии и Африки. М., 1979. № 1. С. 103–112.
- Щедрина Г. К. Искусство как этнокультурное явление / Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. С. 41–47.
- Getty A. The gods of Northern Buddhism. – Oxford: Clarendon Press, 1914. 196 p.
- Gordon A. Tibetan religious art. – New York: Columbia Univ. Press, 1952. 104 p.
- Pott P. H. Introduction to the Tibetan collection of the national museum of ethnology. Leiden, E. J. Brill, 1951. 184 p.
- Roerich G. Tibetan paintings. Paris: Paul Geuthner, 1925. 95 p., 12 frontis, 17 pls.
- Terentyev A. Buddhist Iconography Identification Guide. – St. Petersburg: Narthang Publishers, 1981–2004. 302 p.
- Tucci G. Tibetan painted scrolls. – Roma: La libreria Dello Stato. First ed. Vol. 1–3. 1949. 798 p.
- Batyreva S. G. [Old Kalmyk Arts, 17th – Early 20th Centuries: a Historical and Cultural Reconstruction]. Moscow: Nauka, 2005. 155 p. (In Russ.)
- Batyreva S. G. [Traditional Visual Arts of Kalmykia, 19th – Early 20th Centuries: a Historical and Cultural Reconstruction]. Saarbrücken: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. 428 p. (In Russ.)
- Brudnyi A. Archetype – a link between past and present. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*. 1983. No. 8. Pp. 43–44. (In Russ.)
- Gachev G. [The Inevitable: Accelerated Development of Literature]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1989. 279 p. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. [Aesthetic Thought of the East: Monuments. Tibetan Canon of Proportions. Treatises on Thangka Painting and Composition]. Amdo, 18th c. USSR Academy of Sciences, Sib. Branch, Buryat Institute of Social Sciences. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1971. 301 p. (In Russ.)
- Getty A. The Gods of Northern Buddhism. Oxford: Clarendon Press, 1914. 196 p. (In Eng.)
- Gordon A. Tibetan Religious Art. New York: Columbia University Press, 1952. 104 p. (In Eng.)
- Grünwedel A. [A Review of Prince E. E. Ukhtomsky's Lamaist Collection]. St. Petersburg, 1905. 138 p. (In Russ.)
- Ogneva E. D. Tibetan medieval treatise on theory of visual arts: Tsongkhapa Lobsang Drakpa's 'Perception of the Visible'. *Narody Azii i Afriki*. 1979. No. 1. Pp. 103–112. (In Russ.)
- Pott P. H. Introduction to the Tibetan Collection of the National Museum of Ethnology. Leiden: E. J. Brill, 1951. 184 p. (In Eng.)
- Roerich G. Tibetan Paintings. Paris: Paul Geuthner, 1925. 95 p., 12 frontis, 17 pls. (In Eng.)
- Shchedrina G. K. Art as an ethnocultural phenomenon. In: [Arts in the System of Culture]. M. S. Kagan (comp. and ed.). Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 41–47. (In Russ.)
- Terentyev A. Buddhist Iconography Identification Guide. St. Petersburg: Narthang Publishers, 1981–2004. 302 p. (In Eng.)
- Tucci G. Tibetan Painted Scrolls. Rome: La libreria Dello Stato, 1949. 1st ed. Vol. 1–3. 798 p. (In Eng.)

УДК 314.6

ББК 60.56

О СОСТОЯНИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СЕМЬИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ В 1990-е гг. (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)

On the State and Transformation of the Family Institution in the Russian Federation and in the Republic of Kalmykia in 1990s (On Archival Materials)

Д. А. Шарманджиев (D. Sharmandzhiev)¹

¹кандидат педагогических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Pedagogy, Researcher of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: kigiran@elista.ru.

В статье рассматриваются некоторые аспекты состояния и трансформационных процессов, происходивших в российской семье в условиях социально-экономического кризиса 1990-х гг. в Российской Федерации. Состояние института семьи в Калмыкии изучается на основе архивных документов.

Ключевые слова: трансформация, архивные документы, демографическая ситуация, социально-экономический кризис.

After the collapse of the Soviet Union in 1990s and catastrophic social and economic crisis afterwards, the vast majority of Russian families were at a severe disadvantage. The institution of the family in this period was also influenced by various demographic indicators and phenomena: declining birth rates, increasing mortality rates, population ageing, decrease in the number of marriages and, on the contrary, an increase in the number of divorces. Such social phenomena as unemployment, unpaid wages also had a negative impact on the family institution functioning. The article studies the archival documents which reflect the changes of the family institution in Kalmyk Republic taking place during the given period. Data of the archival materials was introduced into a scientific circulation for the first time.

Keywords: transformation, archival documents, the demographic situation, social and economic crisis.

Россия, в том числе и Калмыкия, в 1990-е гг. переживала процесс глубоких социально-экономических преобразований, ускорившийся после распада СССР в 1991 г. В то же время это был период «затяжного саморазрушения», когда переход от административной, планово-распределительной к рыночной системе хозяйствования в нашей стране негативно отразился и на институте семьи. Как показывают результаты социологического мониторинга Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИС и

НП) за период 1992–1999 гг., времени попыток властей провести рыночные реформы, в массовом сознании российского общества имели место значительные качественные изменения, затронувшие его рациональные, волевые и психоэмоциональные компоненты [Горшков 2000]. А поскольку семья как социальная структура консервативна, вышеуказанные изменения и довольно резкие перемены в общественном устройстве дезориентировали институт семьи.

Состояние и трансформация института семьи в России 1990-х гг. изучались в ряде

работ [Горшков 2000; Карцева 2001; Королёв 1995; Котляр, Корчагин 1998]. Проблемы трансформации социального института семьи в современной России анализируются в специальных работах [Кукса 1996; Карцева 2001; Гурко 1995; Кусов, Кусов 1996; Силласте 1999; Свадьбина 2000; Тумусов 2001]. Проблемы стабильности семьи и брака, а также проблемы реализации государственной семейной политики и оказания социальной поддержки и помощи семье, анализируются в работах [Артюхов 1998; Баразгова, Козловская 1998; Бобков и др. 1998; Бойко 2004; Дармодехин 1996; Елизаров 2002; Климантова 2004; Рыбинская и др. 1999; Ярская-Смирнова, Романов 2004]. Вопросы социального развития в Республике Калмыкия рассматривались в коллективной монографии «Современные социокультурные процессы в молодежной среде Республики Калмыкия» [Намуева и др. 2014].

Одним из ценных источников для изучения процессов трансформации социальных отношений в обществе и, в частности, институте семьи в различные периоды являются архивные документы. Данные источники входят в группу неопубликованных материалов. Если говорить о Калмыкии, то это в первую очередь нормативные документы и делопроизводственная документация, хранящиеся в Национальном Архиве Республики Калмыкия (НА РК). Нами были изучены документы Министерства социальной политики РК, просуществовавшего с апреля 1993 г. по май 1995 г., содержащие сведения об основных направлениях региональной социальной политики, ее влиянии на развитие института семьи и семейных отношений, социальной защите малообеспеченных и многодетных семей.

Документация Министерства социальной политики РК (Ф. Р-566. НА РК), отражающая в том числе состояние института семьи в Калмыкии в 1990-е гг., состоит из справок, аналитических справок, планов мероприятий, Программ социальной защиты населения, отчетов и информации о состоянии отраслей социальной сферы республики.

На состояние института семьи влияют различные демографические показатели и явления: уровни рождаемости и смертности, старение населения, брачность, разводимость, как влияет и состояние безработицы в республике. Так, в справке о социальной сфере республики за 1993–1994 гг.

говорится, что среди безработных 68 % женщин, из них 58 % воспитывающих несовершеннолетних детей.

В Аналитической справке о положении детей РК-ХТ, подготовленной Комитетом социальной защиты населения РК-ХТ от 31 марта 1994 г. и направленной министру социальной политики РК-ХТ Бадмаеву С. А., говорится, что в условиях социально-экономической нестабильности демографическая обстановка в республике усложняется [НА РК. Ф. Р-566. Оп. 1. Д. 68]. Начиная с 1988 г., наблюдаются неблагоприятные тенденции в развитии процессов естественного движения населения, из-за которых тогдашняя демографическая обстановка оценивалась как самая неблагоприятная за все послевоенное время. За последние четыре года, говорится в справке, число родившихся сократилось на 1300 человек (на 17 %), а в 1992 г. уменьшение составило 504 человека (8 %). Общий коэффициент рождаемости в 1992 г. снизился на 4,8.

Напряженность в социально-экономическом развитии в республике и в целом по стране в сочетании с дальнейшим значительным сокращением (на 5159 человек за 1988–1991 гг.) численности женщин наиболее репродуктивного возраста (20–29 лет) привела к снижению рождаемости.

В справке также констатируется, что на уровень рождаемости негативно влияет значительное число прекращений беременности. Ежегодно (в этот период) в учреждениях здравоохранения регистрировалось от 6 до 7 тысяч аборт. Неблагоприятные последствия аборт и болезни супругов приводят к тому, что 15 % брачных пар не имели детей.

В документе анализируются и другие демографические показатели, влияющие на состояние института семьи: уровень рождаемости, заболеваемости, смертности новорожденных, уровень брачности и разводимости. Среди причин негативных демографических тенденций авторы документа называют возросшие за эти годы психологические и физические нагрузки, экологическую обстановку, неблагоприятные условия труда многих женщин, ухудшение медицинского обслуживания, которые нарушают нормальное течение беременности. Приводятся данные о том, что в 1992 г. осложнение родов и послеродового периода отмечалось примерно у 2,5 тысяч рожениц, или 46,7 %. Соответственно растет в это

время и заболеваемость новорожденных: если в 1991 г. родилось больными или заболело 787 новорожденных (12,7 %), то в 1992 г. 952 (16,8 %). Уровень рождаемости тесно связан с уровнем брачности и разводимости. Уровень брачности в этот период снизился: в 1993 г. он составил 7,4 браков на 1000 человек населения, что было на 20,8 % меньше уровня 1988 г. Всего число браков в 1993 г. составило 2407.

В эти годы отмечается рост количества разводов: в 1993 г. он составил 3 % развода на 1000 человек, что на 23 % больше уровня 1988 г.

В условиях нарастающего процесса старения населения, начиная с 1979 г., последовательно увеличивается смертность: в 1993 г. коэффициент смертности составил 9,9 умерших на 1000 человек, что на 16 %

выше, чем в 1978 г. В это время возросло число умерших от неестественных причин, занимая второе место в структуре причин смертности населения. Более 70 % умерших от несчастных случаев, отравлений и травм приходилось на лиц трудоспособного возраста.

В разделе «Роль семьи в воспитании детей» названной аналитической справки говорится о многодетных неполных и малообеспеченных семьях. Здесь же приводятся данные о количестве детей, оставшихся после развода родителей. В 1990 г. таковых было 835, в 1993 г. — 1600. В 1993 г. в республике насчитывалось более 9760 многодетных семей, имеющих детей моложе 16 лет. Многие многодетные семьи остро нуждались в улучшении жилищных условий.

Таблица 1. Семьи, улучшившие жилищные условия

Годы	Число семей, улучшивших жилищные условия	Число семей, состоящих на учете на получение жилья
1991	1561	10181
1992	886	9504
1993	619	6544

В начале 1990-х гг. в республике резко сокращается производство товаров детского ассортимента, что при одновременном значительном росте цен на них для большинства семей серьезно обострило проблему приобретения детской одежды и обуви. Снижение объема производства

товаров детского ассортимента было обусловлено неспособностью предприятий преодолеть кризис неплатежеспособности, ростом цен и тарифов на энергоносители и транспортные услуги. Большинство семей просто не могло приобрести товары для своих детей.

Таблица 2. Производство товаров детского ассортимента в РК-ХТ

Товары детского ассортимента т.шт.	1990	1991	1992	1993
Трикотажные изделия	395	234	116	52
Чулочно-носочные изделия				
Пальто	9	2	-	-
Платье				
Куртки	-	1	8	-
	582	536	277	31
	-	1	3	4

Значительное число детей в республике жило в неполных семьях (с одним из родителей), как правило, с матерью. На 1 апреля 1994 г. насчитывается 8820 неполных семей, из них 1764 приходится на разведенных женщин с детьми, 5451 — на матерей-одиночек.

В этот период возросло число внебрачных детей, особенно в городе, отмечены возрастание уровня социального сиротства в результате развода одного из родителей, снижение среднего размера семьи. Неуклонно росло число семей с детьми-инвалидами. На 1.04.94 г. в республике насчи-

тивалось 948 таких семей, в них было 1024 ребенка-инвалида до 16 лет.

В этот период постоянно росло количество бедных семей при общем снижении уровня жизни. Это негативное явление указывало на недостаточную эффективность социальных мер, направленных на семьи с низкими доходами, неспособных своими силами улучшить материальное положение, особенно при многодетности.

Несвоевременность выплат заработной платы также усугубляла проблему. Основные свои функции (восстановительную и стимулирующую) заработная плата к тому времени в России перестала выполнять

из-за крайней скудности бюджета. В этот период подавляющее большинство российских семей как основа государственного устройства оказалось в крайне неблагоприятном положении. Совершенно безответственная финансовая политика правительства России привела к сильнейшему экономическому кризису в августе 1998 г. В октябре 1998 г. РНИС и НП был проведен очередной общероссийский опрос, который убедительно показал, насколько глубоко августовский кризис 1998 г. отразился на материальном положении практически всех слоев населения страны [Горшков 2000].

Таблица 3. Среднемесячный бюджет семей разных социально-профессиональных групп (данные на июнь/октябрь 1998 г.; в \$)

Социально-профессиональная группа.	Бюджет семей в июне 1998 г.	Бюджет семей в октябре 1998 г.
Рабочие	291,9	108,0
ИТР	321,3	135,9
Гуманитарная интеллигенция	354,3	157,7
Работники торговли и бытовых услуг	296,1	122,8
Предприниматели	317,1	113,6
Служащие	903,0	336,9
Жители села	181,5	64,5

В годы экономического кризиса, в частности, изменилась структура доходов семьи. Меньшую роль в них стала играть заработная плата. Ее низкий уровень вынуждал супругов искать новые источники доходов. В некоторых семьях стали покупать акции различных валютных фондов, зарубежную валюту, вкладывать средства в подчас сомнительные финансовые организации, развивать личное подсобное хозяйство, сдавали внаем свободную жилплощадь, практиковали совместительство на работе, трудоустраивали пенсионеров и детей, получали дополнительную профессию и меняли привычное место работы с целью увеличения дохода.

По данным научно-исследовательского института семьи, в 1994 г. меньше половины (47 %) всех российских домохозяйств имели детей в возрасте до 18 лет. В то же время неуклонно увеличивается число семей, воспитывающих одного ребенка. Так, если в 1989 г. таких семей было 24,4 %, то в 1994 г. такие семьи составляли почти треть

от общего числа семей с детьми (32 %). Уменьшилось число семей с двумя, тремя и более детьми.

Женщин-матерей зрелого возраста (от 39 до 45 лет), репродуктивный период жизни которых в целом закончился, имевших одного ребенка, было около 28 %, двух — 48 %, трех и более — 18 %. Около 6 % женщин этой возрастной группы не рожали ни разу.

О положении дел с социальной защитой малоимущих семей в районах республики свидетельствуют отдельные делопроизводственные документы. В справке о ходе выполнения Указа Президента Российской Федерации ««О мерах по социальной поддержке многодетных семей» от 5.05.92 г. № 431 в Яшалтинском и Черноземельском районах, составленной ведущим специалистом отдела семьи женщин и детей Государственного комитета социальной защиты населения РК В. Цебековой, говорится, что, по данным районных отделов социальной защиты населения, на 1.07. 1995 г.

в Яшалтинском районе насчитывалось 555 многодетных семей. Из них 508 имеют доход ниже прожиточного минимума, что составляет 92% от всех многодетных семей в районе. В Черноземельском районе — 771 многодетная семья, в том числе 741, или 96 %, имела на тот период доход ниже прожиточного уровня. Основной социальной поддержкой эти семьям являлось оказание материальной помощи, как в денежной, так и в натуральной форме. Например, с момента выхода вышеназванного Указа в Черноземельском районе материальная помощь была оказана 385 многодетным семьям. В Яшалтинском районе — 596 семьям. В ставший традиционным праздник Дня семьи в Черноземельском районе был организован клуб многодетных матерей. Цель клуба — объединение всех многодетных семей района для решения сообща проблем, стоящих перед ними. В День защиты детей, 1 июня 1995 г., отделом была проведена бесплатная подписка на районную газету семьям, имеющим 5 и более детей.

В августе 1993 г. был открыт Республиканский Центр планирования семьи и репродукции, который стал финансироваться из местного бюджета и состоял из 17 сотрудников. На Центр возлагались задачи, связанные с проблемами планирования семьи в регионе: оказание консультационной помощи по вопросам контрацепции, внедрения стерилизации как средства планирования семьи, подготовка к браку, генетическая консультация, психологическая и медицинская помощь подросткам, лечение бесплодия, сексуальное образование и т. д. При необходимости больные направлялись в Центры гг. Москвы, Санкт-Петербурга, с которыми было уже налажено научное и практическое взаимодействие. Руководствуясь Указами Президента РФ по защите детства и с учетом социально-экономической, демографической ситуации в республике и г. Элисте, по рекомендации Комитета социальной защиты населения Постановлением Представителя Президента РК — ХТ в Элисте

в феврале 1994 г. был открыт территориальный центр «Семья» по оказанию социальной помощи семье и детям. Центр «Семья» стал проводить работу с родителями, детьми и подростками, нуждающимися в социальной помощи.

После преобразования в апреле 1993 г. Министерства социальной защиты населения Республики Калмыкия — Хальмг Тангч в Комитет социальной защиты населения в составе Департамента здравоохранения и социальной защиты населения РК, без права юридического лица, была изменена структура и разработано положение о Комитете социальной защиты населения. Новая структура предусматривала два отдела: отдел проблем семьи, женщин и детей (4 сотрудника), отдел материально-бытового и социального обслуживания пенсионеров и инвалидов (5 сотрудников).

Отделом семьи Комитета социальной защиты населения РК — ХТ был разработан план мероприятий международного Года семьи в республике на 1994–1995 гг. и определен состав республиканского оргкомитета. В 1994 г. проводилось формирование законодательства по семейной политике в РК — ХТ, принимались Указы Президента РК — ХТ по социальной поддержке малоимущих, многодетных семей, матерей-одиночек, детей-сирот, детей-инвалидов. Специалистами отдела были разработаны программы «Социальная защита детей-инвалидов на 1993–1994 гг.», «Социальная защита малоимущих, многодетных семей, охрана материнства и детства в РК — ХТ на 1994–1995 гг.» Велась работа по подготовке региональной программы «Женщины Калмыкии», проекта Указа Президента РК — ХТ «О мерах по социальной защите малоимущих слоев населения»

В Республиканской программе социальной защиты населения РК — ХТ помещена выкладка структуры расходов семей отдельных социально-демографических групп населения республики в разделе «Социальный паспорт региона за 1994 год» [НА РК. Ф. Р-29. Оп. 3. Д. 855].

Таблица 4. Структура расходов семей отдельных социально-демографических групп населения республики*

	Группы населения				
Удельный вес в общей сумме расходов семьи (%)	Семьи рабочих и служащих	Семьи лиц, занятых в сельском хоз-ве	Семьи пенсионеров		Семьи, состоящие из представителей различных социальных групп
			всего	В том числе инвалидов	
Питание	38,1				
Непродовольственные товары	42,7				
Услуги	8,1				
Досуг, отдых	1,4				
Налоги, сборы и другие платежи (в т.ч. оплата жилья)	9,7 3,4				
накопления	10,5				

В справке «Об итогах работы органов социальной защиты населения Республики Калмыкия за 1994 г. и задачах на 1995 г. по совершенствованию системы социальной защиты населения» отмечается, что ухудшение жизненного уровня коснулось прежде всего неполных многодетных семей (семей вдов, вдовцов, одиноких матерей и т. д.): из 926 семей данной категории 860 имели доход ниже прожиточного минимума. Из 8655 многодетных семей, где имеются оба родителя, 7140 относятся к малоимущей категории, количество малообеспеченных семей одиноких матерей с 1 или 2 детьми возросло

от 1800 на 1 января 1994 г. до 3164 (1 января 1995 г.).

В заключение можно сделать вывод, что различная делопроизводственная документация, хранящаяся в Национальном архиве Республики Калмыкия, позволяет достаточно полно представить картину негативного воздействия социально-экономических преобразований и изменений, происходивших в Российской Федерации и Калмыкии в 1990-е гг., на состояние института семьи в Калмыкии.

* Данная таблица воспроизведена по архивному документу (НА РК. Ф. Р-29. Оп. 3. Д. 855).

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК)

Литература

- Артюхов А. В. Государственная семейная политика и ее особенности в России // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 108–110.
- Баразгова Е. С., Козловская О. В. Семейная политика: проблема субъекта // Семья в России 1998. № 3–4. С. 34–51.
- Бобков В. Н., Литвинов В. А., Степанова Т. Н. Адресная социальная поддержка малоиму-

щих семей: научное сопровождение пилотной программы // Семья в России. 1998. № 34. С. 5–13.

Бойко О. В. Социальные программы: современные подходы к разработке и оценке // Отечественный журнал социальной работы. Саратов. 2007. № 1. С. 52–62.

Гориков М. К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: «Рос. полит. энцикл.» (РОСС ПЭН), 2000. 384 с.

Гурко Т. А. Трансформация института современной семьи // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 96–99.

- Дармодехин С. В. Семейная политика Российской Федерации: от оценки состояния к формированию стратегии // *Семья в России*. 1996. № 2. С. 5–16.
- Елизаров В. В. Семейная политика и экономическая поддержка семьи в современной России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2002. № 6. С. 4–16: табл.
- Карцева Л. В. Российская семья на рубеже двух веков: Монография. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 292 с.
- Климантова Г. И. Государственная семейная политика современной России / М.: Издательско-торговая корп. «Дашков и К», 2004. 192 с.
- Королёв А. А. Социальная “цена” либерально-радикальной реформы начала 90-х годов. М., 1995. 123 с.
- Котляр А. Э., Корчагин В. П. Обсуждаются проблемы социальных реформ // *СОЦИС*. 1998. № 8. С. 7–10.
- Кукса Л. П. Российская семья: социологическая модель развития // *Семья в России*. 1996. № 1. С. 59–73.
- Кусов А. Ф., Кусов Д. А. Моделирование жизнедеятельности семьи // *Семья в России*. 1996. № 2. С. 113–126.
- Намруева Л. В., Марзаева М. Б., Гунаев Е. А., Иджаева Б. В., Бадмаева Н. В., Шарманджиев Д. А. Современные социокультурные процессы в молодежной среде Республики Калмыкия Элиста: КИГИ РАН, 2014. 300 с.
- Рыбинская Е. М., Кузнецова Л. В., Несмеянова М. И. Государственная социальная политика в интересах детей // *Социологические исследования*. 1998. № 12. С. 79.
- Свадьбина Т. В. Семья и российское общество в поиске обновления. Нижний Новгород, 2000. С. 74.
- Силласте Г. Г. Женщина как объект и субъект социальной безопасности // *Социологические исследования*. 1998. № 12. С. 18–26.
- Тумусов Ф. С. Семья и постиндустриальная цивилизация. Вопросы философии. 2001. № 12. С. 153–163.
- Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология. Сер. «Высш. образование». Ростов н/Д: «Феникс», 2004. 388 с.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

References

- Artyukhov A. B. State family policy and its features in Russia. *Sociological Studies*. 2002. No. 7. Pp. 108–110. (In Russ.)
- Barazgova E. S., Kozlovskaya O. V. Family policy: the issue of subject matter. *Semya v Rossii*. 1998. No. 3–4. Pp. 34–51. (In Russ.)
- Bobkov V. N., Litvinov V. A., Stepanova T. N. Targeted social support of low-income families: scientific assistance to the pilot program. *Semya v Rossii*. 1998. No. 3–4. Pp. 5–13. (In Russ.)
- Boyko O. V. Social programs: contemporary approaches to development and assessment. *Domestic Journal of Social Work*. Saratov. 2007. No. 1. Pp. 52–62. (In Russ.)
- Darmodekhin C. B. Family policy in the Russian Federation: from assessment to strategy development. *Semya v Rossii*. 1996. No. 2. Pp. 5–16. (In Russ.)
- Elizarov V. V. Family policy and economic support of family in contemporary Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2002. No. 6. Pp. 4–16. (In Russ.)
- Gorshkov M. K. [Russian Society under Transformation: a Sociological Analysis]. Moscow: ROSSPEN, 2000. 384 p. (In Russ.)
- Gurko T. A. Institution of modern family: transformation experienced. *Sociological Studies*. 1995. No. 10. Pp. 96–99. (In Russ.)
- Kartseva L. V. [Russian Family at the Turn of the 21st Century]. Monograph. Kazan: Shkola, 2001. 292 p. (In Russ.)
- Klimantova G. I. [State Family Policy in Contemporary Russia]. Moscow: Dashkov and Co, 2004. 192 p. (In Russ.)
- Korolev A. A. [Radical Liberal Reforms of the Early 1990s: the Social ‘Price’]. Moscow, 1995. 123 p. (In Russ.)
- Kotlyar A. E., Korchagin V. P. Discussing the problems of social reforms. *Sociological Studies*. 1998. No. 8. Pp. 7–10. (In Russ.)
- Kuksa L. P. Russian family: a sociological development model. *Semya v Rossii*. 1996. No. 1. Pp. 59–73. (In Russ.)
- Kusov A. F., Kusov D. A. Modeling family activities. *Semya v Rossii*. 1996. No. 2. Pp. 113–126. (In Russ.)
- Namrueva L. V., Marzaeva M. B., Gunaev E. A., Idzhaeva B. V., Badmaeva N. V., Sharmandzhiev D. A. [Youth of Kalmykia: Contemporary Sociocultural Processes]. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2014. 300 p. (In Russ.)
- Rybinskaya E. M., Kuznetsova L. B., Nesmeyanova M. I. State social pro-child policy. *Sociological Studies*. 1998. No. 12. P. 79. (In Russ.)
- Sillaste G. G. Woman as object and subject of social security. *Sociological Studies*. 1998. No. 12. Pp. 18–26. (In Russ.)
- Svadbina T. V. [Family and Russian Society: in Search of Renewal]. Nizhny Novgorod, 2000. 74 p. (In Russ.)
- Tumusov F. S. Family and postindustrial civilization. *Voprosy Filosofii*. 2001. No. 12. Pp. 153–163. (In Russ.)
- Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. [Social Anthropology]. Rostov-on-Don: Feniks, 2004. 388 p. (In Russ.)

**СЕЛЬСКИЕ ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ в 2000-е и 2010-е гг.**

**Rural Areas of the Republic of Kalmykia:
the Socio-Demographic Situation in the 2000s and 2010s**

Л. В. Намруева (L. Namrueva)¹

¹ кандидат социологических наук, доцент, зав. отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: lnamrueva@yandex.ru.

В данной статье проанализированы статистические показатели, свидетельствующие о старении сельского сообщества Калмыкии, безработице, активной миграции сельских жителей за пределы республики, гендерной диспропорции в структуре сельского населения.

Ключевые слова: социальная структура, сельское население, безработица, социальная инфраструктура, трудовая миграция.

As a result of 1990s and 2000s reforms rural areas have dramatically changed in quantitative and qualitative terms. The given article analyzes statistical indicators that characterize the life of rural inhabitants of the Republic of Kalmykia. The data reveals the ageing of rural population: agricultural sector employs mainly people over 50. Young people leave rural areas settling outside Kalmykia. The main causes of migration are low income, lack of jobs and a lack of social infrastructure. Rural population decrease on the territory of Kalmyk Republic in 2010s is uneven and varies on a village and social and demographic group size. Gender disparity as an object of investigation of the article (in a village there are more working-age men than women) exacerbates not only demographic processes but also various social problems associated with deviant behavior (alcoholism, crime). The number of unmarried male village inhabitants is prevalent that female of the same group. The author raises urgent issues with an acute social orientation as their solution will have an impact both on rural inhabitants and ethnic group as a whole.

Keywords: social structure, rural population, unemployment, social infrastructure, labour migration.

Преобразования в России 1990-х и 2000-х гг. изменили социальную структуру и облик села, оказав негативное влияние на количественные и качественные характеристики сельских территорий. Ошибки сельскохозяйственной политики указанного периода и их последствия подробно описаны в отечественной социологической и экономической литературе В. Пациорковским, В. Ефимовым, П. Великим, З. Калугиной, Т. Морозовой и др. К сожалению, исследователи Калмыкии рассматривали отдельные изменения в аграрной сфере с позиций конкретных наук (экономики, статистики, политологии, социологии), между тем как в анализе современных процессов необходим

междисциплинарный подход, который обеспечит полноту и всесторонность изучения социальных проблем в агросфере. Актуальность подобных исследований подчеркивается современными задачами, которые выдвинуты, исходя из политической и экономической безопасности Российского государства. Одним из основных ее сегментов является продовольственная безопасность, которая напрямую зависит от устойчивого развития сельских территорий.

В сельских населенных пунктах Республики Калмыкия, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., сосредоточено 55,1 % от всего населения республики. Результаты Калмыкиятат свидетельствуют,

что старшее поколение (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше) составляли в 2002 г. 14,6 %, а в 2010 г. — 15,8 %, т. е. доля лиц пенсионного возраста возрастает в общей численности сельского населения республики. В 11 районных муниципальных образованиях рассматриваемая возрастная группа за межпереписной период увеличилась [Республика Калмыкия 2010], происходит старение сельского сообщества. В аграрной отрасли региона заняты в основном работники старше 50 лет. Редко встретишь молодого человека за рулем трактора или с герлыгой в степи. Нарушается установившийся веками привычный уклад жизни степняков. Сельчане сетуют, что если не будут приняты кардинальные меры, то завтра некому будет пасти скот и утратится исконная хозяйственная деятельность калмыков. Чтобы этого не случилось, чтобы молодежь возвращалась к своим истокам, необходимо шире развивать государственные программы поддержки молодых работников АПК, трактористов, чабанов, гуртоправов, специалистов ИТК, чтобы субсидии или иные формы поддержки были доступны для этой категории.

В общественном сознании жизнь в сельских поселениях абсолютно не престижна и ассоциируется с примитивностью, неустроенностью, бедностью. Такое восприятие стало следствием низкого уровня материального благополучия, социальной инфраструктуры из-за недостаточности финансовых ресурсов, выделяемых на развитие социально-экономической сферы села. Нельзя не согласиться с мнением Л. Н. Девяткиной, которая считает, что дискриминация сельского населения в уровне доходности и благосостояния приводит к низкому уровню образования, создает предпосылки формирования целых поколений людей, проживающих в бедности. Одним из последствий такой потомственной бедности является потеря чувства собственного достоинства и деморализация деревенского населения [Девяткина 2015: 96].

Обеспечение сельского населения элементарными медицинскими, образовательными, культурно-досуговыми и другими социальными услугами на уровне, сравнимом с городским, невозможно силами только местных властей, так как бюджеты муниципальных районов скудны. Сельские поселения не в состоянии самостоятельно создать у себя достаточную для нормального обеспе-

чения жизнедеятельности коммунальную инфраструктуру — линии электропередач, информационных услуг, водообеспечения. Так, среднее удельное водопотребление на хозяйственно-питьевые нужды по республике составляет до 70 л/сутки, в то время как в Российской Федерации — до 275 л/сутки. А водопотребление в сельской местности достигает 25 л/сутки, что гораздо ниже среднероссийского уровня, гигиенический норматив которого определен 120–150 л/сутки [Постановление Правительства]. От недостатка воды страдают сельские жители, они вынуждены постоянно ее экономить не только для бытовых нужд, но и для приготовления пищи, вода для них — настоящая драгоценность. Отсутствие/недостаток воды сильно ощутимы в знойное время, лето в Калмыкии жаркое, очень сухое, практически без дождей. Абсолютный максимум температуры в жаркие годы достигает +40°C...+44°C. Многие сельчане воду заказывают, ее доставляют на автоводонозах из крупных поселков, удаленных от них подчас за десятки километров. Доставка воды обходится в 500–1500 рублей (в зависимости от расстояния), что для селян, имеющих скромные бюджеты, весьма дорого. Емкости в 1,5–2,0 т небольшой семье хватает на месяц-полтора, поэтому приходится отказываться от личного подворья, выращивания овощей и фруктовых деревьев, требующих дополнительного расхода воды [ПМА].

Не каждая сельская семья может вести подсобное хозяйство, поскольку подорожавшие корма, сено, солома не по карману многим. В беседе с сельскими жителями летом 2014 г. автору удалось выяснить, что 1 рулон сена стоит 1 тыс. руб., однако овца съедает за 4 месяца стойлового содержания 2 рулона. А если хозяин содержит 20 овец, то потребуется 40 рулонов, в среднем это обойдется в 40 тыс. руб. Помимо сена, требуются комбикорма. Для того, чтобы овца набирала вес, ей необходимо в сутки в среднем 500 г кормов. По ценам 2014 г. 2–3 т кормов стоят от 7,5 тыс. руб. Если в селе находится сельскохозяйственное предприятие, то оно выделяет своим работникам по льготной цене или в виде натуральной оплаты сено и комбикорма. Но таких работников в селах немного. Поэтому трудоспособное население, не имеющее возможности трудоустроиться или вести подсобное хозяйство, вынуждено выезжать за пределы родного поселка [ПМА].

Республика Калмыкия относится к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда, где спрос на рабочую силу намного превышает предложение. Ситуация на рынке труда региона характеризуется трудовой избыточностью, обусловленной: недостаточным развитием экономического потенциала; нехваткой собственных инвестиционных ресурсов для ввода новых рабочих мест; сложным финансовым положением сельскохозяйственных предприятий, низким уровнем занятости сельского населения. На научной конференции «Архаизм и модернизация в условиях устойчивого развития сельских территорий: современные проблемы и перспективы», состоявшейся в г. Элисте 31. 10. 2014 г., замминистра сельского хозяйства республики отметил, что половина сельских поселений республики не имеет селообразующих предприятий. Сельчан, занятых в аграрных предприятиях, небольшое количество. Поэтому население крупных сел активно мигрирует, его географические перемещения создают своеобразные ниши для сельских мигрантов из малых поселений.

Уменьшение сельского населения Республики Калмыкия в 2010-е гг. происходит неравномерно и зависит от размера села и социально-демографической группы. Население, не имеющее возможности трудоустроиться в сельской местности или вести подсобное хозяйство, вынуждено выезжать за пределы родного поселка. Семьи с детьми стремятся выехать в районные центры, где имеется необходимая инфраструктура, которая способна обеспечить определенный уровень качества жизни: детские сады, школы, учреждения здравоохранения,

культуры. По окончании школы сельские дети уезжают в город (Москва, Петербург, Элиста, соседние мегаполисы), чтобы получить образование, большая часть из них, как правило, там и остается из-за отсутствия возможности трудоустройства по специальности и низкой средней заработной платы в республике. Кроме учащейся молодежи, в поисках работы, повышения материального благосостояния и более высокого качества жизни село покидают люди активного трудоспособного возраста, которые, постепенно «закрепляясь» в городе, перевозят семью в съемное жилье. Их дети посещают городскую школу, остальные члены семьи также находят работу. При этом в селе у них остаются квартиры, где они имеют постоянную прописку. Эти так называемые «мертвые души» способствуют завышению статистики сельского населения и являются основной причиной несоответствий в списках во время выборных компаний различных уровней, когда ценится голос каждого избирателя.

Многие сельские жители выбирают работу «вахтовым методом» не только в близлежащих областных городах (Волгоград, Астрахань), но и отдаленных (Москва, Петербург), и весьма удаленных от Калмыкии регионах (Ханты-Мансийск, Чукотка и т. д.), формируя армию временных и сезонных мигрантов. По окончании смены (вахты) они возвращаются домой, на заработанные деньги приобретают дорогостоящую бытовую технику, автомобили, благоустраивают квартиры, некоторые приобретают жилье не только в столице республики, но и за ее пределами, в том числе в Москве и Подмосковье.

Таблица 1. Численность сельского населения Республики Калмыкия в разрезе районных муниципальных образований

	Название сельского образования	Численность 2010	Численность на нач. 2014	Динамика изменений
1	Городовиковский район	7730	7156	- 574
2	Ики-Бурульский район	11424	10797	- 627
	Ики-Бурульское СМО	4388	4146	-222
3	Кетченеровский район	10622	9825	- 797
	Кетченеровское СМО	4276	3995	- 281
4	Лаганский район	5766	5514	- 252
5	Малодербетовский район	10528	10220	- 308
	Малодербетовское СМО	6441	6338	- 103
6	Октябрьский район	9438	8896	- 542

	Большецарынское СМО	5497	5321	- 176
7	Приютненский район	11658	11188	- 470
	Приютненское СМО	6163	6001	- 162
8	Сарпинский район	13796	12918	- 878
	Садовское СМО	6573	6235	- 338
9	Целинный район	20051	20417	+ 366
	Троицкое СМО	11943	12415	+ 472
10	Черноземельский район	13258	12749	- 509
	Комсомольское СМО	4804	4639	- 165
11	Юстинский район	10585	10191	- 394
	Цаганаманское СМО	6034	5895	- 139
12	Яшалтинский район	17178	16331	- 847
	Яшалтинское СМО	4716	4459	- 257
13	Яшкульский район	15270	14708	- 562
	Яшкульское СМО	7909	7726	- 183

Источник: Данные Калмыкиятат 2010, 2014 гг.

Исходя из сведений, приведенных в таблице 1, констатируем, что сельское население в 12 районах республики уменьшилось. Исключение составляет лишь Целинный район (+ 366), центр которого, село Троицкое, находится в 14 км от столицы республики. Жители отдаленных сел, переезжая в с. Троицкое, приобретают жилье (оно значительно дешевле, чем в г. Элисте) или земельные участки, где строят дома, а на работу устраиваются в городе. Движение транспорта (маршрутные газели) регулярное, стоимость билета на начало мая 2015 г. составляла 19 рублей. Следует заметить, что привлекательными для сельчан являются и другие сельские поселения Целинного района (Ики-Чонос, Хар-Бурук), находящиеся в непосредственной близости к г. Элисте, население которых также неуклонно увеличивается.

Согласно разделяемому нами мнению Ю. Г. Быченко и В. Л. Шабанова, «в миграции из села выражен гендерный аспект — молодые женщины покидают село активнее мужчин» [Быченко, Шабанова 2014: 4].

Рассмотрим это явление на примере двух основных этнических групп республики (калмыки и русские), используя данные всероссийской переписи 2010 г. (табл. 2). Если в городах численность женщин-калмычек начинает превышать численность мужчин-калмыков из возрастной группы 20–24 года, то в сельской местности подобное превышение начинается только с 50 лет. Городские женщины в количественном плане доминируют во всех возрастных группах. Исходя из материалов последней переписи, помещенных в таблице 1, численность мужчин-сельчан (4451 чел.) значительно (более 200 человек) превышает численность женщин-сельчанок (4234 чел.) из группы 20–24 лет, и в последующих пяти возрастных группах этот разрыв сохраняется. Гендерное соотношение сельского калмыцкого населения в возрасте от 20 до 44 лет выглядит следующим образом: мужчины составляют от 51 % до 53 %, а женщины, соответственно, — от 49 % до 47 %.

Таблица 2. Распределение сельского калмыцкого и русского населения по возрастным группам и полу

Возраст	Калмыки			Русские		
	Муж. и жен.	Муж.	Женщ.	Муж. и жен.	Муж.	Женщ.
15-17	3702	1875	1827	1764	878	886
18-19	2704	1327	1377	1276	582	694
20-24	8685	4451	4234	3900	1982	1918
25-29	7603	4011	3592	3562	1885	1677
30-34	5444	2888	2556	3128	1573	1555
35-39	4440	2298	2142	3115	1573	1542

40-44	5850	2983	2867	3079	1542	1537
45-49	8709	4422	4287	3842	1952	1890
50-54	7424	4174	4250	4165	2153	2012
55-59	5692	2744	2948	3367	1633	1734

Данные Всероссийской переписи 2010 г.

Результаты переписи, приведенные в таблице 2, свидетельствуют о том, что в городах численность взрослых женщин-русских превышает численность мужчин-русских почти во всех возрастных группах, за исключением группы 20–24 лет, где мужчин на 100 человек больше, чем женщин. В сельской местности наблюдаем прямо противоположную картину: превышение численности мужчин-русских начинается с 20–24 лет и продолжается вплоть до 55 лет. Гендерное соотношение сельского русского населения в возрасте от 20 до 54 лет выглядит следующим образом: мужчины составляют от 50 % до 53 %, женщины, соответственно, — от 49 % до 47 %.

Также можно констатировать, что на репродуктивный возраст приходится «провал» численности сельских женщин. Как видно из таблицы 2, мужчин-калмыков от 200 до 400 человек больше, чем женщин-

калмычек в возрастных группах 20–24 лет, 25–29 лет. У русских эта разница в пределах 30–140 человек в пользу мужчин. В результате многие молодые мужчины-сельчане не могут создать семью, что усугубляет не только демографические, но и различные социальные проблемы села, связанные с девиантным поведением (алкоголизм, преступность). Массовый выезд женщин в города, их освобождение от тяжелого физического труда на селе, высокий уровень образования, выход на рынок труда, успешное профессиональное продвижение многих бывших селянок не лучшим образом отразились на институтах сельского домохозяйства и семьи.

Материалы последней переписи (2010 г.) позволяют сравнить состояние в браке мужчин и женщин, представляющих две основные этнические группы в республике, — калмыков и русских.

Таблица 3. Численность мужчин и женщин, проживающих в сельской местности, никогда не состоявших в браке, в зависимости от возраста и этнической группы (чел.)

Возраст	Калмыки		Русские	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
25-29	1869	1254	921	502
30-34	896	564	477	288
35-39	559	347	325	178
40-44	614	393	211	116
45-49	753	554	218	104
50-54	626	544	179	98
55-59	308	348	105	67
60-64	81	145	55	35

Данные Всероссийской переписи 2010 г.

Результаты, приведенные в таблице 3, показывают, что мужчин, никогда не состоявших в браке, гораздо больше, чем женщин, имеющих такой же статус. В самый активный брачный период, 25–29 лет, 1869 мужчин-калмыков и 1254 женщин-калмычек не были связаны узами брака. В группе 30–34 лет остались свободными 896 первых и 564 вторых, соответственно, т. е. количество неженатых сократилось в два раза и незамужних — в 2,2 раза.

В этническом разрезе мужчины-русские более активны в создании семьи, чем мужчины-калмыки. В возрасте 35–39 лет 559 калмыков не вступали в брак, по мере взросления эта категория будет только увеличиваться: в 40–44 года не были женаты уже 614 человек, в 45–49 лет количество таковых выросло до 753. А в последующих возрастных группах численность мужчин-калмыков, не создавших семью, более чем в два раза уменьшается в группе старше 55

лет (308 человек). На наш взгляд, это связано прежде всего с тем, что средняя продолжительность жизни мужчин долгое время не достигала 60 лет.

Среди мужчин-русских мы наблюдаем несколько иную картину: в возрасте 35–39 лет 325 человек не вступали в брак, по мере взросления эта категория будет уменьшаться: в 40–44 года не были женаты уже 211 человек, в 50–54 лет количество таковых снизилось до 179. И в последующих возрастных группах численность мужчин-русских, не создавших семью, уменьшается. Так, в группе старше 55 лет неженатых осталось 105 человек. Это также связано с тем, что мужчины в среднем не доживают до 60 лет независимо от этнической принадлежности.

В самый активный брачный период, 25–29 лет 921 русских мужчин и 502 женщины-русские не были связаны брачными узами. В группе 30–34 года остались свободными 477 первых и 288 вторых, соответственно, т.е. количество неженатых сократилось в 1,9 раза, а незамужних — в 1,7 раза [Национальный состав 2013].

В большинстве своем сельская молодежь не торопится обзавестись семьей и детьми; их мотивационные устремления связаны с получением хорошего образования, дальнейшего трудоустройства, что позволит, «встав на ноги», решать вопросы создания семьи, возвращения на родную землю. Отсутствие мест работы на селе способствует тому, что сельская молодежь

успешно обосновывается не только в столице республики, но и в соседних областных городах, а также в столичном мегаполисе.

Одной из основных черт, ассоциирующихся с современным селом, являются социальные проблемы, среди которых в последние годы распространены негативные явления, связанные в общественном сознании с селом, — низкий уровень жизни, сокращение сельского населения, безработица, алкоголизм. В данной статье проанализированы статистические показатели, характеризующие жизнь сельских жителей. Происходит старение сельского сообщества, в сельскохозяйственной отрасли региона заняты в основном работники старше 50 лет. Работоспособная часть населения активно мигрирует за пределы республики. Гендерная диспропорция (мужчин больше, чем женщин) усугубляет не только демографические процессы, но и различные социальные проблемы села, связанные с девиантным поведением (алкоголизм, преступность). Исследователи отмечают, что введенные Западом в 2014 г. санкции наряду с негативными имели для агросферы и села и позитивные последствия: власти вынуждены им уделять больше внимания [Нечипоренко 2015: 307]. Это дает утешительный повод для позитивного социального прогнозирования в краткосрочной и среднесрочной перспективе развития сельских территорий страны, в том числе и Калмыкии.

Литература

- Быченко Ю. Г., Шабанов В. Л. Влияние миграции на демографическое и этноструктурное развитие российского села // Мир России. 2014. № 1. С. 167–185.
- Девяткина Л. Н. Российская деревня – зона гуманитарной катастрофы: пути преодоления // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений. Мат-лы Междунар. науч. конф. – Седьмые Санкт-Петербургские социол. чтения (16–18 апреля 2015 г.). СПб.: СПбГАУ, 2015. 439 с. С. 93–96.
- Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: социально-экономические проблемы и экологические угрозы // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений. Мат-лы Междунар. науч. конф. – Седьмые Санкт-Петербургские социол. чтения (16–18 апреля 2015 г.). СПб.: СПбГАУ, 2015. 439 с. С. 293–297.
- Национальный состав и владение языками, гражданство: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. / территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2013. 841 с. С. 182–183.
- Нечипоренко О. В. Современное развитие сельских территорий в России: глобальные тренды и локальные инновации // Социальные проблемы российского села и аграрных отношений. Мат-лы Междунар. науч. конф. – Седьмые Санкт-Петербургские социол. чтения (16–18 апреля 2015 г.). СПб.: СПбГАУ, 2015. 439 с. С. 300–307.
- Полевой материал автора (ПМА). Июль 2014 г. Малодербетовский и Октябрьский районы Республики Калмыкия.
- Постановление Правительства Республики Калмыкия от 26 августа 2009 г. N 295 «О региональной комплексной программе «Чистая

вода» на 2009–2022 годы» [Электронный ресурс] // URL: <http://gov.kalmregion.ru/component/content/article/11/6---2009> (дата обращения: 20.07.2015).

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Калмыкиястат. Элиста, 2010. 323 с.

References

- [Decree of the Government of the Republic of Kalmykia of 26 August 2009. No. 295 'On Regional Comprehensive Program 'Fresh Water' for the Period 2009 to 2022']. Available at: <http://gov.kalmregion.ru/component/content/article/11/6---2009> (accessed: July 20, 2015). (In Russ.)
- [Republic of Kalmykia: Statistical Yearbook, 2010]. Elista: Kalmykia Office of Rosstat, 2010. 323 p. (In Russ.)
- Author's field data. July 2014. Maloderbetovsky and Otyabrsky Districts, Republic of Kalmykia. (In Russ.)
- Bychenko Yu. G., Shabanov V. L. The impact of migration on the demographic and ethical development of the Russian rural areas. *Universe of Russia*. 2014. No. 1. Pp. 167–185. (In Russ.)
- Devyatkina L. N. Russian village – a humanitarian disaster area: paths towards resolution. In: [Russian Village and Agrarian Relations: Social Problems]. Conf. proc. 7th St. Petersburg readings (April 16–18, 2015). St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University, 2015. Pp. 93–96. (In Russ.)
- Ethnic Composition and Language Skills, Citizenship. In: [Results of the 2010 Russian Census]. Elista: Kalmykia Office of Rosstat, 2013. Pp. 182–183. (In Russ.)
- Namrueva L. V. Rural territories of Kalmykia: socioeconomic problems and environmental threats. In: [Russian Village and Agrarian Relations: Social Problems]. Conf. proc. 7th St. Petersburg readings (April 16–18, 2015). St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University, 2015. Pp. 293–297. (In Russ.)
- Nechiporenko O. V. Present-day development of Russia's rural territories: global trends or local innovations. In: [Russian Village and Agrarian Relations: Social Problems]. Conf. proc. 7th St. Petersburg readings (April 16–18, 2015). St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University, 2015. Pp. 300–307. (In Russ.)

ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ (2002–2013 гг.)

Infant Mortality in the Republic of Kalmykia (2002–2013)

Б. Б. Нусхаева (B. Nuskhaeva)¹

¹кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Ph. D. of Sociology, Researcher of the Department of Social, Political and Ecological Studies at the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). E-mail: nbairab@yandex.ru.

Проблема детской смертности остается малоизученной областью. Статистические данные свидетельствуют о наличии как позитивных, так и негативных тенденций в Республике Калмыкия. В статье рассмотрены возрастные коэффициенты смертности детей до 17 лет, основные причины младенческой и детской смертности. Обращает на себя внимание снижение детской смертности в целом в период с 2002 по 2013 гг. Одной из главных причин смерти детей до 1 года является смертность от «состояний, возникающих в перинатальном периоде», а детей до 17 лет – от «внешних причин».

Ключевые слова: младенческая смертность, детская смертность, причины смерти, возрастные коэффициенты смертности.

Due to the high mortality rate of the population and its laboring part the problem of infant mortality in Russia is given inadequate attention. The study of infant mortality is complicated by the lack of comprehensive statistic data. This is a topical issue for the Republic of Kalmykia as well. The article analyzes the statistical data of infant mortality for the 2002–2013 period published in annual abstracts of statistics, on the official website of the Territorial Department of the Federal State Statistics Service for the Republic of Kalmykia provided to the author by the agency.

Mortality rates indicate a favorable tendency – a reduction of mortality among children under the age of 17 years between 2002 and 2013. Considering the structure of mortality it is possible to point out one of the main reasons – «external causes of death». It is also possible to talk about the predominance of the following causes of death: diseases of the nervous system and respiratory diseases.

The analysis of age-specific mortality rates in different age groups suggests a high level of mortality among children under 1 year and children aged 15–19. The main causes of infant mortality can be infectious and parasitic diseases, diseases of the nervous system, respiratory diseases, congenital abnormalities, conditions originating in the perinatal period, accidents, poisonings and traumas. The latter group is one of the leading causes of death among children under 1 year.

The study of infant mortality in Kalmykia allows to outline positive and negative tendencies. The former include infant and child mortality rate reduction in general. The negative tendencies are characterized by a high mortality rate among children aged 15–19 and high ratio of mortality from external causes.

Keywords: infant mortality, child mortality, death causes, age-specific mortality rates.

Внимание к проблеме детской смертности в России нельзя назвать устойчивым и достаточным. По мнению специалистов, это связано с усиленным вниманием к смертности населения в целом и отсутствием полных статистических данных по смертности населения в возрасте до 17 лет. В статистических ежегодниках публикуются данные по младенческой смертности, а информация о детской и подростковой смертности

остается разрозненной и неполной. Среди последних работ по детской смертности можно назвать: Levels & Trends in Child Mortality. Report [2014]; Альбицкий В. Ю. и др. Смертность подростков в Российской Федерации [2010]; Шурыгина И. Смертность российских детей от внешних причин [2013]; Суханова Л. П., Скляр М. С. Детская и перинатальная смертность в России: тенденции, структура и факторы риска [2008]

и др. В Республике Калмыкия исследования ограничиваются чаще всего анализом младенческой смертности; см.: Каюков Р. А. Причинно-следственный анализ младенческой смертности на современном этапе [2012]; Нухаева Б. Б. Младенческая смертность в Республике Калмыкия [2012]. В настоящей статье анализируются данные о смертности детей в возрасте до 17 лет, опубликованные в статистических ежегодниках и на официальном сайте Территориального органа Федеральной службы Государственной статистики по Республике Калмыкия. [Младенческая смертность 2013]

Согласно статистическим данным Калмыкии, численность детей в возрасте до 17 лет в 2013 г. составила 15791 человек (23,3 % от общей численности населения республики). Следует отметить, что в 2000 г. доля детей в возрасте до 17 лет составляла 30,8 % от общей численности населения (95061 человек). Таким образом, в республике сокращается численность детей

в возрасте до 17 лет и их удельный вес в структуре населения.

Детская смертность в Калмыкии в статье рассматривается за период с 2002 по 2013 гг. в связи с изменением учета возрастных границ детства, принятых с 2002 г. Согласно данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия (Калмыкиятат), в 2013 г. смертность детей в возрасте до 17 лет составила 85,7 на 100 000 человек населения. Возрастные коэффициенты смертности детей в возрасте до 17 лет (рис 1) с 2002 по 2013 гг. свидетельствуют о сокращении детской смертности в регионе. Самый высокий коэффициент смертности зафиксирован в 2003 г. и равен 140,734 на 100 000 человек населения. Самый низкий показатель отмечен в 2011 гг. — 70,4. Мы можем говорить о благоприятной тенденции — сокращении смертности детей в возрасте до 17 лет в период с 2002 по 2013 гг.

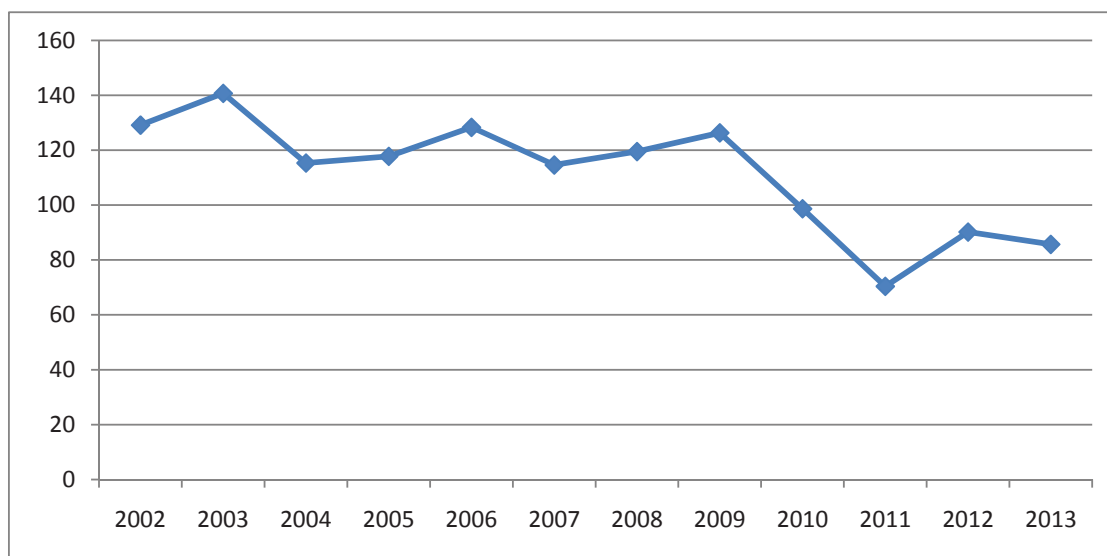


Рис. 1. Возрастные коэффициенты смертности детей в возрасте до 17 лет (на 100 000 населения)

Рассматривая основные причины смерти детей в возрасте до 17 лет, можно выделить одну из преобладающих причин смерти — от внешних причин. К внешним причинам смерти относят: травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних факторов; ДТП; несчастные

случаи на водном транспорте; падения; случайные утопления; случайные отравления; убийства и самоубийства; повреждения с неопределенными намерениями. Согласно данным Калмыкиятат, в 2013 г. коэффициент смертности от внешних причин составил 22,553 промилле (табл. 1).

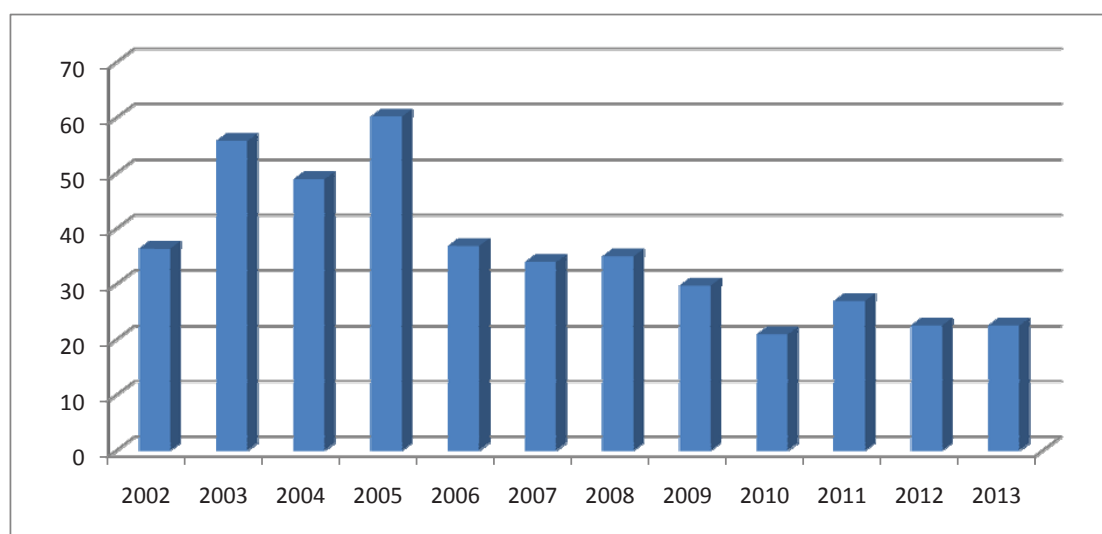


Рис. 2. Коэффициенты смертности детей в возрасте до 17 лет от внешних причин смерти (100 000 человек населения)

За период с 2002 г. по 2013 гг. наблюдается снижение смертности по этой группе причин смерти. В 2002 г. этот коэффициент равен 36,395 на 100 000 населения, в 2012 г. — 22,55 на 100 000 населения, а самый высокий показатель отмечен в 2005 г. — 60,191 на 100 000 населения. Для детального изучения структуры детской смертности от внешних причин смерти необходимы статистические данные, которые позволили бы выделить детскую смертность от травм, самоубийств, отравлений и других причин.

Анализ основных причин смерти детей в возрасте до 17 лет показывает также не-

которое преобладание таких причин смерти в структуре детской смертности, как болезни нервной системы и болезни органов дыхания. Согласно статистическим данным, в 2013 г. коэффициент смертности детей в возрасте до 17 лет по этим причинам смерти составил 7,518 на 100 000 населения (табл. 1). В 2002 г. коэффициент смертности детей в возрасте до 17 лет по причине болезней нервной системы отмечен на уровне 15,262 промилле. Коэффициент смертности детей в возрасте до 17 лет по причине болезней органов дыхания в период с 2002 по 2013 гг. варьирует в пределах 1,486 и 8,493 на 100 000 населения.

Таблица 1. Основные причины детской смертности

	2002	2011	2012	2013
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	2,348	1,498	-	4,511
Новообразования	7,044	-	7,517	1,504
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	-	1,498	-	1,504
Психические расстройства и расстройства поведения	-	-	-	-
Болезни нервной системы	15,262	2,996	4,51	7,518
Болезни системы кровообращения	2,348	1,498	1,503	1,504
Болезни органов дыхания	7,044	4,494	3,007	7,518
Болезни органов пищеварения	1,174	-	-	-
Внешние причины смерти	36,395	26,962	22,55	22,553

Смертность детей в возрасте до 17 лет по причине психических расстройств и расстройства поведения зафиксирована только в 2004 г., ее коэффициент составил 1,254 на 100 000 населения. Таким образом, можно говорить как о наиболее высокой — детской смертности от внешних причин смерти. Как пишет И. Шурыгина, «уровень детской смертности от внешних причин в России — один из самых высоких в мире» [Шурыгина 2013]. Анализируя основные причины детской смертности, А. А. Баранов и В. Ю. Альбицкий отмечают, что смертность подростков обусловлена прежде всего травмами и отравлениями, их удельный вес в структуре смертности составляет более 70 % у юношей и 50–70 % — у девушек [Баранов, Альбицкий 2009: 164]. Эта проблема также усугубляется данными о суицидах

среди подростков. Согласно исследованию ЮНИСЕФ о смертности подростков в России, по уровню самоубийств среди подростков Россия находится на первом месте в мире: средний показатель самоубийств среди населения подросткового возраста более чем в 3 раза превышает средний показатель в мире [Альбицкий и др. 2006: 6].

При рассмотрении возрастных коэффициентов смертности изменены возрастные границы детской смертности в связи с группировкой, полученной в Территориальном органе Федеральной службы Государственной статистики по Республике Калмыкия (табл. 2). Статистические данные свидетельствуют о высоких коэффициентах смертности — прежде всего в двух возрастных группах: «дети до 1 года» и «15–19 лет».

Таблица 2. Возрастные коэффициенты смертности (на 100 000 населения)

	До 1 года	1–4 лет	5–9 лет	10–14 лет	15–19 лет
2000	1599,5	46,6	41	58,5	178,5
2005	757,18	92,9	11,6	91,8	151,5
2011	547,1	40,5	28,3	6,2	88,4
2012	777,02	62,6	44,0	19,0	74,0
2013	762,5	51,6	26,4	12,6	108,4

Младенческая смертность, или смертность детей в возрасте до 1 года, чаще всего исследуется как отдельная проблема, хотя входит в область изучения детской смертности. Согласно статистическим данным, в 2013 г. смертность детей в возрасте до 1 года зарегистрирована на уровне 7,7 промилле (на 1000 родившихся). Это, безусловно, ниже чем в 2000 г. (16 промилле, соответственно), но говорить о тенденции сокращения младенческой смертности сложно в связи с неустойчивым характером изменения показателей. Эту динамику можно проследить на рис. 3. (Младенческая смертность в Российской Федерации и Республике Калмыкия). Сравнивая данные по Республике Калмыкия и России в целом, можно отметить разный характер кривой младенческой смертности. Младенческая

смертность в Российской Федерации имеет устойчивую тенденцию сокращения с 2000 по 2011 гг. с 15,3 до 7,4 промилле, и только в 2012–2013 гг. этот коэффициент возрос до 8,6 и 8,2 на 1000 родившихся. В Калмыкии картина иная: здесь можно выделить годы наиболее низкой младенческой смертности: 2005 г. (7,6 на 1000 родившихся), 2011 г. (5,7 на 1000 родившихся), 2012–2013 гг. (7,7 на 1000 родившихся). И самые высокие показатели зафиксированы в 2000, 2001, 2002, 2003, 2006, 2009 гг. (16 промилле, 15,6 промилле, 12,6 промилле, 13,9 промилле, 14,2 промилле и 12,8 промилле, соответственно) [Младенческая смертность]. Таким образом, можно сделать вывод, что показатели младенческой смертности в республике за период с 2000 по 2012 гг. имеют неустойчивый характер.

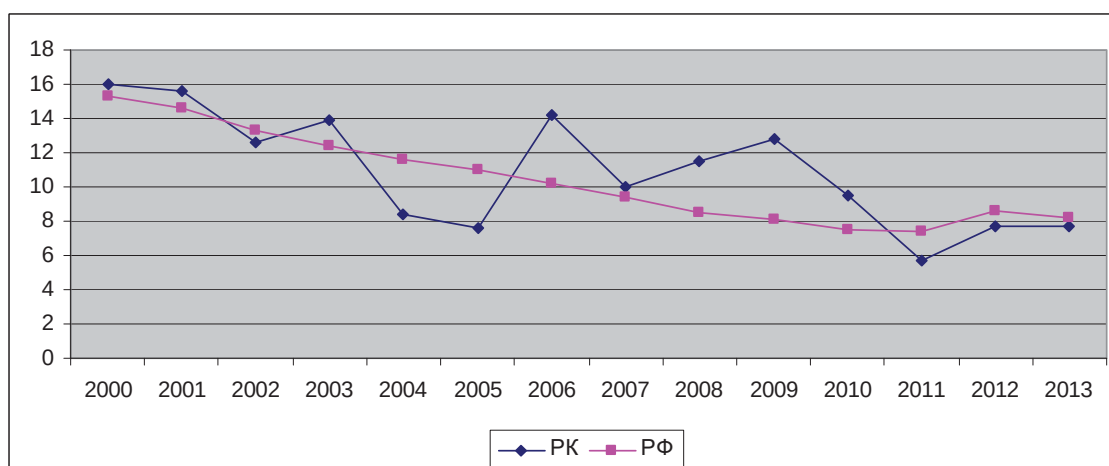


Рис. 3. Младенческая смертность в Российской Федерации и Республике Калмыкия (2000–2013 гг.)

Проанализируем младенческую смертность в Республике Калмыкия по основным классам причин смерти. Основными причинами младенческой смертности можно считать: инфекционные и паразитарные болезни, болезни нервной системы, болезни органов дыхания, врожденные аномалии, состояния, возникающие в перинатальном периоде, несчастные случаи, отравления и травмы. Согласно нашим расчетам, удельный вес этих причин смертности составляет более 85 % от всех причин. Как видно из табл. 3, наиболее частой причиной младенческой смертности

является смертность от состояний, возникающих в перинатальном периоде. На долю этой причины в отдельные годы приходится от 45,5 % до 67,9 % от всех причин смертности. Другим заслуживающим внимание фактором служит смертность от болезней органов пищеварения, впервые зарегистрированная за двенадцать лет в 2011 г.: 7,1 умерших на 10 000 родившихся. Можно сделать вывод о том, что одной из главных причин смертности детей до 1 года в республике является смертность от состояний, возникающих в перинатальный период.

Табл. 3. Младенческая смертность по основным классам причин смерти в Республике Калмыкия (2000–2011 гг.)
(число умерших в возрасте до 1 года на 10 000 родившихся)

	Инфекционных и паразитарных болезней	Болезней нервной системы	Болезней органов дыхания	Врожденных аномалий	Состояний, возникающих в неонатальном периоде	Несчастных случаев, отравлений и травм	Болезней органов пищеварения
2000	2,9	2,9	5,7	25,8	108,8	11,5	-
2001	2,8	-	25,6	34,1	79,5	8,5	-
2002	2,7	-	2,7	51,6	65,1	5,4	-
2003	2,6	5,2	7,8	28,5	88,2	7,8	-
2004	2,6	-	5,1	20,4	43,4	10,2	-
2005	2,6	2,6	5,2	21,0	39,3	2,6	-
2006	2,6	2,6	2,6	47,2	78,6	5,2	-
2007	4,9	-	4,9	22	61,2	2,4	-
2008	-	6,9	4,6	18,4	73,7	9,2	-
2009	11,7	2,3	-	44,4	58,4	7,0	-
2010	2,3	2,3	-	27,2	49,9	2,3	-
2011	-	-	4,8	35,6	-	4,8	7,1

Исследуя причины младенческой смертности в Республике Калмыкия, Р. А. Каюков выделяет наиболее распространенные причины: внутриутробная инфекция (38,2 %), синдром дыхательных расстройств (20 %), внутрижелудочковые кровоизлияния (15,4 %), асфиксия (10,3 %), синдром внезапной смерти (5,1 %), родовая травма (3,7 %) [Каюков 2012]. Проведенный Р. А. Каюковым анализ течения беременности женщин, у которых были зарегистрированы случаи младенческой смертности по причине перинатальных состояний, позволил сделать вывод, что у подавляющего большинства пациенток (82,4 %) в анамнезе наблюдались высокая частота инфекционных заболеваний и урогенитальные инфекции (71,3 %). У более половины женщин (65,4 %) беременность была отягощена соматическими заболеваниями. Р. А. Каюков делает вывод о наличии серьезных недостатков в работе акушерско-гинекологической службы республики [Каюков 2012].

Анализ статистических данных по младенческой смертности в Республике Калмыкия позволяет сделать вывод о неустойчивом характере изменений показателей младенческой смертности с 2000 по 2011 гг. и выделить одну из главных причин младенческой смертности в республике — от состояний, возникающих в перинатальном периоде.

Другой возрастной группой с высокими показателями коэффициентов смертности являются подростки в возрасте 15–19 лет. В начале 2000-х гг. наблюдаются самые высокие коэффициенты смертности: 178,5 (2000 г.), 134,2 (2001 г.), 150,7 (2002 г.) на 100 000 населения. В последние годы ко-

эффициенты смертности несколько ниже: 76,7 (2010 г.), 88,4 (2011 г.), 74,0 (2012 г.), в 2013 г. возрастает до 108,4 на 100 000 населения. Данная ситуация требует более тщательного анализа проблемы смертности детей в возрасте 15–17 лет.

Наибольшее снижение смертности наблюдается в возрастной группе 10–14 лет. Если в 2000 г. возрастные коэффициенты смертности в этой группе были равны 58,5 на 100 000 населения, то в 2013 г. они сократились до 12,6 на 100 000 населения. Самый низкий коэффициент зарегистрирован в 2011 г. и равен 6,2 на 100 000 населения. Возрастные коэффициенты смертности в группе 1–4 года варьируются в пределах 34,7 промилле (2006 г.) и 92,9 промилле (2005 г.), а в 2013 г. — на уровне 51,6 на 100 000 населения. Возрастные коэффициенты смертности детей в возрасте 5–9 лет в 2013 г. составил 26,4 на 100 000 населения, в 2000 г. — 41 на 100 000 населения. Самый высокий показатель равен 54,3 промилле (2002 г.), самый низкий — 11,6 промилле (2005 г.). Таким образом, в Калмыкии отмечается высокий уровень смертности населения в возрасте 15–19 лет.

Изучение статистических данных по детской смертности в Республике Калмыкия с 2000 по 2013 гг. позволяет сделать следующие выводы:

- Снижена детская смертность в республике в целом;
- Высокий уровень смертности населения в возрасте 15–19 лет;
- Одной из главных причин смерти детей до 1 года являются «состояния, возникающих в перинатальном периоде», а детей в возрасте до 17 лет — от «внешних причин смерти».

Литература

- Альбицкий В. Ю., Иванова А. Е., Ильин А. Г., Терлецкая Р. Н. Смертность подростков в Российской Федерации / Научный центр здоровья детей РАМН по заказу Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Российской Федерации. М.: ООО «БЭСТ-Принт». 2010. 64 с.
- Баранов А. А., Альбицкий В. Ю. Смертность детского населения России (тенденции, причины и пути снижения). 3-е изд., перераб. и доп. М.: Союз педиатров России, 2009. 392 с.
- Калмыкия в цифрах, 2005. Статистический ежегодник: стат. сб. / Калмыкиятат. Элиста, 2005. С. 36–37.
- Каюков Р. А. Причинно-следственный анализ младенческой смертности на современном этапе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1 [Электронный ресурс] // URL: www.science-education.ru (дата обращения: 30.07.2012).
- Младенческая смертность / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия [Электронный ресурс] // URL: www.statrk.ru (создано 23.05.2013). (дата обращения: 30.07.2013).
- Нусхаева Б. Б. Младенческая смертность в Республике Калмыкия // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2012. № 4.

- Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2012: стат. сб. / Калмыкиятат. Элиста, 2012. С. 28–31.
- Суханова Л. П., Скляр М. С. Детская и перинатальная смертность в России: тенденции, структура и факторы риска. Екатеринбург, 2008.
- Шурыгина И. Смертность российских детей от внешних причин // Демоскоп Weekly. № 537–538. 1–20 января 2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0537/tema01.php> (дата обращения: 04.06.2015).
- Levels & Trends in Child Mortality. Report 2014. Estimates Developed by the UN Inter-agency Group for Child Mortality Estimation/ UNICEF\$ World Health Organization; The World Bank; United Nations. New York; Geneva, 2014. 32 p.
- References**
- [Infant Mortality]. Kalmykia Office of Rosstat. Available at: www.statrk.ru (accessed: July 30, 2013). (In Russ.)
- [Kalmykia in Figures: 2005]. Statistical yearbook. Elista: Kalmykia Office of Rosstat, 2005. Pp. 36–37. (In Russ.)
- [Republic of Kalmykia: 2012]. Statistical yearbook. Elista: Kalmykia Office of Rosstat, 2012. Pp. 28–31. (In Russ.)
- Albitsky V. Yu., Ivanova A. E., Ilyin A. G., Terletskaia R. N. [Teenage Mortality in the Russian Federation]. Russian Academy of Medical Sciences, Child Healthcare Center; UNICEF Russia. Moscow: BEST-Print, 2010. 64 p. (In Russ.)
- Baranov A. A., Albitsky V. Yu. [Infant Mortality in Russia: Trends, Causes, and Ways of Solution]. 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Soyuz Pediatrov Rossii, 2009. 392 p. (In Russ.)
- Kayukov R. A. Casual analysis of infant mortality today. *Modern Problems of Science and Education*. 2012. No. 1. Available at: www.science-education.ru (accessed: July 30, 2012). (In Russ.)
- Levels and Trends in Child Mortality. Report 2014. Estimates Developed by the UN Interagency Group for Child Mortality Estimation. UNICEF and World Health Organization; The World Bank; United Nations. New York; Geneva, 2014. 32 p. (In Eng.)
- Nuskhaeva B. B. Infant mortality in the Republic of Kalmykia. *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 4. (In Russ.)
- Shurygina I. Infant mortality from external causes in Russia. *Demoskop Weekly*. No. 537–538. 2013, January 1–20. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0537/tema01.php> (accessed: June 4, 2015). (In Russ.)
- Sukhanova L. P., Sklyar M. S. [Infant and Prenatal Mortality in Russia: Trends, Structure, and Risk Factors]. Yekaterinburg, 2008. (In Russ.)

УДК 37
ББК 74.20

**КОММУНИКАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ СРЕДСТВАМИ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «ГИМНАЗИЧЕСКИЙ СОЮЗ РОССИИ»
(Из практики образовательных организаций Республики Калмыкия)**

**Communication Technologies of Education by Means of Communication Facilities
of the All-Russian National Program „the Gymnasium Union of Russia“
(From the Practice of Educational Organizations of the Republic of Kalmykia)**

Т. И. Питкиева (T. Pitkueva)¹

¹ заместитель министра образования и науки Республики Калмыкия, аспирант Калмыцкого государственного университета (Deputy Minister of Education and Science of the Republic of Kalmykia, Post-graduate Student at Kalmyk State University). E-mail: tpitkueva@mail.ru.

Статья посвящена проблеме использования современных коммуникаций в образовании. На примере деятельности МБОУ «Элистинский лицей» и других образовательных организаций Республики Калмыкия рассматривается практическое использование средств Национальной Программы «Гимназический союз России». На сегодня сетевой ресурс Всероссийской образовательной Национальной Программы «Гимназический союз России» Фонда Образования России (ФОБР) является наиболее перспективным из механизмов коммуникаций в контексте сетевого взаимодействия образовательных учреждений Российской Федерации. Данная форма взаимодействия участников сети построена на идеологии открытого обучения и воспитания. Таким образом, выстраивается общее смысловое коммуникационное поле для всех участников сетевого взаимодействия, способствуя содержательному обогащению образовательной среды для развития личности обучающегося, профессиональному совершенствованию педагога и его готовности к осуществлению инновационной образовательной деятельности.

Ключевые слова: коммуникации, образование, программа, сеть, взаимодействие, инновации, сеанс, практика.

The article deals with the issue of using modern communication technologies for education process. It considers the practical use of communication facilities of the National Program „the Gymnasium Union of Russia“ on the example of the activities of the Municipal Budgetary Educational Institution "Elista Lyceum" and other educational organizations of the Republic of Kalmykia. Being based on the ideology of open learning and education, such form of network interaction of participants as a network resource is the most promising mechanism of communication technologies in the context of network interaction of educational institutions of the Russian Federation. The author notes that the use of the resources of other network participants of the program expands the boundaries of the communication between students and society providing additional opportunities for their development and self-fulfilling let alone teachers who can test and implement some innovative education models, management of the education system and experience of using modern educational technologies due to which educational organizations can dynamically develop. As a result there appears a shared semantic communication field for all the participants of the network interaction. Thus, communication technologies of education by means of communication facilities of the all-Russian national program „the Gymnasium Union of Russia“ taken from the practice of educational institutions of Kalmykia contribute to substantial enrichment of the educational environment for development of student's personality, improvement of a professional competence of a teacher and his willingness to implement innovative educational technologies.

Keywords: communications, education, program, network, interaction, innovations, session, practice.

Статья посвящена проблеме использования современных коммуникаций в образовании. На примере деятельности МБОУ «Элистинский лицей» и других образовательных организаций Республики Калмыкия рассматривается практическое использование средств Национальной Программы «Гимназический союз России». На сегодня сетевой ресурс Всероссийской образовательной Национальной Программы «Гимназический союз России» Фонда Образования России (ФОБР) является наиболее перспективным из механизмов коммуникаций в контексте сетевого взаимодействия образовательных учреждений Российской Федерации. Данная форма взаимодействия участников сети построена на идеологии открытого обучения и воспитания. Использование ресурсов других участников программы расширяет границы общения обучающихся с социумом, предоставляя дополнительные возможности для их развития и самореализации. Для учителей же создаются возможности апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообществу страны инновационные модели содержания образования, управления системой образования и опыт использования современных образовательных технологий.

Актуальность сетевого взаимодействия в сфере образования сегодня заключается в том, что оно предоставляет технологии, позволяющие образовательным организациям динамично развиваться. Таким образом, выстраивается общее смысловое коммуникационное поле для всех участников сетевого взаимодействия. Коммуникации образования средствами Всероссийской национальной образовательной Программы «Гимназический союз России» в практике образовательных организаций Республики Калмыкия способствуют содержательному обогащению образовательной среды для развития личности обучающегося, профессиональному совершенствованию педагога и его готовности к осуществлению инновационной образовательной деятельности.

Изменение содержания различных систем образования на современном этапе стало ключевым элементом глобальной конкуренции и требует постоянного обновления используемых технологий, ускоренного освоения инноваций, быстрой адаптации к запросам динамично меняющегося мира. В Национальной доктрине образования в Российской Федерации — основополагающем

государственном документе отечественного образования — определены цели воспитания и обучения, пути их достижения посредством государственной политики в области образования и ожидаемые результаты развития системы образования на период до 2025 г. В документе также обозначена одна из основополагающих задач государства в сфере образования — сохранение и развитие единого образовательного пространства России [Постановление Правительства 2000].

В этой связи в российской системе образования возникла острая необходимость в построении принципиально иной функциональной модели коммуникации, поскольку адаптация к изменяющейся образовательной среде невозможна без воздействия на нее и взаимодействия с ней. От того, насколько разнообразна и содержательна среда вокруг индивидуума, зависит его дальнейшее развитие, так как «среда формирует культуру обучения, является основой развития учащихся. Особая роль при этом уделяется информационно-коммуникационным технологиям» [Дендебер, Дендебер 2012: 152].

В разное время вопросами воспитания подрастающего поколения с учетом особенностей социокультурной ситуации в отечественной педагогике занимались как теоретики, так и практики [Амонашвили 1990; Илларионова 2002; Караковский 1993; Мудрик 2000; Сериков 1998 и др.]. Обновление целей и содержания образования на современном этапе обусловлено многими объективными тенденциями, среди которых следует особо выделить взаимодействие гуманитаризации и компьютеризации образования. А. Г. Асмолов замечает: «В эпоху массовой коммуникации само образование выступает как особая социальная индустрия культуры и меняет свою природу. Оно, благодаря различным коммуникационным технологиям, включается в Новый Информационный Мир — Мир Коммуникации. Отсюда неизбежно вытекает, что упрощенное сведение информационных и коммуникационных технологий, в том числе Интернета, исключительно к новым техническим средствам обучения фактически игнорирует переход к иному цивилизационному этапу в истории человечества, в том числе предполагает переход от информационных технологий к информационной культуре» [Асмолов 2015: 267–268].

Для решения обозначенной проблемы в образовательном пространстве России на практике реализуются различные формы коммуникаций, в том числе в процессе сетевого взаимодействия для совместного использования материальных, учебных, кадровых и иных ресурсов. Актуальность сетевого взаимодействия в сфере образования сегодня заключается в том, что оно предоставляет технологии, позволяющие образовательным организациям динамично развиваться: «Сетевое взаимодействие — это система связей, позволяющих разрабатывать, апробировать и предлагать профессиональному педагогическому сообществу инновационные модели содержания образования и управления системой образования, это способ деятельности по совместному использованию ресурсов» [Борликов 2015: 42]. Как известно, принцип сочетания индивидуального и коллективного позволяет обеспечить непрерывность профессионального образования педагога и, как следствие, повысить качество образовательных услуг.

На сегодня сетевой ресурс Всероссийской образовательной Национальной Программы «Гимназический союз России» Фонда Образования России (ФОБР) является наиболее перспективным из механизмов коммуникаций в контексте сетевого взаимодействия образовательных учреждений Российской Федерации. Миссия ФОБР, созданного при поддержке Правительства Российской Федерации в 2007 году, — всемерно стимулировать развитие отечественного образования как системы, позволяющей каждому человеку приобщиться к ценностям национальной и мировой культуры, реализовать свой личностный потенциал и найти достойное место в жизни, тем самым способствуя процветанию государства и общества. Программа «Гимназический союз России» постоянно трансформируется с учетом задач модернизации образования, вовлекая в свое пространство все новых и новых участников. На сегодня информационно-образовательная сеть Фонда охватывает 76 субъектов РФ и Армению, объединяя более 1500 школ [Публичный отчет 2015].

Образовательная организация, находящаяся в договорных отношениях с Фондом, является участником программы «Гимназический союз России» и аккумулирует на своей базе информационно-технологическое обеспечение для взаимодействия с

другими образовательными организациями региона и России. Таким образом, в условиях сетевого взаимодействия образовательная система переходит в инновационный режим.

В Республике Калмыкия с 2010 г. активным участником Всероссийской образовательной Национальной Программы «Гимназический союз России» является Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Элистинский лицей», получившее возможность обмена опытом в области инновационных педагогических технологий по сетевому взаимодействию субъектов образовательного процесса через систему видеоконференцсвязи (ВКС). Данная система как коммуникационный и технологический образовательный ресурс нового поколения позволяет максимально эффективно обеспечивать сетевое партнерство образовательных учреждений России. Участники ВКС могут видеть и слышать друг друга в реальном времени, обмениваться данными, совместно их обрабатывать, проводить мастер-классы и конференции независимо от территориальной локализации. При этом данная технология позволяет выводить на один экран сразу несколько общеобразовательных учреждений. Совместное использование ресурсов независимых участников сетевого процесса на добровольной основе расширяет границы коммуникаций, поскольку «в значительном числе случаев, образовательные учреждения, даже обладающие соответствующими кадровыми, материальными ресурсами, учебно-методическим обеспечением, просто не в состоянии самостоятельно в полной мере реализовать полный спектр условий для развития гармоничной духовно-нравственной личности, способной жить в контексте мировой культуры» [Даржинова, Питкиева 131].

По наблюдениям автора статьи, тематика сеансов, выбранных педагогическими работниками школ Республики Калмыкия для коммуникации в режиме сетевого взаимодействия, свидетельствует о многоплановости и значимости содержания Программы «Гимназический союз России» как дополнительного ресурса в различных направлениях учебно-воспитательного процесса [Архив автора]. Актуальными и востребованными являются сеансы по следующим темам: «Сетевое взаимодействие в музейной деятельности», «Сохранение этнокуль-

турных традиций в современных условиях», «Образ „Другого“», «Кросскультурные экспериментальные исследования в урочной и внеурочной деятельности», «Друзья, прекрасен наш союз!», «Родители и школа, школа и семья!», «Особенности воспитательного процесса в лицее», «Культура народов», — позволяющие значительно расширить содержательные возможности имеющейся образовательной среды в контексте духовно-нравственного воспитания и межкультурного диалога. Используемый режим активной коммуникации обучающихся на каждом этапе их социализации в условиях сетевого взаимодействия обеспечивает накопление ими адекватного духовно-нравственного опыта и собственной рефлексии.

В практике участия педагогов республики в Программе «Гимназический союз России» наблюдается востребованность опыта, отражающего использование современных педагогических технологий. Так, сеанс по теме «Педагогическая мастерская. Технология укрупнения дидактических единиц (из опыта использования технологии в преподавании различных предметных дисциплин в школах Республики Калмыкия)» вызвал огромный интерес не только у организаторов программы, но и у всех ее участников — представителей различных школ России. Учитывая то, что монологическая система образования постепенно утрачивает свою эффективность, актуальными темами для коммуникаций педагоги считают организацию интегрированных сеансов. В целях реализации основных идей технологии межпредметной интеграции были проведены сеансы по темам «Межпредметная интеграция на примере работы методического объединения и подготовки к ЕГЭ по химии и биологии» и «Технология развития критического мышления на примере освоения различных учебных предметов». К примеру, мастер-класс учителя литературы Элистинского лицея Л. Д. Нимеевой был посвящен работе над текстом рассказа «Где я была» известной современной писательницы Л. Петрушевской. В работу над текстом были вовлечены все студии-участники сеанса: МБОУ «СОШ № 6» г. Котово Волгоградской области, МБОУ «Гимназия № 1» г. Мончегорска Мурманской области, Санкт-Петербургского военного училища, МКОУ «Октябрьский лицей» Волгоградской области и г. Севастополя. На протяжении всего сетевого урока осуществлялась

активная рефлексия. Умело выстроенный разговор под управлением педагога подвел всех участников сеанса к важным выводам нравственного характера [Архив автора].

Особой популярностью среди педагогов и обучающихся пользуются межрегиональные сетевые проекты Программы «Гимназический союз России». В апреле 2015 г. в режиме ВКС была проведена VIII Всероссийская научно-практическая конференция старшеклассников «Молодые исследователи», организованная ГБОУ Гимназия № 11 г. Санкт-Петербурга. Выступление ученицы из Республики Калмыкия в секции «Филология, лингвистика, литература» по теме «Репрезентация концепта «слава» в английской и русской лингвокультурах» вызвало значительный интерес, о чем свидетельствовали многочисленные вопросы как со стороны членов жюри, так и от студий-участников. Коллективы МБОУ «Элистинского лицея» и МАОУ «Лицей» г. Урюпинска Волгоградской области отмечены дипломами за высокие командные результаты исследовательской работы.

В целом в Программе «Гимназический союз России» только за последние три года сетевого взаимодействия на базе МБОУ «Элистинский лицей» приняли участие 23 общеобразовательные организации Республики Калмыкия, специалисты Министерства образования и науки РК, Управления образования администрации г. Элисты, ученые ФГБОУ ВПО «КалмГУ», сотрудники Республиканского центра детского и юношеского туризма и краеведения, более 100 педагогов и свыше 250 учащихся. В режиме участия организовано и проведено более 130 сеансов по различным темам. Как следует из материалов публичного отчета Фонда поддержки образования о работе Всероссийской национальной образовательной Программы «Гимназический союз России», в 2014–2015 учебном году Республика Калмыкия является лидером в Южном Федеральном округе по удельному вкладу работы по программе за период 2012–2015 гг.

Опыт показывает, что использование данного вида коммуникации позволяет расширить возможности образовательного пространства для обеспечения повышения качества образования и определения дальнейшей стратегии развития каждой конкретной организации в контексте единого образовательного пространства России.

Таким образом, в результате реализации Программы «Гимназический союз России» образовательные организации на практике апробируют инновационную модель сетевого взаимодействия как одного из приоритетов модернизации отечественного образования. Коммуникации образования средствами Всероссийской Национальной образовательной Программы

«Гимназический союз России» в практике образовательных организаций Республики Калмыкия способствуют содержательному обогащению образовательной среды для развития личности обучающегося, профессиональному совершенствованию педагога и его готовности к осуществлению инновационной образовательной деятельности.

Источники

Архив автора.

Постановление Правительства РФ «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» от 4 октября 2000 г. № 751.

Публичный отчет Фонда поддержки образования о работе Всероссийской национальной образовательной Программы «Гимназический союз России» в 2014–2015 учебном году. [Электронный ресурс] // URL: <http://fobr.ru> (дата обращения: 20.09. 2015).

Литература

Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные аспекты. М.: Просвещение, 2015. 447 с.

Амонашвили Ш. А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса Минск: Университетское, 1990. 560 с.

Борликов Г. М. Сетевое взаимодействие университета и школ-партнеров в профильном обучении (на примере Калмыкии). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 96 с.

Дендебер И. А., Дендебер С. В. Адаптация коллективов образовательных учреждений к

инновациям в ходе внедрения образовательных стандартов нового поколения. Методическое пособие. М: УЦ «Перспектива», 2012. 152 с.

Даржинова С. В., Питкиева Т. И. Сетевое взаимодействие как инновационная составляющая духовно-нравственного воспитания личности // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону: Изд-во Сев.-Кавк. науч. центра высшей школы ЮФУ, 2014. С. 130–136.

Илларионова Л. П. Формирование духовной культуры учителя в системе непрерывного педагогического образования // Педагогическое образование и наука. 2002. № 3. С. 10–14.

Караковский В. А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности — основа целостного учебно-воспитательного процесса. М.: Нов. школа, 1993. 80 с.

Мудрик А. В. Социальная педагогика / под ред. В. А. Сластенина. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2000. 200 с.

Сериков В. В. Личностный подход в образовании: концепция и технология. Волгоград, 1998. 255 с.

Sources

Author's Archive.

[Decree of the Government of the Russian Federation 'On National Doctrine of Education in the Russian Federation' of 4 October 2000 No. 751]. (In Russ.)

[Education Support Foundation, All-Russia Educational Program 'Gymnasium Union of Russia': Public Work Report, 2014–2015 Academic Year]. Available at: <http://fobr.ru> (accessed: September 20, 2015). (In Russ.)

References

Amonashvili Sh. A. [Pedagogical Process: Linguo-Humanitarian Fundamentals]. Minsk: Universitetskoe, 1990. 560 p. (In Russ.)

Asmolov A. G. [Optics of Enlightenment: Sociocultural Aspects]. Moscow: Prosveshchenie, 2015. 447 p. (In Russ.)

Borlikov G. M. [Networking Cooperation between University and Partner Schools in Industry-Specific Training: a Case Study of Kalmykia]. Elista: Kalmyk State University, 2015. 96 p. (In Russ.)

Darzhinova S. V., Pitkieva T. I. Networking cooperation as an innovative component of spiritual and moral education. *Scientific Thought of Caucasus*. 2014. No. 4. Pp. 130–136. (In Russ.)

Dendeber I. A., Dendeber S. V. [Introduction of New Generation Standards in Education: Adapting Teaching Staff to Innovations]. Manual. Moscow: Perspektiva, 2012. 152 p. (In Russ.)

Illarionova L. P. Shaping the spiritual culture of a teacher within permanent pedagogical education system. *Pedagogical Education and Science*. 2002. No. 3. Pp. 10–14. (In Russ.)

Karakovsky V. A. [Becoming a Human: Universal Human Values as Basis of Comprehensive Educational Processes]. Moscow: Novaya Shkola, 1993. 80 p. (In Russ.)

Mudrik A. V. [Social Pedagogy]. V. A. Slastenin (ed.). 3rd ed., rev. and suppl. Moscow: Academia, 2000. 200 p. (In Russ.)

Serikov V. V. [Personal Approach in Education: Concept and Technology]. Volgograd, 1998. 255 p. (In Russ.)

УДК 316.34; 331.5

ББК 83.2

РЫНОК ТРУДА КАК СРЕДА УКРЕПЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ *The Labor Market as the Basis for Social Stability*

*А. Б. Черных (A. Chernykh)*¹

¹кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Иркутского государственного университета путей сообщения (Ph. D. of Sociology, Associate Professor of the Chair of Management at Irkutsk State University of Railway Transport). E-mail: antonina_komar@mail.ru.

В статье рассматриваются социальные процессы современного регионального рынка труда. Описываются основные тенденции и структура существующей миграции, а также ее основные качественные характеристики. Автором проведено исследование социальных и культурных ожиданий мигрантов, описываются некоторые аспекты возможной социальной напряженности. Анализируется влияние трудовой миграции, имеющей особые качественные характеристики, на рынок труда регионов; прогнозируется развитие трудовой миграции. Оцениваются перспективы развития малого и среднего бизнеса в условиях имеющихся особых качественных характеристик трудовой миграции. Автором выдвигаются предположения о влиянии миграционных процессов на социальные тенденции в среде коренного населения. Дается оценка перспективы социальной и культурной ассимиляции мигрантов в среде коренного населения.

Ключевые слова: рынок труда, социальная стабильность, трудовая миграция, ассимиляция, коренное население.

The article examines the social processes taking place in today's regional labor market. It describes the basic structure of the current migration trends and also its main quality characteristics. The author investigated the social and cultural expectations of migrants and described some aspects of the possible social tensions. The article analyzes the impact of labor migration with special quality characteristics on the labor market regions, considers possible development of labor migration. The author evaluates the prospects of small and medium-sized businesses development in terms of particular qualitative characteristics of labor migration as well as offers a suggestion about the impact of migration on social trends among indigenous population. The article contains an estimation of the prospects of socio-cultural assimilation of migrants among the indigenous people.

Keywords: labor market, social stability, labor migration, assimilation, indigenous people.

Введение. Возросший динамизм социальных процессов, культурная экспансия и глобализация оказывают существенное влияние на процессы управления социальной стабильностью в нашей стране. К сожалению, в России пока недостает специальных исследований, посвященных проблемам управления социальными процессами, происходящими на современном рынке труда. Рынок труда характеризуется сегодня не только возросшей динамикой трудовой ми-

грации внутри страны, но и включенностью в общемировую конкурентную систему трудовых отношений.

Следует отметить несколько основных тенденций: во-первых, приток на региональные рынки труда низкоквалифицированной рабочей силы из бывших союзных республик, во-вторых, утечка квалифицированной рабочей силы с рынков регионов и концентрация ее в центральных областях, и в-третьих — выезд работников, имеющих

высшую квалификацию, в поисках наилучших условий занятости за рубежом [Статистические 2015]. На сегодняшний день уже можно вполне говорить о выраженных статистических тенденциях смены качественного состава трудоспособного населения на рынках труда регионов, кроме того, имеющийся миграционный приток не может компенсировать общего количества убыли коренного населения [Малева].

Все это в совокупности создает уникальные условия для специфических социальных процессов, влияющих на общую социальную стабильность страны и регионов. Таким образом, существует настоятельная потребность в своевременных управляющих вмешательствах и дополнительном укреплении социальной стабильности, воспитании терпимого и уважительного отношения к различным вероисповеданиям и культурам, противодействию сепаратизму, деструктивным протестным тенденциям в обществе.

I. Общие положения. Постановка задачи исследования

По данным ФМС России, на рынке нашей страны наблюдается массовая занятость иностранцев именно в неквалифицированном сегменте: доля иностранных работников, занятых в качестве неквалифицированных рабочих, составляет от 30 % (по данным официальной статистики [Статистические 2015]) до 60 % от всех работающих иностранных граждан (по данным опросов работодателей). Необходимо не только статистически фиксировать, но и прогнозировать течение новых социальных тенденций на региональных рынках труда. В данной статье описываются основные направления развития региональных рынков труда, характеризуются социальные процессы, сопутствующие современным тенденциям трудовой миграции, обозначаются зоны возможной социальной напряженности. Согласно социологическим опросам и данным ФМС России, наибольшая доля трудовых мигрантов занята в строительной отрасли. Кроме того, иностранная рабочая сила распространена по территории России крайне неравномерно, в основном концентрация происходит в экономически развитых регионах, таким образом, статистика маркирует основные отраслевые и региональные зоны необходимого социального управления.

II. Особенности применения метода. Новизна. Авторский вклад

На глобализированном рынке труда XXI века трудовая миграция приобретает роль ключевого социально-экономического фактора развития целых стран и отдельных регионов [Черных, Якобсон 2012]. В России трудовые мигранты, с одной стороны, насыщают рынок низкоквалифицированной рабочей силы, занимая нишу низко востребованных специальностей, с другой, по утверждению ряда авторов, способствуют оттоку денег из страны, ухудшают криминальную ситуацию и межэтническую напряженность [Орешкин 2004: 77]. Из минусов трудовой миграции нужно также отметить: размывание этнокультурного баланса, демпинг рынка труда. А одним из главных положительных факторов трудовой миграции можно считать то, что в условиях высококонкурентного бизнеса трудовая миграция — это солидная минимизация издержек, которая помогает предприятиям малого и среднего бизнеса укреплять свои позиции на рынках. Поэтому следует предположить дальнейшее укрепление имеющихся миграционных тенденций.

III. Характеристика исследовательской техники методов анализа, использованных в статье

С учетом отраслевой концентрации иностранной рабочей силы в 2014 г. авторами был проведен опрос иностранных рабочих автором, занятых в строительной отрасли Иркутского региона. Целью опроса явилось исследование умонастроений, процессов ассимиляции, адаптации и выявления возможных тенденций социальной напряженности. В результате обработки выявилось следующее. Все опрошенные положительно и с интересом отнеслись к исследованию. В группе исследуемых, отобранных методом простой вероятностной выборки, абсолютное большинство относится к тюркским народам Карлукской (юго-восточной) подгруппы. Все 100 % опрошенных отметили, что покинуть родину им пришлось по причине низкого заработка. (По словам рабочих, оплата труда в России превышает оплату аналогичного труда на родине примерно в 7–10 раз). По возрастному составу большинство работников (45 %) — это люди до 22-х лет, а работников старше 37 лет оказалось всего 10 %. Из чего можно сделать вывод о том, что на заработки отправляется в основном активная пассионарная моло-

дежь, которая в принципе может составлять основу националистических и религиозных деструктивных новообразований. Все опрошенные трудовые мигранты — приверженцы ислама. На период работ на территории России опрошиваемые отметили, что не могут в полной мере отправлять свои религиозные надобности (не имеют возможности соблюдать некоторые религиозные посты, совершают всего два вместо положенных пяти намазов) и достаточно редко (по их словам, всего два раза в год, на крупные религиозные праздники) могут посещать мечеть.

К вопросу о культурной ассимиляции: следует отметить, что все опрошенные лояльно относятся к вероисповеданию их сослуживцев, приверженцев других религий, социально-психологический климат в трудовом коллективе доброжелательный, и выраженной напряженности не наблюдается. При ответе на вопрос: «Часто ли Вы встречаете негативное отношение россиян к Вам?» — только 3 % ответили положительно, а 79 % респондентов отметили доброжелательное отношение местного населения.

Большинство (56 %) опрошенных работают в России до 5 лет, а 28 % опрошенных имеют уже стаж работы до 10 лет. Согласно результатам опроса, в более чем 90 % случаев трудовые мигранты приезжают в Россию на срок от 9 до 12 месяцев, после этого уезжают домой на 1–2 месяца и возвращаются обратно. Все чаще повторяется ситуация, когда гастарбайтер приезжает на 2–3 года, заводит в России вторую семью, но при этом продолжает сохранять тесные связи с национальной общиной и материально содержит семью, оставшуюся на родине. Этот факт указывает на хороший уровень адаптивности мигрантов и в то же время не дает оснований переоценивать глубину их ассимиляции в новый социум.

Согласно результатам опроса, практически все респонденты ответили, что стремятся соблюдать законы страны, поскольку легальное положение дает более широкие возможности заработка и защищает от возможности депортации за незаконную трудовую деятельность с запретом на повторное возвращение. По словам руководителей бригад, все работники с большим уважением относятся к законам Российской Федерации и очень боятся быть депортированными на родину с последующей потерей выгоды от трудоустройства.

Довольно острым, с точки зрения возможности возникновения протестных движений и социальной дезадаптации трудовых мигрантов, является вопрос достаточности их квалификации для поиска мест трудоустройства. На вопрос: «Хватает ли Вам квалификации для успешной работы в России?», — большинство респондентов ответило положительно. Все опрошиваемые владеют основами русского языка, а в старших классах школы получили начальные профессиональные навыки. Следует отметить, что среди опрошенных не оказалось ни одного человека, имеющего высшее специальное образование. Возможности получения образования на территории России респондентами не рассматриваются. И тем не менее более 30 % опрошенных рассматривают Россию как постоянное место своего жительства в будущем, а 59 % не планируют менять гражданство. На вопрос: «Как Вы отнесетесь к тому, что ваши дети переедут на постоянное место жительства в Россию?», — положительно ответили 52 %. На вопрос: «Как Вы отнесетесь к тому, что Ваши дети (или внуки) изменят своим религиозным предпочтениям в результате переезда на постоянное место жительства в Россию?» — большинство респондентов ответили, что хотели бы сохранить культурную и религиозную принадлежность своей семьи к обычаям своего народа и поддерживать традиционные ценности.

IV. Результаты исследования. Направления практического использования

В целом по результатам опроса следует отметить общее дружелюбное отношение респондентов, чувство благодарности к принимающей стороне и интереса к русской культуре, хотя круг общения респондентов с постоянными жителями региона ограничен пределами предприятия работодателя. Опрошиваемые респонденты покидают строительную площадку только для встреч с национальной общиной и для посещения мечети. С русским населением практически не контактируют. Так что говорить о положительной ассимиляции приезжих пока рано, но некоторые тенденции уже наметились. Как было упомянуто выше, стали все чаще повторяться примеры гражданских браков между трудовыми мигрантами и жительницами Иркутского региона, особенно характерна такая ситуация для села.

Трудовых мигрантов не пугают тяжелые условия труда, для них мало значим параметр престижности работ. Они работают по 10 часов в день, 28–29 дней в месяц, получая заработную плату в полтора раза ниже, чем у их российских коллег. В настоящий момент трудовые мигранты не могут составить конкуренцию на рынке труда коренному населению региона в силу подавляющего числа людей с низкой квалификацией и занимают ту нишу, в которой граждане Российской Федерации работать не стремятся. Представители же бизнеса стремятся использовать труд мигрантов, поскольку это позволяет значительно увеличить скорость производства строительно-монтажных работ и снизить себестоимость квадратного метра жилой или производственной площади. Сложные виды работ в строительной отрасли, где нужны специализированные знания, как, например, монтаж инженерных сетей, преимущественно выполняют бригады, состоящие из граждан Российской Федерации.

Заключение.

Следует заметить, что тенденция использования низкоквалифицированной и

дешевой рабочей силы трудовых мигрантов в последующее время сохранится. Вместе с тем происходит постепенное укрепление законодательной базы, касающейся вопросов миграционной политики. Происходит закрепление трудовых мигрантов с последующим получением ими гражданства. Все эти процессы в дальнейшем могут повлиять на качественный состав населения регионов по национальному и религиозному признаку. Социальные технологии ассимиляции трудовых мигрантов позволят закрепить на территориях проживания семьи сегодняшних приезжих, получить гражданство и образование, если не самим рабочим, так их детям. Традиции многонационального государства, терпимого и уважительного отношения к различным вероисповеданиям и национальностям продолжают быть достаточно крепкими и на сегодняшнем этапе жизни России. Предпосылки возникновения социальной напряженности тем не менее сохраняются. Органам социальной поддержки, государственной и региональной власти следует использовать уже известные и разрабатывать новые социальные технологии укрепления социальной стабильности.

Литература

- Малева Т. Миграции и российский рынок труда [Электронный ресурс] // URL: http://www.eabr.org/general/upload/Maleva_Tatyana_Migracii_i_rossiyskiy_rynok_truda.pdf (дата обращения: 05.08.2015).
- Орешкин В. А. Россия и международная миграция трудовых ресурсов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. № 3. С. 74–80.

- Статистические данные ФМС России: сайт. М., 2015 [Электронный ресурс] URL: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/> (дата обращения: 05.08.2015).
- Черных А. Б., Яковсон А. Я. Менеджмент и маркетинг на рынке труда: модели и методы // *Современные технологии. Системный анализ. Моделирование* № 1 (33). 2012. С. 243–252.

References

- [Federal Migration Service of Russia: Statistical Data]. Moscow, 2015. Available at: <http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/> (accessed: August 5, 2015). (In Russ.)
- Chernykh A. B., Yakobson A. Ya. Management and marketing in labor market: models and methods. *Modern Technologies. System Analysis. Modeling*. 2012. No. 1 (33). Pp. 243–252. (In Russ.)
- Maleva T. [Migrations and Russian Labor Market]. Available at: http://www.eabr.org/general/upload/Maleva_Tatyana_Migracii_i_rossiyskiy_rynok_truda.pdf (accessed: August 5, 2015). (In Russ.)
- Oreshkin V. A. Russia and international workforce migration. *World Economy and International Relations*. 2004. No. 3. Pp. 74–80. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ / REVIEW

Максимов К. Н. Рец. на: *Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография / под редакцией Г. Г. Матишова, И. О. Тюменцева; Южный научный центр Российской академии наук; Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»* – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 624 с.

Maksimov K. N. Review on: *Essays on the history and culture of the Southern Russia Cossacks: collective monograph. Edited by G. G. Matishov, I. O. Tyumentsev; Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences; Volgograd branch of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation"* – Volgograd, FSBEI HPE "the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation". Publ., 2014. 624 p.

Опыт нашего времени «возрождения казачества» диктует настоятельную необходимость изучения истории и осмысления культурной модели казачьих сообществ на различных этапах их развития в крупном геополитическом пространстве, каковым является Юг России. Казачество в этом регионе, являясь активной и надежной военной, социально-политической силой и опорой, сыграло огромную роль в обустройстве южных рубежей государства, а его менталитет, толерантность способствовали здесь интеграции народов разных национальностей и разных конфессий.

Рецензируемое издание, осуществленное под руководством академика Г. Г. Матишова и профессора И. О. Тюменцева, посвящено проблемам истории и традиционной культуры казачества Юга России. В его очерках, объединенных общей темой, рассматриваются наиболее актуальные вопросы формирования казачьих сообществ на Дону, Тереке, Кубани и Нижней Волге, а также история развития их культуры в контексте социокультурных трансформаций, которым подверглось казачество на протяжении всей своей истории. В книге особое внимание уделено участию казаков в защите южных рубежей, безопасности и интересов России. Издание представляет коллективный труд ведущих специалистов Юга России, занимающихся исследованием ключевых проблем казачества региона. Оно является продолжением серий фундаментальных работ по казачьей проблематике, изданных Южным научным центром [Дон-

ские казаки 2013; Казачество Юга России 2006, 2008, 2010].

В данной работе известные ученые Юга России, опираясь на труды предшественников, обобщили научные итоги своих исследований в области казачьей истории и культуры за последние тридцать лет. Ценность ее заключается в том, что она изложена в виде жанра очерков, позволяющего определить наиболее актуальные темы казачьей истории и культуры в их взаимосвязи и развитии. В связи с этим структура коллективной монографии состоит из двух частей: первая посвящена проблемам истории, вторая — традиционной культуре казачества Дона, Терека, Кубани и Нижней Волги.

В статье «Формирование казачьих сообществ на Дону» профессор Н. А. Мининков в отличие от других авторов первого очерка «Вольное и служилое казачество Юга России в XV–XVII вв.» обстоятельно проанализировал историографию проблемы происхождения казачества. Рассмотрев основные версии и гипотезы о времени и субъекте происхождения (о кавказском, русском и др.), отраженные в историографии XVII–XVIII веков, XIX – начала XX вв., эмигрантской, советской, зарубежной, он выделил три концепции возникновения казачества: в эпоху Позднего Средневековья от населения Московского государства; Раннего Средневековья от черкесов и в этот же период от русских. Все же автор, на мой взгляд, правильно отмечает, что «по проблеме происхождения казачества остаются не вполне ясными не-

которые вопросы, которые в перспективе могут стать объектом исторического исследования” [Очерки истории и культуры казачества 2014: 18].

Автор на основании весьма авторитетных источников, подкрепляя имеющимися мнениями в литературе, отмечает, что нахождение русского населения на Дону прослеживается еще в период княжения Святослава (вторая половина X века), а формирование казачьих сообществ на Дону берет свое начало с конца XV – начала XVI вв. Объединительный процесс донского казачества в единое Войско Донское завершился во втором десятилетии XVII в. Войско Донское, с его точки зрения (атаман Корнилий Яковлев и его сподвижник Михайло Самаренин от имени казаков), присягнув на Кругу в августе 1671 года на верность царю Алексею Михайловичу, полностью закрепились в составе Российского государства на принципах внутреннего самоопределения. С этого времени оно лишилось статуса субъекта международного права, но, как отмечает Н. А. Мининков, у него сохранялось право сношений с калмыками. Но здесь следует добавить, что это “сношение” было необходимо “для того, чтобы они, калмыки, по-прежнему с нами, атаманы и казаки, царскому величеству служили”. В это время Калмыцкое ханство, добровольно вошедшее в состав России, являлось ее субъектом в том же статусе, что и Войско Донское. Поэтому не случайно между ними установился прочный военный союз в борьбе за упрочение южных рубежей, защиту безопасности и интересов России.

В статьях этого же очерка профессор С. А. Голованова («Гребенские и терские казаки (вторая половина XVI–XVII вв.)») и доцент Е. В. Кусаинова («Вольное и служилое казачество в Поволжье в XVI–XVII вв.»), изучив источники и проанализировав историографию, пришли к выводу, что известия о нахождении вольных казаков на Тереке и Волге относятся к середине XVI века. Однако С. А. Голованова справедливо отмечает, что “до настоящего времени остаются спорными вопросы не только о времени появления казачества на Тереке, но и территории первоначального поселения, а также степени самостоятельности гребенских и терских казаков” [Очерки истории и культуры казачества 2014: 27]. Здесь же она, рассматривая географический фактор в самоназвании “гребенских казаков”, пред-

полагает, что с выходом России на берега Терека и соприкосновением с вольными казаками (гребенскими и низовыми терскими) они были восприняты как единое целое и стали упоминаться под общим названием – терские казаки.

В связи с отсутствием проблем в вопросах появления и расселения казаков на Волге Е. В. Кусаинова большую часть своей статьи посвятила взаимоотношению волжских казаков (выходцев из Дона) с соседними народами, участием их совместно с донскими казаками в упрочении южных и юго-восточных границ Руси, в борьбе с Турцией, Крымским ханством, ногайскими улусами, освоении Поволжья. Она, опираясь на работу А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» (М.: Л., 1948), уделила внимание также взаимоотношению донских казаков с калмыками (Калмыцким ханством). В этом вопросе, как мне представляется, следовало бы учесть то время, когда эта книга была написана и издана. В это время калмыки были репрессированы и депортированы, история народа подвергалась деформации. Поэтому опус А. А. Новосельского, приписывающий калмыцкому народу агрессивный характер, не лишен идеологического налета того времени. Основная причина в сложившихся сложных взаимоотношениях между казаками и калмыками в конце 70-х годов XVII столетия заключалась в укрывательстве и отказе казаков возвращать в ханство беглых калмыков на Дон. Профессор Н. Н. Пальмов писал: “Беглые калмыки находили покровительство у казачества, и на этой почве больше происходили крупные столкновения Аюки с казаками” [Пальмов 2007: 216].

Хотя царская администрация противоречия между калмыками и казаками считала “мимошедшими ссорами”, все же в напряженной обстановке на юге страны ей пришлось вмешаться и приступить к улаживанию их взаимоотношений. По поручению царя Посольский приказ, в ведении которого с 1623 г. находилось Войско Донское, настойчиво предложил князю К. М. Черкасскому и стольнику К. Козлову, руководству Дона (с грамотой был послан Иван Маслов) примирить калмыков с донцами, убедить казаков, чтобы они “с калмыками ссор и задоров не чинили и войною на них не ходили”. Вслед за этим же последовал 31 июля 1677 г. строгий царский указ, адресованный

донским казакам, “о принятии мер на прекращение своевольных нападений со стороны казаков на калмыков и о том, чтобы казаки жили с последними в мире и совете”, поскольку калмыки “у нас, великого государя, в вечном подданстве” [Акты 1891: 97–98].

Не совсем понятно утверждение Е. В. Кусаиновой о том, что хан Аюка в 1678 г. отказал князю К. М. Черкасскому участвовать в походе на Крым. Между тем известно, что в августе 1678 г. на Чигиринских высотах калмыцкие отряды в количестве 5 тыс. человек воевали в составе армии под командованием князя К. М. Черкасского. Украинский гетман И. Самойлович, описывая ход военных действий под крепостью, отмечал: “Князь Каспулат Муцалович Черкасский... с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей стояли мужественно, как им воинская храбрость повелевала, и за то достойный суть похвалы” [Бронеvский 1834: 194].

Вызывает большое сомнение утверждение данного автора о том, что хан Аюка отказался участвовать в походе, поскольку он в апреле 1678 г. отправил своих послов в Азов для заключения мира и дал аманатов. Шертная запись, данная 15 января 1677 г. ханом Аюкой и тайшой Замсой царю Федору Алексеевичу, внесла принципиальные изменения в статус Калмыцкого ханства. Впервые хан лично дал клятву “быть под Самодержавною и Государскою высокою рукою в вечном подданстве, навеки неотступным”. В соответствии с данным положением, в шертной записи фиксировалось, что Калмыкия вступает в “совершенное повиновение Российской державе” и ее правитель будет “грамоты принимать встав и сняв шапку, с великою честью”, а также “Его Государское повеление во всем исполнять” [ПСЗРИ: 80, 81, 84].

Кроме того, этим правовым документом существенно ограничивались внешнеполитические связи Калмыкии, вводился строгий контроль за ее внешними сношениями. Отныне правитель ханства обязан был докладывать российскому царю о чужеземных послах, посланниках, посредниках, прибывающих к нему, о содержании полученных писем, посланий и “безо всякого мотчанья... те присланные письма посылать к Великому Государю”, а послов “отпускать их и листы писать с Его Государского повеления” [ПСЗРИ: 82]. Так что навряд ли при таких условиях калмыки могли

заключить союз с азовцами и ногайцами и вместе с ними, как пишет Е. В. Кусаинова, участвовать в нападении на русские земли. Между тем В. Б. Бронеvский отмечал, что в военных баталиях русско-турецкой войны (1677–1681 гг.) активно действовали значительные силы калмыцких конников.

Первый очерк завершается статьей профессора И. О. Тюменцева, где анализируется участие казачества в событиях Смутного времени в России в 1604–1619 гг. Автор, являясь крупным специалистом по этой проблематике [Тюменцев 2008], основательно и убедительно показал важную роль вольного казачьего войска в деле спасения страны от захвата ее иноземцами, возведении Михаила Романова на царский престол, восстановлении российской государственности.

Второй очерк «Казачество Юга России в XVIII – первой половине XIX в.» начинается статьей (“Донское казачье войско в XVIII – первой половине XIX в.”) профессора А. И. Агафонова, известного казаковеда. Автор, положив в основу структуры статьи предметно-тематический признак, дал подробные сведения о территории, численности, социальном и этноконфессиональном составе населения Дона, хозяйственной его деятельности. Проблемы организации управления и военной службы донских казаков им рассмотрены в контексте процесса создания и укрепления в России абсолютной монархии, централизации власти. Сделаны вполне основательные выводы, что в результате поэтапных административных и военных реформ, реорганизации церковного управления, проведенных на Дону, Войско Донское было постепенно интегрировано в единоподчиняемую систему Российского государства.

Однако один штрих, выделенный автором в выводе статьи о том, что “со времени возникновения донское казачество постоянно подвергалось нападениям... калмыков” [Очерки истории и культуры казачества 2010: 95], не совсем соответствует истине. Во-первых, калмыки, как известно, появились в низовьях Волги лишь в 30-х годах XVII столетия, а в 40-х установились первые контакты с донскими казаками. Во-вторых, во всех войнах XVIII – первой половины XIX в., которые пришлось вести России, вместе с казаками принимали участие и калмыки [Максимов, Очиров 2012].

В статьях докторов исторических наук Д. В. Сень и Н. Н. Великой, историков

Б. Е. Фролова, В. А. Колесникова, А. В. Курешева и И. В. Торопицына, вошедших в этот же очерк, освещена история появления казачества на Кубани и Кубанского (ханского) казачьего войска, интеграции терского казачества в общее правовое, административное и экономическое пространство России, формирования и боевых действий Черноморского казачьего войска, Кавказского линейного казачьего войска и Волжского казачьего войска. Заслуживают интерес сведения И. В. Торопицына о службе крещеных калмыков с астраханскими казаками, о тесном общении волжских казаков и калмыков.

В третьем очерке освещается история казачества Юга России в период реформ второй половины XIX – начала XX в., когда происходил процесс трансформации в хозяйственной, социальной структуре, общественно-политической жизни казачества, а также активной его интеграции в социально-экономическое, военное и правовое пространство Российского государства. При рассмотрении военной службы донских казаков, А. А. Волвенко, на мой взгляд, следовало бы отметить участие 4-й Донской казачьей дивизии (командующий — генерал-майор М. Н. Телешов) и 3-го Донского артиллерийского дивизиона (командир — полковник Н. М. Кузнецов) в Русско-японской войне, в смотре и проходах их на Дальний Восток принимал участие император Николай II.

Известный специалист по истории Астраханского казачьего войска, И. В. Торопицын почему-то не упомянул вхождение астраханских калмыков в состав казачества, официальное оформление которого состоялось на съезде Большого войскового круга Астраханского казачьего войска в сентябре 1917 г. Это событие астраханским атаманом генералом И. А. Бирюковым было воспринято положительно. В заключительной речи им было сказано: “С калмыками нам не впервой служить плечом к плечу. Мы 50 лет служили вместе на охранных постах, начиная с Гурьева на Ахтубе и Волге и кончая Узеньями. Теперь калмыки вновь хотят объединиться в службе на благо родины с казаками, и нам ли их отталкивать?” [Очиров 2006: 176].

В очерке «Революции и Гражданская война в судьбах казачества Юга России» участие казаков в Первой мировой войне показано обзорно, с опорой в основном на

имеющиеся исследования. Учитывая привлечение в этой войне мирового масштаба значительных сил военных частей казачества, а также наличие документальных источников в архивах, составителям данного издания, может быть, необходимо было каждое казачье войско выделить в отдельную статью. Имеющиеся документальные источники свидетельствуют, что только в течение 1914–1916 гг. Георгиевскими кавалерами стал 181 донской казачий офицер. Донские казаки заслужили 40375 Георгиевских крестов и медалей, в том числе калмыки-казаки – 1100 таких же знаков воинской доблести [РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30].

В этом же очерке помещены статьи профессоров В. П. Трута и А. В. Венкова — достаточно основательные, дающие полное представление о позиции, месте и роли казачества в годы революционных событий и Гражданской войны. Казачьи регионы Юга России, превратившись в период Гражданской войны, как отмечают авторы, в обширный оплот для всероссийского антисоветского движения, вступив на путь борьбы с большевиками, потерпели поражение, означившее переломный момент в их истории. Историк О. В. Рвачева убедительно показала, что итог этой борьбы привел не только к физическим и политическим репрессиям и к уничтожению казачества как сословного института, но и к утрате основных элементов, обеспечивавших особое существование казачества в системе российской государственности.

Говоря о роли донского атамана Н. П. Краснова в истории казачества Дона в период Гражданской войны, профессор А. В. Венков отмечает, что “сам Краснов немцев союзниками не считал”. Между тем в литературе бытует иное мнение. В. Г. Гнеушев в своем художественно-документальном повествовании «Полынная слава» (М., 1998), опираясь на протоколы допроса Н. П. Краснова на Лубянке, на его переписку, пишет: “Ошибка генерала, приведшая его впоследствии к трагедии, заключалась в том, что изначально он ориентировался на сотрудничество с Германией”. Далее автор цитирует из протокола допроса Краснова: “Я учитывал, что успешная борьба против большевиков может вестись только при активной помощи со стороны Германии [Гнеушев 1998: 253, 265].

В начале пятого очерка профессор А. П. Скорик проанализировал политику

советской власти в отношении казачества в период социалистической модернизации, где главное внимание обращено на сложную проблему расказачивания. Автор, оценивая социально-дифференцированную позицию большевиков в отношении к казачеству, приходит к выводу, что руководство советского государства придерживалось линии на интеграцию казаков в советское общество путем их вовлечения в хозяйственную деятельность, на военную службу. Рассматривая проблему коллективизации, он правомерно утверждает, что коллективизацию и раскулачивание, в основе которой лежал классовый подход, невозможно отождествлять с расказачиванием. Коллективизация, по его утверждению, не уничтожила казачество, не стерла его культуру, традиции, ментальность.

Завершая статью анализом кампании большевиков «за советское казачество», проводившейся на принципах социально-классового подхода во второй половине 1930-х гг., автор рассмотрел ее как один из этапов в реализации тактического курса советской власти по отношению к казачеству. Он пришел к заключению, что она сыграла положительную роль в признании казаков как особой группы, имеющей свои бытовые и культурные традиции, в составе колхозного крестьянства, а также в использовании в интересах безопасности страны военнo-хозяйственного потенциала казачьих обществ.

В статье «Казачество Юга России в годы Второй мировой войны» этого же очерка доктор исторических наук Е. Ф. Кринко, крупный специалист по истории Великой Отечественной войны, раскрыл эволюцию советской политики в отношении казачества накануне войны и в военные годы. Рассматривая ее как новый политический курс, рассчитанный на использование военного потенциала казачества, автор убедительно показал существенный вклад казачьих частей и соединений в общую победу над фашистской Германией на примере боевых действий. Казаки призывались и добровольно шли на фронт, воевали в составе не только казачьих формирований, но и в частях других родов советских войск.

Некоторая часть казачества, особенно находившаяся в эмиграции, нападение Германии восприняла как возможность использования для продолжения гражданской войны, борьбы с большевизмом. Эти траги-

ческие страницы в истории казачества автор не обошел, объективно показав участие казаков, оказавшихся в силу различных обстоятельств в рядах коллаборационистов, на стороне противника. Представители казачества, воевавшие в годы Великой Отечественной войны и на той, и на другой стороне, конечно, были несоизмеримыми величинами. Е. Ф. Кринко пишет, что в годы войны сражались более 70 казачьих частей и соединений, многие из которых стали гвардейскими.

В статье профессора А. Г. Масалова подняты вопросы восстановления в современных условиях социально-политического статуса казачества, утраченного в годы Гражданской войны и советской власти. В связи с этим им проанализировано начавшееся еще в 1980-х годах в различных формах (землячеств, исторических и т. д.) движение, способствовавшее переходу к следующему этапу — формированию общероссийской системы казачьих обществ, законодательному признанию репрессий в отношении казачества, проведенных советским государством. Новое движение за возрождение казачества на правовой основе привело к включению «реестровых» казачьих обществ в государственный механизм. Однако автор констатирует, что привлечение казаков к государственной службе прекратилось, а его результаты не получили широкого распространения и внедрения. Отсутствие единой программы возрождения казачества, отмечает профессор, процесс реконструкции казачьей социальной общности осуществляется по отдельным идентификационным признакам.

В связи с этим представляется правомерным вопрос, поставленный в названии статьи доцента О. В. Рвачевой, — «Казачество в XXI в.: возрождение традиций или конструирование нового феномена?». Этот вопрос, по всей вероятности, возник у автора, потому что «движение за возрождение казачества создавало ситуацию активного призыва прошлого и его реконструкцию, и это же становилось практически неразрешимой проблемой казачьего возрождения». Ольга Владимировна, рассматривая проблемы восстановления среды обитания казачьих сообществ, в первую очередь уделила внимание вопросу территориальной реабилитации. Здесь же она объективно отмечает, что, несмотря на имеющуюся правовую основу (Закон РСФСР 1991 г. «О ре-

абилитации репрессированных народов»), “возвращение репрессированным народам мест их традиционного проживания, восстановление территориальной целостности, а также национально-государственных образований с самого начала являлось одним из самых труднореализуемых положений закона, имеющих к тому же сильный конфликтный потенциал”. Тем более что советская власть, борясь с казачеством как с контрреволюционной силой, перекроила территории казачества Юга России еще в 1920-е годы. Следует отметить, что в 1920 г. не все калмыки-казаки Дона переселились в Калмыцкую автономную область. В 1930 г. для постоянно проживающих калмыков в Ростовской области был образован национальный район — Калмыцкий, который был упразднен в начале 1944 г. после насильственной депортации калмыков. Однако О. В. Рвачева права в том, что казачье возрождение, начавшееся в Республике Калмыкия в 1990 г., происходило не на территории традиционного проживания калмыков-казаков.

Вполне можно согласиться с автором, что легитимация традиционного казачьего самоуправления является практически неразрешимой проблемой. Конституция РФ (статьи 12, 130–133) определила принципы организации и деятельности органов самоуправления на территории страны. Однако она допускает возможность осуществления местного самоуправления с учетом исторических и иных местных традиций. В этих пределах, как мне представляется, ныне происходит реконструкция внешних атрибутов традиционного казачьего самоуправления.

Автор, обстоятельно проанализировав процесс попытки восстановления специфичной формы казачьего землевладения и землепользования, пришел к объективному выводу, что в современных экономических условиях хозяйственная деятельность казачьих обществ принимает новые формы, не соответствующие традиционной системе хозяйствования.

Убедителен также вывод автора о том, что воссоздать формы организации казачьей военной службы в изменившихся условиях вооруженных сил и их структуры не представляется возможным. Другой вопрос — возрождение в военной традиции

казачества таких качеств, как патриотизм, высокая дисциплина, мужество, ответственность, инициатива, дружба и т. д.

Авторами второй части «Традиционная культура казачества Юга России» являются известные специалисты по традиционной культуре казаков. В их работах широко использованы не только архивные, но и полевые материалы, собранные лично ими в ходе экспедиционных изысканий. Тем самым им удалось представить традиционную культуру казачества в развитии, с учетом тех коренных социокультурных трансформаций, которым подверглось казачество на протяжении всей его истории: от самого зарождения первых казачьих сообществ на Юге России до сегодняшнего дня. Однако авторы, за исключением И. В. Торопицына, не уделили внимание этноконфессиональным группам в составе казачьих сообществ Юга России. Между тем в области Войска Донского в начале XX в. проживало более 30 тыс. калмыков-казаков, отличавшихся бытом и культурой, исповадовавших буддийскую религию, официально признанную и поддерживаемую властями Дона. В калмыцких станицах Сальского округа действовали хурулы (церкви) со своим штатом священнослужителей, освобожденных от несения военной службы.

В целом рецензируемая книга представляет собой уникальный труд по истории казачьих сообществ Юга России. Коллектив авторов, крупные специалисты-казаковеды впервые проанализировали итоги научных разработок в области казачьей истории и культуры за последние тридцать лет, обобщили актуальные знания, полученные их предшественниками, а также результаты собственных исследований. Хотя в статьях очерков имеются повторы, противоречия, различные позиции в освещении тех или иных вопросов истории казачества, коллективная монография является существенным вкладом в изучение проблем казачьей истории и культуры. Ценность данного труда заключается в том, что его авторы не только внесли отдельные коррективы и уточнения в сложившиеся представления о прошлом казачества Юга России, но и наметили перспективные направления научных поисков, которые будут способствовать дальнейшему продвижению в изучении казачьей истории и культуры.

Литература

- Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 97–98.
- Бронеvский В. Б. История Войска Донского, описание Донской земли, Кавказских Минеральных вод. Ч. 1. СПб., 1834. С. 194.
- Гнеушев В. Г. Полынная слава. М., 1998. С. 253, 265.
- Донские казаки: от опоры самодержавия до жертв большевизма (XVIII – XX вв.): заметки на полях истории / Г. Г. Матишов; Рос. акад. наук, Южный научный центр. Ростов-на-Дону, 2013.
- Казачество Юга России: прошлое и настоящее. Вып. 1–3. Ростов-на-Дону, 2006, 2008, 2010.
- Максимов К. Н., Очиров У. Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.
- Очерки истории и культуры казачества Юга России: коллективная монография. Волгоград, 2014. С. 18.
- Очиров У. Б. Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста, 2006. С. 176.
- Пальмов Н. Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007. С. 216.
- Полный свод законов Российской империи. Т. 2, № 672. С. 80, 81, 84.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30.
- Тюменцев И. О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008.
- Maksimov K. N., Ochirov U. B. [Kalmyks in the Napoleonic Wars]. Elista, 2012. (In Russ.)
- Matishov G. G. [Don Cossacks: from Pillars of Czarist rule to victims of Bolshevism, 18th – 20th Centuries. Notes on the Sidelines of History]. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of RAS, 2013.
- Ochirov U. B. [Kalmykia during the Russian Civil War: 1917–1920]. Elista, 2006. P. 176. (In Russ.)
- Palmov N. N. [Materials on the History of Kalmyk People within Russia's Borders]. Elista, 2007. P. 216. (In Russ.)
- Russian State Archive of Military History. Collection 2007. Ser. 1. File 30. (In Russ.)
- Tyumentsev I. O. [Time of Troubles in Russia (Early 17th Century): Movement of False Dmitri II]. Moscow: Nauka, 2008. (In Russ.)

References

- [Complete Collection of Laws of the Russian Federation]. Vol. 2. No. 672. Pp. 80, 81, 84. (In Russ.)
- [Cossacks of South Russia: Historical and Cultural Essays]. Joint monograph. Volgograd, 2014. P. 18. (In Russ.)
- [Cossacks of South Russia: Past and Present]. Vols. 1–3. Rostov-on-Don, 2006, 2008, 2010. (In Russ.)
- [Enactments Related to the History of Don Host and Collected by Major General A. A. Lishin]. Vol. 1. Novocherkassk, 1891. Pp. 97–98. (In Russ.)
- Bronevsky V. B. [History of Don Host. Description of Don Lands and Caucasus Mineral Waters Region]. Part 1. St. Petersburg, 1834. P. 194. (In Russ.)
- Gneushev V. G. [Absinthic (Steppe) Glory]. Moscow, 1998. Pp. 253, 265. (In Russ.)

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Солдаты Победы. Т. П. Поименный список воинов 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Изд. 2-е, перераб. и доп. / сост. П. Э. Алексеева. А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова; отв. ред. У. Б. Очиров. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с. 30 у.п.л.

Второе издание II тома Книги Памяти «Солдаты Победы. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии», переработанное и дополненное, включает поименные списки 3,5 тыс. воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, составленные на основе вновь найденных архивных документов, воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, родственников и других источников. Эта книга — дань памяти всем, кто в суровые годы военного лихолетья в тяжелейших сражениях отстоял честь, свободу и независимость нашего Отечества.

Максимов К.Н. Калмыкия и калмыки на защите Отечества (первая половина XX века). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2015. 348 с. 18, 5 у.п.л.

В книге впервые освещается участие калмыков в русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне в составе донских казачьих военных частей, а также раскрываются вопросы привлечения их на военные тыловые работы. Особое внимание уделяется патриотическому подъему народа многонациональной Калмыцкой АССР, вставшего в дни грозной фашистской опасности на защиту Отечества. Показана огромная помощь, оказанная населением Калмыкии фронту в годы Первой Мировой и Великой Отечественной войн.

Намруева Л.В. Социокультурная модернизация в аграрном регионе РФ (на примере Республики Калмыкия 2000-х годов). Элиста: КИГИ РАН 2014. 166 с. [электронное издание].

В работе на большом фактологическом материале рассмотрены проблемы социокультурной модернизации в Республике Калмыкия. Изучены проблемы модернизационных процессов и этнокультурных традиций региона и их соотношение в исследуемый период. Анализируются вопросы, связанные с уровнем благосостояния, профессиональной занятостью, уровнем образования, уровнем урбанизации, формами проведения досуга; а также проблемы семьи, компетентности в этнической культуре, экологии и др. Работа предназначена для специалистов, интересующихся проблемами регионального развития, последствий модернизационных изменений общества.

Белоусов С.С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в первой половине XX в. (христианские вероисповедания). Элиста: КИГИ РАН, 2015. 236 с. [электронное издание].

В монографии исследуется государственная политика в отношении христиан Калмыкии в первой половине XX в. Автором разработана её периодизация, исследованы формы, методы и сложившиеся практики проведения указанной политики, систематизированы сведения о христианских организациях, действовавших на территории Калмыкии в 1920–1950-е гг. Показана адаптация христианских обществ (православных и протестантских) к резким колебаниям государственной религиозной политики на протяжении первой половины XX в., выработка ими механизмов, обеспечивших их выживание в условиях атеистического государства. Исследование выполнено преимущественно на материалах Государственного архива Российской Федерации, в том числе рассекреченных, Архива Управления федеральной службы безопасности по Республике Калмыкия, Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Астраханской области.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

5 мая 2015 г. в стенах Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН состоялась презентация книги «Они были солдатами. Прокуроры на войне» М.: «Российский писатель», 2015. — 92 с., составителем которой является Б. Дженгуров. Данное издание представляет 3-й том в серии книг, посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, издаваемых по инициативе Западного АО г. Москвы и района Проспект Вернадского. Презентация открылась речью заслуженного юриста РФ, государственного советника юстиции 1-го класса Н. Ц. Хазикова, ознакомившего слушателей с книгой об уроженцах Калмыкии, работниках прокуратуры республики, которые во время Великой Отечественной войны приняли активное участие в достижении Победы над врагом. Среди таких ярких представителей были Т. Ш. Самохин, М. Г. Федичкин, Б. Г. Бадякаев, Б. М. Бамбаев и многие другие прокуроры-фронтовики. Составитель книги Б. Дженгуров отметил, что все работники прокуратуры, принявшие участие в Великой Отечественной войне, достойны глубокого уважения за ратные подвиги, однако приносит извинения всем тем, кто работал в органах прокуратуры после войны и не указан в книге, а также их родным и близким, поскольку у составителя отсутствовали сведения о них.

20–23 сентября 2015 г. в г. Элисте состоялся Международный форум «Буддизм в диалоге культур Востока и Запада: прошлое, настоящее и будущее», в рамках которого проведена одноименная научная конференция, организованная при поддержке Правительства Республики Калмыкия. Организаторы конференции — Центральный Калмыцкий хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни», Институт востоковедения РАН, Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН, Калмыцкий государственный университет, Фонд содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет» и Национальный музей им. Н. Н. Пальмова Республики Калмыкия. Международный форум проводился в рамках юбилейных торжеств, посвященных 10-летию Центрального Хурула (храма) Калмыкии «Золотая обитель Будды Шакьямуни», возведенного под руководством Его Святейшества Далай-ламы XIV и име-

ющего статус культурно-просветительского центра. Конференция объединила ведущих представителей российской и зарубежной научной мысли и стала платформой для углубленного обсуждения результатов буддологических и тибетологических исследований. В научной конференции приняли участие ученые-буддологи с мировыми именами.

22 сентября 2015 г. прошла Всероссийская научная конференция «Азийское мировидение Велимира Хлебникова в аспекте калмыцких истоков творчества Поэта», посвященная 130-летию со дня рождения великого поэта, уроженца Калмыкии. Работу конференции открыла выставка произведений народного художника РСФСР, академика М. П. Митурича и заслуженного художника Калмыкии С. К. Ботиева. В работе научного форума приняли участие известные ученые, в числе которых А. Е. Парнис, литературовед, исследователь русского футуризма, член международного Союза писателей «Русский ПЕН-центр»; А. А. Бурыкин., д.ф.н., д.и.н., в.н.с. Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург); А. В. Зорин, к.ф.н., с.н.с. Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург); Е. А. Александрова, кандидат культурологии, доцент Московского психолого-педагогического университета (г. Москва), Р. М. Ханинова, кандидат филологических наук, зав. кафедрой Калмыцкого государственного университета (г. Элиста), Кукарека Григорий Григорьевич, народный поэт Республики Калмыкия, член Союза писателей Калмыкии «Шинрлт» («Обновление»), Союза писателей России (г. Элиста) и др.

Участники конференции приняли рекомендации: усилить внимание ученых к вопросам изучения наследия великого русского поэта В. Хлебникова; расширить хронологические рамки и следующую конференцию объявить международной; КИГИ РАН собрать и издать труды отца поэта — Владимира Хлебникова. К началу работы научного форума были изданы материалы Всероссийской научной конференции, в которые включены хранящиеся в Национальном музее Республики Калмыкия архивные материалы отца поэта — В. А. Хлебникова, попечителя Малодербетовского улуса Калмыцкой степи.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисунковых подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском языке (объемом не более 10 строк); 2) аннотация на английском языке (объемом не более 500 слов); 3) перевод названия статьи; 4) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 5) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 6) внешняя рецензия на статью; 7) ББК и УДК; 8) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).

INTSTRUCTIONS FOR AUTHORS

The Editorial Board of the Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences accepts for publication manuscripts relevant to the fundamental studies of the Russian Academy of Sciences in the field of Humanities as well as reviews, chronicles, personalia which have not been previously published.

The Journal is in the List of cited scholarly journals and periodicals for publication of the basic scientific outcomes of dissertations for those seeking for candidate and doctor of sciences degrees in the following fields of study (edited on 17.06.2011):

- History;
- Jurisprudence;
- Philology;
- Religious Studies;
- Political Science;
- Philosophy;
- Pedagogy;
- Biology;
- Economics;
- Sociology.

Manuscripts should be submitted in the electronic version in the Word processing format, font: Times New Roman, font size: 14pt. with line spacing 1,5 (all margins: 2,5 cm.), paper size: no more than 0,7 of a printing (author's) sheet. Pictures should be incorporated in the text body with accompanying captions. References are listed in the alphabetical order, pages should be enumerated.

Every article should be accompanied with the following elements: 1) an abstract in Russian (no more than 10 lines); 2) an abstract in English (up to 500 words); 3) translation of the title; 4) keywords (about 20) with translation into English; 5) information on the author: surname, first name, patronymic name (in full); scientific ranks and titles, position including the full name of a chair or department of a research institution; work address and telephone numbers, e-mail; 6) an external review of the article; 7) ББК and УДК; 8) the agreement (two signed copies of the paper version).

The Board of Editors forwards submitted manuscripts for independent review. The Editorial Board's opinion can be different from that of an author. Entries submitted are not returned, editors do not enter into correspondence with authors concerning rejected articles. Reprint of the published in the Journal manuscripts is possible with the Editorial Board's agreement.

Submissions should be sent to the address: 358000, the Republic of Kalmykia, the city of Elista, Ilishkin Street, 8 or to the e-mail: vestnik.kigiran@gmail.com.

The Instructions for authors, Provisions on submitted manuscripts review and the Agreement text are posted on the site of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (www.kigiran.com/article.php?cat_id=8).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

№ 3, 2015

Сдано в набор 28.09.2015. Подписано в печать 03.10.2015. Формат бумаги 60х84 $\frac{1}{8}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,6. Тираж 150 экз. Цена свободная.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Калмыцкий институт гуманитарных исследований
Российской академии наук

Отпечатано в КИГИ РАН
(358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).